В.А. АЛЕКСАНДРОВ
Н.Н. ПОКРОВСКИЙ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

СИБИРЬ В XVII в.

В.А. АЛЕКСАНДРОВ · Н.Н. ПОКРОВСКИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

В. А. АЛЕКСАНДРОВ Н. Н. ПОКРОВСКИЙ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

СИБИРЬ в XVII в.

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

ББК 63.3(2)4
А46

Рецензенты
доктор исторических наук *В. И. Буганов*
кандидаты исторических наук
Н. Д. Зольникова, Н. П. Матханова

Утверждено к печати
Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР

Александров В. А., Покровский Н. Н.

А46 Власть и общество. Сибирь в XVII в.— Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.— 401 с.
ISBN 5—02—029748—8.

Монография посвящена проблеме возникновения и функционирования демократических земских организаций в Сибири XVII в. Рассматриваются крестьянские общинные органы, общины служилых, ямщиков, казачья и войсковая организации в их взаимоотношениях с правительственным воеводским управлением. Яркие картины борьбы сибирского войска, крестьянских общин за свои права позволяют выявить в этих бурных событиях определенную историческую логику. Особое внимание уделяется исследованию политического общественного сознания сибиряков в XVII в.

Книга рассчитана на историков, археографов, а также на широкий круг читателей.

А $\frac{0503020200 - 169}{042(02) - 91}$ 69—91 II полугодие ББК 63.3(2)

ISBN 5—02—029748—8 © Издательство «Наука», 199

Светлой памяти
Зои Васильевны Бородиной

ВВЕДЕНИЕ

Власть в России XVII в. была, как известно, монархической, а общество — сословным. Главные сословия — за существенным вычетом частновладельческих крестьян, холопов и гулящих людей — были представлены на разных этажах механизма государственного управления: власть могла функционировать, лишь опираясь на сословно-представительные учреждения общества.

Наша книга посвящена общественному мировоззрению русского населения Сибири на заключительном этапе истории сословно-представительной монархии в России и в то же время на начальном этапе освоения зауральских земель российскими переселенцами. Хронологическое совпадение этих двух на первый взгляд разнородных по своему существу процессов заставляет, с одной стороны, учитывать внутриполитические и социальные обстоятельства, отразившиеся на мировоззрении отдельных социальных слоев населения, а, с другой стороны, не упустить из виду все то новое, что так или иначе порождалось и утверждалось в сознании переселенцев, создававших свое хозяйство на новом месте. Учитывая особенности хозяйственной и социальной жизни сибирских переселенцев, авторы придерживались общепризнанного в сибиреведении тезиса о единстве судеб европейской части России и Сибири и процессов, протекавших в них после присоединения сибирских земель к Российскому государству.

Современные исследователи истории Сибири уже неоднократно обращали внимание на хозяйственные традиции, приносимые с родины переселенцами, и обстоятельно доказали, насколько они были существенны при освоении сибирской целины, пушных, рыбных и иных местных богатств. В не меньшей степени изучены основные элементы материальной культуры сибиряков (особенно крестьянства)[1] и обоснованно доказана ее общность с культурой об-

щерусской. В том же направлении осуществляются многочисленные исследования духовной культуры. На основании уже имеющихся изысканий впервые стало возможным создание обобщающего очерка, посвященного общественному сознанию крестьян с конца XVI до середины XIX в.[2]

И тем не менее в монографическом аспекте вопрос об общественном мировоззрении переселенцев в Сибирь остается открытым. Достаточно ясно, почему сразу же после присоединения Сибири к России приобрела огромный размах миграция российских крестьян за Урал, не прекращавшаяся затем на протяжении веков. Однако с каким «политическим багажом» они приходили туда и как представляли себе свое общественное положение там и свои взаимоотношения с государственной властью, остается далеко не ясным. Сведения о том, что пионерами освоения Сибири явились уходившие от феодального гнета северорусские черносошные крестьяне, сохранявшие личную свободу, а в своем сознании — «наивный монархизм», слишком общи и мало что дают для понимания организации их жизни на чужбине и побуждений, порождавших бурные события, которыми столь богата была Сибирь на протяжении всего XVII века. Как ни парадоксально, но подробно изученная фактическая сторона многочисленных народных движений того времени и конкретные причины, их вызвавшие[3], лишь помогают подойти к вопросу об общественном сознании складывавшегося сибирского населения.

Общерусское общественное сознание широких масс населения неразрывно связано с общерусским политическим процессом. Поэтому прежде всего следует обратиться к проблеме сословно-представительной монархии в России в XVI—XVII вв., до недавнего времени дискуссионной и, на наш взгляд, все еще заслуживающей внимания. Рассмотрение историографии позволяет заключить, что разрабатывавшаяся советскими историками, особенно К. В. Базилевичем и Л. В. Черепниным, концепция образования централизованного государства на Руси заслоняла вопрос о существовании сословно-представительной монархии. Основное, если не исключительное место в концепции отводилось земским соборам как форме представительства в ее высшем проявлении[4]. В частности, в издававшейся в 1950-х гг. фундаментальной серии «Очерки истории СССР» внимание было уделено политическому объединению русских земель под эгидой московских князей, а не социально-политической организации складывавшейся монархии. Впервые вопрос о сословно-представительной мо-

нархии поставил в конце 1940-х гг. С. В. Юшков. Он рассматривал ее как определенный этап в развитии феодальной монархии, когда на ранней стадии централизованного государства (XVI—XVII вв.) сословное представительство выступало в качестве атрибута государства, обеспечивавшего связи царской власти с дворянством и горожанами[5]. Эта постановка вопроса вызвала возражения К. В. Базилевича, считавшего безосновательным определять форму Русского государства XVI—XVII вв. как сословно-представительную на том основании, что в России, по его мнению, не наблюдалось ограничения сословиями верховной власти. К. В. Базилевич считал более правильным говорить о сословной монархии, в которой сословия служили средством к усилению и централизации государственной системы.

В 1950—1960-е гг. дискуссия о сословно-представительном этапе продолжалась главным образом по инициативе М. Н. Тихомирова, опубликовавшего в 1958 г. статью «Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века». Выступая с резкой критикой работы В. О. Ключевского «Состав представительства на земских соборах Древней Руси», не считавшего соборы сословными представительствами, М. Н. Тихомиров не претендовал на исчерпывающую характеристику темы и рассматривал свою статью лишь как «попытку заново поставить вопрос о земских соборах XVI столетия»[6]. В этой «попытке» он пошел значительно дальше сформулированного заголовка. Отвечая на поставленный им самим вопрос — «каким образом появилась форма сословно-представительного учреждения в России, в данном случае земского собора? Откуда был взят образец для первого собора 1549 г.?», М. Н. Тихомиров писал с далеко идущей научной перспективой: «Ответ на этот вопрос найдем в существовании в России XVI в. прочной традиции сословного представительства»[7]. К сожалению, он не развил свою мысль, лишь сославшись на значение церковных соборов, известных и в более ранние столетия и усиленно действовавших с конца XV в. иногда даже совместно с Боярской думой и представителями служилых людей. Эта посылка была воспринята в дальнейшем А. А. Зиминым, который считал, что на смену удельной системе пришла сословная монархия, в недрах которой к XVI в. «появились соборные заседания (типа церковно-земского собора 1503 г.) — прообраз земских соборов середины XVI в.»[8].

Инициативу М. Н. Тихомирова энергично поддержали и развили также другие историки, в том числе истори-

ки права (Г. Б. Гальперин, В. И. Корецкий, Н. Е. Носов, Р. Г. Скрынников, С. О. Шмидт, А. Д. Горский, О. И. Чистяков и др.), несколько уточнив датировку становления сословно-представительной монархии. В конце своего творческого и жизненного пути Л. В. Черепнин в книге, посвященной истории земских соборов (изданной уже посмертно), изменил свой подход к проблеме. В исследовании «Образование Русского централизованного государства в XIV--XV веках» (М., 1960) он не ставил вопроса о сословном представительстве. В «Земских соборах» счел возможным говорить о прообразе собора в XIII в., который созвал великий князь Всеволод Юрьевич (1211 г.). Дату же первого известного в 'оссии собора 1549 г. Л. В. Черепнин ассоциировал с оформлением сословно-представительной монархии, допуская, что «возникновение сословно-представительных учреждений в общегосударственном масштабе следует отнести к XIII в. Чужеземное иго надолго, вплоть до середины XVI столетия, прервало процесс их развития. Затем процесс возобновился»[9]. Л. В. Черепнин считал необходимым учитывать борьбу различных политических сил на заседаниях соборов, их взаимоотношения с верховной властью и, наконец, инициативу в созыве соборов со стороны царской власти или сословий[10].

Так или иначе, история сословно-представительной монархии рассматривалась сквозь призму деятельности преимущественно земских соборов. Между тем проблемой земских соборов она вовсе не исчерпывается. Всеобъемлющее изучение сословного представительства остается не реализованным, а потому сущность монархии, иерархически как бы олицетворявшаяся лишь на высшем уровне сословного представительстваа, не раскрытой до конца. В деятельности земских соборов отражалась роль сословных представителей в разрешении общегосударственных задач, но оставалась в тени обратная связь между царской властью и сословиями, которую можно заметить, зная значение сословий для функционирования местного управления. Ведь именно на уровне местного управления повседневно проявлялась взаимосвязь между «обществом» и «властью».

Обращаясь к исследованиям последних десятилетий, в которых так или иначе затрагивалось местное управление, можно проследить определенную тенденцию подчинять его историю только проблеме развития централизованного государства и его аппарата. Так, А. А. Зимин, относя к рубежу XV—XVI вв. «строительство общерусского государственного аппарата»[11], политику великих князей

московских в первой трети XVI в. рассматривал в ракурсе подчинения местного управления дворцовым ведомствам с постепенным ограничением функций наместников по уставным грамотам, выдаваемым местному населению, и появлением на местах института городовых приказчиков, вербовавшихся из среды провинциальных детей боярских, что предзнаменовало падение всей феодально-аристократической системы кормлений[12]. Эта схема отражала определенный концепционный взгляд — «именно с конца XV в. начинают оформляться сословия на Руси — феодальная аристократия с ее органом Боярской думой, дворянство и духовенство, крестьянство и посадские люди. Для представителей господствующего класса возникает комплекс прав-привилегий, отраженный как в законодательных памятниках, так и в практике повседневной жизни»[13]. Однако несомненно, что и в более ранние времена, при удельной системе у разных сословных слоев уже сложились представления о собственных правах в управлении, хотя бы на обычноправовом уровне.

Итак, обращаясь к возникновению сословно-представительной монархии и соответствующего ей управления, в частности местного, а отсюда и к общественному мышлению отдельных сословий, следует иметь в виду, что этот тип монархии был этапом на пути возникновения централизованного государства как системы со строго иерархической структурой управления.

В современной отечественной литературе этапность сложения централизованного государства до сих пор остается спорной, что в свою очередь осложняет разрешение ряда задач, в том числе и поставленных авторами настоящей книги. Не вдаваясь в подробный историографический анализ, достаточно сравнить точки зрения таких крупнейших ученых, как М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин, чтобы убедиться не только в имеющихся научных противоречиях, но и в разных подходах к пониманию существа проблемы. Л. В. Черепнин относил образование централизованного государства ко второй половине XV в. и датировал завершение этого процесса 1480-ми гг. Свое внимание он концентрировал на образовании в основном территории государства, кодификации феодального права, изменении положения феодальной верхушки (замена вассалитета отношениями подданства, иммунитетных привилегий феодального землевладения), на централизации суда и управления[14].

Иначе подходил к проблеме централизованного государства М. Н. Тихомиров, анализируя внутреннее состояние России более позднего времени — XVI в. Он сосредоточил свое внимание на особенностях положения не только разных регионов государства, но и отдельных районов и пришел к выводу о их резком отличии друг от друга в политическом, социальном, хозяйственном, юридическом отношениях. М. Н. Тихомиров настаивал на том, что и в XVI в. «централизация существовала только в виде власти великого князя или государя; присоединенные же земли сохраняли старые обычаи, жили своей обособленной жизнью»[15]. Множество территорий, принадлежавших отдельным феодалам, было мало связано между собой единой центральной властью, при бесчисленных феодальных перегородках население многих земель имело разную социальную структуру, сохранялось разное положение феодалов разных рангов и подчиненных им крестьян, а также социальных групп в городах[16].

Подобную оценку процесса централизации в XV — начале XVI в. давал в своих работах 1970—1980 гг. А. А. Зимин. Он писал о необходимости «избавиться от той переоценки степени централизации государственного аппарата в России, которая долгое время существовала в литературе. В самом деле, объединение земель под великокняжеской властью само по себе не означало еще создания централизованного государства»[17]. Несколько позднее А. А. Зимин еще более определенно констатировал, что именно в 1480—1505 гг. перед великокняжеской властью только еще вставали «новые задачи — борьба с пережитками феодальной децентрализации и создание аппарата единого государства» и, несмотря на создание Судебника 1497 г., «черты обособленности отдельных земель в правовом отношении еще долго продолжали существовать в практике судопроизводства»[18].

При таких хронологически разных оценках процесса создания централизованного государства не возникал, однако, основной, на наш взгляд, вопрос — какая же степень централизации государства может (или должна) соответствовать сословно-представительной монархии. Без ответа на него трактовка этапов создания такого государства невозможна. Именно в этой плоскости уместно и необходимо взглянуть на всю проблему управления, как центрального, так и местного.

Рассмотренные взгляды на важнейшие взаимосвязанные общеполитические проблемы истории России конца

XV—XVI в. свидетельствуют о сложности подхода к вопросу о сословном самосознании. При давней традиции исследования истории феодального класса и происходивших в нем изменений в Древней Руси, во времена удельной системы и при объединении русских земель в единое государство прослеживается его сословное самосознание на разных этапах истории феодального общества. Значительно труднее в силу источниковедческой сложности исследовать самосознание крестьянства и городского населения. Между тем говорить о сословно-представительной монархии, отвлекаясь от сословной организации этих социальных слоев населения, невозможно. Земские соборы с середины XVI в. и на протяжении XVII в. имели разный социальный состав представителей. Уже во второй половине XVI в. вопросы на соборах обсуждались отдельно представителями разных социальных слоев и началась практика всесословного представительства, от «всей земли», вплоть до городов и сел[19]. Такое представительство возможно было только при наличии на местах сословных организаций, без их существования вообще трудно представить структуру феодального общества.

Автор фундаментального исследования, посвященного становлению сословно-представительных учреждений в России в середине XVI в., Н. Е. Носов определенно утверждал, что система управления не была декларирована правительством сверху, наоборот, она зародилась в недрах самого общества и именно им была навязана правительству[20]. Анализируя решения собора 1549 г. и Судебник 1550 г., Н. Е. Носов не менее определенно утверждал, «что чем сильнее укрепляло свои позиции дворянство, тем настойчивее добивалась политических привилегий посадская и волостная верхушка ("лучшие и середние люди"), рассматривая их как законное и столь необходимое им в новых экономических и политических условиях средство защиты своих классовых интересов», прежде всего право самостоятельно собирать налоги и «творить суд и расправу» на местах силами своего выборного аппарата[21]. Разумеется, чтобы заставить правительство Ивана IV пойти в 1549 г. на собор с «примирением» резко определившихся классовых противоречий, необходимы были сословные организации, сплачивавшие земские миры — крестьянство и посадских людей. Н. Е. Носов с полным основанием констатировал, что исследованием сословно-представительных учреждений в России советская историческая наука заинтересовалась только в 1950—1960-х гг., да и то, как уже

указывалось, лишь в одном ракурсе — истории земских соборов; «что же касается истории земского самоуправления XVI в., то оно до сего времени изучено еще крайне слабо»[22]. Эти слова, сказанные более 20 лет назад, остаются справедливыми доселе. Применительно к истории России XVII в. подобный же вывод был сделан совсем недавно американским историком Брайаном Дэвисом. Представляя англоязычному читателю перевод двух советских работ по истории местного управления, он справедливо подчеркивает: «Как советские, так и западные историки необъяснимым образом пренебрегали изучением истории местного управления в Московии XVII в., хотя оно совершенно необходимо для понимания процессов государственного строительства и их влияния на общественные отношения»[23]. Среди немногих советских исследователей темы Брайан Дэвис справедливо называет А. И. Копанева.

Основываясь на общих выводах Н. Е. Носова, А. И. Копанев подробно исследует поморскую общину-волость XVI—XVII вв.[24] Он характеризует общинное землепользование, «территориальную власть мира», анализирует состав и функции волостного схода Куростроевской волости XVI в., расходные книги и другие документы Совьинской волости XVII в., отмечает «антифеодальный настрой самоуправления». Изучая структуру общинных органов власти XVII в., состав волостных должностных лиц, А. И. Копанев доказывает, что и в XVII в. сохранился выборный характер мирской организации, действовавшей на основе самоуправления и значительной автономии[25]. Хотя последний вывод расходится со взглядами некоторых дореволюционных авторов и представляется сомнительным Б. Дэвису, мы считаем, что А. И. Копанев здесь совершенно прав.

Возвращаясь к основной теме настоящего исследования — о традиции, определявшей общественное мировоззрение русских переселенцев в Сибирь, нельзя пройти мимо наблюдений, сделанных отечественной исторической наукой еще в начале века. Н. П. Павлов-Сильванский, характеризуя общину-волость в XV—XVI вв., писал, что она «была самоуправляющимся союзом с обширной территорией», «имела высшую территориальную власть на все земли, лежавшие в ее границах, как свободные, так и освоенные частными собственниками», «охраняла целость волостной территории и боролась против перехода деревень, пустошей во власть монастырей и других привилегированных крупных землевладельцев»[26]; «...в XV веке мир-

ское самоуправление сохраняло вполне свое древнее значение главной опоры государственного порядка»[27], оно самостоятельно ведало раскладкой и сбором податей, низшим судом и полицией, в лице выборных представителей участвовало в суде княжеских властей и само по великокняжеской грамоте соблюдало порядок административных отношений с присылавшимися кормленщиками (наместниками)[28].

Об этом повсеместно распространенном порядке отношений свидетельствовал и М. Н. Тихомиров. «Конечно, количество черных земель непрерывно уменьшалось,— писал он,— но и в XVI столетии крестьянское землевладение все-таки играло еще большую роль», причем крестьянский мир, даже зависимый от феодала-землевладельца, сохранял свою обособленность и сносился с ним с помощью своего выборного аппарата, старост и сотских[29]. Обращаясь к идеологии черносошного крестьянства XIV—XV вв., Л. В. Черепнин на актовом материале отмечал четыре наиболее заслуживающих внимания момента: 1) признание крестьянами принадлежности земель великокняжеской власти, а свое подчинение ей как гарантию того, что обрабатываемыми землями никто кроме них не может распоряжаться; 2) признание крестьянами земли как своей, волостной; 3) представление крестьян о коллективном характере владения и распоряжения землей и коллективном, общинном отстаивании ее на суде в случаях ее расхищения; 4) убеждение крестьян в том, что великокняжеская власть охраняет в пределах черных волостей общинное крестьянское землевладение, а тем самым и саму общину[30]. В исследованиях А. Д. Горского и Н. Н. Покровского по актовым материалам также прослеживается не только сохранение повсеместно права распоряжения землями крестьянскими черносошными общинами в XIV—XV вв., но и коллективное, общинное отстаивание угодий от феодальных захватов перед княжеским судом; причем в этом судебном процессе крестьяне демонстрировали защиту не только своих, но и великокняжеских интересов, коль скоро они несли свои повинности непосредственно великому князю[31].

Формировавшееся писанное государственное право, во всяком случае в конце XV в., уже учитывало нормы, определявшие положение мирских сообществ и регулировавшие в той или иной степени их отношения с верховной властью и ее представителями. Это право неизбежно учитывало широко бытовавшие обычно-традиционные нормы. Вполне вероятно, что представительство мирских организаций в

местном управлении, узаконенное жалованными грамотами великих князей, судебниками 1497 и 1550 гг., было явлением, шедшим также снизу. Законодательство, упрочившее процесс объединения русских земель вокруг Москвы, свидетельствовало о необходимости взаимосотрудничества местных сословных организаций и великокняжеской власти. Поэтому вряд ли можно императивно датировать возникновение сословно-представительной монархии принятием Судебника 1550 г. Законодательные акты оформляли и укрепляли сложившиеся отношения.

Актовый материал последней четверти XV в. показывает, что черносошные общины вели организованную и подчас небезуспешную борьбу с феодалами за свои земли, опираясь на великокняжескую администрацию. Во время описания земель Белозерского княжества в 1482 г. нескольким черным волостям удалось вернуть земли, захваченные местными монастырями: писец Ивана III М. Д. Шапкин признал правоту крестьянских миров. А. И. Копанев считает, что эта борьба волостей остановила дальнейший рост земельных владений Кирилло-Белозерского монастыря. Сходные случаи имели место в Костромском уезде, Пермской земле и других местах[32].

Еще за столетие до создания Судебника 1497 г. московский великий князь Василий Дмитриевич при неудачной попытке отбить у Новгорода Двинскую землю дал всему местному населению, от «бояр двинских» до «всех своих черных людей», уставную грамоту, гарантировавшую право обращения любого человека к великокняжескому суду в случае злоупотребления кормленщиков — «а над кем учинят продажу силно, а ударят ми на них челом, и мне, князю великому, велети наместнику стати собою на срок»[33]. Обращение с жалобой к великому князю на его администрацию не было нормой вынужденной, порожденной войной. Это право традиционно сохранялось.

Уставная грамота 1488 г., данная от имени великого князя Ивана III населению Белозерского края, еще более широко регламентировала взаимоотношения между органами центральной власти и местным населением. Она была адресована всему населению — горожанам, становым и волостным людям и «всем белозерцам». В ней не только повторялась, но еще более расширялась норма, обеспечивавшая право каждого белозерца жаловаться великому князю на наместников и иных представителей администрации — великокняжеский суд мог состояться по жалобе в срок, определявшийся потерпевшим. На местах устанавливалось

«смесное» судебное разбирательство — наместничий суд был невозможен без общинных представителей. Особый интерес вызывает статья, запрещавшая представителям наместничьего правления без приглашения являться на братчины. (Известно, что братчины представляли собой общинные собрания, созывавшиеся обычно в храмовый праздник, на них во время пира могли обсуждаться и решаться общинные дела.) Тем самым наместничье правление лишалось возможности вторгаться во внутреннюю жизнь общинных организаций (выборность руководства, раскладку податей и т. п.). Кроме того, княжеским представителям — князьям, боярам, детям боярским и вообще «всяким ездокам» (помимо великокняжеских гонцов, имевших при себе грамоты, удостоверявшие их личность и поручение) — запрещалось требовать от городских и сельских жителей «кормов и подвод и проводников». Таким образом население освобождалось от тяжелой подводной повинности. Уставная грамота подробно регламентировала все виды «корма» наместничьему правлению, а также торговых и судебных пошлин, которые собирали и вносили общинные представители, и устанавливала только один срок вызова на суд в Москву любого белозерца[34].

Обычно в литературе все эти нормы трактуются как стремление центральной власти ограничить самовластие наместников. Такое мнение следует признать односторонним, не учитывающим дееспособности общин и их значимости в местном управлении, с чем великокняжеской власти приходилось считаться. По ст. 38 Судебника 1497 г. участие представителей общин в суде кормленщиков подтверждалось — «а без дворского, и без старосты, и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити»[35]. Кроме того, ст. 63, устанавливавшая срок исковой давности неправомочно захваченной земли, предоставляла временной приоритет общинам в подаче иска; во всех случаях, когда возникал спор о земле (между светскими и духовными феодалами, черными и частновладельческими крестьянами) срок иска определялся в три года. Но если речь шла о захваченной великокняжеской земле, которой «владели» крестьянские общины (сельские или волостные), то исковой срок увеличивался вдвое, до шести лет: «а взыщут на боярские или на монастыри великого князя, ино судити за шесть лет, а дале не судить»[36].

С введением с 1530-х гг. на местах губных изб как органов карательного характера важнейшие уголовные дела изымались из компетенции наместников и передавались в

ведение местного дворянства, выбиравшего из своей среды «излюбленных голов» (старост). В черносошных волостях «головами» избирались «лучшие» крестьяне, а на посадах — «прожиточные» посадские люди, т. е. опять же представители сельских и городских общин[37]. Как свидетельствует губная белозерская грамота 1539 г., даже в том случае, когда предписывалось «головами» избирать детей боярских, розыск и суд они должны были проводить вместе со старостами, десятскими и «лутчими людьми» из крестьян[38]. Как свидетельствует ст. 1, грамота была адресована всем слоям населения Белозерского уезда.

Наконец, Судебник 1550 г. явился определенным законодательным итогом общегосударственного утверждения земского управления на местах и ограничения системы кормленщиков. Существующая большая современная литература (прежде всего исследования И. И. Смирнова, С. О. Шмидта, А. А. Зимина, Н. Е. Носова) позволяет акцентировать внимание на наиболее существенных и интересных для нас положениях этого документа. Судебник 1550 г. свидетельствует, что «первоначально речь шла отнюдь не об отмене вообще наместничьего управления, а лишь о повсеместном введении при наместниках и волостелях института выборных судных старост и целовальников, обязанных участвовать в суде в качестве присяжных заседателей — блюстителей интересов посадских и волостных миров»[39]. Далее в результате работы Стоглавого собора развивалась идея «повсеместного внедрения в местное управление земского сословного представительства»[40], в итоге в 1555/56 г. кормления были отменены и введена в общегосударственном масштабе откупная система. Однако затем власть на местах все более переходила в руки дворянских представителей — городовых приказчиков и губных старост[41].

Заключительный этап этого процесса в меньшей степени затронул черносошный Русский Север и его общинные традиции, пронизывавшие жизнь русского крестьянства на протяжении столетий. Земские выборные учреждения, законодательно утвержденные в 1550-х гг., продолжали там существовать и сохраняли широкую компетенцию в самых разнообразных сферах — поземельных делах, промыслах, торговле, суде, поддержании общественного порядка[42].

Итак, первое поколение русских переселенцев в Сибирь приносило с собой не только житейский опыт общинной жизни и артельной организации труда, но и более широкие представления о вековых традициях сословной орга-

низации, ее месте в системе местного управления и роли своего представительства.

Смутное время внесло коррективы в общественное мышление. Вопреки всем последствиям опричнины подтвердилась в общегосударственном масштабе значимость земщины, спасшей отечество от иноземного разбоя. Как социальная группировка необыкновенно усилилось казачество, которое внесло в общественную борьбу свои формы сословной организации и свою атрибутику («круг» и т. п.). Земские соборы, с 1613 г. разрешавшие важнейшие государственные проблемы, упрочивали устои сословно-представительной монархии.

Но XVII век принес и иные новшества. Об одном из них можно судить по ставшему классическим двухтомному исследованию М. М. Богословского «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.» В этой фундаментальной работе М. М. Богословский всеобъемлюще охарактеризовал жизнь крестьянских миров с их сложной структурой, системой выборных органов и многообразием повседневных общественных, хозяйственных и бытовых функций. Он теоретически обосновал понятие сословно-представительной монархии, назвав Московское государство периода середины XVI — середины XVII в. самодержавно-земским и считая, что далее оно превращается в самодержавно-бюрократическое, коль скоро «правительственным орудием, через которое действует в государстве верховная власть, все заметнее становится *бюрократия*»[43]. М. М. Богословский четко обрисовал этот новый элемент управления, воплотившийся на местах в системе воеводской власти, и последствия его развития для судеб мирского начала. Его заключения интересны еще и потому, что он имел основание считать самоуправление на Севере пустившим глубокие корни, наиболее долговечным и прочным[44]. М. М. Богословский пришел к неутешительному выводу о результатах борьбы самоуправления с развивавшейся системой воеводского бюрократического управления. «Под бюрократией,— писал М. М. Богословский,— мы разумеем власть особого общественного класса, для которого занятие управлением за плату в разных сферах и на разных ступенях является специальным промыслом, источником существования»[45]. Сравнивая этот механизм гражданского управления и суда с послушной и исполнительной армейской организацией, исследователь попытался наметить его наиболее характерные особенности. К ним он относил «иерархически построенную систему должностных лиц, основанную на подчине-

нии низших высшим и всю проникнутую недоверием высших к подчиненным», с отчетностью и контролем, обязательными в письменной форме[46]. В воеводской системе он видел гарантию выполнения финансовых требований государства и поступления доходов в казначейство[47]. Наконец, эту же систему он рассматривал как высшую инстанцию для подчиненных ей земских властей, уничижаемых, сугубо исполнительских[48]. Правда, М. М. Богословский отмечал возможность для земских властей обращаться помимо ведома воевод в Москву, но объяснял это лишь «практическими соображениями и удобствами (для центральной власти.— *Авт.*), не отступившими еще перед требованиями бюрократической стройности»[49]. Из данной схемы М. М. Богословского вытекало, что на протяжении XVII в. мирские организации были просто задавлены бюрократией, а их сопротивление лишь изредко прорывалось в жалобах в Москву и беспорядках, вызывавшихся чрезмерными злоупотреблениями воевод. Последний вывод М. М. Богословского наиболее уязвим. Его доказательно оспорил А. И. Копанев на основе богатой документации северных волостей XVI и XVII вв. Он установил, что на Русском Севере процесс бюрократизации местного управления развивался в XVII в. преимущественно на уездном уровне, а волость сохраняла основные черты самоуправляющейся организации[50]. Отношения сословных земских организаций с аппаратом центральной власти и в XVII в. были сложнее, общественно значимее, чем полагалось ранее, а в Сибири к тому же имели свои специфические особенности.

* * *

Итак, непосредственно обращаясь к основной теме своего исследования, авторы считают необходимым акцентировать внимание читателя на общих представлениях о внутриполитической структуре государства.

При монархической власти в России в XVII в. общество традиционно состояло из земских сословных объединений, решавших свои внутренние дела на основе принципов выборности и самоуправления; их члены были связаны общей ответственностью перед государственной властью во многих фискальных, судебных, административных вопросах. Имели свои земляческие объединения дворяне, посадские люди, черносошные крестьяне, приборные ратные люди. Освященный собор выражал в Москве интересы черного и

белого духовенства всех епархий, являясь обязательной составной частью каждого земского собора подобно Боярской думе, включавшей представителей важнейших боярских родов, верхушки дьяческой бюрократии и столичного дворянства.

До сих пор подчас утверждают, что сложившийся в России в XVI—XVII вв. государственный аппарат являлся лишь проводником воли августейшего самодержца, а система правления была разновидностью восточной деспотии. Но такие теории не соответствуют основным реалиям XVII в.

Представляется справедливым высказанный Н. Е. Носовым, Я. С. Лурье, В. Б. Кобриным и Д. Н. Альшицем взгляд на опричнину как на попытку Ивана IV покончить с мощными сословно-представительными традициями в управлении страной, заменив их строем деспотии[51]. Корни сословно-представительной монархии уходят далеко в глубь периода собирания русских земель вокруг Москвы. Эксперимент по замене такой монархии деспотией, предпринятый Иваном IV в годы опричнины, был настолько чужд государственным традициям страны, что мог сыграть лишь деструктивную роль: итогом явился хозяйственный кризис конца XVI в., перешедший в политический кризис Смутного времени. Утраченная национальная государственность и монархия были восстановлены силами земщины в подчеркнутых сословно-представительных формах. Земский собор и в 1613 г. и позднее был отнюдь не декоративным учреждением, а государственный аппарат местного управления мог функционировать, лишь опираясь на мирские земские органы.

Отсюда и немалая роль этих органов в системе государственного управления огромной страной, сложное взаимодействие между приказными, воеводскими и земскими учреждениями. Не только воеводы, но и миры отвечали перед Москвой за ход дел в своем регионе, и повседневное сотрудничество между ними было залогом успеха. Миры активно отстаивали права своих членов, общества в целом, и центральная государственная власть не могла не учитывать их позицию. Обоснованная мирская жалоба на злоупотребления и некомпетентность воеводы приводила, как правило, к его отстранению.

Эта важная система обратных связей опиралась на единство разных сословных организаций, пока его не ослабляли межсословные противоречия. С одной стороны, многие острые вспышки классовой борьбы, включая собы-

тия середины XVII в., были типичными «общемирскими» восстаниями против бояр и воевод, с другой стороны, постепенное усиление начал крепостничества, кодифицированных после восстаний 1648 г. в дворянском Соборном уложении 1649 г., плохо совмещалось с принципами земского самоуправления и предопределяло переход от сословно-представительной к абсолютной монархии. Но сибирская история XVII в. не раз демонстрировала силу и сплоченность мирских организаций, к голосу которых власти вынуждены были прислушиваться и в сравнительно спокойное время, и в периоды частых столкновений.

Поскольку авторов настоящего исследования привлекала в первую очередь область взаимоотношений сибирских миров с местной и центральной администрацией, рассматривались не все стороны деятельности, не все функции общин и властей, а лишь та весьма обширная сфера, в которой их интересы пересекались. Так, вне нашего поля зрения остаются механизмы передачи в общине от поколения к поколению трудовых навыков, традиций, этических принципов; многие проблемы духовной жизни миров затрагиваются лишь попутно. В то же время политические представления сибиряков XVII в. имеют самое непосредственное отношение к нашей теме.

Русские переселенцы, прежде всего северорусские крестьяне, промышленники и пахари, переваливая через Урал, конечно, не думали о процессе создания государства и возникавших перед ним задачах. Разгром Сибирского ханства Ермаком воспринимался переселенцами в свете вековых представлений о борьбе с «татарами», а переселение в Сибирь рассматривалось как давно известное освоение новых угодий, правда сложное и многотрудное. Так или иначе, но во всем этом виделась скорее норма жизни, стимулировавшаяся к тому же социально-экономическими сложностями, тяготевшими над северной деревней, фискальным феодальным гнетом. Попадая в Сибирь, северорусский крестьянин сохранял свои привычные представления о том, что земля принадлежит великому государю, а община — естественный и необходимый орган как в устройстве хозяйственной жизни, так и во взаимоотношениях с государственными властями. Поэтому воссоздание общины на месте нового поселения отражало норму общественного мышления, коль скоро в сознании переселенца, не склонного к робинзонадам, она оставалась компонентом постоянным. Как ни замедленно в экономическом отношении развивались сибирские города, посадская община в

них возникала не без влияния той же нормы мышления. Таким образом, традиции общественной жизни и взгляды на нее переносились в Сибирь. Здесь они не только укоренялись, но и приобретали существенное значение в упрочении принципов сословно-представительного государства.

Одна из основных особенностей общественной структуры в Сибири заключалась в том, что единственной социальной группой служилого населения становилось приборное войско — местного дворянства в Сибири почти не было. Поэтому исследование социальной организации и мировоззрения этой группы населения с ее профессиональными интересами приобретает большую значимость.

Проблема сословно-корпоративной структуры местного общества органически связана с другой проблемой исследования — системой отношений в местном управлении представителей центральной власти с сословными организациями, аккумулировавшими общественное самосознание. В сословно-представительной монархии XVII в. функциональная деятельность и той и другой стороны имела свои особенности. М. М. Богословский верно уловил взаимосвязь между появлением бюрократии в лице воеводского управления и изменением существа феодальной монархии. В сословно-представительной монархии местное управление строилось на сочетании интересов верховной власти и основных сословных слоев населения. На этой основе покоилась подчиненность тяглых слоев населения феодальному собственнику — государству и их коллективная ответственность за выполнение повинностей. Абсолютистская монархия во имя своих интересов и интересов своей опоры — дворянства — в корне меняла эту систему отношений, добиваясь превращения мирских организаций лишь в исполнительные органы. Соответственно должно было изменяться и общественное самосознание всех социальных слоев населения. Однако, чтобы претворить в жизнь эту задачу, абсолютистской власти необходим был сильный и многочисленный аппарат местного управления, а для его создания — немалое время. Согласно исследованию Н. Ф. Демидовой, с 1640-х по 1690-е гг. среднее звено аппарата государственных учреждений выросло существенно — почти в три раза (с 1611 до 4657 чел.). Но ее же подсчеты показали слабость именно аппарата местных учреждений, сохранявшуюся до конца XVII в., так как основная часть этого аппарата концентрировалась не в местных, а в центральном, московском, управлении (из 4657 чел. — 2733)[52]. Видеть же в 1918 приказных людях, разбросанных по всей

России, сложившуюся бюрократию, не имевшую к тому же специальных карательных сил, ни в коем случае нельзя. Отсюда же вытекает уверенность в сохранении общинными организациями своей значимости в местном управлении, при этом остается открытым вопрос о их взаимоотношениях с представителями центральной власти и функциональных возможностях. Для Сибири этот вопрос тем более существен потому, что приборным служилым людям с их социальной организацией местная администрация не могла противопоставить никакой иной вооруженной силы.

Таким образом, обращаясь к проблеме «власть» и «общество» в Сибири в XVII в., представляется первостепенным рассмотреть следующие вопросы: 1) сословные интересы мирских организаций основных слоев русского населения (крестьянства, посадских и приборных служилых людей); 2) симбиоз правительственного начала, воплощенного в лице воевод, повсеместно утверждавшихся в России с конца XVI в., и мирских организаций в разрешении задач местного управления; 3) пути и способы реализации мирскими организациями своих прав и разрешения возникавших задач, а иначе говоря, сословной защиты; 4) значимость для самой центральной власти мирских организаций и их участия в местном управлении.

На этой основе можно реально представить общественное самосознание сибирских переселенцев в эпоху перехода от сословно-представительной к абсолютной монархии. Следует попытаться сделать это на разных, если так можно выразиться, уровнях — в условиях повседневных взаимоотношений мирских обществ с воеводами и в моменты их столкновений, сплошь и рядом доходивших до открытых классовых выступлений. Во время таких столкновений не только много ярче проявляется самосознание, но и вырисовывается «сценарий» событий в зависимости от конкретных задач, которые ставили перед собой мирские организации.

В последние два десятилетия в исторической науке обострилось внимание к идейной стороне крестьянских выступлений в эпоху феодализма, по этому поводу высказывались разнообразные мнения[53]. В 1982 г. в работе, посвященной связи стихийности и организованности в восстаниях крестьян, З. К. Янель отмечала, что любое движение «неизбежно обнажает то, возможность чего в нем содержится заранее, способность к самоорганизации и к выработке собственных форм сознания»[54]. «Известно,— писала она,— что самоорганизация повстанцев тяготеет к тради-

ционным для них формам. Она как бы запрограммирована в доповстанческом самоуправлении. Восставшее крестьянство стремится организоваться по принципам своего "мира", казачество держится за казацкий круг, посадские люди — за вече, за земскую избу и т. д.», а тайные общества, еретические секты, старообрядческие согласия составляют постоянно действующий фактор социального протеста[55]. История сибирских восстаний отражает все эти явления. Но дело не только в этом, ибо до сих пор остаются не ясными не только идейные стремления восставших, но и в принципе общественная позиция сословных сообществ. Как бы широко ни бытовал «наивный монархизм», эта идеологическая «установка» не для всех была приемлемой. Более того, возникает вопрос, за какую же форму монархии стояли сибирские поселенцы не только в моменты социальных потрясений, но и в повседневном сосуществовании мирских организаций. Ответы на эти вопросы имеют не только сибирскую региональную значимость. При всей специфичности общественной жизни сибирских переселенцев принципы сословно-представительной монархии, воплощавшиеся в жизнь царской властью в Сибири, были едины для всего государства, они отражали общеполитический процесс, проходивший в России. Поэтому общественные взгляды сибирского населения не могут быть восприняты как явление сугубо локальное, порожденное только местными обстоятельствами. При таком подходе и проблема антифеодального протеста в целом приобретает более громкое идейное звучание.

*
* *

Источниками настоящей работы послужили в первую очередь материалы деловой переписки, включая мирские челобитные, «грамотки», которыми обменивались отдельные миры, воеводские отписки, государевы указы. Источниковедческая характеристика подобных документов уже дана в примыкающей к настоящему исследованию книге о Томском восстании 1648—1649 гг.[56] Использовались также сведения Сибирского летописного свода, которому посвящена монография Н. А. Дворецкой[57].

Одни и те же конфликтные ситуации рассматриваются авторами настоящей книги в разных ее главах — при характеристике общин, воеводской власти, отдельных этапов борьбы между мирами и воеводами. Поэтому подчас неизбежны некоторые повторения.

Глава I

ОБЩИННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КРЕСТЬЯН И ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ

Российскому крестьянству, стихийно заселявшему Сибирь с конца XVI в., принадлежит основная заслуга в хозяйственном освоении огромной сибирской территории. На протяжении XVII в. оно закладывало основу образованию в таежной и лесостепной части Сибири крупных сельскохозяйственных районов — Верхотурско-Тобольского, Томско-Кузнецкого, Енисейского, Илимо-Иркутского (в верховьях Лены), а также за Байкалом и в Приамурье[1], которые в дальнейшем постепенно сливались в единую сельскохозяйственную полосу. В начале XVIII в. (данные на 1710 г.) при общей численности мужского русского населения в Сибири почти в 158 тыс. чел. крестьянство насчитывало более 80 тыс. чел., почти вдвое преобладая над другой, следующей по многочисленности группой — служилыми людьми. Его основная часть в XVII в. заселяла самые удобные для сельского хозяйства районы Западной Сибири и составляла большинство в Енисейском и Илимо-Иркутском районах[2].

В Сибири XVII в. в условиях все более централизирующегося феодального государства община северорусских переселенцев испытывала воздействие его административного аппарата и последовательно превращалась в низовой орган, ответственный за управление, поддержание правопорядка, выполнение всевозможных повинностей. Но и в этих условиях сельская община сохраняла первостепенное значение социального института, определявшего всю внутреннюю — хозяйственную, общественную, семейную — жизнь деревни.

Историческая наука располагает пока немногими конкретными данными о появлении общинных организаций у сибирских переселенцев в начальный период освоения русскими Зауралья, их функциях, представлениях крестьян об обычных нормах и правах, на основе которых зиждилась повседневная жизнь деревни.

В дореволюционной историографии концепционный взгляд на сибирскую сельскую общину наиболее полно отражен в трудах крупного исследователя-сибиреведа конца XIX — начала XX в., историка и экономиста А. А. Кауфмана. Он, как и некоторые другие дореволюционные исследователи русской общины, полагал возможным говорить о ней лишь применительно к порядкам землепользования. Сельская земледельческая община создавалась, с его точки зрения, только при передельном пользовании землей, которое появилось в результате возраставшего земельного «утеснения». Тогда возникает, писал Кауфман, «тесная соседская связь», «постепенно выкристаллизовывается община-селение, замкнутая вовне и объединенная внутри, совместно владеющая и распоряжающаяся всеми видами угодий»[3]. По мнению А. А. Кауфмана, допередельные формы землепользования отражали лишь процесс формирования земельной общины, а так как в Сибири из-за земельного простора бытовали «неопределенные формы землевладения и вольные формы землепользования», то только к XX в. можно относить процесс складывания собственно земельной общины[4]. Поскольку при земельном просторе население не ощущает надобности в регулировании землевладения и землепользования, то, как утверждал А. А. Кауфман, «неопределенностью отличается и самое понятие общины, и большой вопрос, может ли вообще быть речь при таком положении дел об общине как единице владения и пользования землею»[5]. При этом А. А. Кауфман допускал, что возможно рассматривать общину как «единицу землевладения», потому что она, «освоив известную территорию, резервирует, так сказать, пользование этой территорией исключительно своими членами: их она допускает, посторонних лиц она не допускает до "занятия" земли в черте освоенной ею территории»[6]. Но и при этой оговорке А. А. Кауфман отказывался считать заимочное (захватное) землепользование общинной формой и резко полемизировал по этому поводу с К. Р. Качоровским. Последний право крестьянского захвата земли расценивал как проявление коллективизма, которое отражало равное право каждого крестьянина на землю[7]. В этой полемике А. А. Кауфман подчеркивал: «...пока имеется налицо практически беспредельный простор и господствуют чистые формы захвата общине как единице землепользования нечего делать; жизнедеятельность общины как союза, регулирующего землепользование своих членов, ни в чем не проявляется —

трудно поэтому и говорить о существовании общины и общинного землевладения»[8].

Создавая свою схему эволюционной смены форм крестьянского землепользования — от захватно-заимочной до передельной, А. А. Кауфман абсолютизировал значение этих форм в возникновении сельской общины и, как увидим, безосновательно говорил о крайне позднем ее складывании в Сибири.

В советской исторической науке сельская община характеризуется как дуалистическая социальная организация, с одной стороны, регулировавшая социально-экономическую, семейно- и общественно-бытовую жизнь деревни и поддерживавшая обычно-правовые нормы этой жизни, а с другой стороны, обеспечивавшая поступление феодальной ренты в пользу помещика и государственной власти. При таком понимании возникновение сельской общины на вновь заселяемых землях может быть объяснено целым рядом причин, а не только порядками землепользования, как бы существенны они ни были. Еще в 1960-х гг. в советском сибиреведении было обращено внимание на существование в Сибири уже на первом этапе ее заселения русскими коллективных форм земледельческого освоения. Речь шла о так называемом «повальном» (в разных вариантах — общедеревенском или групповом) землевладении, когда сибирские поселенцы совместно приводили землю в культурное состояние и в зависимости от вложенного труда делили пашню между собой, а потом владели ею по обычному праву либо подворно-наследственно, либо коллективно. Такие сообщества были хорошо известны уже в XVII в.[9]

Приведение земли в культурное состояние было невозможно в индивидуальном порядке, и возникавшие трудовые сообщества отражали процесс складывания сельской общины именно с XVII в. З. Я. Бояршинова в связи с этим справедливо отмечала, что эти земельные сообщества, являясь формой коллективного владения, были вызваны «к жизни хозяйственными соображениями переселенцев и принесенными ими традициями поземельных отношений из районов русского Поморья». Вместе с тем, ссылаясь на непрочность этих объединений у сибирских хлебопашцев, З. Я. Бояршинова не считала их «крестьянскими общинами типа западноевропейской марки». Она допускала возможность на основе бытовавших в XVII в. в сибирской деревне различных форм землепользования — индивидуальных и коллективных — «искать зародыши сельской и деревенской общины»[10]. Более определенно З. Я. Бояршино-

ва судила о сложении административных функций общин в XVII в. В этот период в наиболее освоенных в земледельческом отношении районах Сибири, писала она, начало оформляться деревенское общество — «мир», выборные представители которого были ответственны за поведение крестьян[11].

Наблюдения З. Я. Бояршиновой принципиальны для понимания процесса образования общинных организаций у крестьян-переселенцев уже на стадии первоначального освоения новых территорий. Однако из ее работы складывается впечатление, что организационно-административная необходимость в большей степени стимулировала зарождение общины, нежели хозяйственная, в частности земельная. Как бы ни были неустойчивы некоторые «повальные» объединения, на их основе упрочивались представления о территориальной общности угодий, столь свойственные сельской общине, даже если ее члены держали свои участки на подворно-наследственном праве. Дальнейшие исследования сельского хозяйства и крестьянского землепользования в Сибири подтвердили факты бытования с XVII в. не только коллективных и индивидуальных (подворных) держаний, но и совершенно определенных функций общины в сфере землепользования[12]. В частности, стало известно, что уже с 1620-х гг. земельные угодья новопоселенцам отводились на целую общину, которая потом выделяла своим членам новые участки, когда старые пашни у них оказывались выпаханными[13]. Для понимания истории возникновения общинных организаций в Сибири оказалось важным наблюдение И. В. Власовой о том, что сибирская община «в какой-то степени повторяла тот путь, который прошла община у черносошного населения Поморья гораздо раньше»[14].

Цикл работ М. М. Громыко не оставляет никаких сомнений в разнообразии функций сельской общины в Сибири в XVIII в. — земельной, административно-фискальной, судебной, общественной, духовной[15]. Многосторонняя деятельность сибирской общины в XVIII — первой половине XIX в. была охарактеризована Н. А. Миненко в коллективной обобщающей работе «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма»[16]. Тем самым было подтверждено существование крестьянской общины с ее сложным социальным и хозяйственным дуализмом. Более того, оказалось возможным судить об особенностях ее существования в разных регионах страны в условиях разных форм феодальной зависимости крестьян[17]. Сибирская община генетически бы-

ла связана с поморским (северорусским) типом общинной организации. И на севере европейской части страны, и в Сибири крестьянство существовало в условиях одной и той же формы феодальной зависимости — государственной. Переселявшееся в Сибирь крестьянство, прежде всего северорусское, начинало свою хозяйственную деятельность в ее таежной полосе, сходной по природно-климатическим условиям с Русским Севером. Оно успешно использовало имевшийся опыт хозяйствования, постепенно внося в него необходимые изменения под влиянием сибирской действительности.

Исследования по истории сельской общины в Сибири позволяют судить о ее возникновении, становлении и развитии. Мирская организация в Западной Сибири складывалась у первого же поколения переселенцев. Конечно, далеко не всегда возможно проследить становление тех или иных функций сибирской общины, но их проявление в разных ракурсах жизни деревни не вызывает сомнений. Складывается впечатление, что община как сословная организация обладала разнообразной сферой действия, в которой отражались самосознание ее членов, их представления об общинных и личных правах.

Возникновение общины на первом же этапе крестьянского освоения нового края означало воссоздание ее на основе мирской традиции первыми насельниками региона при поддержке воеводской власти. Немалую роль играли при этом «повальные» объединения крестьян, стихийно возникавшие для совместного приведения в культурное состояние диких сибирских земель[18]. Даже если новое поселение или группа поселений создавались не в ходе стихийной вольнонародной колонизации (этот важнейший процесс плохо фиксируется источниками), а по инициативе властей, последние с самого начала должны были учитывать в своей деятельности мнение представителей зарождавшейся общины. Зачастую уже выбор места и отвод земли под новое поселение лица, уполномоченные на это воеводской администрацией, совершали совместно с будущими крестьянами-общинниками независимо от того, откуда их удалось завербовать.

Вот, например, как представлял себе в 1624 г. порядок создания новой Чубаровской слободы на Нице известный тобольский воевода Ю. Я. Сулешев. Примерное место для поселения было выбрано заранее «по досмотру письмяново головы Микиты Беглецова». Ю. Я. Сулешев приказывал туринскому воеводе С. Д. Апухтину, отправляя ему деньги

для «подмоги» новопоселенцам, «называти за государя пашенных крестьян на Чубарово городище охочих людей». Как только найдутся желающие, им следует немедленно выдать «подмогу» по 12 руб. за каждую десятину будущей государевой пашни, а также рожь и овес на семена. «А дав подмогу, взять по них круговую поруку з записью». Этим формальным актом государство фиксировало и стимулировало создание новой общины, которая тут же привлекалась к участию в дальнейших действиях. Туринский воевода назначал сына боярского, который вместе с крестьянами должен был заняться конкретным отводом земель под дворы, государеву и «собинную» пашню, угодья. «А велети ему с теми крестьяны, приехав на Ницу, на урочище на Чюбарово, рассмотреть усады, где пригоже устроити церковь и около церкви кладбище и слободу, крестьяном под дворы и под огороды и под гуменники и животине на выпуск, чтоб вода и лес были блиско, где б устроити государевы пашни 50 десятин в поле, а в дву по тому ж».

Очень показательно, что известный сибирский администратор предписывает далее туринскому воеводе обязательно использовать при создании слободы ту самую сибирскую и поморскую традицию «повального» введения в хозяйственный оборот новой земли, о которой мы упоминали выше. Иначе как «всем миром» этой трудной задачи было не выполнить. То же относится и к заготовке леса, созданию всех построек слободы: «И велел бы (сын боярский.— *Авт.*) тем крестьяном селитца, и роздал бы им под дворы и под огороды и под гуменники места, и велел бы лес ронити и хоромы рубити и ставити всем крестьяном»[19].

Еще В. И. Шунков убедительно доказал, что крестьянский опыт и инициатива играли немалую роль в земледельческом освоении Сибири, начиная с выбора места под первые поселения волости, под первую пашню[20]. При этом создававшийся крестьянский коллектив рано или поздно вступал в постоянные рабочие отношения с воеводской властью. В приведенной истории создания Чубаровской слободы такие отношения возникли с самого начала, хотя, конечно, как и позднее, в Сибири были и стихийно возникавшие поселения, которым удавалось более или менее долго оставаться вне воеводского контроля[21]. Но зависимость сельской общины от государственной власти означала не только неизбежность несения феодальной ренты, подчинения воеводской администрации. Она означала и «подмогу» деньгами, семенами, тягловым скотом, сошника-

ми и т. д. И что не менее важно в суровом необжитом крае — государственную защиту от возможных насилий и нападений (хотя среди этих насилий вскоре видную роль неизбежно начнут играть насилия самого феодально-административного аппарата).

В 1621 г. к царю обратилась община новоприборных пашенных крестьян, 52 чел., создавших в этом году новое поселение в Верхотурском уезде близ рек Невьи и Сержи. Они не брали денежной «подмоги», но получили льготу на 2—4 года, успели уже распахать «собинные» пашни и начали ставить дворы — все это, видимо, совместными усилиями и без заметного участия воеводской администрации. Крестьяне просили государство лишь о защите от возможных насилий. Царь охотно обещал предоставить просимое, приказав верхотурским воеводам, чтобы они «новоприборных пашенных крестьян велели... от верхотурских наших и иных сибирских служилых и ото всяких проезжих людей, от обид и от насильства оберегати, чтоб их, наших пашенных крестьян и жон их и детей, нихто не бил и не грабил, и насильства и продажи никакова им не чинили». Царская грамота оговаривает далее возможность приселения новых крестьян к этой общине на тех же условиях[22].

Активным участием крестьян сопровождались и попытки властей найти в 1618 и 1622 гг. пригодные для пашни и основания земледельческих поселений места в Пелымском уезде. Оба раза в наказных памятях (кн. Ф. Кондинскому и подьячему П. Степанову) предписывалось привлекать к поискам «пелымских пашенных крестьян». Крестьяне вместе со служилыми, выбирая место, должны были «рассмотрети накрепко подлинно» пригодность его к поселению и пашне, причем удобную для хлебопашества землю «вервью смерить», определить близость воды, наличие угодий и сенных покосов[23].

Интересные обстоятельства возникновения общины ямщиков в 1630 г. в Тюмени прослеживаются по возникшей в этой связи переписке властей Тюмени, Тобольска и Москвы. Община создавалась заново тюменским воеводой в связи с положительным ответом Москвы на просьбу тюменских татар снять с них тяжелую обязанность осуществлять ямскую гоньбу. Воевода должен был завербовать охотников из числа посадских и гулящих людей, бобылей и половников, отвести им большие земельные наделы, выдать государево денежное жалованье и т. д. Но первые же 50 охотников, еще до получения земли и денег, объединившись, вступили в активные переговоры с воеводой о таких

важных деталях организации общины и ямской службы (в пределах выделенной денежной суммы), как число паев, число ямщиков в каждом пае, размер жалованья на пай. Воевода поддержал перед Москвой их предложения, подобрав в воеводском архиве документы о прецедентах[24].

Томские документы 1640-х гг. демонстрируют еще один путь возникновения новой общины — выделение ее из старой по инициативе самих крестьян. На этот путь толкала постепенная стихийная подвижка населения, связанная с растущей выпаханностью близких к Томску полей и увеличением числа крестьян. Так, кроме «подгороднего» томского поля в 30 верстах от города возникло еще одно, позднее названное «спасским» (по названию построенной здесь новой церкви), а близ него — Верхняя слобода на р. Басандайке[25]. Скорее всего, отдельные пахотные избушки (заимки) на отъезжей пашне постепенно превратились в постоянное поселение. Многолетний процесс оформления Верхней слободы в отдельную крестьянскую общину хорошо прослеживается по источникам.

Составленная в апреле — мае 1648 г. челобитная томских пашенных крестьян (один из начальных документов Томского восстания) свидетельствует еще о существовании единой общины. Ее подписывает в числе других выборный староста всех томских крестьян (их было тогда 100—110 дворохозяев) Н. Черевов, хотя в формулах подписей на обороте документа (наряду с отдельными подписями многих жителей этой слободы) уже есть и такая: «Вместо томских пашенных крестьян Верхние слободы, старосты церковнаго Захара Иванова, Микифора Елчигина и во всех детей своих духовных место поп Ипатище по их веленью и руку приложил»[26].

Но уже в середине февраля 1649 г. при очередном челобитье будут перечислены подписи двух «выборных старост» — подгородного О. Евдокимова и спасского Н. Черевова, а также подгородного «выборного целовальника» и спасского церковного старосты[27]. Это же разделение обнаружится и в подписях челобитной 1651 г.— так создается более сложное общинное объединение[28]. Все крестьяне обеих общин выступят в событиях бунта с поразительным единодушием; несмотря на совершившееся разделение, сохранится ощущение общности томского крестьянского мира. В первые же дни Томского восстания будет жестоко избит и арестован воеводский приказчик сын боярский В. Старков и от имени новых городских властей крестьяна-

ми станут управлять, отстаивая их интересы, два разных приказчика — казаки Ф. Лученин и С. Копьев[29].

Система государственной феодальной эксплуатации сибирской деревни и порядок ее административного подчинения власти в XVII в. имели свои особенности. Они заключались в том, что государственная власть для обеспечения провиантом служилых людей и своего аппарата сразу же после присоединения Сибири принудила крестьян-переселенцев выполнять в свою пользу барщинные повинности на десятинных пашнях (или государевых полях), а общий административно-хозяйственный надзор над деревней, ответственность за ее состояние и даже оборону от набегов кочевников возложила на назначавшихся приказчиков, непосредственно подведомственных воеводам. В. И. Шунков, детально исследовавший наказные памяти, выдававшиеся приказчикам при их назначении на должность, подробно описал многообразную деятельность этих представителей государственной власти, низших в административной иерархии и, по его мнению, обладавших огромной властью не только над населением в выполнении ими феодальных повинностей, но и над личностью крестьянина и его собственным хозяйством[30]. Может даже возникнуть недоумение по поводу того, почему северорусские крестьяне, не знавшие на родине ни десятинной пашни, ни приказчиков, массами переселялись в Сибирь и начинали осваивать этот край. Дело в том, что свободы в Сибири было все же больше, чем на запад от Урала. К тому же надо учесть не только многочисленные и хорошо известные факты прямого возмущения крестьян на протяжении всего XVII в. приказчичьим произволом, но и, что, быть может, еще более существенно, активность переселенцев, которые повседневно стойко обороняли прерогативы крестьянского мира. После этого высказанное В. И. Шунковым мнение о почти бесконтрольной власти приказчиков и сугубо подчиненном положении мира, очень редко выступавшего «в качестве защитника интересов крестьянства», представляется односторонним[31]. Отношения крестьянского мира с приказчичьей властью отражали лишь подчиненность сельской общины феодальному собственнику, обязанность отвечать за выполнение феодальных повинностей и обеспечивать феодальную ренту[32]. Имеющиеся данные не оставляют сомнения в активной роли общины в очень разных сферах повседневной крестьянской жизни.

На протяжении всего XVII в. в процессе колонизации феодальная власть вынуждена была поступаться своими

крепостническими устремлениями и сохранять за крестьянином право перемещения по собственному усмотрению и даже изменения социальной принадлежности, но с обязательным замещением тягла, что при постоянном притоке новых переселенцев выполнить было несложно. Эта практика, широко распространенная в первой половине XVII в., в 1670—1680-х гг. была узаконена. При поступлении в крестьяне новопоселенцы давали властям поручные записи, в которых фиксировалось обязательство нести тягло и его не бросать[33]. Надзор за выполнением этого условия должны были обеспечивать не только приказчики, но и представители сельских миров — старосты, целовальники, десятники. Это правило о привлечении мирских представителей к административно-полицейскому надзору отражено, в частности, в наказе красноярскому воеводе И. Бунакову (1652 г.)[34]. Между тем роль «мирских» людей, т. е. общины, в отношении к своим сочленам на практике вовсе не сводилась к такому надзору. Сибирская община в связи с непрекращавшимся потоком новопоселенцев не могла быть замкнутым организмом; она постоянно пополнялась пришельцами, которые или садились на полное тягло или приселялись к какому-либо дворовладельцу, снимая с него часть повинностей. Крестьяне-общинники считали прием подселенцев своим правом, в равной степени, как увидим ниже, и отпуск миром желающих переселиться. Представления об этом праве начали сталкиваться с централизаторскими устремлениями воеводской администрации. Примером тому может служить воеводская память из Верхотурья в Ирбитскую слободу от 30 декабря 1652 г. с выговором приказчику А. Бернадскому о запрещении крестьянам без письменного разрешения воеводы («памяти») принимать к себе подселенцев. Этот случай не имел последствий, и уже в 1670 г. ирбитскому приказчику опять же предписывалось без разрешения верхотурских властей крестьян из слободы «отнюдь не выпускать»[35].

В этих условиях община была заинтересована в том, чтобы новый поселенец нес тягловые обязательства по отношению как к феодальной власти, так и к общине в целом. Из поручных записей складывается реальное представление об общности крестьянского коллектива. Уже в поручных записях 1620-х гг., составленных в Невьянской слободе, привлекают внимание формулировки о том, что новопоселенцы должны помимо десятинной пашни выполнять всякие «государевы изделья», т. е. натуральные повинности, с другими крестьянами «повытно» и оплачивать

всякие «мирские издержки»[36]. Тот же подход к новопоселенцам прослеживается в 1650-е гг. в Невьянской слободе, в 1660-е — в верхотурских селениях, в 1670-е — в Арамашевской слободе и в 1690-е гг. — в Краснопольской слободе, где крестьяне, поручаясь за новопоселенцев, обязывали их всякие «зделья» и «поделки», поборы, службы и ямскую гоньбу служить «с миром в ряд». В некоторых случаях мир допускал льготы и освобождал нового поселенца от мирских служб до тех пор, пока он не начнет нести «государеву пашенную повинность»[37]. Вполне очевидно, что этот порядок существовал повсеместно. Но община, хотя и стремилась сохранить тяглецов, вовсе не считала невозможным уход своих членов, когда у них возникала в том хозяйственная необходимость. В 1633 г. при попытке присланного из Верхотурья письменного головы А. Мартюхина провести сыск крестьян, бежавших из Невьянской и Тагильской слобод, с помощью выборных мирских представителей — старост, целовальников и «лучших людей» — крестьяне заявили: «сыскивать де им у них не про што, да и нечево»; а тагильские крестьяне, добавлял А. Мартюхин в своем донесении, «хотели и побить». То же самое произошло в 1680 г. в Тюменском уезде[38].

При залежно-переложном землепользовании забрасывание выпаханных земель было естественным явлением, против которого община не могла возражать. Она признавала крестьянское право на переселение и освоение новых земель. Но поскольку местная администрация могла переверстать между оставшимися крестьянами десятинную пашню, даже если ушедшие продали свои дворы новоприходцам, община не всегда признавала такой переход. Примером защиты общиной хозяйственных интересов переселенцев могут служить обстоятельства переселения верхотурских крестьян в 1650—1660-х гг. в южную часть Тобольского уезда. Поименная роспись крестьян, переселившихся из Тагильской, Арамашевской, Невьянской, Ирбитской, Усть-Ирбитской, Белослудской, Пышминской и Ницынской слобод, составленная верхотурским воеводой И. Колтовским, свидетельствовала об уходе в эти годы 143 семей. Самое примечательное заключалось в том, что власти рассматривали этих крестьян как беглецов, а по крестьянским воззрениям они таковыми не были. Колтовский, пытаясь вернуть крестьян в свой уезд, в 1666 г. приказал всем приказчикам слобод составить по «сказкам» местных крестьян поименные росписи беглых; оказалось, что оставшиеся крестьяне, во-первых, прекрасно знали, кто из

ушедших и где хозяйствует, а, во-вторых, нисколько не скрывали от властей эти данные и давали свои «сказки» «по святой непорочной евангельской заповеди господни вправду, взирая на Спасов образ перекрестяся». Эти данные поступили из Тагильской, Арамашевской, Невьянской, Ирбитской, Усть-Ирбитской, Белослудской, Пышминской и Ницынской слобод[39]. При этом относительно одного крестьянина жители Усть-Ирбирской и Белослудской слобод сочли необходимым даже сообщить день «бегства» (15 марта 1666 г.) и, так как «побег» совершился менее чем за месяц до составления «сказок», добавили, что ушел он в «тобольские слободы, а про то не ведаем, где жить станет»[40].

Нередко приказчики слобод, откуда воеводы соседних уездов требовали возвращения переселенцев, их не выдавали, опираясь, по всей вероятности, на местные миры[41]. В таких случаях интересы приказчиков и миров в местах новых поселений совпадали.

Во второй половине XVII в. количество выпаханных земель возрастало, усиливались поэтому и крестьянские перемещения. Установление властями круговой поруки за натуральные и денежные повинности создавало для общины трудности в их выполнении. Воеводская администрация требовала, чтобы повинности за переселившихся (беглых, в ее понимании) выполняли или персонально поручители за ушедших или, если таковых не оставалось, мир в целом. Крестьянам-поручителям могло передаваться оставшееся после «беглецов» имущество[42]. Столкнувшись с феодальными тяготами, общины по-разному пытались облегчить свое существование. Так, в 1690-е гг. мир Невьянской слободы во главе со старостой, десятниками и целовальниками отказывался нести повинности за убывших крестьян, ссылаясь на тяготы («не в мочь»)[43]. По-видимому, несколько ранее в Верхотурье была получена челобитная от имени старосты, десятников и всех крестьян Ницынской слободы, в которой они просили, чтобы воеводская власть вернула к ним назад 14 ушедших ранее крестьянских семей, причем, как правило, сложного состава (несколько семейных братьев и т. п.). В челобитной эти крестьяне названы беглецами, но община точно знала местопребывание каждого из них, а потому нет основания думать, что их переселение было тайной для общинников и первоначально вызывало их протесты[44]. Обращение к воеводской власти, в свою очередь, могло свидетельствовать о том, что по крестьянским представлениям, общины и не вправе были требовать от переселившихся возвращения.

Неудивительно, что в конце XVII в. в самом Сибирском приказе (1699 г.) был составлен указ о выборах в каждом селении специальных десятников, которые бы следили за «жилецкими и прихожими» людьми и искореняли пристанодержательство. Основным поводом для этого указа послужила волна восстаний и волнений сибирского населения в 1690-х гг. Но, помимо борьбы с «ворами, разбойниками и татями», авторы указа преследовали и иную цель — прекратить внутренние миграции населения, для чего крестьянам возбранялось выезжать без разрешения десятников из своего селения. Если кто-либо, получив такое разрешение, находился в отлучке более 5—6 дней, десятник обязывался выяснить причину такой задержки. Указ был прислан в Сибирь, разослан по слободам, и на собрании крестьян выбраны десятники [45].

Разумеется, эти крепостнические меры административной власти по прикреплению населения к месту жительства в сибирских условиях было нелегко внедрить в жизнь. Случалось и ранее, что организованные приказчиками погони велись нарочито нерадиво. В 1688 г. приказчик Краснопольской слободы сообщал в Верхотурье, что «погонщики» настигнуть бежавших не смогли и след их потеряли в степи[46]. Этот случай не был единичен. Еще в 1628 г. из Кузнецкого уезда бежала группа пашенных крестьян и служилых. Организованная воеводой С. А. Языковым погоня также была безуспешной. Воеводская отписка, в которой сообщалось об этой неудаче и к тому же преуменьшалось число бежавших, вызвала в Москве крайнее неудовольствие. Воеводу обвинили в понаровке беглым и укрывательстве их, предупредив: «И толко учнет так жить вперед, и он и головы своей не упасет»[47].

Если в XVII в. складывавшееся сибирское крестьянство упорно утверждало за собой право «ухода» и «перехода», то в XVIII в. по мере его стеснения в сознании крестьянства оно трансформировалось в право побега, которое поддерживалось повседневно бытовавшей круговой порукой[48].

Случалось, что общинные власти откровенно саботировали выдачу не только «своих беглецов», но и крепостных крестьян, которых обнаружили владельцы. Примером может служить история крестьянской семьи Мануйловых, бежавшей из Вологодского уезда и добравшейся до Западной Сибири. Эта история тем более интересна, что искал беглецов брат царицы Натальи Кирилловны Иван Кириллович Нарышкин, перед которым центральная и местная администрация была особенно предупредительна. В марте

1676 г. воевода Верхотурья Ф. Г. Хрущев получил через «человека» И. К. Нарышкина Н. Воронцова «государеву» грамоту с указом о сыске бежавших. Воронцов подал воеводе челобитную с точным указанием места жительства беглых и с просьбой доставить их на Верхотурье. Из «мирской деревни» Ложкино два беглеца — отец и сын Аристовы — были быстро доставлены, но дальше начались для Воронцова неудачи. Воевода выяснил, что Нарышкину принадлежали также проживавшие в Пышминской слободе Петр Мануйлов и трое его братьев. Розыск затянулся, и только 1 июля верхотурскому стрельцу Федосу Макарову было приказано привезти Мануйловых на Верхотурье. Это тотчас стало известно в слободе, и «мирские люди» решили по-своему; приказчик Пышминской слободы М. Соколовский должен был с ними согласиться. Чтобы отвести от себя подозрения в пособничестве, Соколовский уехал из слободы. В 15 верстах от Пышмы, на дороге он встретился с Макаровым и сказал ему, что Мануйловы в слободе. Однако после отъезда Соколовского Мануйловы сами тотчас выехали из слободы, и Макаров убедился лишь в том, что избы их были топлены, а дьячок судной избы и местные казаки, вероятно не случайно, в это же время разъехались по заимкам. После этого Хрущев начал розыск, обвинил мирского старосту и крестьян в том, что они «воровски по свойству и дружбе» укрыли Мануйловых, и приказал им самим найти беглецов[49]. Однако пышминский мир продолжал саботаж. Вернувшемуся в слободу Соколовскому «староста з десятники и все пышминские крестьяне сказали, что де они великих государей указу не отказчики, а их де Петрушку Манойлова з братьима и з детми сыскивать не ведают где», с ними «в мире ни в чем и ни в каких советах не знались и не советовались»[50]. Все же, чтобы не дать прямого повода к обвинению в непослушании, староста с крестьянами начал поиск в степи, который ни к чему не привел.

Только к сентябрю крестьяне и посланные с ними казаки все же вынуждены были найти в соседнем, Тобольском уезде, в Шадринской слободе одного беглеца — Петра Мануйлова с семьей. На допросе Петр доказывал, что никто в Пышминской слободе о его побеге оттуда не знал, а о местонахождении своих братьев он не ведает[51]. О их судьбе архивных данных не сохранилось. Так завершилось это дело, свидетельствовавшее о стойкости сибирского мира в борьбе за «сходцев», в том числе и крепостных.

Активность сибирской общины не ограничивалась защитой прав ее членов на передвижение. Очень четко она прослеживается и в борьбе за право землепользования. В 1626 г. в Ницынской слободе произошла трагедия. Крестьяне убили приказчика С. Молчанова, причем, как утверждал его сын, убили миром. Произошло это при следующих обстоятельствах. В 1624 г., когда основывалась Ницынская слобода, Молчанов, по воеводскому указанию, чтобы ускорить становление личных хозяйств крестьян, разрешил «для новые селидбы» не пахать третьего поля (100 дес.), отведенного под десятинную пашню, а временно занять его под крестьянскую запашку 24 менее зажиточных «тюменских переведенцев». Другие крестьяне новой общины, «тобольские переведенцы», сразу же вспахали «собинные» пашни на отведенных для этого местах вне трех полей государевой пашни. Община в целом тогда же, осенью 1624 г., вспахала 52 дес. зяби на государя в первом поле. Сменивший Молчанова на следующий год приказчик Б. Толбузин встретился со стойким нежеланием крестьян возвратить в государево поле распаханную ими на себя землю. Вероятно, произошел какой-то конфликт, причем крестьянин Ф. Яковлев призывал даже убить нового приказчика «за пашню» и Б. Толбузин благоразумно уступил, чем вызвал недовольство верхотурских воеводских властей. На должность приказчика слободы был возвращен Молчанов[52].

О дальнейшем на следствии в Тобольске было рассказано так: «Приехав на Ницу, Степан Молчанов, и пересмотря ницынских крестьян, велел им пахати под твой государев яровой сев землю, которая была вырезана наперед сего под твою государеву пашню, а сеяна была их крестьянской рожью». Услышав это распоряжение, крестьяне пришли в ярость. Как выяснилось потом на следствии, они сразу же после засева поля сочли его своим, а не «государевым»[53].

Чтобы компенсировать крестьянам, уже засеявшим спорное поле, их труд, Молчанов предложил всему миру сообща распахать отводившиеся им заимки «собинной» пашни. Несмотря на внешнее различие интересов «тобольских и тюменских переведенцев» в этом конфликте, недавно созданная община выступила как единое целое, категорически отвергнув план С. Молчанова. Из материалов следствия видно, что решение бороться за поле, применив самые отчаянные средства, было принято миром если не на широкой его сходке, то во всяком случае выборным руко-

водством. Как показал крестьянин Д. Кондратьев, «о Степанове убойстве умысл у старосты и целовалников и у всех крестьян был до убойства дни за три и за четыре»[54].

Показания на следствии свидетельствуют, что «убили Степана все ницынские крестьяне» — столкновение произошло во время общего мирского собрания, когда крестьяне (в общине было тогда 99 дворохозяев) отказались выполнить требование приказчика о возвращении под десятинную пашню спорного поля: «И ницынские... крестьяне ему, Степану, отказали, что им тое пашни под твой государев яровой сев отнюдь не давывать. И учал де его, Степана, в ту пору ницынский крестьянин Левка Воробьев лаять и Степан де Молчанов замахнулся было на него батогом». Но с миром шутки были плохи. В тот день подтвердилось, что сибирский крестьянин «к работе из-под палки мало приучен»[55]. Завидев приказщичью палку, на Степана кинулся сразу десяток крестьян во главе с «тюменским переведенцом» Б. Лезговым. Они «учали его, Степана, бить насмерть ослопы и поволокли в воду и у реки, добив до смерти, кинули с каменьем в воду... А как Степана в воду поволокли, в ту де пору всею Ницынскою слободою крестьяне кричали, чтоб Степана убили до смерти». Крестьянин Д. Кондратьев при этом, «бив, на Степана камень навязывал и топить его... пособлял»[56]. Лишь трое крестьян пытались вступиться за приказчика, но их самих едва не убили и они вынуждены были бежать из слободы.

В. И. Шунков, рассматривавший материалы следствия по этому делу, пришел к выводу, что возмущение было вызвано увеличением объема барщинных работ в связи с пахотой еще одного поля. При этом он сослался на мнение тобольского воеводы кн. Ф. А. Телятевского, высказанное им в отписке в Москву: убийство произошло «за твою ж государеву пашню»[57]. Приведенные выше обстоятельства убийства позволяют судить иначе о его причинах, о смысле воеводских слов. Спор был не из-за размеров ренты, ведь «тюменские переведенцы», получая компенсацию от общины, здесь ничего не теряли, но именно они, Б. Лезгов «с товарищи», явились самыми активными участниками убийства. Тут возникал иной вопрос, а именно — о праве крестьянского владения на уже обработанную землю, почему так активно и выступил весь мир слободы.

Показателен исход дела. На обороте тобольской отписки о ницынских событиях записано царское решение: «Государь слушал и указал — из Степановых убойцов Молчанова, выбрав пущего вора, которой в той заводе пущей

был, казнити смертью», а остальных девятерых, наказав кнутом, послать «в иной пашенной город» в пашню, дав им подмогу. Государя при этом особо заинтересовал вопрос о виновности всей общины в убийстве; было приказано, если подтвердится, что «всею... волостью велели Степана Молчанова убити», то на «Ницынской волости велеть доправить пени» или «накинути наметом пашни на один год по их изможенью, сверх их прежние пашни, за пеню, чтоб они перед ними, убойцы, также в избылых не были»[58]. Но вот что характерно. Хотя тобольские воеводы особо подчеркнули, что ницынские крестьяне, убив Молчанова, так и не отдали спорного поля, в московском решении нет слова о его переводе в состав государевой пашни!

По всей вероятности, перевести это поле в состав государевой пашни было сложно не только потому, что крестьяне опирались на норму обычного права своего владения уже обработанной землей. Дело также заключалось в том, что, во-первых, земля под десятинную пашню отводилась при совместном согласии приказчика и представителей общины, а С. Молчанов сделал это единолично; во-вторых, что принципиально существенно, объем повинности по обработке десятинного поля устанавливался приказчиком не по отношению к общине в целом, а индивидуально на каждое крестьянское хозяйство. Поэтому каждый крестьянин персонально отвечал перед приказчиком за обработку этого поля, а община вовсе не считала своей обязанностью следить за его состоянием и отвечать за урожай. Таким образом, десятинная пашня в сибирской деревне была собственно государевым хозяйством и в функциональную сферу деятельности общины не входила. На этом категорично настаивали тюменские крестьяне при столкновении с местным воеводой Н. И. Елдезиным. В 1654 г. воевода обвинил их в небрежной обработке десятинного поля и послал целую «комиссию» во главе с сыном боярским И. Воиновым для конкретного выяснения сути дела. Уже на месте И. Воинов ревизовал поле в присутствии местного приказчика, старосты, десятников и других представителей общины, которые отмежевывали государево поле. Убедившись в конце мая по состоянию всходов, что поле вспахано и убороновано с огрехами, И. Воинов доставил к воеводе приказчика и общинных представителей и в съезжей избе Тюмени начал допрос о виновниках этого нерадения. Общинный староста И. Нехорошков и пятеро десятников заявили, что государева пашня «приказана» приказчику Т. Некрасову, который и надзирает за исполнением крестьянами повинности;

общинникам же велено только исполнять указания приказчика. «А за государевой пашней и прежние старосты и десятники не хаживали и не досматривали»,— поясняли представители общины, ссылаясь тем самым на уже установившийся порядок. Этого не отрицал и Т. Некрасов, вынужденный признать, что огрехи в пахоте он не видел[59].

Происшествие в Ницынской слободе вовсе не было единичным отражением защиты крестьянами земель, приведенных в культурное состояние, или других угодий, считавшихся по праву первопоселенцев (захвата) в их владении. В 1654 г. спор о земельных владениях произошел в Тюменском уезде между Беляковской слободой и крестьянином Ю. Дементьевым, получившим от воеводы разрешение в качестве слободчика ставить новое селение и призывать в него крестьян. Тюменский воевода Н. И. Елдезин в своей отписке в Сибирский приказ настаивал на том, чтобы Ю. Дементьеву было отведено место «не в чертеже» Беляковской слободы, а далеко от нее. В Москве согласились с доводом Н. И. Елдезина и разрешили Ю. Дементьеву ставить слободу, если место «порожжее», не в Беляковском «чертеже»[60].

Такие столкновения происходили и в дальнейшем. Летом 1680 г. между Аятской слободой Верхотурского уезда и Мурзинской слободой Тобольского уезда разгорелся ожесточенный спор из-за угодий, переросший в вооруженные столкновения. Приказчик Мурзинской слободы Иван Чаплин с мирским старостой Михаилом Селивановым и крестьянами, вооруженными пищалями и луками (всего более 50 чел.), совершили набег на поля аятских крестьян, захватили их «в плен», разломали сохи, отняли одежду, разделили между собой поднятую пашню, начали охоту и рыбную ловлю, а у пленников стали вымучивать «сказки», по-видимому, о незаконном захвате угодий. Староста, десятники и все крестьяне Аятской слободы, т. е. весь ее мир, подали верхотурскому воеводе стольнику Р. М. Павлову на приказчика и мирского старосту Мурзинской слободы жалобу «в бою, увечье и грабеже». Слободчик Аятской слободы Фрол Арапов в свою очередь донес Павлову, что крестьяне Шайтальской деревни подняли целину, которая считается «аятской отводной землей» и не находится в «мурзинском чертеже». Между тем мирской староста и крестьяне Мурзинской слободы утверждали, что именно аятские крестьяне вторглись в угодья Ликовской деревни, состоявшие в «мурзинском чертеже»[61]. В этом деле обра-

щает на себя внимание, во-первых, существование сложных общин с мирскими представителями, объединявших ряд деревень, а, во-вторых, корпоративная защита такими мирами угодий всех входивших в их состав селений.

В сибиреведческой литературе неоднократно отмечался сложный порядок землепользования в сибирской деревне в XVII в., когда земледельцы владели угодьями на основе захвата или отводных памятей, выдававшихся воеводскими управлениями целым сельским мирам, отдельным группам или персонально, причем людям разного социального положения (крестьянам, служилым или посадским людям). Сплошь и рядом такие памяти воеводские канцелярии выдавали post factum, оформляя совершенный захват или так называемый «прииск» свободных земель. Эти угодья могли находиться в общем «чертеже» селений или составлять отдельные заимки. При складывавшейся практике подворно-наследственного владения угодьями, перенесенной из Поморья, сибирские земледельцы нередко приводили земли в культурное состояния коллективно, так как при подсечной и залежной системах полеводства требовалась огромная затрата сил. Именно для этой цели образовывались «повальные» сообщества. Создание новых пашен нередко заставляло земледельцев выжигать сотни десятин леса сразу. Кроме того, десятки и сотни десятин земли в отдельных селениях обращались в залежи. В результате, даже по официальным, по всей вероятности неполным, данным, во владении жителей многих деревень находились огромные земельные площади, превышавшие указные нормы[62]. Эти земли они строго охраняли, опираясь на нормы обычного права. Такие групповые земельные владения и общедеревенские непаханные угодья существовали в Верхотурском, Тобольском, Тюменском, Томском и Енисейском уездах и в XVII в., и много позднее. Деятельность земельных сообществ способствовала образованию земельных границ общин на основе обычного права, несмотря даже на то, что эти сообщества могли состоять из жителей разных селений и границы освоенных ими земель могли не совпадать с общинными границами[63]. В последнем случае образовывались межобщинные, также охраняемые владения. Именно в складывании прежде всего по обычаю (захват, заимка) земельных границ деревенских и сложных общин сказывалась деятельность земельных сообществ. Поэтому еще в первой половине XVII в. перед местной администрацией возникла необходимость фиксации этих границ между западно-сибирскими слободами[64].

Ценным источником, позволяющим судить о взглядах сибирских крестьян XVII в. относительно их прав на землю, являются частные акты, оформлявшие различные сделки на землю: купчие, закладные, поступные, меновные, вкладные грамоты. К сожалению, исследователи не занимались выявлением и публикацией этих актов по Сибири с той же настойчивостью, как по Русскому Северу. Лишь недавно В. И. Ивановой было издано 73 частных акта XVII в. из фондов Верхотурской и Тюменской воеводских изб архива ЛОИИ. В 22 из этих актов одним или обоими контрагентами сделки были крестьяне[65].

Самым поразительным во всем этом комплексе как раз и является невыделенность крестьянских актов, предельное сходство их формуляра с актами, оформлявшими сделки на землю детей боярских, казаков, служилых, посадских, даже монастырей. В. И. Иванова справедливо замечает в этой связи: «Западносибирские поземельные акты не имеют обязательной клаузулы о платеже оброка и выполнении повинностей контрагентами в отличие от северорусских крестьянских поземельных актов»[66]. Мало того, в западносибирских крестьянских актах встречаются весьма категоричные формулировки крестьянского права владения вроде нижеследующей: «Волно ему, Петру, тою моею половиною вотчиною — и пашенною землею, и сенными покосы, рыбными ловлями — владеть вовсе и на сторону продать, и заложить»[67]. В качестве основания крестьянского владения землей в этих актах указываются и наследование, и приобретение (или промена), и собственный труд («роспашь моя»). Лишь постепенно наряду с этими основаниями начинает изредка встречаться и отвод земли органами феодальной администрации[68].

Только в одной более поздней (1677 г.) меновной грамоте отчетливо указаны и право верховной собственности государя на землю, и феодальная рента. Тагильские пашенные крестьяне М. Копырин и Г. Садков, меняясь своими землями с Верхотурским Николаевским монастырем, указали в меновной в обоснование своего права на эти земли, что они ими «владели против государевы десятинной пашни з десятины без малой чети». В грамоте подчеркнуто также, что мена производится «по указу великого государя и по нашему с ним, архимандритом, челобитью»[69].

Но остальные сделки этого комплекса крестьяне считали вполне возможным совершать, не тревожа великого государя — верховного собственника земли. Это относится и

к очень интересной меновной 1651 г., оформившей сделку, при которой пришлось учитывать различие сословного статуса ее участников. Именно поэтому в данном акте — и только в нем — появляется клаузула о феодальных повинностях с земли. Землями на Туре менялись родные братья Лаптевы, крестьянин Степан и стрелец Василий. В меновную была включена специальная статья о том, что характер обязанностей с земли определялся впредь сословным положением ее нового владельца: «И мне, Степану, с той его, Васильевы, меновой деревни пахать государева десятинная пашня, а ему, Василью, тою моею заимкою владеть за государево хлебное жалованье» (т. е. вместо этого жалованья, по сулешевской реформе)[70].

Упоминание о ренте содержится еще в одной меновной, но, во-первых, речь в ней идет о «выдельном хлебе», который взимался не только с крестьян, но и со служилых и посадских людей; во-вторых, грамота фиксирует не уплату этого вида ренты новыми крестьянскими владельцами земли, а, наоборот, их освобождение (вопреки закону!) от этой обязанности. Это меновная 1636 г. между сыном боярским М. Будаковым и группой верхотурских пашенных крестьян. По грамоте сын боярский обещал, как обычно, «очищать» в будущем ранее принадлежавшую ему деревню от возможных денежных претензий со стороны, от закладных и прочих «писменных крепостей — и от государева выделного хлеба»[71].

Возможные претензии крестьянской общины на землю упоминаются только в одном, самом раннем документе этого верхотурско-тюменского комплекса. Крестьянин Мартемьян Зонов в 1610 г. променял «свою пашенную землю... на Пердунове логу» Таске Савельеву, тоже крестьянину. Как видно из следующих документов, оба крестьянина принадлежали к одной общине и были соседями. Ввиду неравноценности земель Мартемьян взял с Таски полтину приплаты, но при этом в меновную грамоту была включена важная статья: «А буде станут миром земли делить и поверска будет, и тое землю у меня, Таски, возмут миром, и мне, Мартемьяну, полтина Таске назад отда[ть]»[72]. Это, кажется, древнейшее упоминание о «территориальной власти мира» и возможности земельного передела в Сибири, который в XVII в., как уже упоминалось, здесь практически не известен.

В целом же изданный В. И. Ивановой комплекс частных поземельных актов наглядно демонстрирует уверенность крестьян в праве широкого и разнообразного распо-

ряжения своими «вотчинами», уплата ренты с которых в большинстве случаев подразумевалась.

Итак, вряд ли можно сомневаться в том, что представления крестьян-переселенцев и формировавшихся из них старожилов об их правах на передвижение и землю, приведенную в культурное состояние, т. е. представления, составлявшие основу сословно-социальных взглядов, органично отражались в общинном самосознании. Его дуалистичность приобретала в Сибири свои особенности прежде всего потому, что государственному земельному праву противостоял сложившийся обычай, согласно которому крестьяне рассматривали земли, на которых они работали, как собственные[73].

Структура сельских общин, функции миров и их выборных представителей были принесены в Сибирь из Поморья, где в XVII в. удерживалась развитая мирская организация сельского населения с низовыми и всеуездными (высшими) органами. Сохранившаяся с середины XVII в. документация о выборах общинных представителей не оставляет сомнений ни в общинной форме организации сельского населения Сибири, ни в возникавших перед ней задачах. По данным 1640-х гг. видно, что старосты в западносибирских слободах выбирались повсеместно (Тюменский, Верхотурский, Тобольский уезды). Именно эта повсеместность позволяет считать, что выбирались они и много раньше. Более того, в сибирской деревне сложилась определенная иерархия общинных организаций. Помимо деревенских старост в это время существовали и старосты слобод, т. е. волостные, возглавлявшие миры всех деревень, входивших в округу слободского управления. В 1646 г. челобитную верхотурскому воеводе подавал «за всех крестьян» Владимир Семенов, староста «Невьянской волости». Тогда же крестьянские челобитные подавали старосты Ирбитской, Ницынской, Арамашевской, Тагильской, Невьянской слобод[74]. В некоторых случаях они назывались мирскими старостами, а крестьяне Ирбитской слободы именовали своего старосту «земским»[75], точно сохраняя севернорусскую терминологию.

Ежегодно крестьяне каждой западно-сибирской слободы выбирали штат общинного управления во главе со старостой — десятников (непосредственных помощников старосты) и целовальников — таможенного, отвечавшего за таможенные сборы на местном торгу, житничьего, обеспечивавшего сборы оброчного хлеба и средств на мирские расходы, мельничного, собиравшего деньги на помол зерна

на мельнице, полевого, под управлением приказчика наблюдавшего за состоянием оград десятинных полей. Так, в августе 1657 г. собравшийся мир Усть-Ирбитской слободы во главе с мирским старостой Иваном Антоновым дал на 1656/57 г. свой «выбор» новому старосте Сергею Клишеву, обязав его «всякие дела делать», собирать на мирские расходы деньги и хлеб, «разрубать» эти сборы между крестьянами, осуществлять необходимые мирские платежи, занося все их «в книги», «с миром во всем считатца в приходе и в издержке во всем в правду»[76]. Тем же порядком был избран на новый 1657/58 г. староста Логин Федоров в оброчной Белослудской слободе. В данном ему «выборе» его обязанности были конкретизированы более четко — приказчика в «государевых» делах во всем слушаться, «государевы» денежные и хлебные доходы, а также средства на мирские расходы «подесятинно развытя» с крестьян собирать, все сборы заносить в «книги» «в правду», но мирские долги и собранные деньги и хлеб «даром», без «мирского совета» не платить и не расходовать[77]. Те же условия были сформулированы при выборе старосты крестьянами Невьянской слободы в августе 1658 г. В частности, староста обязывался «сказывать в мире» все распоряжения приказчика, что уже само по себе ставило последнего под мирской контроль[78].

Тогда же крестьяне Ницынской и Арамашевской слобод в своих «выборах» требовали от старост согласования всех дел с миром и обязывали их всем своим состоянием отвечать за эти дела. «В думу никово не призывать и челобитных без мирскова ведома никаково не писать»,— подчеркивали свою роль ницынские крестьяне, а арамашевские общинники вообще не разрешали старосте вершить какие-либо мирские дела без ведома мирского совета и приказчика[79]. Такие же мирские документы о выборе старост и целовальников к разным сельским делам в других слободах (Верхотурской подгородной, Тагильской, Ирбитской, Новой Чусовской, Пышминской) сохранились за 1650—1670-е гг. Любопытно, что в мирской совет Новой Чусовской слободы входил и выборный церковный староста[80]. Повсеместно подчеркивалась необходимость решения разнообразных дел, в особенности финансовых, с согласия и ведома мира.

Слободской мир вовсе не формально давал свой «выбор» старостам. В зависимости от обстоятельств он проявлял инициативу во внутри- и внешнеобщинной жизни.

В 1661 г., задолго до окончания годовой службы старосты Ирбитской слободы Ивана Дмитриева, мирской совет потребовал от него финансовый отчет. Аналогичное столкновение произошло в Ницынской слободе в конце 1683 г., когда весь мир с новым старостой потребовали от старого отчета за собранные деньги на мирские расходы[81].

Бурно порой разверстывались на сходах повинности. В 1687 г. мирской староста Л. Усов и оброчные крестьяне Белослудской слободы и деревень (всего 178 чел.) просили воеводское верхотурское управление узаконить бытовавший у них принцип разверстки натуральных повинностей (городовое и дворовое строение, поставки хлеба, пеньки, смолы) не по количеству сдаваемого казне хлеба, а по «лукам», т. е. по числу работников в семье, и ее земельным угодьям, иначе — по хозяйственному и рабочему состоянию каждой семьи. Способ этот издревне применялся в крестьянских общинах Русского Севера. Так осуществлялась мирская взаимопомощь, облегчалось и несение основной повинности маломочным крестьянам — пахоты десятинного поля, чтобы им «от вашего великих государей оброчного тягла, от хлебного платежу не отбыть». Примечательно, что верхотурский воевода Г. Ф. Нарышкин при разрешении спора о способе разверстки тягловых обязательств велел местному приказчику после опроса крестьян сохранить определенный ими принцип разверстки, если они того хотят. Такой же случай произошел в 1690-х гг. в Пышминской слободе и относящихся к ней деревнях: крестьяне, обращаясь к воеводе, доказывали, что они действовали в соответствии с традициями и обычным правом. В 1695 г. одна сторона обвиняла противников в том, что они, возглавляемые старостой, послали на Верхотурье челобитчика Г. Михеева без мирского совета и самовольно изменили «луковую» роспись. Другая приводила обратные доводы: она обращалась к воеводе с мирского совета по поводу отказа ее противников платить по «луковщине»[82].

Таким образом, случаи внутримирских столкновений отражали сложившиеся в Поморье крестьянские взгляды на необходимость мирского совета при разрешении общинных дел и законность коллективного обращения к властям только с его санкции. Вместе с тем считалось возможным подавать властям индивидуальные челобитья с просьбами об облегчении тягла и даже мирских повинностей[83].

Сельские миры, центрами которых были слободские поселения, в своей повседневной жизни отнюдь не являлись в Сибири замкнутыми сообществами, не связанными

с округой, уездом и самим городом. Связи, отвечавшие поморским традициям, упрочивались в Сибири, коль скоро сама система местного самоуправления допускала активную совещательную роль мирских сообществ, их право обращения к власти и даже апелляции на ее решения и действия. В литературе уже обращалось внимание на организованное сопротивление сибирских крестьян усилению феодальной эксплуатации и их открытые выступления против приказчиков и воевод. Известно также, что крестьянство было солидарно с другими сословными группами сибирского населения в моменты обострения классовых выступлений, особенно в городах, на протяжении всего XVII в.

Важнейшим правом мирских сообществ всех групп сибирского населения было коллективное обращение со своими нуждами к воеводской власти, а в случае необходимости — в Сибирский приказ (на царское имя). Это право вытекало из административной практики, согласно которой воеводы, прежде чем принять то или иное решение, поднять перед Сибирским приказом какой-то вопрос, заручались мнением представителей уездных сословных групп.

Сельские миры часто пользовались таким правом, демонстрируя даже общеуездную сплоченность. В своих обращениях общины сплошь и рядом просили о помощи после разорения, последовавшего от набегов кочевников, стихийных бедствий и т. п., рассматривая свое материальное состояние и производственные проблемы как такое же «государево дело», каким являлось для служилых людей обеспечение боеспособности. В 1635 г. община крестьян Кузнецкого острога подала воеводе челобитную, доставленную затем в Москву, в которой сообщалось о набеге на их селение киргизских князцов, гибели на полях собранного урожая и отгоне скота. Крестьяне просили уменьшить тяготы по обработке десятинного поля[84]. В 1639 г. крестьяне Красноярского уезда обратились в Москву с просьбой о «подмоге» также в связи с опустошительным набегом киргизских князцов[85]. А в 1649 г. к енисейскому воеводе Ф. П. Полибину поступила челобитная от старост и уполномоченных крестьян девяти деревень с просьбой о помощи после наводнения Енисея, затопившего пашни и селения и погубившего немало людей. Еще за год до этого бедствия особое беспокойство енисейских крестьян вызывала нехватка тяглового скота; в челобитных они подчеркивали, что без помощи им в этом деле не организовать обработку десятинной пашни. В 1648 г. крестьяне 13 деревень в чело-

битной сообщали, что им была выдана государственная ссуда для покупки тяглового скота, но лошади, купленные крестьянами, пали от непосильной извозной повинности. Крестьяне просили для обработки десятинной пашни выдать им новых лошадей или новую ссуду для их покупки[86]. В 1690 г. томские крестьяне, переселенные из-под Томска в новопостроенный Уртамский острог, просили не взыскивать с них занятые им в местной приказной избе 80 руб. и зачесть их как «подмогу» в освоении новой пашни[87].

В Москве Сибирским приказом нередко разбирались общинные жалобы крестьян на тяготы десятинной пашни, просьбы и предложения об упорядочении иных феодальных повинностей. В 1644 г. тюменские крестьяне одновременно с посадскими людьми г. Тюмени, обратившись с челобитной в Сибирский приказ, добились существенной льготы — освобождения от уплаты таможенной пошлины при продаже своего хлеба, закупавшегося в казну. В данном случае Сибирский приказ исходил из собственных интересов — нужно было привлечь и заинтересовать продавцов хлеба, не очень охотно шедших навстречу «высокой чести» принудительной сделки с казной по заранее установленной цене. Этот мотив улавливался и в государевой грамоте, где благожелательный ответ дипломатично объяснялся стремлением не нанести крестьянам и посадским людям «оскорбления»[88]. В том же 1644 г. в Сибирском приказе рассматривалась жалоба тюменских крестьян, оспаривавших увеличение объема десятинной пашни. Дело заключалось в том, что по установлению 1624 г. тобольского воеводы Ю. Я. Сулешева сибирские крестьяне должны были на каждую десятину своей пахоты пахать 1/4 дес. на государевом десятинном поле. По дозору, проведенному в конце 1630-х гг., выяснилось, что тюменские крестьяне на себя пашут пашню сверх обложенных натуральных повинностью десятин, за нее им надлежит отрабатывать еще 72,5 государевых десятин. По более ранним дозорам выяснилось, что тюменским крестьянам следует прибавить не 72,5, а 45 дес. государевой пашни. Тюменскому воеводе Я. В. Колтовскому было приказано заставить крестьян пахать дополнительно 72,5 дес. Крестьяне же, ссылаясь на падеж лошадей, сообщили в своей челобитной о невозможности вообще пахать десятинную пашню и начали грозить «розбрестись розно». Тогда в Сибирском приказе, чтобы крестьян не «оскорбить», опять-таки было решено десятинную пашню увеличить лишь на 45 дес.[89]

Чуть позже Сибирскому приказу пришлось разбирать жалобы верхотурских крестьян Невьянской и Ирбитской слобод, которые, перечисляя свои многочисленные и очень разнообразные «службы», доказывали, что налагаемое на них обложение не соответствует соотношению десятинной и «собинной» запахиваемой ими земли и также грозили «разбрестись» от самовольства воеводской администрации. Однако в июне 1646 г. начальник Сибирского приказа А. Н. Трубецкой в грамоте в Тобольск ограничился приказом соблюдать порядок поземельного обложения и освободил невьянских крестьян от ямской повинности[90].

Наконец, известно, что с увеличением объема десятинной пашни, предпринятым тобольским воеводой И. А. Хилковым, крестьяне Ницынской слободы в 1660 г. попытались объединить сельские миры всех сельскохозяйственных уездов Западной Сибири — Верхотурского, Тобольского, Тюменского и Туринского — с тем, чтобы коллективно обратиться в Москву с протестом — «итти вместе наскоре». Текст сохранившейся «грамотки» ницынского старосты В. Широковского не оставляет сомнения в том, что ему были известны не только мирские центры других уездов, но и поименно возглавлявшие их старосты. Всеуездного крестьянского челобитья в Москву организовать Широковскому не удалось, но сама попытка красноречиво свидетельствует о возможностях сельских миров. Челобитная была отправлена от имени только двух слобод — Ницынской и Киргинской, успеха она не имела. В Сибирском приказе крестьянская инициатива вызвала раздражение. Не имея возможности отрицать право крестьян обращаться в Москву, деятели приказа квалифицировали инициаторов как «заводчиков», а приказчикам слобод была вменена в вину «поноровка» крестьянам в их «заводе». Поэтому только на них была возложена ответственность за решение миров. Челобитчиков в Москве наказали, приказчиков били батогами и сняли с должности, а В. Широковского били кнутом и сослали в Илимский уезд[91].

Через несколько лет, в 1666—1667 гг., сходное мирское движение возникло в соседней Усть-Ницынской слободе, в среде уже не государственных, а архиерейских крестьян. Это сходство чрезвычайно примечательно для историка: несмотря на десятилетия упрочения в стране крепостнических начал, в сибирских условиях крестьянская община на земле Тобольского Софийского дома действовала подобно общине государственных крестьян.

Как и в государственной Ницынской слободе в 1660 г., волнения усть-ницынских архиерейских крестьян были вызваны поводом, вполне традиционным для очень многих крестьянских движений всего феодального периода,— увеличением феодальной ренты. И позиция обеих общин была также традиционной для крестьянского сознания: в защите своих прав они опирались на «старину».

До нас дошло донесение тобольского воеводы П. И. Годунова о мерах, предпринятых его предшественником А. А. Голицыным, а затем и им самим для подавления этого неповиновения. Оно показывает, что крестьянский бунт был с самого начала делом мирским и сопровождался составлением привычных документов мирской солидарности: «отказной памяти», мирской челобитной, «советной одиначной за руками», «поручных» записей. Воеводская власть впервые узнала об этих событиях из жалобы архиепископа Корнилия, сообщившего, что усть-ницынские крестьяне «ему, архиепископу, учинились непослушны и збунтовали и во всем ему отказали и написали меж себя отказную память». Из дальнейшего изложения, однако, становится очевидным, что архиерей допускает здесь немалое преувеличение (также по давнему феодальному обычаю составления подобных документов): крестьяне отказали ему не «во всем», а лишь «в новонакладных прибылых архиепископлих податях и в запасях и в выздельях» — по крестьянской терминологии[92]. Подобным образом и черносошные крестьяне протестовали в 1660 г. не против всех рентных обязанностей, а лишь против увеличения десятинной пашни; при этом они подчеркнуто аккуратно вспахали свой обычный десятинный оклад.

А. А. Голицын, получив жалобу архиерея, попытался подавить неповиновение, вызвав в Тобольск и примерно наказав там кнутом шестерых усть-ницынских крестьян. Однако, несмотря на эту экзекуцию, община продолжала упорствовать. Тогда по повторной просьбе архиерея воевода попытался вызвать в Тобольск для наказания еще трех крестьян во главе с одним из главных «завотчиков» В. Захаровым, но мир не выдал их и воеводский указ (сделанный как обычно от царского имени) остался невыполненным — крестьяне «указу не послушали». Продолжалось сопротивление крестьян и распоряжению об увеличении размера ренты.

Вскоре В. Захаров, вместе с другим крестьянином, С. Семеновым, сам явился в Тобольск, но не для законопослушного принятия воеводского кнута, а для вручения

воеводе мирской челобитной на государево имя с обоснованием крестьянской позиции. Подача этой челобитной с просьбой отменить новые, незаконные с крестьянской точки зрения, подати и повинности сопровождалась, как обычно в таких случаях, реальным отказом платить и исполнять их, не дожидаясь государева решения.

Весьма показательно, что в Сибири в 1666—1667 гг. архиерейские крестьяне полагали, что они, наравне с государственными, имеют право челобитья государю, причем даже в споре со своим феодалом о размере причитавшейся ему ренты[93].

Воеводская власть, однако, имела куда более ясные представления о феодальном праве. Новый воевода П. И. Годунов устроил прибывшим в Тобольск крестьянам очную ставку с архиерейским приказчиком Я. Бязевым, осуществлявшим на Усть-Нице мероприятия по увеличению ренты. Воеводу интересовал лишь главный вопрос — действовал ли приказчик по приказанию самого Корнилия. Услыхав от Я. Бязева, что он увеличил ренту «по архиепископлю указу», П. И. Годунов не стал и вникать в суть крестьянских аргументов, ссылок на «старину» и счел вполне очевидным свой долг привести крестьян в повиновение владыке. Тем более, что следствие выявило беспокоящий факт мирской солидарности непокорных усть-ницынских землепашцев. Они не только всячески укрепляли единство рядов собственной общины, но и, как ницынские государственные крестьяне в 1660 г., попытались добиться межобщинной солидарности — единства действий с другой крестьянской общиной того же феодала. Они послали ходока к крестьянам Покровской слободы, второго по величине после Усть-Ницы владения Тобольского Софийского дома, «чтобы им, покровским крестьянам, быть с ними вместе и архиепископу во всем отказать» (формулировка архиепископских властей)[94]. Правда, ходок был выбран неудачно — он тут же сообщил «доезд» о своей миссии приказчику.

Источник не сообщает, какими методами воеводе удалось справиться с неповиновением крестьян и заставить их прислать архиерею «повинную челобитную». Известно лишь, что уже после того, как крестьяне «повинились», 17 «зачинщиков» были наказаны кнутом в Тобольске и Усть-Нице. Для нас особенно интересно, что среди них назван и мирской староста слободы С. Заболотный. (В то же время десятник Б. Загвазда во время движения подал приказчику «извет... что ево крестьяне не слушают»[95].)

Помимо обращения к высшим сибирским и московским властям о своих правах и нуждах, сельские миры, как мы видели, защищали свои интересы в местных воеводских управлениях. В частности, в 1663 г. на Верхотурье в связи с выполнением крестьянами повинности по постройке речных судов разбирался финансовый спор о 400 руб. между Ницынской и Ирбитской слободами, которые представляли старосты и десятники[96]. В 1671 г. в Верхотурское воеводское управление поступила объединенная челобитная крестьян подгородных селений, Тагильской, Ницынской, Ирбитской слобод, подписанная мирскими старостами, об уравнении с ними в натуральных повинностях крестьян Арамашевской, Белослудской и Пышминской слобод[97]. Добивались от воеводской администрации ликвидации натуральных поборов и те сельские миры, которые платили денежный оброк[98]. В 1694 г. все крестьянские миры Верхотурского уезда сумели организоваться и подали воеводе всеуездную челобитную с жалобой на «насильства» и злоупотребления приказчиков[99].

Сибирская администрация прекрасно знала о возможности контактов сельских миров. В 1690 г. тобольский воевода С. И. Салтыков с тревогой писал своему верхотурскому коллеге Г. Ф. Нарышкину о том, что крестьяне самовольно «чинят сходы», составляют неведомо какие «письма» и с ними «бегают»[100].

С учетом активной роли сельских миров в отстаивании сословных и хозяйственных интересов крестьянства следует рассматривать их взаимоотношения и с приказчиками. В литературе уже неоднократно указывались многочисленные выступления сибирских крестьян против приказчиков. При специфичности управления сибирской деревней в XVII в., поставленной под власть приказчиков, такие выступления свидетельствовали не только о социальном протесте крестьянства; они отражали также порядок отношений между сельскими мирами и приказчиками.

Так или иначе, но воеводское управление само вынуждено было учитывать роль миров не только как выразителей интересов крестьян, но и как контрольного органа над приказчиками, хотя бы и с ограниченными полномочиями. Действительно, в повседневной жизни деревни приказчики волей-неволей должны были согласовывать свои широкие полномочия с воззрениями миров на их права. Уже приводились данные о том, как приказчики уклонялись от поисков «беглых» крестьян или не выдавали таковых, «норовили» крестьянским мирам в их борьбе против увеличения

десятинной пашни и жестоко расплачивались за попытку нарушить обычноправовые земельные представления крестьянства. Деятельность приказчиков была связана с мирской жизнью начиная с основания поселений[101]. В дальнейшем приказчик должен был оповещать сложившийся сельский мир о воеводских распоряжениях; таким образом он сам попадал под контроль мира.

Между тем известно, что в 1645 г. невьянские крестьяне просили воеводское правление снять с них надзор приказчиков и разрешить управляться только мирским порядком. Челобитья с жалобами на приказчиков акцентировали внимание на том, что крестьян они «не дозирают» или злоупотребляют своей властью, а потому «кормить... приказчика невозможно» — так писали крестьяне Чусовской слободы в 1654 г. Во всех случаях мир старался довести до сведения воевод, что нарушаются интересы «великого государя». «Так как приказчики обычно были из детей боярских, то крестьянский протест отливался в форму неприятия этой социальной категории как носителя власти»,— справедливо отмечал А. А. Преображенский[102]. Особенно ярко это проявилось в ходе самого крупного классового столкновения в Сибири середины XVII в. — Томского восстания 1648—1649 гг. Крестьянское недовольство вымогательствами и самоуправством приказчика сына боярского В. Старкова нашло отражение в ряде мирских челобитных, включая челобитную апреля-мая 1648 г., ставшую одним из начальных документов восстания[103]. Крестьяне жаловались на увеличение приказчиком по требованию воеводы размера государевых десятин вдвое, на введение незаконных «изделий» и повинностей в пользу воеводы и приказчика, на взимание ими непомерных поборов в свой карман и, главное, на разрушительное вмешательство в порядок сельскохозяйственных работ, отвлечение крестьян на незаконные отработки в самое страдное время. Восставшим, которые свергли ненавистного приказчика и воеводу, удалось добиться царской грамоты с осуждением всех этих насилий и беззаконий.

В 1681 г. крестьяне Ирбитской слободы «забунтовали» против приказчика, обвинив его в том, что он воеводские памяти прочитывает, а правды им не сказывает[104], т. е. искажает смысл распоряжений. В 1670-х — начале 1680-х гг. приказчики Краснопольской слободы неоднократно сообщали воеводам Верхотурья о настойчивом стремлении крестьян ограничить их распорядительную власть и о противопоставлении им мирских выборных лю-

дей. В начале 1671 г. приказчик Иван Романов жаловался воеводе Ф. Г. Хрущеву на выбор крестьянами Степана Бобайлова не только мирским старостой, но и таможенным и житничьим целовальником. «Летами он молодой», и верить ему в исправлении этих должностей нельзя, писал Романов. Далее приказчик раскрывал суть своей жалобы на крестьянского выборного представителя. Оказалось, что Бобайлов с дьячком и крестьянами начал готовить на приказчика челобитную[105]. В 1672 г. в той же слободе произошел бунт группы крестьян, которые избили приказчика и нового земского старосту, его поддержавшего[106]. В 1682 г. вновь началось столкновение краснопольских крестьян с приказчиком, на этот раз И. Лукашевским. В апреле группа крестьян избила приказчика; по его жалобе из Верхотурья приехал с сыском сын боярский И. Крюков, но применить какие-либо полицейские меры не решился. После этого крестьяне (и среди них все тот же Бобайлов с братьями) во главе с мирским старостой потребовали от Лукашевского верхотурские памяти, фактически отрешили его от дел, подали на него челобитье и добились назначения воеводского сыска[107]. Вся эта история показательна не только борьбой крестьян против налагаемого на них воеводским управлением дополнительного оброка с рыбных ловель, но и методами сопротивления. Сельский мир доказал злоупотребления приказчика и своим челобитьем заставил воеводу снять его с поста.

Такая же ситуация складывалась в Чусовской слободе. В апреле 1682 г. за разные «блудни» при строительстве речных судов, хлебную спекуляцию и самовольство местный приказчик А. Ушаковский был снят с поста, о чем воеводская канцелярия сочла нужным специальной памятью известить старосту и крестьян слободы. Через месяц А. Ушаковский сумел оправдаться и вернулся в слободу, но тут слободской мир возмутился и в острог его не пустил. Крестьяне называли приказчика «вором», жить ему «стало не в мочь», и верхотурские власти вновь вынуждены были задуматься о его снятии[108].

Во всех подобных столкновениях крестьянских миров с местной администрацией крестьяне на протяжении XVII в. настойчиво стремились к тому, чтобы мирское делопроизводство находилось в верных для них руках и добивались возможности содержать своих людей на должностях писчих дьячков[109]. Случалось, что именно эти люди, с точки зрения воеводских властей, оказывались «заводчиками»

волнений, а если говорить точнее, письменно оформляли мирские мнения. В 1682 г. по приказу верхотурского воеводы Ф. Г. Хрущева приказчик Ирбитской слободы Ф. Каменский нагрядул на соседнюю Белослудскую слободу и бил батогами церковного дьячка А. Дементьева и нескольких крестьян, взяв с них к тому же поручную запись в том, чтобы они впредь местного приказчика С. Вязьмина не «бесчестили» и не мешали ему управлять[110].

Итак, не может быть сомнения не только в формировании в первые же десятилетия XVII в. при образовании сельских поселений в Сибири сельских миров, но и в их традиционной для черносошного крестьянства деятельности. В условиях миграционных перемещений, обеспечивавших постоянное расширение сибирской пашни, сельские миры не стесняли своих членов в освоении новых территорий. Право на перемещение и право владения освоенным участком были важнейшими элементами самосознания сибирских переселенцев. Хотя государство установило личную ответственность за несение основной повинности по обработке десятинной пашни (а несколько позже оброчной), мирское начало господствовало в посильной для каждого двора разверстке прочих государственных, а также мирских «налог». Государственная власть ввела специфичную для Сибири систему приказчичьего управления сельскими округами. Приказчикам как представителям воеводской администрации передавались широкие административные и судебные полномочия. Тем не менее эта система не помешала возникновению и функционированию мирских организаций с выборным представительством. Воеводская власть признавала крестьянские сообщества, пыталась использовать их в укреплении своего административного и фискального надзора и вместе с тем вынуждена была учитывать их мнения. Мирские сообщества отражали сословные (социальные) и хозяйственные интересы крестьянства. Они упорно сохраняли за собой право обращения к государственной власти вплоть до ее высших органов и сдерживали «самовольство» представителей местной администрации. Именно в деятельности мирских организаций отражались социально-психологические представления складывавшегося сибирского крестьянства (право на перемещение, подворно-наследственное владение землей, приведенной в хозяйственное состояние, на прием переселенцев, защита общиной земельных угодий, разверстка ею общинных повинностей, отпуск ее членов, пожелавших переселиться). Только учитывая эти представления, четко проявившиеся

в XVII в., можно понять причины классовых выступлений крестьянства, его борьбу за оптимальные возможности своего хозяйствования.

* * *

Не менее сложен вопрос об образовании и существовании в сибирских городах посадской общины. Еще Б. Н. Чичерин признавал городовые общины в XVIII в. сословным институтом[111], но в дальнейшем в дореволюционной отечественной литературе утвердилось мнение о полном подавлении земских учреждений уже в XVII в. воеводской администрацией. В «Курсе русской истории» В. О. Ключевский писал: «Староста земский со своими целовальниками — лишь послушные орудия приказной администрации... земский староста вечно на посылках у воеводы и лишь изредка решается вступиться за свой мир против его распоряжений, заявляет протест, идет на воеводский двор "лаять" воеводу, выражаясь языком тогдашней земской оппозиции»[112].

Правда, историк подчеркивает при этом обеспокоенность центральной власти тем, что «из такого отношения земского управления к приказному развились чрезвычайные злоупотребления», часто приводившие, по его мнению, «к разорению земских миров. Правительство, не прибегая к радикальным мерам, старалось по возможности устранить или ослабить это зло, изыскивая разные к тому средства, назначало на должности по указанию мира или предоставляло миру выбирать должностных приказных лиц... грозило в указах и в Уложении строгими взысканиями за неправый суд». Но подводя, в соответствии со своей концепцией, общий итог, В. О. Ключевский утверждает: «Так централизация местного управления уронила земские учреждения, исказила их первоначальный характер, лишила их самостоятельности, не уменьшив их обязанностей и ответственности»[113]. Конкретизируя эту единую для села и города картину в связи со спецификой посадского населения, В. О. Ключевский называет важную дополнительную причину слабости посадской общины — торгово-промышленную конкуренцию со стороны лиц других сословий, не входивших в эту общину. Это в первую очередь проблема монастырских закладчиков, вызывавшая острое недовольство посадских миров и в Сибири; В. О. Ключевский упоминает успешное челобитье 1643 г. тоболяков о переводе таких закладчиков в посадскую общину[114].

При общей оценке упадка земских учреждений в России XVII в. вопрос о их положении в Сибири осложнялся пониманием роли местных городов и специфическим составом их населения. Еще в 1903 г. сибирский историк П. М. Головачев высказал мысль, что в хозяйственном отношении города Сибири XVII в. будто бы сливались с деревней[115]. На ином фактологическом уровне, но в принципе так же относился к сибирским городам того времени С. В. Бахрушин, рассматривавший их лишь в сфере торговли и обмена. По существу подобная трактовка сибирского города сохранилась до середины текущего столетия. Только приблизительно за последние четверть века в советском сибиреведении стал развиваться взгляд на сибирские города как центры не только торговли, но и ремесла[116]. Помимо книги О. Н. Вилкова в этом отношении заслуживает внимания издаваемая с 1960-х гг. в Новосибирске серия работ, посвященных истории сибирских городов. К сожалению, в многочисленных подобных публикациях историков-сибиреведов не нашлось места мирским организациям в городах и прежде всего посадской общине XVII в. Поэтому, рассматривая особенности формирования городского населения Сибири и его хозяйственных занятий, по существу приходится анализировать положение этой общины впервые, не имея предшествующей научной традиции.

Действительно, сибирские города после их основания как административных и военных опорных центров экономически развивались замедленно и имели своеобразную социально-демографическую структуру. Во-первых, они далеко не сразу становились центрами аграрной округи, во-вторых, их население само продолжало активно заниматься сельским хозяйством и, наконец, в-третьих, в торгово-ремесленной деятельности участвовали разные слои населения, прежде всего служилые, а затем и собственно посадские люди. Монополия посада на торгово-ремесленную деятельность, утвержденная Соборным уложением 1649 г., на сибирские города не распространялась. Все эти обстоятельства не способствовали быстрому развитию посадской общины.

Даже к началу XVIII в. посадские общины существовали не во всех городах Сибири. В крупнейшем сибирском центре — Тобольске (собственно в городе) — число посадских дворовладельцев с 1623—1624 по 1697—1698 гг. возросло с 69 до 309, в Енисейске на протяжении 1669—1696 гг. — с 168 до 215[117]. При этом посад в Енисейске начал складываться лишь в 1630-е гг., относительно 1659 г. признавалось, что посадские люди там «ис про-

мышленных и из гулящих людей не в давных годех»[118]. Примечательно также, что, хотя собственно посад в Енисейске (особенно к концу XVII в.) был одним из крупнейших в Сибири, большое количество посадских людей постоянно проживало в уезде, а потому вряд ли было тесно связано, хозяйственно и социально, с городскими тяглецами. По подсчетам В. И. Шункова, в Енисейском уезде на рубеже XVII—XVIII вв. из насчитывавшихся там 864 посадских людей 259 чел. имели пашню[119]. По другим данным, в 1669 г. в городе проживало 168 посадских людей, а в уезде —163; почти через 30 лет, в 1696 г.,— соответственно 215 и 334[120]. Такая же картина наблюдалась к 1699 г. в Тобольске — из 546 посадских дворохозяев в городе числилось 309[121]. Всего же в Верхотурско-Тобольском земледельческом районе в конце XVII в. из 1225 посадских людей пахали пашню не менее 257 чел.[122] В Томском же уезде к 1703 г. пашни имели 209 посадских людей из 235![123] В г. Красноярске по переписи 1713 г. было 22 двора посадских с 61 душой мужского пола, по первой переписи 1720 г. — соответственно 6 и 14 (сказалась интенсивная земледельческая миграция на юг), тогда как в сельских населенных пунктах Красноярского старожильческого района первая перепись 1720 г. зафиксировала 143 двора посадских с 553 душами мужского пола[124].

Слабость сибирских посадов проявлялась и в торгово-ремесленной деятельности, в которой они уступали прежде всего служилым людям. В Верхотурье даже в 1720 г. посадские люди составляли менее трети всех городских ремесленников (29 чел. из 100), а в Томске — чуть более одной десятой части (39 чел. из 328)[125]; в Тобольске к XVIII в. — лишь 12 % (37 чел. из 309)[126]. В Томске на протяжении всего XVII в. наиболее экономически активной силой были служилые люди, а слабость посадского населения проступала не менее ярко. В Тюмени посадские люди в 1670—1690-е гг. сокращали свои торговые обороты под экономическим давлением местных служилых людей[127].

Крайне невыгодной для сибиряков была и незаконная конкуренция воевод в торговой и промысловой сферах, сопровождавшаяся установлением эффективными методами феодального насилия прямой воеводской монополии[128]. Монополия нарушала интересы всех слоев сибирского общества, для посадских же людей это было разорительное феодальное вторжение в сферу главных занятий их сословия.

Сравнительная слабость общины сибирских посадских, ее территориальная некомпактность, сложность формиро-

вания торгово-ремесленного посадского населения нашли отражение и в терминологии источников. В первой половине XVII в. для ряда сибирских городов вместе с термином «посадский» или вместо него употребляется термин «жилецкий» человек[129]. Наличие обоих терминов — хорошо известное общерусское явление, не раз они соседствуют в Соборном уложении при перечислении различных слоев тяглого населения (например, в гл. VIII, ст. 1; гл. XXI, ст. 4 — об участии посадских и жилецких в выборе губных старост). Но в гл. XIX «О посадских людях», вводящей принцип записи в посадскую общину всего живущего в городах торгово-ремесленного тяглого населения, есть и общий термин «посадские жильцы» (ст. 9). Сибирские документы показывают, как жители городов и острогов, ранее именовавшие себя «жилецкими», перечисляются в соответствии с этой главой Уложения в посадские[130]. М. Н. Тихомиров дает определение: «Люди жилецкие — живущие в городе, уезде, самостоятельные в хозяйственном отношении»[131].

Постепенно сокращавшееся в первой половине XVII в. употребление термина «жилецкий» даже при обозначении членов посадской общины наблюдается в сибирских источниках и свидетельствует о постепенности складывания этой общины, росте ее функций. Но подчас и в средине XVII в. члены посадской общины определяются как «жилецкие и оброчные люди»[132]. При этом под оброчными могут пониматься не только торговцы, ремесленники, промысловые люди, но и крестьяне — такая община отделяется лишь от общины пашенных крестьян, с одной стороны, и от войска — с другой. Разделить торгово-ремесленное и земледельческое население с какой-либо четкостью было невозможно, и при конституировании общин признак характера тягла выходил на первое место. Но это не мешало подобным смешанным общинам активно выполнять все обычные мирские функции, а не одни лишь фискальные. Такова, например, община «жилецких и оброчных людей» Томска. В средине XVII в. в ней было около 60 тяглецов, которые во главе со старостой активно отстаивали свои профессиональные интересы в борьбе против притеснений и монополии воевод. Два ее представителя вместе со служилыми, пашенными крестьянами, аборигенным населением вошли в состав общегородской делегации, направленной в мае 1648 г. к царю с особой челобитной[133]. В последующие несколько лет «жилецкие и оброчные» Томска не раз принимали участие в общесословных челобитных, подчеркивая иногда, что они выступают «всем посадом».

Во второй половине XVII в. и в Сибири термин «община жилецких и оброчных людей» постепенно вытесняется термином «посадская община».

Феодальная рента с членов посадской общины Сибири складывалась в XVII в. из нескольких частей. Сословный статус члена общины предусматривал в первую очередь уплату оброка, денежного и хлебного. Размер денежного оброка с посадских (жилецких и оброчных) в первой половине XVII в. составлял около 1 руб. с двора или чуть больше, а в дальнейшем имел тенденцию к стабилизации или медленному росту[134]. Так, за 7134 (1625/1627) г. 30 томских жилецких людей должны были уплатить в казну 39 руб. 30 алтын, 26 оброчных — 31 руб. 14 алтын 4 деньги да 12 «новоприбылых оброчных» — льготную сумму в 16 алтын 4 деньги. В «именной оброчной книге» за этот год подчеркивалось, что функция распределения этого тягла уже принадлежит общине: деньги «они раскладывают между собою сами, смотря по животам»[135]. В 1648 г. 60 томских «жилецких и оброчных людей» без недоимок платили по 58 р. 75 к. в год[136]. Тот же принцип — «оброчные деньги платить, верстаясь меж собою по животам своим к промыслам своим ежегод бесповодно» — Ю. Я. Сулешевым утверждался и в самом Тобольске[137].

В Туринском посаде, насчитывавшем тогда от 40 до 55 чел., посадская община в 1630—1646 гг. платила по 40—45 руб в год. При этом на двор, в зависимости от зажиточности, приходилось от 3 руб. до 60 коп. В челобитной таможенного целовальника Насона Власова и всех общинников звучала жалоба, что число посадских уменьшилось, а воевода на 1641 г. опять увеличил оброк до 45 руб. В государевой грамоте приказывалось зачислить в посад архиерейских закладчиков и других нетяглых людей, оставив без изменения общую сумму его — 45 руб. Одновременно общинникам напоминался главный принцип мирской раскладки: «А вперед им окладыватца годовым денежным оброком меж себя повсягодно, хто из них обнищает, с тех збавливать, а хто торгом и животом прожиточнее будет, на тех годового оброку им меж себя прибавливать, чтоб государев оброк с посадских людей впредь был, без недобору». Характерно, что община в данном случае предпочла другой принцип в отличие от общей практики, существовавший здесь в первой половине 1630-х гг., когда воевода мог сам определять сумму денежного оброка с отдельного посадского двора, особенно зажиточного[138]. Так, в мирской посадской челобитной Туринска, поданной

30 июня 1639 г. от имени двух таможенных целовальников и 31 члена общины, вспоминались добрые старые времена (до 1635 г.), когда воеводы сами «по своему высмотру с худых убавливали, а на добрых прибавливали, а сами де те посадские люди в государеве в годовом в денежном оброке меж собою против русских городов не окладывались. А в Тобольске де посадские люди меж себя окладываютца ежелеть в годовом оброке против своих животов и промыслов». Туринские посадские особо подчеркивали, что прежние хорошие воеводы при этом вообще складывали денежный оброк с тех дворов, чьи хозяева померли, не оставив детей. Среди жалоб посадских упоминалась и внедрившаяся с 1636 г. воеводская практика заставлять всю общину платить за умерших, выбывших в другие сословия и беглых — самый больной вопрос для взаимоотношений государственного фиска и общины не только в XVII в., но и в последующие два века. Москва по этой жалобе подтвердила принцип мирской раскладки и общинной круговой поруки за бездоимочный сбор оброка — в соответствии с утвержденным в русских городах и сибирской столице порядком[139].

Этот частный туринский пример хотелось бы привести в связи со спорами сегодняшнего перестроечного времени о том, откуда шли такие порядки. Некоторые публицисты (например, И. Клямкин), стремясь найти корни сталинских методов коллективизации, доказывают, что она имела успех, в частности, потому, что базировалась на традиции общинной круговой поруки и уравниловки и на нежелании дворохозяев заниматься любыми общественными делами за пределами своего плетня. В действительности же общинный строй, как мы видим, предусматривал и хорошо знал активное участие всего мира и его выборных представителей в делах государственных, причем община настойчиво протестовала против уравниловки, а круговая порука перед казной насаждалась сверху. Но вернемся в сибирский посад XVII в. В 1640 г. при перераспределении оброчных тягот выборные посадские люди Тюмени по своему же усмотрению проводили переоброчку — «себя обложили и на иных посадских людей оброк положили против прежнего окладу, и на иных сверх прежнего прибавили, а с иных посадских людей для их бедности и одиночества оброку збавили»[140].

С 1622 г. посадские (жилецкие и оброчные) люди, имевшие пашни, были обязаны, наряду с некоторыми другими категориями населения, уплачивать с них натураль-

ный оброк. Для посадских этот «выдельной хлеб» был обычно равен 20 % урожая, хотя иногда наблюдались небольшие колебания в размере этого оброка. Так, томские жилецкие в 1626 г. при норме сдачи «пятого» снопа сдавали от «четвертого до шестого» (вероятно, также в зависимости от зажиточности)[141].

В 1645 г. в связи с жалобой двух туринских посадских в Сибирском приказе для справки были выписаны цифры реальных поступлений хлебного оброка с посадских Томска, Туринска и Верхотурья. Эти цифры колеблются, в зависимости от величины посева и урожая, от 8 до 23 четей ржи и столько же четей овса на двор (средний размер — около 10 четей каждого хлеба)[142].

Но, судя по челобитным посадских, наиболее тягостными для челобитчиков были «государевы службы» в целовальниках, а зачастую и головах в таможнях, кабаках, хлебных и соляных амбарах, при пушной казне, табачной продаже и т. д. Лишь такая повседневная служба посадских, подкрепленная круговой порукой всей посадской общины в случае любой недостачи, делала возможным функционирование этих важнейших сфер государственной экономики и всего городского хозяйства. Конечно же, налагая эти обременительные службы на сравнительно слабые посадские миры Сибири, государство наносило двойной вред торгово-ремесленному развитию края. Во-первых, сама эта государева служба, подчас связанная к тому же с длительными отлучками, была очень нелегким бременем для посадских общин, формой безвозмездного отчуждения не только рабочего времени, но и, при нередких недостачах, денежных средств посадских миров. Во-вторых (и это, быть может, еще важнее), городские общины в данном случае выбивались из сил, дабы поддержать функционирование крайне невыгодного для торгово-ремесленного экономического развития принципа — принципа феодального насилия над законом стоимости, заложенного во всевозможных монополиях, внутренних таможнях, государственно-феодальной системе взимания и распределения продуктов.

Однако при всей зависимости службы сибирской посадской общины от потребностей феодального государства важно подчеркнуть и обратное: само государство не могло еще функционировать без квалифицированной каждодневной работы городских миров. Поэтому оно вынуждено было считаться и с самими этими мирами, и с демократической процедурой выбора «всем миром» как общинных властей, так и лиц для несения подобных «государевых

служб». Без этого не действовал и столь важный для государства общинный принцип круговой поруки. Поэтому в тех случаях, когда нужно было выполнять такие службы в населенных пунктах, где еще не было не только посадской общины, но и вообще торгово-ремесленного посадского населения, правительству приходилось как-то выкручиваться, чтобы все же сохранить главное правило общинной ответственности. Первый, наиболее простой способ состоял в том, чтобы назначать в целовальники служилых людей — тогда за них отвечало войско. Но служилые по характеру своих основных занятий были мало приспособлены к такой службе[143]. Второй способ применялся широко и состоял в том, что для службы в такие населенные пункты отправляли на время своих членов крепкие посадские миры Русского Севера и Поволжья. По мере укрепления посадские общины в старых сибирских городах не только брали эти службы на себя, но и в свою очередь отправляли своих членов в новые города и острожки Сибири.

Правда, уже в 1624 г. Москва сделала попытку несколько сократить эту практику. В царской грамоте от 28 августа 1624 г. тобольскому воеводе Ю. Я. Сулешеву предлагалось вернуть в Казань присланных оттуда в Сибирь посадских для временной службы в таможенных и кабацких головах. Мера эта аргументировалась тем, что хотя «в Тобольском городе был большой денежной збор на кабаке», государевым указом «кабак в Сибири ныне отставлен». «А к тому таможенному збору в головы,— приказывал царь воеводе,— велели бы есте выбирати в Сибири ис сибирских и посадцких из лутчих людей»[144].

Однако эти меры оказалось куда легче провозгласить, чем выполнить. Кабак в Сибири вскоре опять стал вносить свою немалую долю в доходную часть государственного бюджета, пришлось продолжить и практику привлечения посадов Европейской России для обеспечения сибирских служб.

О том, что правительство не в силах было и помыслить о функционировании этих важных сторон государственного механизма без опоры на те или иные посадские общины, ярко свидетельствует один случай, происшедший в середине XVII в. В 1648 г. «таможенным и заставным головой» в Енисейск Сибирский приказ назначил (как было принято, грамотой от имени самого государя) «Соли Вычегоцкой Лалского погосту посацкого человека Левонтея Бобровского». Судя по таможенной документации, Леонтий вполне успешно справлялся со своей должностью и не забывал ис-

правно запрашивать Москву об инструкциях во всех сомнительных случаях (что Сибирским приказом вполне поощрялось). Однако в 1649 г. в Сибирском приказе спохватились, что при оформлении документов на занятие Л. Бобровским должности было сделано серьезное упущение — в приказе не оказалось мирского «выбора» на этого кандидата, и, следовательно, сольвычегодский посад не нес за его деятельность никакой ответственности.

Из Устюжской чети последовало распоряжение воеводе Соли Вычегодской В. Ф. Чолгокову: «взять у земских старост, и у целовальников, и у посадских, и у уездных людей выбор за их руками», прислать его в Сибирский приказ, уведомив государя об исполнении этого повеления. Но В. Ф. Чолгоков столкнулся с прямым сопротивлением сольвычегодского посада этому распоряжению, нарушавшему старинное мирское право самим выбирать людей на все подобные службы и должности. Вызванные к воеводе земский староста и целовальники «в съезжей избе ему, Василью, сказали, что им на того Левонтья Бобровского выбору дать не уметь, потому что они того Левонтья в тое государеву службу... не выбирали». Через несколько дней посадская община подтвердила этот отказ и его мотивировку особым документом — заручной челобитной. В ней подчеркивалось, что «они де на того Левонтья выбору не давывали, и того они не ведают, где он выбирал и хто ево выбирал, потому они на того Левонтья выбору дать не смогут». Очень показательна реакция Москвы на эту декларацию мирского принципа выборности: пусть в Соли Вычегодской посадские выберут своего кандидата вместо Бобровского и дадут на него выбор[145]. Москва признала правоту мира.

Крайняя обременительность «государевых служеб» для посадской общины не раз отмечалась в мирских челобитных. Приведем лишь два примера, дающих представление об объеме этих повинностей в соотнесении к размеру общины. (Напомним, что объем этот не регламентировался, а определялся потребностью.)

Туринская посадская община, насчитывавшая в середине XVII в. около полусотни членов, выделяла каждый год для этих служб по 10 чел.: «в Туринском же в таможне по два человека, да у пятинного хлеба по два ж человека, да у покупново хлеба по человеку, на заставе в татарских юртах по человеку, да у государева де продажного вина по два человека, да у продажной соли по человеку, да на Пелыми в таможенных головах по человеку»[146].

Община требовала расширения своего состава для обеспечения всех этих обязанностей, указывая при этом на закладчиков церкви и на бывших членов посада, незаконно, по мнению челобитчиков, вышедших из посадского мира[147].

Еще бóльшая нагрузка приходилась в то же время на томскую общину оброчных и жилецких людей, в которой было 60 тяглецов. В челобитной 1648 г. они сообщали: «А служим мы, сироты твои, всякие твои государевы службы, у твоих государевых дел в целовальниках: в таможне — три человека, у соболиной казны — два человека, у погреба, и у хлеба, и у соли — два человека , у двух мельниц — четыре человека, у бани — два человека, у пятинного хлеба — один человек, у табаку — три человека. Да по розным, государь, острогом за табаком же: в Енисейском — два человека, на Красном Яру — два ж человека, в Кузнецком — один человек, в Кецком — один человек. Да за твоими ж государевыми делами из нас, сирот твоих, выбраны в старосты [два человека]». Но общее число всех занятых на этих службах челобитчики определяют не в 25, а в 27 чел.[148]

Картину, нарисованную этими двумя челобитными, следует признать вполне типичной[149]. Посадские сибирской столицы, например, сообщали в 1639 г., что уже с 1620-х гг. они несли службу в целовальниках при приеме соболиной казны, при хлебных и соляных амбарах, в таможне. При этом по общему правилу им приходилось исполнять такие службы и в других сибирских городах, причем эти «посылки» затягивались подчас на срок до трех лет[150].

Обременительность для посадских именно этой части ренты была такова, что они подчас считали куда более выгодным для себя переход в общину ямщиков даже при условии значительного дополнительного оброка (по сравнению с другими ямщиками); иногда посадские перебегали в пашенные крестьяне. Оба эти случая встречаются в запутанной и полной драматических поворотов судьбе большого туринского семейства Коркиных, их родственников и друзей. Родоначальник семейства Иван Коркин ушел в 1618 г. в Сибирь, поступил в Туринский посад, где вскоре он и шесть его сыновей стали весьма зажиточными людьми. Его сыновьям, хоть и с немалым трудом, с представлением общине замены, удалось уйти в другие сословия, преимущественно в ямщики. Елисей Коркин согласился при этом, взяв на оброк большое Офонинское займище, уплачивать в казну наряду с тяжелой ямской службой двойной хлебный

оклад — по 40 четей в год. Освоив землю, он считал, что имеет исключительное право на эксплуатацию пашни и соседних угодий. «А в Сибири, государь,— писал он на имя царя,— даром пашня не роспахиваетца, силу и крошки свои в роспашь и в деревенские заводи кладем»[151]. Но посадская община не оставляла своих претензий к Коркиным и еще к нескольким лицам, находившимся в подобном же положении. В ходе разбирательства, в частности, выяснилось, что отец двух туринских служилых людей Галактион Григорьев, будучи еще в 1598 г. сослан из Лаишева в Туринск в десятинную пашню, поставил вместо себя в крестьяне двух других человек, но был затем насильно записан в посадские. С немалым трудом, используя служебную командировку в Москву одного из своих сыновей, он сумел прямо в столице добиться возвращения вместе с третьим своим сыном из посадских в пашенные крестьяне[152].

Местные власти, вынужденные считаться с протестами посадских общин и их требованиями о возвращении перешедших в иные социальные группы, проводили периодические пересмотры состава гарнизонов, возвращая поверстанных в служилые люди в прежнее состояние, а также возвращали посадам ушедших в закладчики. В 1639—1641 гг. в связи с сыском таких закладчиков из посадов Тобольска и Туринска, укрывшихся за сибирским архиепископом и Софийским домом, Сибирский приказ безапелляционно решил: «впредь, которые живут на посадах, ничьими закладчиками не называть»[153].

Наряду с упомянутыми выше в посадское тягло входили и некоторые другие обременительные работы — строительство и поддержание в порядке городских укреплений, гостиного двора, городских мельниц, бань, складов пушнины, хлебных и соляных амбаров и т. д. Обычно посадские выполняли их не самостоятельно, а вместе со служилыми, крестьянами, зачастую совместно они и протестовали либо вообще против непосильности тех или иных работ, либо против сроков, темпов и методов их осуществления. Во время восстания в Томске в 1648 г. община «жилецких и оброчных» вместе с другими общинами города резко возражала, например, против найма плотников для строительства городских укреплений с внесением в казну денег для оплаты их работы всеми слоями городского населения — томичи уверяли, что привыкли делать подобные работы «головами своими, а не деньгами»[154].

В общесословной челобитной от 22 июня 1654 г. тюменских миров на воеводу Никифора Ивановича Елдезина

посадская община во главе со своим старостой протестовала против некоторых государственных отработок, подчеркивая, что они наложены воеводой не по «старине» и что воевода при организации работ не брезговал широкомасштабным взяточничеством[155].

В сфере подобных отработок законная часть феодальной ренты очень часто незаметно преображалась в противоправное, но общепринятое вымогательство воевод, использование ими труда посадских (как и прочих сословий) в интересах своего частного хозяйства. Пограничной сферой здесь было строительство и поддержание в порядке построек на воеводском дворе. С точки зрения государства подобные работы входили в число общественно необходимых (и потому законных), как и строительство укреплений, тюрьмы или порохового погреба. Но Москва каждый раз требовала от воевод подробного обоснования объема и необходимости строительных и иных работ на воеводском дворе; затем воеводе надо было ждать государева указа, разрешающего использование посадских для этих целей. Воеводы же часто предпочитали обходиться без московского разрешения, в частности потому, что определенная доля таких работ была связана с их незаконными попытками заниматься (с применением труда подвластного населения) промысловой, торговой и даже сельскохозяйственной деятельностью.

Особой проблемой была повинность, связанная с постройкой гостиного двора. Хотя торговлю вели почти все сословия Сибири, а крупные торговцы Европейской России и их агенты составляли зесь мощную конкуренцию сибирякам, именно создание и функционирование гостиного двора соответствовало главному сословному признаку посадских — их занятости в сфере торговли, ремесла, промыслов. Но претворение этой государственно-юридической нормы (принадлежность к посадской общине «по торгам и промыслам») в действительную жизнь, и особенно сибирскую, было делом крайне трудным. Мы упоминали уже, что немалая часть сибирских посадских, а порой подавляющее большинство их проживали не в городах, а в сельской местности и что даже жившие в городах занимались сельским хозяйством, подобно тому как многие представители других сословий имели свои торговые и ремесленные заведения, занимались промыслами. Поэтому власти зачастую считали справедливым раскладывать повинность по созданию и поддержанию в порядке гостиного двора на все служилое и тяглое население города (а иногда и уезда). Но

и в этом случае у посадских имелись подчас серьезные причины без особого восторга относиться к этой всесословной строительной деятельности по созданию лучших условий для городской торговли.

Во-первых, гостиный двор предназначался не столько для местных посадских и служилых, сколько для представителей крупных торговых домов Европейской России, которые зачастую были заинтересованы в его постройке больше местных торговцев (имевших на посаде свои дома), а посадское тягло тянули по месту своей «приписки» вне Сибири. Яркий пример тому — заручная челобитная 23 приезжих торговых людей о постройке нового гостиного двора в Енисейске. Челобитчики упоминали, что старая «гостиная изба» была сломана и лавок на дворе осталось там мало, что по распоряжению уже известного нам таможенного головы Леонтия Бобровского помещают по 2—3 торговца в одной лавке, а другие снимают за большую цену лавки у местных жителей. Челобитье о строительстве нового гостиного двора силами местных жителей было удовлетворено, и енисейскому воеводе Афанасию Никитичу Пашкову послано из Сибирского приказа соответствующее царское распоряжение[156]. Понятно, что енисейские посадские не были рады этому.

Вторая причина незаинтересованности местных жителей в таких постройках заключалась в том, что им была выгодна старинная система совмещения с жилым комплексом ремесленной мастерской, личного складского амбара, лавки и т. д. Здесь посадский чувствовал себя куда более свободным и, главное, здесь было больше возможностей для обхода строгого фискального (в первую очередь таможенного) надзора. По этой же причине государство стремилось как можно скорее заводить гостиные дворы во всех заметных пунктах сибирской торговли, и как только такой двор появлялся, следовали запретительные указы хранить товары и торговать вне этого двора.

Таким образом, постройка гостиного двора для посадских была не только строительной повинностью, но и средством обеспечения части уплачиваемой ими феодальной ренты: таможенных сборов, устанавливаемых обычно в размере 10 % стоимости товаров.

Наконец, следует помнить еще об одной важнейшей части феодальной ренты, по своим размерам успешно конкурировавшей с остальными. Это незаконные поборы представителей местной (а подчас и центральной) администрации в свою пользу. И чем зажиточней был посадский, тем

более вожделенным объектом прямого грабежа он являлся. Так, уже в 90-е гг. XVII в. наиболее зажиточных горожан Тюмени и Туринска намеренно выбирали в качестве своих жертв десятильники из детей боярских — светские чиновники церкви, имевшие, в частности, право следствия и суда по духовным делам, подлежавшим церковной юрисдикции. Они использовали это право, организуя оговор и пытки невиновных с целью получения от них взяток, подчас довольно крупных. Одно время десятильники действовали в союзе с воеводской властью, получавшей свою долю, но затем между союзниками возник разлад, перешедший в открытый конфликт, что помогло обузданию митрополичьих чиновников. Однако главную роль в этом сыграла не светская администрация, пытавшаяся затем замять дело, а активнейшая позиция местных миров, побудившая Москву начать следствие, провести повальный обыск и примерно наказать виновных. Сибирским мирам удалось здесь даже то, что далеко не всегда удавалось при разоблачении насилий и взяточничества местных властей: не на бумаге, а на деле получить компенсацию в пользу жертв произвола — десятильники не только вернули все награбленное ими — 571 р. 55 к., но и заплатили такую же сумму в качестве пени в государеву казну. (Для сравнения отметим, что на содержание тобольского митрополита вместе со всем его двором государство тратило в это время 370 р. 69 к. в год.) Так в канун петровских преобразований, сильно сокративших влияние местных миров в системе государственного управления, они еще продолжали исполнять важную функцию сопротивления коррумпированности бюрократического аппарата централизованного управления[157].

Но не всегда, даже в случае победы миров при подобных столкновениях, конфискация в пользу обиженных незаконной доли феодальной ренты была столь полной. В этом отношении очень показательны ход и итоги упорной борьбы, которую вели в 1620-х гг. томские посадские против беззастенчивого грабежа воеводы князя Афанасия Федоровича Гагарина.

Посадские старосты не только, как полагал В. О. Ключевский, «лаяли» воевод, но нередко, возглавляя свои миры, доставляли им значительно бóльшие неприятности. В начале 1620-х гг. старосты томской посадской общины Сидор Истомин и Гаврила Шодюр, выступая от имени всех 25 тяглецов этой небольшой общины, боролись с воеводами кн. И. Ф. Шаховским (1620—1622), а затем кн. А. Ф. Гагариным с сыном Иваном и С. В. Дивовым (1623), обвинив

их перед Москвой в разных «обидах и насильствах»[158]. По всей вероятности, томские посадские люди «воодушевились» успехом томского казака И. Лукьянова, который сумел добраться до Москвы и подать в Казанский приказ жалобу на И. Ф. Шаховского в «грабеже» Троицкой церкви, в бесплатном помоле огромного количества своего хлеба на государевой мельнице, всяческих вымогательствах и насилиях над мельником и служилыми. По этой жалобе в 1629 г. в Томск из Тобольска прибыли сыщики и начался сыск, а самого И. Лукьянова по его просьбе перевели еще в 1627 г. на службу в Тобольск, чтобы оградить от преследований «супостатов» — соучастников воеводы в «грабеже»[159].

В свою очередь старосты посадской общины обвинили в Москве И. Ф. Шаховского в незаконном взимании с посада оброков в свою пользу, а его преемников в не менее наглой операции: они приняли у Г. Шодюра весь поступивший с посада за 7132 (1623/1624) г. «пятинный хлеб», заставив обмолотить его, а затем весь этот хлеб, 300 четей «в казенную меру», незаконно присвоили и перевезли на свои воеводские дворы. Никаких документов о приеме хлеба старосте дано не было. Посадская община, действуя в союзе с войском, использовала «повальный обыск», назначенный по челобитной казака И. Лукьянова тобольскими воеводами. Обыск полностью подтвердил все претензии и служилых, и посадских. В пользу последних за украденный воеводами «пятинный хлеб» было приказано «доправить» на А. Ф. Гагарине и С. В. Дивове 200 руб. (так как новый воевода О. Т. Хлопов хотел собрать этот хлеб с посада второй раз).

Но, возвращаясь с воеводства, кн. А. Ф. Гагарин помер, а его наследники и второй воевода С. В. Дивов саботировали решение о возмещении убытков. Посадский староста С. Истомин более двух лет «проталкивал» это дело в Москве через самых разных чиновников Казанского приказа и других ведомств, подал семь челобитных, по совету дьяка добился рассмотрения вопроса царем и решения в пользу посада: взыскания денег с княгини Мавры Гагариной и Семена Дивова. Однако затем началась долгая «московская волокита» с выполнением этого царского повеления, причем приказной бюрократический аппарат оказался на стороне проворовавшихся воевод, изобретая все новые предлоги для сокращения суммы возмещения. В конце концов томские посадские при поддержке служилых получили вместо 200 только 50 руб., да и то лишь в январе 1633 г.[160]

Однако при всех ухищрениях коррумпированной бюрократии, местной и столичной, слабый томский посад все же одержал победу над несколькими воеводами.

Наряду с проблемами феодальной ренты к сложным взаимоотношениям посадских общин с воеводской властью не раз приводила и сама логика службы посадских в таможнях в качестве выборных голов, целовальников. С одной стороны, общины отвечали (в том числе и материально) за честное исполнение своими членами этой службы. С другой стороны, подобная честность, верность присяге почти неизбежно означали конфликт с местными воеводами, бюрократией, самовластно стремившимися обойти таможенный контроль. Ведь в большинстве случаев речь шла не только о неуплате воеводами установленных таможенных пошлин, но и о возможности полной конфискации воеводских товаров вследствие незаконности прибыльнейшей воеводской торговли.

Царскими указами государство пыталось обеспечить определенную независимость таможенной службы от воеводского управления, чтобы не допустить корыстного использования воеводами и дьяками этой службы в целях собственного обогащения[161]. В основе методов обогащения мы всегда находим феодально-административное насилие. Это и введение незаконной воеводской монополии для торговли со степняками, позволявшей очень дешево скупать партии «колмацких» коней, восточные ткани и т. п., и организация собственного пушного промысла в угодьях посадских, служилых, сибирских аборигенов, и всяческие махинации при сборе ясака, и прямое насилие в завладении главным богатством — «мягкой рухлядью», и обмен беспошлинно ввезенных воеводами русских товаров на ту же пушнину. Но и коней, и меха, и ткани, и ясырь, и деньги воеводам надо было как-то доставлять обратно в Европейскую Россию — и здесь на пути у них оказывалась таможенная служба, вооруженная государевыми указами, запрещавшими всю эту воеводскую деятельность и неуклонно требовавшими конфискации всех незаконных богатств[162].

Борьба шла с переменным успехом. Известны многочисленные случаи, когда таможенной службе удавалось осуществить подобную конфискацию, чаще всего при возвращении воевод, уже отслуживших свой короткий срок[163]. Когда же таможенникам приходилось сталкиваться с еще правящим воеводой, то несмотря на запрет воеводам вмешиваться в таможенную службу, у местной бюрокра-

тии находились самые разнообразные способы давления. Тем более, что таможня была связана не только с посадской общиной, другие ее связи тянули к этой самой коррумпированной администрации, которая подчас заражала ее своими пороками.

Весьма показательно в этом плане одно верхотурское дело 1645 г. Таможенный голова, член сольвычегодской посадской общины Кирилл Гогулин и целовальники из местных посадских в отписке на имя царя сообщили, что воевода Максим Федорович Стрешнев (Стрешневы были родственниками царя) и подьячий с приписью Максим Лихачев постоянно получают «с Руси» много всяких товаров, а назад отправляют целые «стада коней», не уплачивая таможенных пошлин. К жалобе были приложены обширные списки этих товаров. В отписке указывалось, что таможенного досмотра своих товаров воевода вообще не дает делать, применяя прямое административное насилие; мало того, он всячески вмешивается в деятельность таможни. Голова и целовальники напоминали о царских указах, запрещавших воеводам «вступаться» в «государевы таможенные дела» и просили подтвердить их[164]. В ответной государевой грамоте воеводе был сделан строгий выговор, ему приказывалось под угрозой опалы прекратить вмешательство в таможенные дела и представить к досмотру головой и целовальниками все свои товары[165].

Но воевода и подьячий вскоре смогли взять реванш, играя на том, что центральная власть, как и общины, не одобряла злоупотреблений не только воевод, но и таможенников. В воеводской отписке царю сообщалось, что таможенный голова Кирилл Гогулин и целовальник Артемий Белкин оказались сильно замешаны в дело о хищении казенных хлебных запасов, собранных с верхотурских общин, и мешают следствию по этому делу. Следствие было назначено незадолго до конфликта воеводы с таможней по челобитной государю верхотурских сословных организаций. В челобитной указывалось, что бьют челом стрелецкий пятидесятник — от имени всех служилых, посадский, ямской и крестьянский староста — от имени своих общин; сообщалось о неучтенных в государственной документации, утаенных от казны «сошных запасах»[166].

Москва реагировала на сообщение воеводы приказанием посадить таможенников «за дурость и невежество» на неделю в тюрьму, а просьбу миров о следствии удовлетворить. Мы не можем сейчас адекватно восстановить реальный ход этого следствия. Известны типичные случаи, когда

подобные «сыски» по требованию общин завершались обнаружением огромных хищений хлеба воеводами и подьячими[167]. Но документы верхотурского дела демонстрируют трогательное единство воеводы и миров в сохранении от расхищения казенного хлеба, собранного с таким трудом мирскими руками. По поступившим в Сибирский приказ материалам следствие установило, что по вине таможенников в результате хлебных и других операций казне был нанесен ущерб в 2398 руб. Эту огромную сумму было приказано взыскать с головы, целовальников и поручившихся за них общин — в соответствии с формулой «выбора»[168]. Такой колоссальный начет мог бы разорить эбе общины, но источник молчит о том, удалось ли казне получить эти деньги: на дальнейший ход этого дела наложили решающий отпечаток события Верхотурского восстания 1648—1649 гг., о которых пойдет речь в главе V.

Можно привести еще несколько фактов функционирования посадской общины, ее взаимодействия с воеводским управлением.

В 1639 г. староста тогда еще немногочисленного посада Тобольска А. Кабанов поставил перед Сибирским приказом весьма острые вопросы, связанные с фискальными тяготами, довлевшими над посадом. Он просил увеличить численность посада, освободить его от длительных и разорительных посылок тяглецов в другие города для исполнения обязанностей целовальников, снять с посадских людей «пятый сноп», уравнять их в торговых таможенных пошлинах с центрально-русскими городами и дать им в том уставную грамоту. Менее месяца спустя А. Кабанов в новой челобитной раскрыл попытку воеводы кн. М. М. Темкина-Ростовского скрыть недостачу соляных запасов за счет посада. Дело заключалось в том, что хранившаяся в казенных амбарах соль под воздействием влаги «утекала», а воевода решил обязать посадских людей перемерить ее и образовавшуюся надостачу восполнить за их счет. Если первая челобитная успеха в Сибирском приказе не имела, то вторая завершилась розыском о состоянии воеводского соляного хозяйства[169].

О борьбе посада за свои нужды ярко свидетельствует и челобитье, поданное в 1647 г. посадскими людьми Енисейска. Заинтересованные в увеличении своей общины и обеспечении своих торговых и ремесленных интересов, они при поддержке местного воеводы Ф. П. Полибина поставили вопрос о том, чтобы многочисленные приезжие торговцы и

гулящие люди, годами жившие в Енисейске и занимавшиеся там ремеслом и торговлей, были записаны в посад и платили с ними заодно посадский оброк. Ф. П. Полибин свой властью реализовал эту очень серьезную просьбу, и Сибирский приказ одобрил его, рекомендовав впредь действовать так же[170]. Однако практическое выполнение этой меры оказалось в дальнейшем делом крайне непростым. Енисейские посадские уже в 1649 г. поставили вопрос об избирательном подходе к включению в посад приезжих людей. В своей челобитной в Москву они просили не записывать в их состав промышленных и гулящих людей, которых сами нанимали к себе в работники. Они аргументированно доказывали, что эти наймиты обрабатывали пашни посадских людей, без которых последним «не с чего» будет нести «государевы службы»[171]. По этим же причинам томская посадская община в 1648 г. протестовала против незаконного вовлечения воеводой кн. О. И. Щербатым «гулящих и промышленных людей» в свое частнофеодальное хозяйство[172].

Известно также, что в 1699 г. кузнецкий староста посадских людей И. Самсонов в тяжбе со Спасским монастырем за лесные угодья и месторождения руды отстаивал возможность вести кузнечное производство[173].

В конце 1649 г. выступил против монастырских закладчиков посад Тобольска. Его староста К. Мурашкин писал, что закладчики Знаменского монастыря торгуют мясом и рыбой в городских лавках, промышляют тем же в отъезде и просил всех их «учинить» в одном оброчном окладе с посадскими людьми, чтобы они их не стесняли в торгах. Сибирский приказ полностью согласился с мнением посадской общины и подчеркнул в ответном указе повеление: «старинным монастырским крестьянам, кто разными промыслами промышляет», всякие службы нести с посадкими людьми по очереди, а пришлых людей, заложившихся за монастырь, взять в посад[174].

Эта победа тобольской общины — итог не только ее собственных усилий, но и нараставшей всю вторую четверть XVII в. настойчивой борьбы посадов России (включая московский) за включение всех закладчиков, особенно церковных, в посадские общины. Постепенно и государственная власть все более решительно становилась здесь на сторону посадских. Возвращение закладчиков в посад предписывалось государевыми указами еще в 1637 и 1638 гг., и затем эти постановления были обобщены и усилены в Соборном уложении 1649 г. (гл. XIX, ст. 13, 18)[175]. Каждый

раз законодательным актам предшествовали челобитные посадов, а иногда и более острые формы борьбы. Сибирские посады неотступно требовали того же. Так, царские грамоты 1640—1641 гг. в Туринск о перечислении закладчиков в посадскую общину были даны по неоднократным челобитным этой общины[176]. В конце 1640-х гг., богатых острыми вспышками антифеодального протеста, сибирские посадские общины постоянно посылают в Москву челобитные и ходоков просить «о своих мирских нуждах» и в столице зачастую идут им навстречу[177].

Не обошлось без активного вмешательства посадских общин Сибири и затянувшееся решение проблемы назначения в сибирские города таможенными головами посадских Европейской России. В первой половине XVII в., как мы видели, это была вынужденная мера, обусловленная слабостью сибирского посада. Но постепенно участились случаи злоупотреблений в Сибири таможенных голов из далеких посадов европейской части страны, и сибирские посадские общины стали приходить к выводу, что при всей обременительности этой службы передача ее местным жителям, подотчетным своим мирам, будет все же предпочтительнее. Сибирский приказ согласился с этим мнением, и к 1689—1690 гг., по имеющимся сведениям, сибирские посадские общины избрали своих членов вместо поморян в таможенные головы Томска, Туринска, Сургута, Березова, Мангазеи (Туруханска)[178]. Енисейская община сумела в 1690-х гг. добиться выполнения еще одного требования, облегчавшего ее положение: была уменьшена наполовину оброчная сумма с посада[179].

Таким образом, несмотря на относительную экономическую слабость сибирского посада, сравнительно позднее формирование торгово-ремесленного населения, посадская община на востоке страны играла заметную роль в общественно-политической жизни края. Хотя государству она нужна была в первую очередь как бесплатный административно-фискальный аппарат, сама эта незаменимость общины приводила в условиях сословно-представительной монархии к тому, что и воеводы, и столичные власти должны были считаться с голосами выборных демократических органов горожан. Эти органы — самостоятельно или чаще в союзе с такими же органами других сословий — сдерживали и «законную» феодальную эксплуатацию, и незаконный безудержный грабеж населения коррумпированной бюрократической администрацией. Подобным сдерживающим началом, противовесом крепнущей абсолютистской бюрокра-

тии могли служить лишь общественные организации, опиравшиеся на прочную национальную традицию, построенные на началах выборности, подотчетности общинных властей миру, земской солидарности.

Глава II

ОРГАНИЗАЦИЯ СИБИРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ («ВОЙСКО»)

Формирование сибирского служилого населения с его специфичным статусом началось с похода Ермака. В дальнейшем под воздействием государственной власти происходила трансформация его положения. В отечественном сибиреведении роль служилых людей в XVII в. оценивалась по-разному. В работах дореволюционных исследователей на первый план выдвигалась, как правило, военно-административная сторона их деятельности. В советской историографии, особенно после работ В. И. Шункова, издания обобщающей «Истории Сибири», недавних исследований А. А. Преображенского, А. Н. Копылова, О. Н. Вилкова, Г. А. Леонтьевой, В. Н. Курилова, А. А. Люцидарской, Н. А. Миненко, Н. И. Никитина, упрочивалась мысль о существенной роли служилых в хозяйственной жизни региона[1].

Действительно, после присоединения Сибири к России сибирские служилые люди наряду с крестьянами стали по своей численности важнейшей социальной категорией населения. На протяжении XVII в. их численность, естественно, изменялась, но так или иначе во многих местах служилые приборные люди вплоть до начала XVIII в. доминировали над остальными социальными группами населения. По данным 1710 г., по Сибири в целом крестьянство численно уже вдвое превосходило служилых людей, но в Томско-Кузнецком, Нерчинском районах и наиболее северных «беспашенных» уездах служилые люди составляли основную категорию населения, а в Енисейско-Красноярском районе лишь ненамного уступали крестьянам[2]. Их роль не ограничивалась делом присоединения отдельных областей Сибири к России и обеспечением безопасности границ, прежде всего южных, с кочевым монгольским ми-

ром. Велико было значение служилых людей в хозяйственном освоении Сибири, в повседневной жизни общества. В значительной своей части служилые люди существовали за счет собственного труда, занимаясь различными ремеслами и земледелием. На протяжении всего XVII в. они преобладали среди земледельческого населения Тарского, Красноярского, Томского, Нерчинского уездов и составляли немалую часть земледельцев Тюменского уезда[3]. Даже в Тобольске, где было более всего посадских людей, вследствие «слабости посада, — как свидетельствует Н. И. Никитин, — 10 % служилых людей вносили в середине XVII столетия в развитие ремесла и торговли Тобольска не меньший вклад, чем все 100 % его посадского населения»[4]. В таких крупных городах, как Тюмень и Томск, служилые люди и в начале XVIII в. определяли торгово-ремесленную деятельность городского населения. Так, в Томске в 1719—1720 гг. из 328 ремесленников 267 чел. были казаками. В равной степени они преобладали в XVII в. в местной торговле и предпринимательстве[5]. В Тюмени служилые люди стали заниматься преимущественно промыслами и торговлей приблизительно с середины XVII в., оттесняя посадских людей. В последней трети века их торговля еще более расширилась, и в целом торгово-промышленная деятельность отличалась бóльшим размахом, чем у остального населения[6]. В торгово-ремесленную деятельность служилые люди были вовлечены и в других сибирских городах — Тобольске, Енисейске, не говоря уже о Нерчинске и Якутске, где посадского населения по существу не было[7].

* * *

Для того чтобы понять военную, политическую и социальную сущность сибирского войска, прежде всего следует иметь в виду историю его сложения и особенности статуса. Только после этого можно реально представить себе мировоззрение сибирских служилых людей, их роль в многочисленных социальных коллизиях бурной жизни Сибири XVII в. При всей противоречивости данных сибирских летописей о походе Ермака и его хронологии они содержат неоспоримый материал о характере организации дружины Ермака. «Казацкий обычай» решать свои дела на войсковом круге четко прослеживается во всех сибирских летописях и «Синодике ермаковым казакам». С поступления на

службу к Строгановым и на протяжении всего похода общность мнения «казаков» или «Ермака с товарищи» была неоспоримым принципом. «Ермак и казаки действуют как единое целое», — отмечала Е. К. Ромодановская, исследуя сибирское летописание[8]; «...Ермак в Есиповской летописи олицетворяет сословие казаков — именно поэтому он для автора (летописи.— *Авт.*) неотделим от дружины»[9]. «По приговору всего товарства» свидетельствовал «Синодик ермаковым казакам» о решении дружины послать Ивана Кольцо с отрядом в трагический поход будто бы на помощь татарам против казачьей орды[10].

Обязательность коллективного решения отразилась и в важнейшем акте, принятом дружиной, — в посылке посольства в Москву. Учитывая свою относительную малочисленность, тем более после понесенных потерь, казаки не могли не понимать шаткости своего успеха в разгроме Сибирского ханства. Но дело заключалось не только в этом. Посольством в Москву казачья дружина определяла политическую цель своего похода, а успех этого дипломатического шага имел огромное значение в официальном положении сибирского казачьего войска и его дальнейшей истории. Кстати, сам факт посольства свидетельствует против высказывавшегося в сибиреведческой литературе мнения о правительственной инициативе в организации похода Ермака за Урал. Своим посольством дружина Ермака, собранная из разнородных казачьих отрядов преимущественно с Волги и Яика, а также Дона и Терека[11], предстала консолидированным сибирским «воинством», коллективно обратившимся к царю.

Даже по Строгановской летописи организация посольства в Москву предстает инициативой самого войска. Сообщив Строгановым об успехе, «тогда же они, атаманы и казаки волстии Ермак Тимофеев з дружиной своею, из Сибири писаше к Москве государю царю и великому князю Ивану Васильевичю... о усмирении Сибирския земли»[12]. По другому списку казаки и Ермак сообщали «о пленении всеа Сибирския земли»[13]. В различных списках Есиповской летописи формулировка казачьего обращения к государственной власти еще более определенно свидетельствует о цели похода — «царство Сибирьское взяша и царя Кучума и с вои его победиша, под его царскую высокую руку привели... до веку». Наконец, Ремезовская летопись подчеркивает «единомыслие» совета Ермака с дружиной о посольстве к Ивану IV[14].

В XVII в. казачьи сообщества имели разную судьбу. В результате укрепления среднего и нижнего течения Волги целой системой городов-крепостей, созданных московским правительством в 1586—1590 гг., волжское казачество не смогло консолидироваться и сошло с исторической арены уже в первой половине XVII в.[15] Иная судьба была у донского казачества. На протяжении всего XVII в. московские власти не смогли полностью поставить под свой контроль внешние сношения этого крупнейшего в то время казачьего войска, а тем более вторгаться во внутренние порядки казачьих общин[16]. Более того, по заслуживающему большого внимания мнению А. Л. Станиславского, в ходе крестьянской войны начала XVII в. в центре страны у «вольного» казачества, к тому же тесно связанного с Доном, начала складываться сословная организация, цели которой были существенно иными, чем у приборных людей и мелкого дворянства, а интересы отличались от чаяний основной массы крестьян, холопов и посадских людей[17]. Находясь в годы Смуты в центре России, многотысячная масса «вольного» казачества была грозным противником дворянства.

Правительству Михаила Романова, затратив много энергии, удалось локализовать угрозу дворянству со стороны этого «вольного» казачества и не без выгоды для себя использовать его в своих целях. К 1619 г. казачество рассеялось по многочисленным провинциальным гарнизонам западного пограничья, окончательно утратив свой статус «вольного».

В Сибири же складывалась иная, своеобразная ситуация. Своим челобитьем о приобретении нового «царства» казаки Ермака признали над собой юрисдикцию верховной, царской власти, что принципиально меняло положение войска. Не будучи в состоянии из-за слабости своего административного аппарата, отдаленности сибирских зе́мель, отсутствия частнофеодального землевладения устанавливать в Сибири централизованное воинское управление, русское правительство вынуждено было не только сохранить казачью организацию, но и считаться с ее традиционными формами.

Государственная власть, особенно после «смутных» лет, стала возвеличивать ореол подвига дружины Ермака. Когда в 1621 г. была создана тобольская архиепископия и на новую кафедру был назначен видный сторонник Романовых архимандрит Новгородского Хутынского монастыря Киприан, он сразу же счел необходимым проявить инициативу

по увековечению памяти Ермака. Для этой цели через год своего «престольства» он к 40-летней годовщине знаменитого похода собрал немногих оставшихся в живых ермаковых казаков и повелел расспросить их. Ветераны похода сами принесли ему уже имевшееся у них «написание» о приходе казаков в Сибирь и их сражениях с перечнем павших в боях. На его основе Киприяном был составлен «Соборный синодик». Создание «Синодика» преследовало очень важную для самодержавия и церкви идеологическую цель — увековечить память героического мученичества в борьбе за распространение православной веры. «Синодик» повелено было архиепископом «кликать» в Тобольской Софийской церкви при торжественном поминовении погибших[18]. Его литературные достоинства усиливали эмоциональное воздействие на присутствовавших православных от воспоминаний о героическом прошлом. Несколько позднее, в 1636 г., по ходатайству архиепископа Нектария «прославление» Ермака и его казаков было утверждено царем, патриархом и Освященным собором; оно провозглашалось не только в Тобольске, но и в Москве и приобрело официальное общероссийское значение[19].

Прославление казачьего подвига подтверждало значимость и нерушимость вхождения Сибири в состав России и вместе с тем отражало идеологическое стремление церкви, воздавая память Ермаку, причислить народного героя, пользовавшегося огромной популярностью, к официальным носителям христианских добродетелей и трудникам государственной власти[20]. Признание заслуг казачьей дружины было не только проявлением официальной благодарности за «новое» царство. Принесенную посольством дружины Ермака присягу на верность службы в Москве сразу же использовали в политических целях.

Уже с 1584 г. присоединение Сибири обыгрывается в дипломатической документации при сношениях с западноевропейскими государствами как важное политическое событие, возвеличивавшее успехи царской власти[21]. Утверждение о прочности политической и экономической связи Сибири со всем государством после ее присоединения к России и даже в «смутное время» начала XVII в. повторяется и позднее. В частности, в государевом наказе 1617 г., выданном Посольским приказом русскому послу в Швеции Ф. П. Барятинскому, значилось: в «безгосударное время Сибирь ни в чем не поколебилась и от Московского государства не отставывала, и в нем меж людей никакие смуты и розни, и несогласия, и рати, и войны не бывало, то в

Сибири всякие люди наживали и богатели»[22]. Обстановка в Сибири в эти годы, конечно, была не столь идиллическая, и волнения, особенно среди местного населения, наблюдались, но до резкого социального и династического антагонизма дело не дошло[23].

Увековечивая память погибших соратников Ермака (и все более затушевывая в официальных документах заслуги дружины), московские власти вынуждены были проявить внимание не только к оставшимся в живых казакам Ермака, но и ко всему поколению, силами которого упрочивалось присоединение Сибири к России в конце XVI и в начале XVII в., в лихолетье Смутного времени.

Служилые сибирские люди, добиваясь повышения по службе и перечисляя свои заслуги, часто ссылались на службу «с Ермаком». В их семьях поколениями сохранялась память о предках, сокрушавших Сибирское ханство. Челобитья о поверстании в службу подросших детей даже при их далеком родстве с участниками событий конца XVI в. не встречали возражений со стороны Сибирского приказа. Тем самым потомственная связь с участниками событий 1580—1590-х гг. получала официальное подтверждение.

Еще в первые десятилетия XVII в. сподвижники Ермака служили в войске. В начале XVII в. в Тобольске одно из казачьих подразделений упоминалось в документах как «старая сотня»; некоторые состоявшие в ней казаки утверждали, что служат в Сибири с «ермакова взятия». Это позволяет считать, что в данной воинской части концентрировались оставшиеся в живых соратники Ермака[24]. В 1607 г. в Верхотурье атаман Пинай Степанов 24-летней службой в Сибири доказывал свое участие в разгроме Сибирского ханства[25]. В 1623 г. тюменский конный казак Гаврила Иванов во время пребывания в Москве обратился в Приказ Казанского дворца с просьбой о назначении его атаманом тюменских казаков. Свое челобитье он аргументировал 42-летний службой с времен Ивана IV, участием «у Ермака в станице» во «взятии» Сибири, 20-летней полевой службой и походами против Кучума и иных «неприятелей», участием в постройке первых русских городов — Тюмени (1586 г.) и Тобольска (1587 г.), а затем Пелыма (1593 г.), Тары (1594 г.), Томска (1604 г.). Челобитная Г. Иванова была удовлетворена[26].

Не меньший интерес представляет челобитная сургутского казачьего атамана Тугарина Федорова, присланная в Москву в начале 1626 г. из Сургута. Он просил отставить

его из-за многих ран и увечий, а на свой оклад, по местным масштабам высокий и почетный (15 руб. и 15 четвертей хлеба), «за службу отца» приверстать его 20-летнего сына Петра. Остается неизвестной реакция в Москве на эту просьбу, но послужной список атамана не мог не привлечь внимания. Тугарин не указывал на совместную службу с Ермаком, но безусловно принадлежал к тому поколению, которое было связано с началом присоединения Сибири. Свою службу в Сибири он датировал с 1591 г., писал об участии в перестройке Пелыма (1693 г.) и Сургута (1694 г.). Последнее десятилетие XVI в. и первые годы XVII в. служил по Сургуту: объясачивал селькупов (Пегая орда) и енисейских остяков. Однако самый яркий эпизод в его службе относился не к Сибири, а к Центральной России. После 1604 г. Тугарин был послан в Москву сдавать соболиную ясачную казну и на много лет стал участником событий Смутного времени, борьбы царя Василия Шуйского с войсками И. Болотникова, а затем с польскими оккупантами. В составе полка М. В. Скопина-Шуйского он сражался в 1607 г. под Калугой, затем в полку В. И. Бутурлина — на «Лихвинской засеке» и уже «без съезда» был под Москвой и бился с «государевыми изменниками», «польскими и литовскими людьми»[27].

Участие Т. Федорова как сибирского служилого человека в событиях Смуты было вовсе не единичным случаем. В 1653 г. в Сибирском приказе разбиралось необычное дело по челобитью сына боярского, головы тобольских конных казаков Гаврилы Грозина. В своей челобитной он напоминал, что его отец, Иван Гроза, вместе с Ермаком «взял Сибирь», много раз был ранен, Кучума «погромил», городки его взял, царевичей «поймал» и доставил в Москву, а затем «ставил» Тобольск, Тару и Томск. Иван Гроза хорошо известен также по Кунгурской летописи и «Описанию Сибири» Н. Венюкова как один из атаманов Ермака и глава посольства его дружины в Москву[28]. На этом заслуги И. Грозы не кончаются. Как утверждал Гаврила, его отец, будучи атаманом сибирских казаков, со станицей в 300 чел. прибыл на «Русь» и принял в 1609 г. активное участие в известном походе боярина М. В. Скопина-Шуйского из Новгорода к Москве, завершившем падение Тушинского лагеря. В подтверждение заслуг покойного отца, умершего, по его словам, в 1635/36 г., Гаврило Грозин предъявил «список» (копию) грамоты царя Василия Шуйского, датированной октябрем 1609 г. В этой грамоте, адресованной «сибирскому атаману» Ивану Грозе, есаулам и

казакам его станицы, отмечалась их «многая служба», засвидетельствованная воеводами М. В. Скопиным-Шуйским и Ф. Леонтьевым. Особо отмечались взятие казаками Стромынского острога (на дороге от Москвы к Владимиру) и разгром «воров и литовцев». «А как аже дасть бог на Москве будете и наши очи увидите, и мы вас за вашу службу пожалуем нашим великим жалованием, чево у вас и на разуме нет и учинили все по вашему челобитью», — писалось в грамоте[29]. Слог копии грамоты Василия Шуйского отличается от фразеологии приказного делопроизводства, но в Сибирском приказе признали достоверность заслуг атамана Ивана Грозы. Сам Гаврило Грозин унаследовал должность атамана тобольских конных казаков, нес ее 17 лет, успешно выполнял в Сибири дипломатические поручения. Он просил передать ему оклад отца, а в свой оклад сына боярского поверстать своего сына Ивана. Просьба его была удовлетворена (см. главу IV)[30].

С именем И. Грозы связаны эпизоды не менее бурной биографии туринского служилого человека Алексея Фролова, хлопотавшего в 1644 г. за трех своих сыновей. Его дед и отец, служившие стрельцами в Переславле-Залесском, были переведены в Казань после её взятия в 1552 г. Сам он сначала служил по г. Лаишеву конную службу, при царе Федоре ходил в поход под Ругодив, затем участвовал в постройке городов Царевоборисова и Уржума, нес «береговую» службу в Серпухове и Туле, а затем был переведен в Сибирь и строил Туринск (1600 г.). Посланный воеводой Туринска И. Н. Годуновым с ясачной казной, он приехал к Москве, занятой польскими войсками, и отправился в Новгород к М. В. Скопину-Шуйскому. В передовом полку его войска он сражался вместе с атаманом И. Грозой под Торжком, Переславлем-Залесским, Александровой слободой и Стромынским острогом. После этого похода А. Фролов был отпущен в Сибирь, где десятилетия служил в Пелыме и Туринске, 20 лет исполнял обязанности приказчика при местных пашенных крестьянах[31].

В рядах сибирской служилой аристократии оказались потомки сподвижника Ермака Алексея Галкина, который после «сибирского взятья» 30 лет был в Березове казачьим атаманом и погиб уже в Мангазейском уезде при объясачивании «иноземцев». Его сын Иван и внук Алексей Галкины служили по Енисейску в детях боярских, этот статус фамилия сохраняла и в начале XVIII в.[32] В том же Березове казаки Мещеряковы, Михайловы, Пановы считали себя прямыми потомками казаков Ермака. Сохранилась даже

легенда, что в Березове в местной церкви хранилась хоругвь («ермаково знамя»), которая в начале XX в. находилась в Омске в Войсковом Никольском соборе[33]. В 1660-х гг. несли службу в Тобольске потомки еще одного ближайшего соратника Ермака Черкаса Александрова, ездившего в Москву с посольством дружины, а затем в качестве головы тобольской татарской сотни побывавшего в ней в 1601 г.[34] Продолжали службу в Сибири и потомки ветерана похода 1581 г. казака Никиты Брянцева, умершего по словам его сына в 1666/67 г. глубоким стариком[35].

Разумеется, все эти люди, овеянные славой своих предков, не только обладали влиянием в среде служилого сибирского войска, но и поддерживали корпоративность его состава. В дальнейшем не меньшим, по-видимому, авторитетом среди казачьего войска пользовались его командиры, отличавшиеся в открытии и присоединении новых земель: знаменитые землепроходцы П. Бекетов, В. Бугор, Иван и Осип Галкины, И. Ерастов, М. Перфильев, М. Стадухин и многие другие.

Постепенно казачья дружина теряла право самостоятельного комплектования своих членов, которое переходило к правительственным органам. Правда, известно, что еще в 1650-е гг. в Тюмени на освободившиеся места казаков верстала не воеводская администрация в съезжей избе, а непосредственно казачьи головы. Этот порядок был по указу 1654 г. сохранен и для приказа колмогорских стрельцов, переведенных в Тюмень в 1635 г.[36] И по мнению войска, и по мысли московских законодателей XVII в., преимущественным правом заполнения вакансий в сибирских гарнизонах пользовались потомки, родственники сподвижников Ермака, основателей сибирских городов, первопроходцев, вообще семьи местных служилых. Однако, как показал Н. И. Никитин, постепенно усиливавшаяся тенденция к сословному замыканию сибирского войска и к концу XVII в. была далека от завершения «даже на территории наиболее развитого Тобольского разряда»[37]. В Сибири непрочные сословные перегородки проходили подчас внутри семей, и тогда сами казаки ходатайствовали о зачислении в войско своих родственников из тяглых сословий[38].Власти также не раз вынуждены были прибегать к комплектованию гарнизонов в Сибири за счет представителей самых различных сословных групп.

Обстоятельства складывались так, что уже в первые десятилетия XVII в. войско в Сибири пополнялось очень разными людьми, сплошь и рядом близкими по своему духу

казачьей вольнице. Необходимость в служилых людях заставляла правительство снисходительно относиться к прошлому многих участников «смутных лет», а отдаленность Сибири и сложность ратной службы с ее бесконечными «посылками» позволяли ему надеяться, что подобный элемент не вернется к своему «воровству». С. В. Бахрушину принадлежат великолепные характеристики отдельных представителей этой бурной эпохи, не по своей воле оказавшихся в Сибири. Особое внимание С. В. Бахрушина привлекли многочисленные авантюристы — польские и литовские шляхтичи с их челядью, которые ради наживы бросились на помощь Лжедмитриям и иным самозванцам, а затем поддержали короля Сигизмунда. Это заносчивое воинство начало задумываться, когда русский народ поднялся на свою защиту, в его среде оказалось немало «перелетов», пытавшихся так или иначе избежать заслуженной кары. На последнем этапе освободительной борьбы русского народа число таких перебежчиков возросло. После окончательного поражения польско-литовских интервентов перед правительством Михаила Романова встал вопрос, что делать дальше с незванными «помощниками», а также с пленными поляками и их союзниками. Выход напрашивался сам собой — оборона Сибири требовала пополнения гарнизонов, и «литовских» людей начали туда ссылать (в 1619 г. — 75 чел., в 1620 г. — более 50 чел., в последующие годы туда же отправили новые партии). Среди них были и заметные фигуры. Так, в Сибири оказался атаман Андрей Просовецкий, переметнувшийся на русскую сторону в 1611г., запорожский атаман М. Скиба, Самсон Навацкий, Павел Хмелевский, сумевший выскользнуть в 1612 г. из осажденного Вторым ополчением Д. Пожарского и К. Минина Кремля и затем участвовавший на стороне русских в решающем сражении с гетманом Ходкевичем[39].

Значительное число военнопленных пополнило сибирские гарнизоны во время войны с Польшей в 1630-х и 1650—1660-х гг. Этнически и социально это был пестрый элемент; здесь были поляки и литовцы (шляхтичи и челядники), украинцы (черкасы), белорусы и даже «немчины», т. е., по всей вероятности, наемники в польских войсках. Судьба забрасывала их в различные сибирские города, вплоть до Мангазеи и Якутска. Известно, что в 1632 г. в Томск, Енисейск и Красноярск было направлено 83 поляка[40]. Большая часть пленных после заключения мирных договоров возвращалась на родину, но некоторые, принимая православие, оставались в «вечную службу». По окон-

чании Смоленской войны, в 1634 г. приказано было литовских и немецких полонянников, пожелавших остаться навечно в сибирской службе, наградить повышением жалованья. В 1667 г., после заключения Андрусовского перемирия около сотни польских пленных изъявили желание остаться в России и были определены в «вечную службу» в различных городах Сибири (Тобольске, Енисейске, Мангазее и др.). Даже в 1680-х гг., судя по различным росписным спискам, в гарнизонах сибирских городов продолжали числиться бывшие шляхтичи или их потомки[41].

Будучи умелыми солдатами, к тому же имевшими опыт общения с разного рода «вольницей», эти бывшие пленные приспособились в Сибири к сохранившимся казачьим распорядкам. Одни из них добивались привилегированного положения и верстались в дети боярские. Другие довольствовались более скромными чинами. Так, судьба семьи Ушницких прослеживается на протяжении более 50 лет: плененный в 1633 г. Яков служил казаком в Енисейске и в 1640-х гг. погиб в Якутии; его сын Михаил, будучи грамотным человеком, 35 лет служил подьячим приказной избы в Якутске; внук Кузьма в 1690 г. поступал в службу[42].

После Смутного времени и захвата Польшей западнорусских уездов (прежде всего Смоленска) далеко не все местные помещики могли вернуться в свои имения и некоторые из них стремились попасть в Сибирь в ратную службу. Часть служилых и приказных людей, не имея материального достатка, также переселялась в Сибирь. В 1628 г. беспоместный малоярославский новик Филат Посников Воропаев, отец которого еще в 1606 г. погиб в полку И. М. Воротынского под Ельцом, добивался поверстания в службу по Тобольску[43]. Тогда же тобольскому воеводе А. Н. Трубецкому было предписано определить в казачью службу в Тобольске и Таре московских подьячих Федора Шоломова, Лариона Григорьева и «выходца» черкашенина Алексея Ляцковского[44]. В 1645 г. беспоместный пусторжевец Степан Самсонов Балыматов по челобитью поступил на службу в Томск, а группа драгун — в конные казаки в Тюмень[45].

Случалось, что в сибирскую ратную службу попадали люди удивительной судьбы, так или иначе связанной со Смутным временем. В 1628 г. до Тобольска добрался «колмацкий выходец» Якушка Фролов. Его одиссея продолжалась десятки лет. Под Кромами в начале похода Лжедмитрия на Москву его отец, сын боярский, погиб в бою с «литовскими людьми», а он восьмилетним мальчиком попал в

полон к ногайцам. Далее он попал к джунгарам, от которых в конце концов бежал в русские пределы Сибири и просил определить его в Тобольске в конную казачью службу. Тобольскому воеводе А. А. Хованскому было указано «кромченина» Я. Фролова определить в конные казаки[46].

Подобные, довольно редкие случаи были тем не менее не исключением. В конце 1626 г. в приказе Казанского дворца дьяку Ивану Болотникову двое «колмацких полоняников», рязанцы родом, поведали не менее удивительные истории. Один из них, кромский сын боярский Кузьма Калистратов Маматов, сам ушел с И. Заруцким. Рассказывая о своем пленении, он счел нужным вспомнить о казачьем атамане. Другой выходец, Кузьма Попов, датировал свой плен воеводством в Переяславле Рязанском Прокофия Ляпунова, т. е. приблизительно 1610—1611 гг. У ногайцев обоих пленников отбили джунгары, и только осенью 1626 г. они сумели бежать в Тару[47]. В 1627 г. аналогичное показание давал бежавший из джунгарского плена Петр Иванов. Его отец нес казачью службу в Карачеве, Петра пятилетним ребенком полонили ногайцы, через 10 лет его отбили у них джунгары, и только спустя еще пять лет ему удалось бежать[48]. По-видимому, в начале 1630 г. на Таре объявились еще два подобных «выходца». Некий Харламко рассказал о своем пленении под Тулой ногайцами, пребывании в Бухаре и различных улусах. Другой, Федор Кондратьев, был пленен под Ельцом также ногайцами, затем попал к колмакам и пробыл в плену 20 лет[49].

В конце 1635 г. царь благосклонно отнесся к присланной из Тары челобитной бывшего участника восстания И. Болотникова Луки Анисимова. В 1606 г. Лука, вместе с группой других болотниковцев, захваченных во время известной осады лагеря в Заборье, был сослан в Тару «за опалу». Там его сразу же послали в составе казачьего отряда к Ямыш-озеру, где он отличился в боях. Затем вплоть до 1624 г. он служил в пеших казаках, после чего новые воеводы определили его в пашенные крестьяне. Подняв на тарской земле прочное крестьянское хозяйство, Лука за немалую сумму — 25 руб. — нашел добровольца из гулящих («самошеста») на свой пашенный жребий и вернулся с воеводского согласия в пешие казаки. Царский указ утвердил этот переход[50].

В 1630-х гг. правительство предприняло централизованную попытку усилить сибирские гарнизоны путем набо-

ра в северорусских городах вольных гулящих людей, а также путем перевода оттуда же служилых приборных людей. В Вологде, Великом Устюге и Соли Вычегодской было набрано для казачьей службы в Сибири 485 чел., которые прибыли туда не позже 1633 г. В начале 1635 г. было велено перевести в Тобольск 20 стрельцов из Каргополя и 50 из Устюга, в Тару — 200 чел. из Вологды и в Тюмень — 500 чел. из Холмогор[51]. Однако при всей значительности этого набора и перевода такое военно-административное перемещение было эпизодическим явлением.

Систематичнее в сибирские ратные люди попадали после Смуты ссыльные, обвиненные в преступлениях или скомпрометировавшие себя чем-либо по отношению к власти.

При всей пестроте сосланных в Сибирь за различные «вины» и определенных там в ратную службу прослеживается непосредственная связь этой ссылки с политическими событиями в России. На протяжении 1630-х гг. в Сибирь направлялись служилые люди, так или иначе скомпрометированные в своей верности царской власти во время Смоленской войны, и прежде всего участники движения атаманов И. Балаша и А. Чертопруда в западных и юго-западных уездах, имевшего отзвук и в Москве. Уже летом 1634 г. явно не по своей воле оказались в Енисейске дети боярские и солдаты драгунского полка, вернувшиеся с войны из-под Можайска и вынужденные просить о поверстании их в сибирскую казачью службу. Тогда же в Енисейск сообщалось о высылке из Казани донского атамана Василия Гладкого с группой казаков. В отписках тобольских воевод А. А. Голицына и М. М. Темкина-Ростовского, а также енисейского воеводы А. Племянникова, полученных в Москве в 1635 г., говорилось о доставке в Сибирь партии ссыльных, состоявших из людей, виновных в армейских волнениях в Рославле и других украинских городах, в том числе «воровавших» с И. Балашом (крестьяне, яицкие и донские казаки, солдаты, драгуны, дети боярские)[52].

До начала 1640-х гг. за «измены» и «перелеты» в сибирскую службу попали белгородские, короченские, чугуевские, воронежские черкасы и дети боярские, «воровавшие» в Рославле солдаты, драгуны, донские и яицкие казаки, крестьяне Смоленского и Рославльского уездов, атаман «воровских» казаков Янка Губарь, захваченный на Каспии в устье Яика с группой товарищей[53]. В январе 1637 г. были высланы «иноземцы литовские люди» за попытку бегст-

ва из Тулы в Литву. Среди них особого внимания заслуживает Никифор Романович Черниговский. Спустя много лет в Восточной Сибири он добился определенного положения и стал руководителем Усть-Кутской государственной солеварни. В 1665 г. он возглавил народное восстание в Илимском уезде против местного воеводы, насильника Л. Обухова, а затем массовое народное переселение на Амур, в результате которого под Албазином сложился район интенсивного русского земледелия. В 1672 г. правительство оправдало Н. Черниговского, но и после этого трое его взрослых семейных сыновей содержались в тюрьме в Илимске, и только в 1681 г. их собрались перевести в Красноярск в пешую казачью службу[54].

Социально острая обстановка сложилась в Москве в 1641 г., когда летом в столицу «всей землей» собрались дворяне и дети боярские, недовольные пробоярской политикой правительства и подавшие от имени 44 городов челобитные о «всяких своих нужах и обидах». Выступление дворянства имело сословный характер, но его (уже в своих интересах) поддержало также посадское население Москвы[55]. Вполне вероятно, что это волнение затронуло и московских стрельцов — с апреля 1641 г. в Тобольск начали ссылаться партии московских стрельцов разных приказов и солдат с семьями «за многое воровство и душегубство»; они были разосланы затем в Енисейск и Красноярск[56].

После бурных событий 1648—1649 и 1680 гг. новые партии московских стрельцов опять были отправлены в сибирские гарнизоны[57]. Во второй половине XVII в. ряды ссыльных пополняли украинская старшина и казаки, скомпрометировавшие себя связями с гетманской верхушкой, пытавшейся нарушить решение Переяславской рады 1654 г.[58] В сибирскую ссылку попадали и участники восстания С. Разина. В 1671 г. в Вятском уезде была захвачена партия атамана Ильи Иванова, которая шла «на Вятку из Солекамской для кровопролитного воровства и городов разоренья»; «пущих завотчиков» казнили, а остальных «вятских воров» 46 чел. с семьями выслали в Верхотурье. В 1672 г. казанский воевода А. А. Голицын сообщал в Москву о поимке в Казани «воров и зажигальщиков», которые собирались «воровать» на Каме и на Сибирской черте и идти к Соли Камской и в Сибирь; после этого из Сибирского приказа верхотурскому воеводе Ф. Г. Хрущеву было приказано усилить на дорогах и в селениях заставы. Правда, данных о зачислении участников восстания С. Разина, сосланных в Сибирь, в воинскую службу нет[59].

Ссыльные составляли заметную часть сибирских гарнизонов. Так, в Енисейске в 1633 г. из 300 служилых людей ссыльных было 50 чел., а в Красноярске в 1645 г. из 346 служилых — 46 чел.[60]

В Сибири ссыльные, попадая в сложившееся сообщество — войско, обретали официальный статус «государевых служилых людей», и их «вины» в известной степени «отпускались». Правда, о возвращении на «Русь» таким сосланным думать было сложно. Очень показательна резолюция на челобитной Саввы Француженина, в которой он просил вернуть его в Москву после 35-летней службы в Сибири. Приехал Савва в Россию в 1611 г. в «смутные годы» из «Барабанской и Голанской земли». По его словам, кн. Д. М. Пожарский послал его из Ярославля с какими-то грамотами «в немцы». После возвращения по указу царя Михаила Федоровича Савву крестили, а затем отправили по каким-то соображениям в Тобольск. В Тобольске Савва поссорился с воеводой кн. М. М. Темкиным-Ростовским (1635—1639 гг.) и был переведен в Кузнецк. К 1648 г. он оказался в Красноярске, откуда и отправил свою челобитную. В Сибирском же приказе, по-видимому, опасаясь авантюристического склада характера Саввы, отнеслись к нему по-прежнему подозрительно и по поводу челобитной решили однозначно — «в столп (т. е. в архив. — *Авт.*), к Москве не возмут»[61].

Сибирских служилых из ссыльных запрещалось отправлять с любыми поручениями в Москву, но на деле этот запрет далеко не всегда соблюдался.

Н. И. Никитин убедительно показал, что к концу XVII в. правительство смогло прекратить в Западной Сибири верстание ссыльных в службу, так как уже имелся значительный массив неверстанных родственников служилых[62].

Итак, в состав сибирских служилых людей попадало множество ссыльных, очень разных по социальному и этническому происхождению. Но при всей их многочисленности не они составляли основную часть войска.

Более важным источником комплектования служилых людей в Сибири были вольные переселенцы. Известно немало случаев, когда столь необходимые ратные силы набирались именно из их среды. Такие наборы практиковались уже в 1590-х гг. при поручительстве за гулящих людей 10 служилых и взятии с них поручных записей[63]. Наборы могли быть как эпизодическими, когда единовременно набирались целые отряды, так и систематическими, когда «выбылые» места постепенно заполнялись новыми людьми.

Так, в 1627 г. в Тобольске при организации экспедиции на Енисей для основания Красноярского острога было набрано 300 «вольных охочих» людей[64]. В 1635 г. после гибели в схватке с бурятскими князьями отряда Дуная Васильева (50 чел.) эта потеря была возмещена верстанием из числа гулящих людей[65]. В 1630—1640 гг. наборы гулящих людей в службу, в частности для обороны местных слобод и мелких острогов, проводились в Тобольске, Верхотурье, Красноярске, Енисейске, Томске. Только в Тобольске в 1640 г. войско пополнилось 154 чел.[66] Случалось, что даже в Москве приискивались гулящие люди для сибирской службы[67]. В 1650-х гг. набирались служилые люди из крестьянских семей в Тюмени и Енисейске, например для службы в Даурии было взято 160 чел.[68] В 1670—1690-х гг. в пограничных острогах гулящие люди селились даже насильно (в «неволю»), получая статус служилых[69]. События Томского восстания 1648—1649 гг. выявили, что вопреки указам и успокоительным воеводским донесениям об их исполнении в службу верстали и сибирских тяглецов, и беглых тяглецов Европейской России. Н. И. Никитин, подробно исследовавший источники по этому вопросу, справедливо подчеркивает, что хотя верстание в службу из тяглых сословий и проводилось «в порядке большого исключения», эти случаи «не были в Сибири особенно редкими и отмечались на протяжении XVII в.»[70] По аргументированному свидетельству Г. А. Леонтьевой, в Иркутском и Нерчинском уездах до 1690-х гг. подавляющее большинство приборных служилых набиралось из гулящих и промышленных людей[71].

При таких пополнениях, проводившихся воеводской властью, войско не оставалось в стороне и могло иметь свое мнение относительно состава поверстанных в службу людей. Так, в 1643 г. в Красноярске атаман Демид Злобин с войском подали воеводе С. В. Клубкову-Мосальскому челобитную, а фактически извет на его предшественников воевод Ф. М. Мякинина и А. П. Баскакова, обвиняя их в неправомерном, против государевой грамоты, поверстании в служилые люди нескольких ссыльных. В результате по распоряжению из Сибирского приказа все эти люди были выведены из состава войска и поверстаны в крестьяне[72].

Таким образом, источником пополнения сибирского войска были не только семьи служилых, но и вольные переселенцы.

При всей пестроте социального и даже национального состава сибирских служилых людей объединяло и нечто общее — многое пережившие и многое видевшие, они об-

ладали немалым кругозором, жизненным опытом, решительностью и самостоятельностью, т. е. качествами, свойственными и казачьей дружине, сокрушившей Сибирское ханство. К тому же большинство из них своим происхождением, службой, участием в крупнейших социальных и политических событиях сохраняло чувство органической связи с европейской частью страны. В частности, не следует забывать, что рассказы приезжавших в Москву ермаковых казаков сразу же стали основными источниками начавшегося летописания о присоединении Сибири к России[73]. Вместе с тем казаки из сибирских городов, приезжавшие в Москву с ясачной казной и воеводскими отписками, постоянно информировали сибирское войско обо всем происходившем «на Руси». Тем самым поддерживалось ощущение связи между «Русью» и Сибирью. К тому же подобные приезды имели для казаков существенное экономическое значение. В Москве казаки сразу же получали полугодовое жалованье за текущий год, отрез «доброго сукна», поденный корм со дня приезда и на обратный путь (по 6—8 денег в день), при отъезде — казенные подводы для купленных товаров («покупочной рухляди») ради «своей сибирской нужи», которые они затем не без выгоды перепродавали в Сибири[74].

Уже во второй четверти XVII в. в Западной Сибири, а приблизительно с середины XVII в. в Восточной, по мере роста семей служилых людей, все большее значение стало приобретать поверстание в службу их детей, которые замещали вакантные места, даже если ранее они попадали в крестьянское или посадское тягло. В своих челобитных дети служилых людей ссылались на службу отцов как признаваемое правительством основание для поверстания их самих в службу[75].

С этого времени правительство стало постепенно ограничивать набор гулящих людей, что тем более укрепляло корпоративность войска. Уже в 1645—1646 гг. проходили чистки гарнизонов Верхотурья и Тобольска от выходцев из гулящих и тяглых, а во второй половине XVII в. подобные «разборы» западно-сибирских гарнизонов стали гораздо более широкими и последовательными; до нас дошел целый ряд связанных с ними «разборных книг»[76]. В 1680 г. Сибирский приказ направил указ в Красноярск, чтобы поверстанные в службу из крестьян, посадских и гулящих людей были «отставлены» и заменены казачьими детьми[77]. Следуя этому указу, красноярский воевода Д. С. Римский-Корсаков произвел «разбор» войска, и выяснилось, что, во-

первых, среди служилых людей немало бросивших в «русских городах» тягло, а, во-вторых, их вполне можно посадить на пашню, заменив многочисленными представителями казачьих семей, для которых нет штатных мест[78].

В начале 1683 г. сосланных за участие в бурных московских событиях, прежде всего стрельцов, приказано было содержать под неусыпным контролем, а в 1699 г. после стрелецкого восстания вообще было запрещено верстать ссыльных на службу[79]. Наметилось и стремление централизовать управление войском, причем в 1682 г. право верстания в дети боярские и конную службу было оставлено только за тобольскими воеводами[80].

Корпоративность, свойственная казачьим дружинам, сохранялась, конечно, не только в силу традиций и воспоминаний о походе Ермака. Она сливала воедино очень разнородные элементы и имела огромное значение и силу при выполнении служилыми людьми их многочисленных и очень разнородных обязанностей. Само правительство вынуждено было ее поддерживать, а поддерживая, считаться с целым рядом прав войска.

В Сибири войско часто строилось по станичному принципу с выборным командным составом. Московские власти вынуждены были учитывать и этнический состав служилых людей и порой организовывать их по принципу землячества. В сибирских гарнизонах появились черкасские (украинские) и литовские сотни и станицы. Так, в 1637 г. в Енисейске ссыльные составляли станицу атамана О. Галкина[81]. Этнический состав таких сотен и станиц не был единым. В них появлялись и русские люди, число их со временем возрастало[82]. При постепенной смене первоначального этнического состава подразделений (в результате перемещения, смерти служилых) старое название подчас сохранялось. В Красноярске в 1666—1687 гг. имелась «черкасская» пятидесятня, но в ее составе были уже переселенцы из Поморья[83]. Наряду с официальной терминологией войсковых чинов (сотники, пятидесятники, десятники) даже в делопроизводстве употреблялась и казачья терминология (атаманы, есаулы). В 1640-х гг. в челобитных, подававшихся в Сибирский приказ, красноярские служилые люди приравнивали свои войсковые чины к официальным: «пятидесятник и (или) ясаул войсковой»[84].

Войско сохраняло за собой важную привилегию иметь свою «коробью», или «казну». Когда в 1640—1641 гг. из Енисейска в Москву был послан служилый человек Д. Тихонов хлопотать «о всяких войсковых нуждах», он полу-

чил по «записи войсковой» право занимать в кабалу деньги на проезд и другие дорожные издержки; войско обязывалось покрыть все эти издержки[85].В 1679/80 г. тобольские пешие казаки жаловались на своего голову: «Взял де Борис Струнин у них ис коробьи войсковых денег себе неведомо для чего без их, служилых людей, совету»[86].

Войсковая «казна» использовалась и для подготовки войска к походу, и для оплаты расходов по государственным повинностям. В 1637 г. при сыске по поводу злоупотреблений тарских воевод служилые люди показали: в 1636 г. воеводы «выбили нас сильно на государеву службу без государева указу и без тобольские отписки в зимний поход и та нам служба ставилась рублев в 15 и 20»[87]. Во время сыска о злоупотреблениях тюменского воеводы И. А. Львова в 1640 г. служилые люди показали: «а збирали де они в тое пору в своем приказе со всякого человека по алтыну и отдали те деньги своим пятидесятникам... для братцкого расходу»[88]. В 1685 г. служилые люди оплачивали из своих средств изготовление судовых снастей[89].

Предметом заботы войска было и боевое знамя. Так, например, в 1648 г. томское войско заказало изготовление своего боевого знамени в Москве.

Правительство вынуждено было сохранить у сибирских служилых людей выборность командного состава, поставив его все же под свой контроль. В 1620-х гг. старые казаки воспротивились назначению к ним головой тобольского сына боярского Б. Аршинского и добились того, чтобы во главе их оставался атаманом сподвижник Ермака Гавриил Ильин. В отправленной царю челобитной казаки подчеркивали, что они служат «в Сибири в Тобольску от Ермакова взятья лет по сороку и по пятидесяти с атаманы, а не с головы»[90]. В 1627 г. в Москве отклонили челобитье енисейского служилого мира о назначении на место утонувшего на Оби стрелецкого сотника Поздея Фирсова известного в будущем землепроходца Максима Перфильева, который в это время в Енисейске занимал должность разрядного подьячего. Воевода А. Л. Ошанин со своей стороны поддержал служилых людей и писал о нем в Москву, что «служба ему за обычай». Сибирский приказ отменил челобитье не потому, что игнорировал мнение войска, у него была веская причина не согласиться со служилыми. К несчастью для Максима в Москве только что узнали о возбуждении против него церковью серьезного духовного дела с связи с романтическим, но незаконным ночным венчанием Максима «с Поздеевскою женою Фирсова с Оленою Ондреевою

дочерью с немкою». На вакантное место по личному челобитью был назначен тобольский сын боярский, не менее в дальнейшем знаменитый Петр Бекетов. Однако енисейские служилые люди не отступились от своего, и уже в 1628 г. в административной переписке М. Перфильев начал упоминаться как атаман[91].

Почти в то же время, осенью 1628 г., в Москву поступила челобитная из Тобольска от служилого подразделения «тобольской литвы и литовского списка казаков». После смерти выбранного и много лет командовавшего ими ротмистра Бартоша Станиславова служилые люди, «излюбя из свое братьи из иноземцев», выбрали в ротмистры «рядового литвина» Григория Иванова Черного и просили утвердить его в этой должности. Рассмотрев это дело, служилую челобитную, приказные справки и отписку тобольского воеводы кн. А. Н. Трубецкого, начальник Сибирского приказа кн. Д. М. Черкасский в начале лета 1629 г. утвердил Г. Черного ротмистром, а на его «выбылое» место поверстал в дети боярские уже упоминавшегося беспоместного малоярославского новика Ф. Воропаева[92]. В 1640-х гг. в Тобольске на вакантные места атаманов и пятидесятников воевода князь П. И. Пронский посылал кандидатов в Москву лишь по письменной рекомендации казачьего круга вместе с челобитными от всего войска[93]. Так, в 1641 г. по челобитью станицы тобольских пеших казаков вместо умершего Ждана Архипова атаманом был назначен Савва Измайлов[94]. В 1646 г. томское войско просило начальника Сибирского приказа кн. Н. И. Одоевского назначить ему головой именно томского служилого человека и решительно заявило, что под начальством кого-либо из другого города, в частности из Красноярска, ему быть «невозможно». На это требование Н. И. Одоевский сразу ответа не дал, но тотчас распорядился выслать в Томск войску на жалованье за два года весьма значительную сумму — 1 000 руб. А вскоре по новому челобитью служилых на эту должность был назначен выбранный ими казак (из оброчных крестьян) Зиновий Амосов сын Литосов, который в 1648 г. стал одним из главных «мирских» руководителей Томского восстания. После конца восстания в 1649 г. он был заменен сыном боярским Василием Былиным, пострадавшим от рук восставших[95].

В фонде Сибирского приказа отложилось немало челобитных служилых об утверждении выбранных ими на командные должности лиц; многие из этих документов перечислены в известном обозрении Н. Н. Оглоблина.

Н. И. Никитин, обобщая сведения подобных источников, подчеркивает, что челобитные эти «обычно подавались в конфликтных ситуациях и чаще всего удовлетворялись»[96].

Особенно интересно дело красноярского атамана Дементия Андронова Злобина, тянувшееся с начала 1640-х гг., когда красноярский воевода О. П. Баскаков получил из Москвы «опальную грамоту» за неправильное оформление документации при посланной туда ясачной казне. Баскаков оправдывался тем, что в момент отправки казны его, немощного, «казнил без твоего государева ведома в съезжей избе на твоем государеве ящике атаман Демка Злобин с товарищи и лежал на смертном одре беспамятен»[97]. Следствие по поводу «в умышленье ножевого резанья воеводы Олферья Баскакова» проводилось в Томске, Дементий на пытке отрицал вину, а показания опрошенных служилых людей подтвердили его невиновность. В 1647 г. по общей челобитной казаков Красноярска Сибирским приказом атаманство было возвращено Злобину. Документ содержал подробный послужной список Дементия с перечислением удачных походов, организованных и проведенных им. В нем утверждалось, что Дементий был лишен атаманства воеводой А. Баскаковым «по недружбе... не за вину и не за дело» и что мир отказывается служить с новым атаманом, назначенным воеводой вместо Дементия. В заключение давалась обобщенная аттестация: «А отставленному, государь, атаману Дементью твои государевы службы в обычай и со службу ево со всякую будет». Глава Сибирского приказа князь А. Н. Трубецкой согласился с аргументами челобитной и «приказал... быти ему, Дементью, на Красном Яру в атаманах за ево службу по-прежнему». Служилый мир заступился за атамана и победил[98].

В 1649 г. красноярское войско также успешно выступило в защиту своих атаманов, которых Сибирский приказ попытался было лишить денежного и хлебного жалованья, возложив их материальное обеспечение на войско[99]. Подобную сословную солидарность в поддержке своих товарищей продемонстрировали в 1644 г. тобольское войско и служилые татары, которые добились от Н. И. Одоевского освобождения из тюрьмы на поруки казака Г. Измайлова и татарина Усачко, заключенных по представлению воеводы П. И. Пронского за то, что, будучи сопровождающими при джунгарском посольстве, они не смогли предотвратить вооруженного столкновения джунгар с бухарским караваном[100].

Еще в 1620-х гг. любопытный конфликт произошел в Тюмени[101]. В 1624 г. Иван Воинов обратился к тобольско-

му воеводе Ю. Я. Сулешеву с просьбой назначить его атаманом тюменских конных казаков и «литвы», аргументируя ее своей службой и службой отца. Сулешев согласился, и по боярской отписке в Тюмень И. Воинов получил искомое назначение. Однако местные служилые люди не согласились с воеводским назначением, подвергнув сомнению приведенные в челобитной Ивана сведения о верной службе его самого и его отца, а заодно обвинив его мать в колдовстве. В том же году, когда И. Воинов возглавил караван, отправленный вверх по Иртышу к Ямыш-озеру за солью, у него произошло какое-то столкновение с его подчиненными. Атаман тюменских пеших казаков Приезжий Рязанов сообщил своим товарищам, что И. Воинов, вернувшись с Ямыш-озера в Тобольск, подал лживый донос Ю. Я. Сулешеву о намерении тюменских служилых людей воеводу убить, а имущество его разграбить. Тогда представители служилых людей добрались до Москвы и подали челобитную с просьбой провести сыск по поводу этого обвинения. Во время сыска тюменские священники отказались заверить показания служилых людей. От имени всех воинских подразделений города служилые люди подали новую челобитную в Москву. По контексту челобитной нетрудно заметить, что суть конфликта заключалась именно в том, что И. Воинов был назначен единоличным повелением воеводы. Понимал это и И. Воинов и готов был уступить. Он отказывался от обвинения в адрес служилых людей и, считая, что сам Рязанов претендует на его место, просил с атаманства его снять и поверстать в дети боярские. Суть конфликта понимали и в Москве и не придали особого значения имевшим якобы место угрозам казаков Сулешеву. Однако, чтобы не ронять престижа воеводы, назначение Воинова атаманом было утверждено, причем тюменским воеводам наказывалось «от атамана Приезжего» Воинова «оберегать, чтобы ему насильства и налоги никакие не чинили»[102].

Подобная приписка была вовсе не лишней, так как внутренние столкновения атаманов со служилыми людьми могли кончиться весьма трагично. Примером тому может служить судьба красноярского атамана Ивана Кольцова, удержавшего своих подчиненных от грабежа торговых людей и в конце концов убитого ими в 1628 г.[103] Правда, много лет спустя, в 1642 г., после нападения казака Д. Савина на воеводу О. П. Баскакова войско в полном своем составе решительно отмежевалось от этого конфликта, а заодно, так сказать задним числом, и от убийства

И. Кольцова, будто бы погибшего «неведомо каким воровством»[104].

Сословная организация служилого войска прослеживалась в «советах» под знаменем и в наказании виновных «в кругу», что особенно четко проявлялось в моменты обострения социальной борьбы. Попытки правительства предписать сибирским воеводам не допускать кругов у служилых людей были совершенно безуспешны.

Подчиняясь воеводской власти, сибирское войско вовсе не считало ее обязательным и необходимым атрибутом управления и сплошь и рядом вступало в борьбу с самой системой воеводского управления, иногда же просто предпочитало обходиться без нее. Об этом будет идти речь в главах V и VII настоящей книги. Здесь мы лишь напомним о прекрасно описанном С. В. Бахрушиным функционировании всесословных мирских организаций Мангазеи и Туруханска, успешно выполнявших в первой половине XVII в. воеводские функции, о тенденциях ликвидировать или поставить под строгий мирской контроль воеводскую власть, ярко проявившихся в разгар двух наиболее крупных волн восстаний — в средине и в конце XVII в. («Дон в Сибири завести», «воевод из Сибири выгнать»). Весьма показательно, что переселившееся в 1665 г. на Амур русское население, образовавшее вокруг Албазинского острога довольно крупный сельскохозяйственный район, управлялось практически органами казачьего самоуправления. В далеком приполярном Зашиверске в 1680-х гг. нес службу по административному управлению выборный приказчик[105].

Важнейшим корпоративным правом, которым обладали все социальные группы населения Русского государства XVII в. (помимо, конечно, крепостных крестьян и холопов), было право непосредственного обращения в центральное правительственное учреждение, для сибиряков — в Сибирский приказ.

Казачье войско широко пользовалось этим правом, отстаивая свои интересы и, что было крайне нужно центральной власти, изобличая местных воевод во всякого рода злоупотреблениях. Войско или отдельные служилые люди нередко обращались к центральной власти с обличениями воеводских злоупотреблений и во время сысков корпоративно давали свои показания (см. главу V).

Войско считало себя вправе иметь и отстаивать свое чисто профессиональное мнение о воинских делах — постройке и состоянии оборонительных сооружений, обеспеченности вооружением, необходимости, сроках и тактике

походов и боевых действий, а также о численности гарнизонов и их материальном снабжении. Грамоты воеводам нередко содержат требование ставить новый острог сообразно с мнением служилых людей о его месте, а служилые люди отстаивали свое право активно участвовать в решении этого вопроса. То была давняя традиция. Еще в 1611 и 1613 гг. служилые люди Сургута и Нарыма настойчиво возбуждали в Москве вопрос о переносе на более удобное место Кетского и Нарымского острогов. В Москве прислушались к их доводам и велели воеводам вместе с челобитчиками «обыскивать» места для новых острогов[106]. В 1620 г. томские служилые люди, посланные в Кузнецк ставить острог на новом месте, не согласились с воеводой о его местоположении и отправили по этому поводу в Томск челобитчиков. Попытка кузнецких воевод задержать выборного от присланных и местных служилых людей окончилась для них плачевно — воеводу Т. С. Боборыкина казаки «били»[107].

То же произошло в 1631 г., когда служилый мир вопреки мнению кетского воеводы С. И. Шелешпанского добился от томского воеводы Н. И. Егупова-Черкасского, которому был подчинен Кетск, приказания ставить острог на новом месте, которое было избрано казаками. С. И. Шелешпанский перенес спор в Москву, в Казанский приказ. Но и там было постановлено, чтобы томские воеводы «о том роспросили людей, и по тому роспросу и по своему высмотру о том отписали ко государю»; это решение было занесено в воеводский наказ новым томским воеводам[108]. Ранее, в 1623 г., на Енисее место под Красноярский острог Андрей Дубенский выбирал вместе со служилыми людьми — «а прозвал то место Красным яром Андрей Дубенский с ратными людьми, потому что и то место красно же»[109].

Когда в 1628 г. тарский воевода Ю. Шаховской поставил вопрос о создании острога на месте будущего Омска, Москва приказала провести тщательную экспертизу проекта силами служилых, бывавших в тех местах. Их подробное заключение было положительным, но военная ситуация не дала в XVII в. осуществить этот проект. В 1626 г. вопрос о создании «жилого острога» близ Ямыш-озера потребовал детальной экспертизы отряда служилых во главе с Грозой Ивановым и Дмитрием Черкасовым[110].

Вопрос о том, где и как делать новый острог в Томске, стал в 1648 г. предметом острого спора между казачьим, посадским и крестьянским миром, с одной стороны, и воеводой О. И. Щербатым, с другой. В мирских челобитных

доказывалось, что воевода действовал вопреки царской грамоте, без консультации с миром[111].

В 1669 г. мангазейский воевода Р. М. Павлов, поднимая вопрос о перенесении города Мангазеи на место Туруханского зимовья, заручился челобитной служилых людей[112].

С момента постройки Красноярска местные служилые люди активно участвовали в решении вопроса о постановке новых порубежных острогов. В 1635 г. они подняли вопрос о целесообразности постройки на Енисее в устье р. Тубы стратегически важного острога, что было одобрено красноярскими и томскими воеводами Ф. М. Мякининым и И. И. Ромодановским и санкционировано Сибирским приказом[113]. «По высмотру» атамана М. Кольцова в 1637 г. был поставлен острог на р. Кане[114]. В 1669 г. красноярский атаман Е. Тюменцев «с товарищи» настаивал на постройке острога на Енисее выше устья р. Абакан[115]. В начале 1690-х гг. этот же вопрос вновь, причем в очень категоричной форме, был поставлен в совместной челобитной красноярских служилых, посадских, ясачных людей и пашенных крестьян, доказывавших, что только таким путем можно обеспечить безопасность жителей не только Красноярского, но и Кузнецкого и Томского уездов[116].

В начале XVIII в. красноярские служилые люди вошли в длительный и острый конфликт с воеводской властью по вопросу о месте строительства Саянского острога. Служилые люди аргументированно раскритиковали неудачные с военной точки зрения предложения воеводы, и острог был поставлен на месте, выбранном ими[117].

Казачья войсковая организация считала для себя обязательным высказывать мнения и по другим военным вопросам. Сами условия службы в Сибири требовали от казаков инициативы, способности быстро принимать самостоятельные решения в меняющейся обстановке, не дожидаясь «государева указу» и воеводского распоряжения. Казачьи круги зачастую имели свое весомое мнение о целесообразности, сроках и маршрутах походов. Вовсе не случайно красноярские казаки от имени всей войсковой единицы докладывали в Москву не только о постройке Красноярского острога, но и о результатах боевых походов[118]. Сохранились и другие подобные же челобитные — отчеты войсковых соединений разных городов (Енисейска, Томска, Тобольска). Так, после похода 1641 г. подразделения тобольских людей послали в Москву челобитчиков с просьбой о наградах, с поименной росписью всех участвовавших в сражениях с джунгарами[119].

Воеводы опирались на казачью инициативу, даже организуя походы. В 1634 г. по инициативе и челобитью «Томсково городу и Томсково уезду всяких чинов людей» томский воевода князь Н. И. Егупов-Черкасский организовывал поход томских казаков, чацких мурз и служилых татар для защиты томских и кузнецких поселений от «киргизских» князцов[120]. В 1653 г. кузнецкий воевода, собираясь вопреки запрету Москвы в поход на телеутского князца Коку, беспокоившего окрестные ясачные поселения своими набегами, опирался на челобитную всех служилых людей, в которой доказывалась необходимость такого похода[121].

Неудача широко организованного похода в «Киргизскую землю» во главе с воеводой Я. Е. Тухачевским в 1641 г. объяснялась прежде всего возникшей распрей между ним и тюменскими, томскими, тарскими казаками. Цель этого похода заключалась в том, чтобы разбить изменивших «киргизских князцов» и «среди Киргизской земли» поставить острог. Однако после первоначального боевого успеха казачий круг усомнился в возможности воевать со всей «Киргизской землей». Ситуация бурно обсуждалась в казачьих кругах, и, когда оказалось, что воевода не собирается считаться с мнением казаков, произошел конфликт, в результате которого Я. Е. Тухачевский остался без войска. Войско повернуло назад. Казаки позднее активно доказывали свою правоту в Тобольске и Москве; они отправили «к государю к Москве ото всево войска в челобитчиках» четырех служилых людей, снабдив их челобитной с изложением своих аргументов. В Москве и в сибирских городах, излагая историю этой распри, служилые люди всячески подчеркивали некомпетентность и слабое рвение воеводы, который не радел по-настоящему о государственной пользе и поэтому «челобитную войсковых не послушал»[122].

Весьма характерной при сложившейся ситуации была позиция Я. Е. Тухачевского, не понимавшего особенностей организации и психологии казачьего войска, которое не желало бездумного подчинения воеводскому единовластию. Казачье войско, как сообщал Я. Е. Тухачевский в Москву, без всяких околичностей заявило ему: «Станешь на нас писать ко государю и прежде сево писал на нас, да нешто де ты нам зделал». Я. Е. Тухачевский, поняв, наконец, что для казачьего войска авторитетом может быть государев указ, но не воля воевод, писал в Москву: «А только, государь, таким ворам и бунтовщикам не будет твоего государева указу в их воровстве, бог видит, государь, и воевод из

Сибири выгонят, а то, государь, у них, у воров, и слово похвальное — не дорожите де вы, воеводы, что пишите на нас ко государю...»[123]

В дальнейшем, в 1690-х гг., крупные походы из Красноярска против киргизских «князцов» организовывались только по служилым челобитным, подтверждавшим их необходимость[124].

Активная жизненная позиция, исключавшая безусловное подчинение замыслам и приказам воеводской власти в профессиональной сфере, была очень характерна для общественного сознания сибирских служилых людей с его прочными традициями войскового совета, казачьего круга. В той или иной форме она проявлялась постоянно и немало способствовала успеху.

Голос сообществ сибирских служилых людей звучал и при решении многих других профессиональных дел, вроде бы полностью входящих в компетенцию воеводы и Сибирского приказа: это размещение и численность гарнизонов, снабжение их оружием, порохом, жалованьем. По своей инициативе казаки сибирских городов поднимали острую, особенно в первой половине XVII в., проблему ремонта огнестрельного оружия. На подобные просьбы Москва старалась реагировать быстро и положительно, обеспечивая присылку необходимых мастеров[125].

Сибирское войско отлично сознавало свое значение в присоединении Сибири к России, в обороне границ и обеспечении многочисленных административных и фискальных задач, стоявших перед местной администрацией (прежде всего транспортировка различных грузов и сбор ясака). Все эти поручения войско, как правило, полагало обязательными, хотя и считало себя вправе высказывать мнения о порядке их выполнения.

В конце 1630-х — начале 1640-х гг. служилые люди Тары опротестовали в Москве возложение на них воеводами строительных работ в городе, что не входило в круг их обязанностей. Тогда же служилые люди Пелыма, ссылаясь на тяжесть своих служб и свою малочисленность, добились того, что хлеб им стали доставлять с Верхотурья и Тобольска служилые люди других городов. В конце 1640-х гг. красноярское войско выступило с протестом против решения енисейского воеводы Ф. П. Полибина возложить исключительно на него перевозку хлебных запасов через Маковский волок в Енисейск, а заодно обвинило воеводу в том, что он не оказал Красноярску помощи в боеприпасах[126].

В 1645 г., после длительного тяжелого похода на бурятского князца Оилана, не признававшего русского подданства и разорявшего ясачное население, красноярское войско во главе с атаманами М. Кольцовым и Е. Тюменцевым, рассчитывая на внимание к своей решительной победе, подняло перед Сибирским приказом вопрос о децентрализации выдачи денежного жалованья, высылаемого из Москвы в Томск и затем распределяемого оттуда по городам, подведомственным томским воеводам. Красноярцы просили присылать им деньги с их представителями, которые доставляют в Москву ясачные меха, объясняя свою просьбу неприсылкой денег из Томска. За год до этого красноярцы ставили этот вопрос перед Сибирским приказом и просили присылать им жалованье из Тобольска, но успеха не добились.

Новая челобитная вызвала раздражение в Сибирском приказе, хотя формально к ее содержанию придраться было нельзя. Руководители Сибирского приказа нашли оригинальный, как им казалось, выход. Увидев в тексте описку в титуле царя, они решили наказать батогами подьячего, который писал челобитную, и тем закрыть дело. Однако вовремя одумались и, чтобы еще более не раздражать красноярцев, резолюцию зачеркнули, но положительного ответа так и не дали[127].

Значительно позже, в 1688 г., красноярское войско, попрежнему доставлявшее много забот Сибирскому приказу своими требованиями, добилось гораздо большего — изменения структуры управления воинскими силами. Дело в том, что Красноярск входил тогда в состав Енисейского разряда, воеводы которого руководили обороной границ. Красноярские казаки, ссылаясь на напряженную пограничную обстановку, свою службу «беспрестанно на крови» и неоперативность распоряжений из Енисейска, потребовали, чтобы решения о военных операциях принимались воеводами Красноярска без согласований, от чего «время уходит». Сибирский приказ счел это очень серьезное требование отвечавшим обстановке и вывел уезд из подчинения енисейским воеводам[128].

Интересы воеводской власти и служилых миров объективно совпадали в вопросе об увеличении численности сибирских гарнизонов, как правило, небольших по размеру. По данным В. И. Шункова, на конец XVII в. в Сибири числилось 11 637 служилых людей (вместе с ружниками и оброчниками)[129]. Согласно подсчетам Н. Н. Никитина, служилое население только 8 городов Тобольского разряда составляло в 1699г. 4655 чел.[130] При относительной незна-

чительности штатов войску приходилось решать многие не только военные, но и административно-хозяйственные дела — осуществлять транспортировку в Москву пушнины, доставку денежной, хлебной, соляной казны и т. д. Служилые люди были поэтому очень заинтересованы в увеличении численности гарнизонов; их жалобы на непосильность государевой службы напоминают жалобы крестьян на непосильность государева тягла. Челобитные войска по поводу штатов часто достигали успеха. В частности, на протяжении 1630—1690 гг. в результате настойчивых просьб красноярского войска, ссылавшегося на беспокойную пограничную обстановку и объем служб на огромной территории, численность служилых людей в Красноярске постепенно возросла с 300 до 650 чел.[131]

С усилением воеводской системы управления взгляды служилых на свое положение вступали в противоречие со взглядами непосредственных представителей власти. Этот антагонизм все сильнее проявлялся в повседневной жизни, а тем более при обострении социальных конфликтов. Противоречия между войском и верхушкой служилых людей (дети боярские) усложняли обстановку в моменты столкновения воинских обществ с воеводской властью.

Это противоречие в немалой степени объяснялось тем, что постепенно войско ограничивалось в своих экономических привилегиях. Еще в 1598 г. русскому населению Сибири было запрещено иметь у себя пленных (ясырь) из числа коренного населения, торговать ими и вывозить их на «Русь»[132]. Этот указ, по всей вероятности, не имел серьезных последствий, так как в 1634/35 г. последовал новый аналогичный указ[133]. Воеводам в наказах предписывалось следить за исполнением этого указа, «чтоб Сибирская земля пространилась, а не пустела»[134].

До середины XVII в. сибирское войско, следуя казачьей традиции, упорно пыталось сохранить за собой право удержания полона, захваченного в военных походах. С этой претензией Сибирский приказ категорически не мог согласиться, не без основания считая ее противоречащей всей политике правительства, проводимой по отношению к аборигенному населению Сибири, — чтобы ему от русских людей «изгони» и «жесточи» никакой не было. В 1631 г. енисейский воевода С. И. Харя-Шаховской по предписанию из Тобольска забрал у вернувшихся из Бурятии красноярских служилых людей ясырь[135]. Но и в 1646 г. енисейские служилые люди продолжали доказывать свое право на ясырь. Это право они рассматривали и как вознаграждение

со стороны государства за свою службу, прося разрешить «тех своих полоненикоѣ продавать и на Русь повольно всяким людям вывозить, чтоб наша службишка и кровь напрасно не лилась», и как средство материального обеспечения своей службы и дальних походов[136]. Любопытно, что местный игумен Варлаам за своих «духовных детей» скрепил эту челобитную своей рукой, что могло повлечь неприятности для столь близорукого духовного пастыря. Вопреки правительственным указам служилые люди и в 1680-е гг. продолжали холопить ясачных людей, используя их труд в своих хозяйствах[137].

В 1639/40 г. последовал указ о запрещении служилым людям в ясачных волостях после сбора ясака своими товарами с «иноземцами» торговать и вести пушной промысел[138]. С самого начала XVII в. служилым людям разрешалось вести беспошлинно мелкую перекупную торговлю — закупать у приезжих русских торговцев различные товары стоимостью до 1 руб. и менять их у «иноземцев» на меха[139], которые затем можно было с большой выгодой продавать.

Немалый доход приносил служилым людям, как указывалось, приезд в Москву с ясачной казной. Однако в 1630-х гг. эти льготы стали сокращаться[140]. По указу 1646 г. сибирским служилым людям разрешалось беспошлинно вывозить на «Русь» мехов не более чем на 50 руб. Между тем, как свидетельствовал ленский служилый человек Юшка Лукьянов, «преж сего... моя братья, служилые люди вывозили к Русе соболей сороков по десяти и больше...», т. е. на несравненно бóльшие суммы[141]. По данным же 1670-х гг. со всех привозных из Москвы товаров при их реализации в Сибири стала взиматься таможенная пошлина[142]. Недовольство служилых людей породило также ограничение их права винокурения и продажи вина. Это вызвало, в частности, в 1650-е гг. бурные протесты в Тюмени[143]. Борьба правительства с закладничеством коснулась в свою очередь сибирских служилых людей, к которым в личную зависимость попадали ясачные люди. На этой почве в 1649 г. проявилось серьезное сопротивление служилых людей в Нарыме, они отказались выдавать заложившихся за них остяков[144]. Верхотурский воевода Б. С. Двоянинов в 1648 г., затушевывая собственные безобразия, с некоторым все же основанием доносил в Москву, что местные служилые люди выступили против него потому, что он им «не потакал» «зипуны наживать» в походах, «в вогуличи выезжать с товары без заказа», отчего они «сыти быва-

ли», запрещал винокурение и холопство ясачных людей[145]. Те же причины возбуждали недовольство и нарымских служилых людей[146].

В 1690-е гг. на служилых людей распространился налог с торговых и промышленных оборотов, так называемая 10-я деньга[147].

В борьбе за свои сословные привилегии служилое войско нередко вступало в столкновения с воеводами. Поводами для споров были вопросы чисто административного и организационного порядка, положение усугублялось воеводскими злоупотреблениями и самовластием. В 1639 г. в Тобольске местные и прибывшие из Березова казаки перед дальним походом на Лену подняли «большой шум и озорничество», требуя выдачи жалованья вперед не на один, а на два года. Только вмешательство архиепископа Нектария и удовлетворение казачьих требований спасло местные власти от дальнейших неприятностей. В 1642 г. в Томске после похода Я. Е. Тухачевского тобольские, томские, тюменские, тарские и кузнецкие служилые люди «с великим шумом» потребовали выплаты очередного жалованья, объясняя, что своих лошадей они «приели», хлебный провиант доставлен в Томск не полностью, на рынке мука вздорожала и дальнейшую службу нести они не могут. Я. Е. Тухачевский, обозленный своей неудачей, попытался обвинить служилых людей в пьянстве, но томский воевода кн. С. В. Клубков-Мосальский не стал обострять положение и их челобитную послал в Москву[148].

В 1646 г. сургутский воевода А. А. Измайлов также доносил, что местные казаки потребовали от него немедленной отправки в Москву своих челобитчиков под угрозой — «ты де над собою сам месть увидишь»[149]. На почве изменения порядка финансового обеспечения в 1668 г. в Тобольске произошло крупное столкновение служилых людей с воеводой П. И. Годуновым[150].

Любой документ в Москву должен был отправляться с ведома воевод, и челобитные на них самих не были исключением. Всякого рода «изветы» и кляузы местных административных лиц друг на друга были делом обычным, и их результат зависел от личных связей и взаимоотношений с аппаратом Сибирского приказа, а также от разного рода бюрократических обстоятельств. Обращения и жалобы миров могли быть серьезнее восприняты в Москве, и потому воеводы препятствовали отсылке челобитных. В этих случаях столкновения между мирами и воеводами приобретали не только административное, но и социальное звучание.

Так, томский воевода кн. С. В. Клубков-Мосальский задерживал челобитчиков, собиравшихся в Москву жаловаться на его злоупотребления, из-за чего в конце концов попал под сыск, который «с пристрастием» проводил тобольский письменный голова Г. Л. Семичев [151]. В 1654 г. о таком столкновении в Тюмени очень образно писал архиепископ сибирский и тобольский Симеон. Приехав в Тюмень, он застал у воеводы Н. И. Елдезина «со всем городом великий несовет и смятение, и Тюменского города всяких чинов люди и иноземцы всем миром мне, твоему государеву богомольцу, били челом, чтобы их отпустить к Москве бити челом тебе, государю, о своих нужах». Воевода не отпускал челобитчиков, и Симеон, видя у них «такой великий несовет и сметение», чтобы «от таковаго смятения порухи бы никакие городу не учинилось», «велел» дать проезжие грамоты[152]. В тех случаях, когда челобитчики уезжали без проезжих грамот, воеводы пытались с помощью доверенных лиц перехватить их на дороге. Именно так в 1687 г. красноярский воевода И. В. Башковский пытался задержать челобитчиков [153].

Подобные столкновения отражали обострявшиеся отношения между сословно-представительными организациями населения, среди которых в Сибири войско имело наибольшее значение, и воеводской властью, олицетворявшей абсолютистские тенденции в политике центральной власти, которая в свою очередь стремилась к усилению местного аппарата управления. Обострение этих отношений не было специфичным только для Сибири. В XVII в., особенно во второй его половине, царская власть последовательно и повсеместно стремилась уничтожить привилегии приборного войска и все более сближала его с тяглыми слоями населения. Это приводило к общему кризису всего «прибора» и ослаблению его военной значимости, несмотря на стремление правительства укрепить его корпоративную замкнутость. Известно, что на юге европейской части страны стрелецкое приборное войско испытывало особенно сильный феодальный гнет[154]. Восстания московских стрельцов в 1680—1690 гг., в свою очередь, свидетельствовали о таком кризисе.

В Сибири, где корпоративность казачества проявлялась значительно сильнее, войско, как социальная общность, в борьбе за сохранение своего сословного статуса на протяжении всего XVII в. являлось противовесом воеводскому самовластию. До окончательной победы абсолютизма оно было существенным звеном в системе государственного фе-

одализма, на основе которой управлялась Сибирь. Защищая свои привилегии и наиболее благоприятные условия существования, войско выступало и против четко проявлявшейся в воеводской деятельности тенденции «государиться», т. е. абсолютизировать власть. И вместе с тем промежуточное положение сибирского казачества, «служилых по прибору», между крестьянами и феодалами, тенденция к сокращению их жалованья за счет обеспечения пашней, практика сбора «выдельного хлеба» со всех пользовавшихся государственной землей приводили к значительному сближению позиции крестьянско-посадских и служилых миров Сибири в отношении к фискально-рентным проблемам.

Глава III

ВОЕВОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Общая для государства система местного воеводского управления устанавливалась в Сибири по мере вхождения в состав России ее отдельных областей. Сибирь подчинялась в Москве специальному приказу — с 1599 г. Приказу Казанского дворца, а с 1637 г. вновь учрежденному Сибирскому приказу. Тем самым административное управление Сибири приобретало строго региональный характер. Получившее в XVII в. общегосударственное распространение воеводское управление отражало все более усиливавшуюся систему централизованного контроля развивавшегося бюрократического аппарата над всей территорией государства. На протяжении XVII в. в Сибири было учреждено 20 уездов, каждый из которых возглавлялся воеводой с соответствующим штатом приказной избы (подьячие, толмачи). В наиболее крупные города направлялись также товарищи воевод в качестве их помощников. Специальный штат устанавливался для сбора таможенных пошлин (таможенные головы и целовальники).

Крупный знаток истории Сибири С. В. Бахрушин, проанализировав наказы, выдававшиеся воеводам Сибирским приказом, пришел к выводу о широте их полномочий и фактически полном отсутствии контроля[1]. Выше уже при-

водилось мнение В. И. Шункова об абсолютной власти представителей местного управления — приказчиков — над сибирской деревней. Наконец, А. Н. Копылов делал еще более общий вывод теоретического порядка: «Органы сословно-представительного самоуправления русского населения Сибири были в зачаточном состоянии, и вся полнота власти находилась в руках воевод»[2].

Значимость мирских организаций (сельской, посадской общин и войска), весомость их мнения при общении с представителями местной администрации разных рангов заставляют внести существенные коррективы в устоявшиеся выводы. Следует обратить внимание не только на сохранение в XVII в. сословно-представительного начала в Сибири, но и на его влияние на текущую административную практику воеводской бюрократии.

Воеводские должности в Сибири замещали выходцы из двух слоев господствовавшего феодального класса: титулованная знать и обладатели высших дворцовых званий — бояре, окольничии и стольники, с одной стороны, и представители служилого дворянства, выслужившие ратной службой пожалование на прибыльную административную должность, — с другой. На протяжении XVII в. в должности сибирских воевод перебывало чуть более 500 чел., из которых 109 обладали княжеским достоинством; к дворцовой знати принадлежал 141 чел., в основном стольники (119 чел.); обладателей боярского звания было лишь 19, а окольничих — всего трое[3].

Титулованной знати доверялись наиболее ответственные посты, а составлявшая большинство рядовая дворянская бюрократия получила назначение в качестве воевод в менее значимые города и в товарищи к первым воеводам в крупные города. Правительство старалось придерживаться правила сменять воевод через каждые 2—3 года. Но в силу разных обстоятельств некоторые из них засиживались на своих постах по 4—6 лет (а в исключительных случаях — до 10—13 лет), однако такое «долголетие» в несении должности выпало в XVII в. лишь 73 воеводам. В 1695 г. срок воеводства в отдаленных сибирских городах был установлен в 6 лет[4].

Иногда, особенно в первой половине XVII в., на сибирские воеводства попадали в порядке почетной ссылки представители знати, чем-либо скомпрометировавшие себя перед верховной властью. Так, в 1601 г. в Тобольске по воле Бориса Годунова товарищем воеводы оказался Евстафий Михайлович Пушкин, которого по доносу его холопов об-

винили в «крамольных речах» с осуждением царя за гонения на Романовых. В Тобольске Е. М. Пушкин умер[5]. В 1623 г. патриарх Филарет удалил из Москвы туда же, в Тобольск, умелого администратора кн. Ю. Я. Сулешева, связанного свойством с кланом дворцовых противников патриарха Салтыковых[6]. Наконец, в 1649 г. после дворцовой склоки, вызванной женитьбой Алексея Михайловича, воеводой на Верхотурье, а затем в Тюмени оказался Раф Родионович Всеволожский, отец незадачливой невесты царя[7]. Но такие случаи были единичны.

С. В. Бахрушину принадлежит очерк, посвященный энергичной деятельности на посту тобольских воевод двух примечательных администраторов XVII в. — только что упоминавшегося кн. Ю. Я. Сулешева и стольника П. И. Годунова[8]. Авторитет С. В. Бахрушина невольно создавал впечатление, что лишь этими двумя именами исчерпываются опытные администраторы, которым поручалось управление Сибирью[9]. На самом же деле царское правительство, уделяя очень большое внимание зауральской части государства, посылало в Тобольск, центр управления Сибирью, как правило, родовитых представителей знати, уже зарекомендовавших себя на административной службе. Всего на протяжении XVII в. Тобольским воеводством ведало 36 чел., из которых 21 обладал княжеским достоинством; среди этих 36 чел. в ранге бояр было 16 чел., в ранге окольничего —1 и 8 чел. были стольниками. Даже в должности товарищей воевод в Тобольске перебывало 11 князей.

О внимании, которое уделялось правительством Тобольску, можно судить также по тому, что вскоре после окончания «смутных лет» и воцарения Романовых туда впервые был назначен воевода в ранге боярина — князь И. С. Куракин. При этом назначении нарочито подчеркивалось: «а преж тово в Сибири, в Тобольску, бояр не бывало»[10]. На воеводстве в далекой сибирской столице упрочивали свою карьеру такие влиятельные аристократы, как М. М. Салтыков, кн. Ю. Я. Сулешев, кн. А. Н. Трубецкой (в дальнейшем начальник Сибирского приказа и близкий советник царя Алексея Михайловича), А. А. Голицын.

В Сибирь посылали не только знатных, но и весьма опытных воевод. В 1639 г. в Тобольске воеводствовал кн. П. И. Рыбин-Пронский, с 1610 г. успевший уже побывать воеводой в Вязьме, на Двине, в Брянске, в Томске. В 1646 г. в Тобольске появился кн. Г. С. Куракин, ведавший ранее Вязьмой, а затем Новгородом и Казанью. Его

сменил И. И. Салтыков, имевший до того опыт управления в Ельце, Вологде, Шацке, Астрахани, Уфе. В 1659—1664 гг. в Тобольске воеводствовал после службы в Пскове и Юрьеве-Ливонском кн. И. А. (Большой) Хилков, а в 1670—1673 гг. — И. Б. Репнин, до того воеводствовавший в Могилеве, Полоцке, Новгороде и Смоленске и закончивший свою карьеру начальником Сибирского приказа. Не меньший опыт имели и последующие воеводы — П. В. (Большой) Шереметев (Севск, Киев, Симбирск, Новгород), А. П. Головин (Смоленск, Симбирск, дважды Киев, Астрахань) и др. Подобным же опытом обладали многие воеводы и других городов.

Титулованные воеводы правили почти во всех сибирских городах, но чаще они назначались, помимо Тобольска, в Томск, бывший наряду с Тобольском центром разряда, на Верхотурье — крупный торгово-перевалочный центр, в Березов, Тюмень и Тару, имевшую важное оборонительное значение в пограничной полосе. В связи с усложнением политических отношений с монгольскими ханствами и Китаем с конца 1660-х гг. возросло административное положение Енисейска, который становился разрядным центром для городов южной части Восточной Сибири, вплоть до Приамурья. Рост его значения отразился и на составе енисейских воевод. В 1677 г. в Енисейске оказался боярин кн. И. П. Барятинский, ранее воеводствовавший в Якутске, в 1681 г. — Ф. П. Салтыков, на дочери которого в 1684 г. женился царь Иоанн Алексеевич, и, наконец, в 1683 г. — боярин кн. К. О. Щербатый, до того воеводствовавший в таких крупных городах, как Киев, Брянск, Псков, Астрахань. Прибыв в Енисейск, К. О. Щербатый весьма энергично руководил организацией обороны забайкальских рубежей.

На менее значимые воеводства, случалось, назначались по челобитью на имя царя служилые люди, после ратной службы начинавшие административную карьеру.

В дореволюционной отечественной литературе преимущественно преставителями государственной школы воеводское управление рассматривалось как видоизмененная система наместников-кормленщиков. Так Б. Н. Чичерин вообще считал, что гражданская служба, доставлявшая «множество доходов, добровольных приношений», была наградой за службу ратную[11]. Более глубоко смотрел на существо воеводской службы другой представитель государственной школы М. Ф. Владимирский-Буданов. Он улавливал разницу между обеспечением кормленщика и воеводы. Его

точка зрения сводилась к тому, что назначение на воеводскую должность осуществлялось не ради поддержания материального положения служилых людей. «Цель назначения воевод, — писал он, — не кормление, а управление на государя; хотя воеводы по-прежнему просятся покормиться, но это означает уже не поборы, а государево жалованье»[12].

В наше время к системе воеводского управления обратился Е. В. Вершинин. Продолжая сложившуюся уже в советской историографии традицию исследовать историю управления Российского феодального государства, он на сибирском материале пришел к ряду обоснованных заключений. Коренное отличие воеводского аппарата XVII в. от наместничьего Е. В. Вершинин видел в государственном обеспечении административных лиц, которые, находясь на своих постах, получали жалованье, положенное им ранее на ратной службе; причем размер жалованья на воеводском посту соответствовал уже выслуженному ратной службой окладу. Однако в силу того, что самодержавная власть в централизованном порядке не была еще способна полностью обеспечить свой исполнительный аппарат, она волей-неволей вынуждена была мириться с его «кормлением от дел», одновременно борясь со злоупотреблениями, для чего использовала сословные (мирские) организации местного населения. Так как, по свидетельству Е. В. Вершинина, добросовестность службы поощрялась повышением земельного служилого оклада, возникает вопрос, каким путем воеводы «совмещали» личные интересы, выполняя служебный долг и одновременно нарушая его, чтобы иметь неправедные доходы.

Е. В. Вершинин уделил внимание также «кадровой» политике центральных органов при комплектовании местного управления. Существование двух принципов назначения на должность — по решению центральных учреждений и согласно личному желанию (челобитью) претендента — отражало переходный этап в формировании гражданской службы как особой отрасли государственного управления. При этом, по мысли Е. В. Вершинина, принцип назначения по челобитным был связан со старой кормленческой системой, в чем и проявлялась традиционность в организации административного управления на местах[13].

Действительно, сохранилось немало подобных челобитных, в которых служилые люди просили о назначении на воеводские должности, ссылаясь на долголетнюю ратную службу и пошатнувшееся материальное положение. Сохранилась также документация Сибирского приказа, свиде-

тельствующая о порядке рассмотрения этих челобитных и решений по ним. Так, в 1648 г. А. А. Бунаков мотивировал свою просьбу назначить его воеводой в Красноярск полувековой ратной службой и бедностью — «поместейце за мною худое, служу с того поместейца с сынишком две службы». Челобитье А. А. Бунакова подтверждалось его уже состоявшейся службой товарищем воеводы в Томске (1635—1639 гг.) и воеводством в Нижнем Ломове (1644—1647 гг)[14]. Преемник А. А. Бунакова на воеводстве в Красноярске М. О. Аничков свое челобитье мотивировал тем же — 17-летней ратной службой на южных оборонительных линиях, «по черте», и пошатнувшимся материальным положением[15]. Представляет также интерес челобитье Ф. И. Веригина, рассчитывавшего получить воеводскую должность в Тюмени в 1650 г. Он участвовал в войне с Польшей в 1630-х гг., был в плену, затем в составе полка И. Н. Хованского находился под восставшим Псковом в 1650г. Его поместье под Торопцом было разорено восставшими крестьянами, и в качестве компенсации за это разорение он просил о воеводской должности[16]. Эту должность он получил, но, как увидим, не снискал успеха на административной ниве и был изгнан населением Тюмени. Подобная биография прослеживается у С. Е. Лутовинова, добивавшегося в средине XVII в. назначения в Кетск: 45 лет он нес ратную службу, а поместье имел небольшое, всего в 67 четей[17].

Случалось, что рядовые дворяне, попав после длительной ратной службы на высшие административные должности, оказывались умелыми распорядителями и делали карьеру. Так, Р. М. Павлов, активный участник войны с Польшей в должности сотенного головы (1654—1657 гг.), назначенный воеводой в 1663 г. в Мангазею, чутко уловил падение экономического значения города и способствовал неизбежному перемещению жителей — по их просьбе в Туруханск. В 1670-х гг. он занял почетный воеводский пост в Верхотурье и дослужился до звания стольника[18].

Сибирский приказ не без основания предпочитал выдвигать на высшие административные должности лиц, уже зарекомендовавших себя на второстепенных должностях в системе воеводского управления. Этот вывод особенно существен для характеристики системы государственного феодализма, на основе которой управлялась вся Сибирь[19]. Кроме того, подготовка нужных кадров велась весьма обычным для того времени путем своеобразной стажировки при воеводах их сыновей или близких родственников. При таком порядке подготовки «резервов» развивалась семейст-

венность. Вопреки благим намерениям высшей администрации иметь потомственные бюрократические кадры она порождала прежде всего круговую поруку во всяких злоупотреблениях.

Воеводские родственники сплошь и рядом играли активную роль в управлении. В Тобольске, когда умер товарищ воеводы кн. Г. И. Гагарин (между 1615 и 1620 гг.), его сын Данила «за отчею смертью» заместил отца; в 1690 г. там же товарищем воеводы боярина С. И. Салтыкова был назначен его сын стольник Федор; то же самое последовало при назначении в 1693 г. следующего воеводы — А. Ф. Нарышкина[20]. На Таре в 1668—1673 гг. расхворавшегося воеводу кн. Ф. Н. Мещерского по государеву указу замещал его сын Борис. Там же в 1692—1694 гг. воеводствовали, последовательно сменяя друг друга, отец и сын Сытины (Данило и Галактион), а после смерти в 1694 г. приехавшего нового воеводы М. Д. Тургенева «до указу велено быть воеводой сыну его Дмитрию Тургеневу»[21]. На Верхотурье в 1640-х гг. М. Ф. Стрешнев приехал на воеводство с двумя сыновьями, а в 1673/74 г., когда воеводе Ф. Г. Хрущеву было поручено временно исправлять должность тобольского воеводы, на его месте оставался сын Леонтий [22]. В 1649 г. с С. Е. Лутовиновым, «старым и одиноким», посланным воеводой в Кетск, было разрешено ехать его сыну жильцу Д. С. Лутовинову[23]. В Тюмени в 1689—1690 гг. Василий Иванович Полуэктов временно замещал своего брата воеводу Дмитрия Ивановича Полуэктова[24]. В Кузнецке в 1659 г. Василий Дмитриевич Овцын заменил на воеводстве отца Дмитрия Васильевича Овцына, а в 1672 г. Логгин Никитич Доможиров после смерти отца «досиживал» в воеводах[25]. В Нарыме товарищами воевод А. Д. Губина (1673 г.) и В. Ф. Шишкина (1680 г.) были назначены их сыновья[26]. В Мангазее в 1647 г. после смерти воеводы Я. Е. Тухачевского управление принял его сын Василий, который затем сдал дела прибывшему из Тобольска письменному голове А. Т. Секерину. Однако и А. Т. Секерин вскоре скончался (1648 г.), и уже его сын «досиживал» на воеводской должности[27]. В Якутске после смерти воевод И. Ф. Голенищева-Кутузова (1666 г.) и Ф. И. Бибикова (1680 г.) исправляли должности их сыновья «по челобитью духовенства и всех служилых людей»[28]. Там же воеводствовали с сыновьями последующие воеводы М. О. Кровков и А. М. Арсеньев[29]. При учреждении воеводства в Приамурье в 1656 г. туда был послан А. Ф. Пашков с сыном Еремеем в должности его товарища,

и «были они, Афанасий и Еремей Пашковы, в Даурах, в тех острожках на воеводстве... пять лет и... выехали из Даур в Тобольск»[30].

Характерное «поручение» Сибирского приказа получил в конце 1698 г. иркутский воевода стольник И. Ф. Николев. В это время его брат С. Ф. Николев, воеводствовавший в Нерчинске, умер; на воеводстве там был утвержден его сын Иван, а дядюшке было предписано из Иркутска чинить племяннику «всякое вспоможение для научения» ради его «молодости»[31]. Чем кончались такие «научения», мы сможем убедиться несколько ниже. Чуть раньше героический защитник Албазина А. И. Бейтон был назначен ведать Удинским острогом, но «ради старости его» ему в товарищи был определен его сын Андрей[32].

В системе воеводского управления не предусматривалась региональная «специализация» воевод. Окончивший срок воеводства в сибирском городе воевода мог быть переведен в любой город европейской части государства. Однако полученный опыт управления учитывался, и в случае необходимости администраторы возвращались в сибирские города. Сибирский приказ явно не упускал возможности использовать «специалистов», имевших опыт управления в Сибири. Так, боярин князь Алексей Андреевич Голицын, воеводствовавший в Тобольске в 1664—1667 гг. и управлявший затем в Казани и Киеве, в 1682 г. был возвращен в Тобольск. В помощники ему был определен знакомый с Сибирью по воеводству в Енисейске в 1666—1673 гг. стольник К. А. Яковлев. Дважды занимал влиятельные посты в Якутске и Енисейске (1666—1668 и 1677—1680 гг.) боярин кн. И. П. Барятинский. Воеводствовал в Енисейске (1673—1677 гг.), а затем был товарищем воеводы Тобольска (1680—1682 гг.) стольник М. В. Приклонский. Фактически без съезда находился в Сибири с 1668 по 1676 г. стольник Ф. Г. Хрущев, сначала в Мангазее, затем в Верхотурье и Тобольске. С 1666 по 1673 г. последовательно воеводствовал в Томске и на Таре кн. Ф. Н. Мещерский.

Изредка проводились внутрисибирские перемещения воевод. В 1683/84 г. в связи с военным конфликтом с Китаем последовала смена высшего административного состава управления восточно-сибирских уездов с частичным перемещением воевод. Поэтому в начале 1684 г. служивший в Енисейске письменным головой Л. К. Кислянский был переведен воеводой в Иркутск, а стольник И. Е. Власов, сдав ему там дела, отбыл с ответственным поручением воеводствовать в пограничный Нерчинск [33]. По каким-то

соображениям в начале 1700 г. было проведено перемещение из Туруханска стольника Ю. Ф. Шишкина в Иркутск, а стольник И. Ф. Николев из Иркутска выехал на его место[34].

Таким образом, на сибирские воеводства попадали чаще всего не случайные люди, а администраторы с уже имевшимся опытом. Для них и их товарищей служба в Сибири была звеном в карьере, существенным в послужном списке и в личных материальных делах.

По-разному складывались судьбы персонала воеводского правления. Обычно новый воевода отправлялся из Москвы, особенно в крупный город, не один, а с свитой своих будущих помощников (дьяки и письменные головы), которые также не задерживались в Сибири. Правда, бывали случаи, когда и такие люди надолго там оставались и делали карьеру. Так, Е. И. Козинский, прибыв в 1666 г. в Якутск на должность письменного головы, служил затем в той же должности в Тюмени, исполнял воеводские обязанности в Сургуте и, наконец, в 1670-х гг. занял почетное место письменного головы в Тобольске[35].

Должности подьячих воеводских управлений занимали, как правило, люди, оседавшие в Сибири на постоянное местожительство. Штат подьячих в сибирских приказных избах формировался по-разному. Случалось, что в Сибирь ради материального достатка переселялись из Центральной России. Так, Федор Иванов в 1620/21 г. выехал «от московского разорения» и в Тобольске стал подьячим. Чуть позже сохранял связь с Москвой переселившийся и постоянно проживавший в Тобольске подьячий Никифор Матюшкин[36]. В Пелыме приблизительно в 1640 г. на должности подьячего сидел чуть ли не с основания города в течение 45 лет П. Степанов. Д. Герасимов, попавший в подьячие из служилых людей, пребывал в своей должности уже более полутора десятков лет, с 1624 г.[37] Более 30 лет прослужил в Тобольской приказной избе подьячий Савватий Кляпиков, прибывший в Сибирь еще в первые годы XVII в.[38]

Н. Ф. Демидова, исследовавшая процесс сложения служилой бюрократии в России XVII в., отмечала, что в Сибири аппарат подьячих складывался путем их присылки из Москвы, приверстания в должности из ссыльных, но «основное пополнение приказной группы здесь происходило за счет включения в нее выходцев из различных слоев русского населения Сибири», прежде всего приборных служилых людей, в меньшей степени из «промышленных лю-

дей». С первой половины XVII в. в Сибири прослеживалось сложение подьячих династий[39]. На должности подьячих попадали, конечно, грамотные люди. Десятилетиями неся службу в приказных избах, прекрасно зная местные условия жизни и обстоятельства управления, они не всегда были безропотными исполнителями воеводских распоряжений и имели определеннй вес в общественной жизни сибирских городов. К тому же иногда подьячие нанимались на службу за счет местного населения, как было, например, при основании в 1628 г. Красноярска. Это тем более ставило их в зависимость от мирских организаций, в том числе и от служилого войска[40].

Служилые люди, особенно землепроходцы, отличившиеся открытием новых земель, становились там приказчиками слобод и острогов, т. е. представителями средней администрации. В 1628 г. в Тобольске служил сын боярский Богдан Аршинский, а в 1668 г. представитель той же фамилии сын боярский Данило Данилович Аршинский был воеводой в Нерчинске[41]. Знаменитый землепроходец Петр Бекетов, прославившийся своими открытиями в Восточной Сибири, в 1642 г. стал письменным головой в Енисейске. Таким путем к концу XVII в. начала складываться местная прослойка администрации, с мнением которой вынуждены были считаться воеводы.

* * *

Наказы, которые Сибирский приказ выдавал воеводам перед их отъездом в Сибирь, не оставляют сомнения в широте предоставляемых им полномочий. Наиболее ранние наказы (Тобольск, Сургут, Тара) адресовались воеводам и их товарищам, но вскоре ответственность за воеводство была возложена только на воевод. Б. Н. Чичерин отмечал, что в наказах воеводам предписывалось все дела вершить «собча», т. е. вместе и согласно с их помощниками, товарищами. Поэтому он полагал, что воеводское управление носило коллегиальный, но не бюрократический характер, хотя «эта коллегиальность не имела никакой юридической определенности... Решение было предоставлено частному соглашению правителей, им предписывалось править мирно, а ладили они, как знали»[42]. Однако при этом Б. Н. Чичерин все же признавал, что в XVII в. в России еще не было развитого сознания о различии между коллегиальной и бюрократической формами административного

управления[43]. Б. Н. Чичерин был прав в фактическом анализе наказов, но к чему приводила эта «коллегиальность» мы увидим чуть ниже.

В новейшем исследовании Е. В. Вершинина, в котором много внимания уделено воеводским наказам, вопрос ставится совершенно в иной плоскости. Автор рассматривает наказы, с одной стороны, как разновидность правового документа, устанавливавшего принципы местного управления, а, с другой, как делопроизводственную инструкцию отдельному должностному лицу. Общность формуляра наказов отражала, по мнению автора, начало унификации административного правотворчества на пути к абсолютизации власти на местах[44].

В компетенцию сибирских воевод входили и административные, и хозяйственные, и финансовые, и судебные, и военные вопросы управления. Воеводы разрядных и ряда порубежных городов обладали правом дипломатических сношений с государственными образованиями монгольского мира, когда их представители прибывали в пределы России. Воеводы всех сибирских городов обязаны были обеспечивать сбор ясака с коренного населения, защиту его от вторгавшихся с юга кочевых племен и пресекать междоусобия между отдельными родоплеменными группами. Все эти обязанности были специфичны для системы административного управления Сибири, а ответственность воевод неизбежно укрепляла стремление администраторов к абсолютной власти. К тому же многие задачи, ставившиеся перед воеводами, имели не только административный, но и социальный характер. Так, правительство, осваивая Сибирь, в своих, разумеется, интересах, стремилось подчинить своему контролю процесс стихийной народной колонизации сибирских земель с запада, из европейской части страны. Потребность в хлебных запасах для содержания служилых людей и административного штата заставляла постоянно и настойчиво напоминать воеводам о необходимости умножения крестьянского населения, выдачи ему ссуд на обзаведение, «высмотра» наиболее удобных для пашни земель, чтобы Сибирь «полнилась хлебом». Эта хозяйственная функция переплеталась с социальной — воеводам вменялось в обязанность не только «призывать на пашню» крестьян, но и заставлять их нести государственную барщину под надзором назначавшихся приказчиков. Сибирская реальность вносила свои коррективы в политику государственного феодализма[45], о чем указывалось выше, в главе, посвященной возникновению крестьянской об-

щины в Сибири. Требования регламентации жизни сибирской деревни сплошь и рядом оставались фикцией в виду их нереальности.

Еще одной не менее существенной и, быть может, более сложной задачей воевод было подчинение сибирского войска местной администрации и изживание порядков казачьего самоуправления и обычаев, свойственных казачьему войску. Как уже указывалось, на протяжении XVII в., вплоть до организации при Петре I регулярного войска, эта задача в Сибири полностью разрешена не была и от местных воевод требовалось немало такта и дипломатии, чтобы ладить с сложившимся сообществом, каким было сибирское войско.

Наконец, социальные задачи ставились перед воеводами и в политике, проводимой по отношению к аборигенному населению. В частности, в Сибирском приказе понимали, что учесть все особенности управления Сибирью в наказах затруднительно. Поэтому в одной из грамот, датированной концом 1624 г., Ю. Я. Сулешеву разрешалось самостоятельно дополнять наказные памяти головам юртовских татар[46]. С присоединением к России отдельных областей Сибири правительство стремилось утвердить ясачный режим не «жесточью», а добровольным согласием.

На протяжении первых трех десятилетий XVII в. правительство убедилось в необходимости учреждения прочной сети опорных пунктов (острогов и зимовий) по сбору ясака, в которых постоянно, сменяя друг друга, находились бы небольшие отряды служилых людей. Первоначальная практика эпизодических наездов за ясаком при точно не установленной подведомственности тому или иному воеводству (городу) целых ясачных районов приводила к вооруженным столкновениям между собой отдельных отрядов ясачных сборщиков и облегчала возможность различных злоупотреблений, от чего страдали прежде всего ясачные люди, с которых взимали ясак в двойном или даже в тройном размере с применением в случае сопротивления «жесточи». Одновременно перед воеводами стояла задача регулирования отношений на звериных промыслах между ясачными людьми и русскими промышленниками. Ясачный сбор мехов в годы расцвета пушных промыслов во много раз уступал общей добыче русских промышленников, и лишь во второй половине XVII в. ясачные поступления возросли[47]. Преследуя фискальные интересы и стремясь избежать сложностей с населением вновь вошедших в состав России областей, правительство предписывало воево-

дам следить, чтобы русские промышленники не вторгались в охотничьи и другие промысловые угодья аборигенов, а с второй половины XVII в. даже начало учреждать в бассейнах Енисея, Ангары и в Якутии своеобразные «заказники»[48]. В целях предохранения ясачных людей от возможных насилий русским промышленникам и служилым людям категорически запрещалось брать с аборигенов долговые расписки и тем самым их кабалить, а местной администрации — проводить насильственную христианизацию. Наконец, для того чтобы ясак поступал в казну без недоимок, русским запрещалось до его сдачи (а подчас и вообще) проводить с аборигенами какие-либо торговые операции.

Эта политика особенно четко отразилась в наказе, который был выдан П. П. Головину при назначении его в 1639 г. на учреждаемое Якутское воеводство. Воеводе предписывалось создать свою сеть ясачного сбора, с тем чтобы на Лену не приходили из Енисейска отряды сборщиков ясака, которые «воровали», выменивая в свою пользу на привезенные вино, табак и иные товары меха, и тем самым учиняли «поруху» казне. Более того, енисейские сборщики вступали в сражения с служилыми людьми, прибывавшими с теми же целями из Мангазеи, «отбивали» друг у друга ясачных людей, вызывая среди них «великую смуту». П. П. Головин обязывался не допускать впредь на Лену ясачных сборщиков из других городов и установить твердый порядок сбора путем посылки в улусы «лучших» людей «за государевым крестным целованием». Всем русским запрещалось быть заимодавцами, писать на ясачных людей заемные кабалы и иные крепости, брать их в услужение на свои дворы, «и служилым и всяким людям крестить не велеть же, чтоб сибирская ленская земля пространилась, а не пустела», а креститься «иноземцы» могли только «своей волей»[49]. Подобные положения отражались и в наказах другим воеводам[50]. Правительство твердо придерживалось этих принципов в своей ясачной политике, но на практике они нередко грубо нарушались, в частности самим же П. П. Головиным, что вызвало восстание якутов[51].

В отношении всего населения воеводы неукоснительно должны были смотреть, чтобы «шатости б, и заводов, и кругов, и бунтов, и одиначества большого в русских служилых людях и в иноземцах не было»[52].

Вся предоставляемая воеводами огромная власть ограничивалась тем не менее рядом условий, лишь частично

отраженных в наказах, и системой контроля за их соблюдением. Прежде всего правительство стремилось к тому, чтобы при управлении сибирскими землями воеводы блюли «государеву пользу» без личной корысти. Воеводам запрещалось вступать с местными жителями и приезжими промышленниками и торговцами в какие-либо финансовые сношения и выступать в роли заимодавцев. В наказе енисейскому воеводе А. Н. Пашкову (январь 1640 г.) даже пояснялось, что на заемные кабалы и иные крепости, если они будут представляться воеводами на каких-либо людей, «управы» не будет. Опыт уже свидетельствовал о распространенности этого явления — «многие кабалы объявляются у сибирских воевод нарядные, а иные в посулах»[53]. Иными словами, правительство отказывалось признавать юридическую силу подобных документов. Во избежание воеводских злоупотреблений ясачным людям, если у них не хватало мехов для внесения ясака, запрещалось компенсировать его деньгами. В таких случаях ясачные люди сами должны были на имеющиеся у них деньги покупать меха и тем покрывать недоимку[54].

Не надеясь только на силу наказа, правительство пыталось ограничить материальные возможности воевод при выезде их в Сибирь. Чтобы предотвратить спекуляции, в Сибирском приказе составлялись подробнейшие росписи имущества, которое воеводы собирались везти с собой, вплоть до пищевых припасов для сопровождавшей их дворни. Сохранилась очень подробная документация о единовременной смене воевод и их товарищей в январе 1635 г. во всех сибирских городах — от Тобольска до Кузнецка и Красноярска. По указу из сумм, имевшихся в Владимирской, Галицкой, Устюжской четях, воеводы получали присвоенный им оклад на два года вперед, т. е. денежное жалованье на время воеводства. Каждый воевода представлял роспись дворни, которая ехала с ним. Численность ее колебалась от 17 до 38 чел. Исходя из количества дворовых людей, воеводам разрешалось провозить беспошлинно определенное количество продуктовых запасов, необходимых на один год. Так, И. Ф. Еропкину, отправлявшемуся с 38 дворовыми людьми на Верхотурье, было разрешено на текущий год взять с собой 150 ведер вина, 146 четей разной муки, 20 четей гречневой и овсяной крупы, 30 четей ячневого солода, 50 пудов меда, 70 полстей мяса, 5 ведер конопляного и 7 пудов коровьего масла. Для провоза такого же количества продуктов на следующий год воеводам выдавались проезжие грамоты. Определенное количество

хлеба воеводам разрешалось купить в городах своего воеводства.

Провоз в Сибирь вина, хлебных запасов и денег рассматривался в зависимости от должности, которую предстояло занять выезжавшему[55]. Только воеводы, назначенные в Тобольск и Томск, могли везти с собой по 500 руб., воеводы, отправлявшиеся в иные города, их товарищи, дьяки и письменные головы — по 300 руб. Все деньги сверх указанных сумм местные таможни обязаны были конфисковывать в пользу казны[56]. Официальный надзор за воеводским имуществом осуществлялся на протяжении всего XVII в.— в декабре 1698 г. специальной грамотой было предписано усилить на Верхотурье и в таможнях предуральских слобод надзор за всеми проезжими людьми и провозимыми ими товарами. В грамоте специально подчеркивалась необходимость надзора за воеводами и служилыми людьми, чтобы они «иноземцев» и «робят ясачных» не провозили[57]. В этих целях в 1635 г. последовал указ о посылке в основные города Сибири на должности таможенных голов торговых людей из поморских городов с выданными им в Москве наказными памятями[58].

Во избежание воеводских злоупотреблений таможенная служба в Сибири, как уже говорилось в главе I, получала относительную независимость. Таможенные головы всегда имели право непосредственно сноситься с Сибирским приказом. За воеводами сохранялась обязанность лишь общего надзора за таможнями.

В конце 1645 г. крупнейшие российские торговцы — гости И. Ревякин, К. Босой и другие — коллективно подняли вопрос о злоупотреблениях сибирских воевод в таможенном управлении, ссылаясь на задержку их приказчиков на сибирских путях и выдачу проезжих грамот за взятки. Их челобитье в Москве было оперативно рассмотрено, и в декабре 1645 г. последовал указ, согласно которому повсеместно в Сибири, кроме Тобольска, у проезжих торговых людей свидетельствовать товары, взимать с них пошлины, выдавать проезжие грамоты должны были только таможенные головы[59]. Правда, в 1651/52 г. Сибирский приказ, сомневаясь в неподкупности и таможенных голов с целовальниками, вновь вернулся к порядку, при котором таможни находились в ведении совместно голов и воевод[60].

Всеми этими официальными установлениями и надзором вовсе не исчерпывалась регламентация воеводских действий. Согласно наказам, прибыв на место службы в Сибирь и приняв дела у своих предшественников, воеводы

должны были устроить официальный прием различным группам населения города и ясачным людям, а точнее — их представителям. С. В. Бахрушин со свойственным ему литературным блеском писал по этому поводу: «Церемония приемов и содержание речей были твердо и раз навсегда установлены в наказах. Года через два, когда появлялся новый воевода, он с тем же пафосом сообщал о том, что его предшественник грабил и притеснял своих подчиненных и что в виде милости государь назначил на его место говорящего,— заранее зная, что через два года новый воевода все это скажет про него самого. Правительство не делало иллюзий насчет достоинства своих слуг. Оно заранее знало, что кого бы ни назначить в Сибирь воеводою — он окажется взяточником и «разорителем»... Не в силах бороться с злоупотреблениями, правительство по крайней мере не лицемерило и наивно хотело отмежеваться от своих собственных агентов в глазах населения»[61].

Мнение С. В. Бахрушина об устойчивой неэффективности системы отношения центральной власти к местному обществу нельзя признать правильным. На приеме населения при вступлении в должность от воеводы требовалось согласно наказу не просто обличать злоупотребления своего предшественника, но и призвать собравшихся подавать соответствующие иски с обещанием правого суда Москвы. В документах фонда Сибирского приказа, описанного Н. Н. Оглоблиным, сохранилось огромное количество материалов сысков по жалобам местного населения, завершавших деятельность многих сибирских администраторов. Когда же «повальным обыском» или каким-либо иным путем обнаруживалась справедливость жалобы, виновный должен был уплатить не только всю сумму иска, но и равную по величине пеню в казну[62]. Конечно, на практике такие меры не всегда осуществлялись последовательно и не искореняли злоупотреблений, но несомненно их сдерживали.

Наказы, с одной стороны, и указанные ограничения, с другой, вовсе не исчерпывали той системы, которую хотело видеть в Сибири правительство. Официальный прием воеводы при его вступлении в должность имел весьма реальное содержание. Не в обычаях российской власти XVII в. да и последующих веков были декоративные представления, лишенные социального смысла. Во время таких приемов население уведомлялось о функциях воеводы и, естественно, делало для себя определенные выводы, как бы обтекаемо они ни были сформулированы в наказах. К тому же торжественные заверения в невозможности злоупотреб-

лений, с характером которых население уже было знакомо, соответствующим образом его настраивали.

В повседневной, бытовой жизни воеводам запрещалось нарушать материальные интересы населения. В 1648 г. грамота томским воеводам О. И. Щербатому и И. Н. Бунакову извещала о том, что в Москве «ведомо учинилось» о злоупотреблениях служебным положением воевод тобольского разряда, которые держат у себя на дворах по 2—6 «денщиков» для разной черной работы, а «служилые и посадские люди тем денщикам по вся годы дают наем немалый». Грамота запрещала в сибирских городах подобную практику[63]. Правда, это запрещение последовало в июне 1648 г., когда в Москве и в Томске полыхали восстания. Тем не менее внимание правительства достаточно показательно, так как на практике содержание воевод вопреки наказам обходилось местному населению недешево, в частности, в Мангазее, по данным 1630-х гг., такие расходы превышали 400 руб. в год[64].

Местное население на основе обычая обладало целым рядом прав, используя которые могло существенно влиять на текущее управление. Как уже указывалось, сословные группы населения (крестьяне, служилые и посадские люди) имели право обращаться к воеводам не только с различными просьбами, но и с предложениями по управлению, которые, казалось бы, целиком относились к функциям воевод. В ряде случаев воеводы сами проводили общий опрос населения о целесообразности осуществления того или иного мероприятия. Случалось, что различные слои местного населения сообща подавали воеводам челобитную с просьбой защитить их интересы. Аргументируя свои просьбы, миры не ограничивались узкосословными интересами, а связывали их с рациональностью всего местного управления. Так, в 1646 г. енисейский воевода Ф. Ф. Уваров по общему челобитью просил Сибирский приказ вывести местное население из подсудности томских воевод, в компетенцию которых, как воевод разряда, входил административный надзор над Енисейском. Дело возникло в связи с тем, что томские власти начали в Енисейском уезде сыск по поводу кормчества. Уличенных в нем людей вытребовали для следствия и суда в Томск, что отняло у них много времени и грозило хозяйственным разорением. Сибирский приказ пошел навстречу просьбе, и было велено томскому воеводе О. И. Щербатому в городские дела Енисейска «не вступаться», а Ф. Ф. Уварову о них только письменно доносить в Томск[65].

Приблизительно в то же время мирские старосты туринских посадских людей, пашенных крестьян и ямщиков просили Сибирский приказ учредить в Туринске подразделение конных служилых людей, чтобы у местных жителей не брали лошадей для воинских дозоров вне города[66]. Тем самым администрации приходилось регулировать и противоречия, возникавшие между отдельными группами населения. Много позже, в самом конце XVII в., из Иркутска от войска, посадских людей и пашенных крестьян в лице выборных старост в Москву была доставлена челобитная с настоятельной и аргументированной просьбой о наборе минимум 300 новых ратных людей, крайне необходимых для охраны границы с монгольскими землями. Начальник Сибирского приказа И. Б. Репнин очень внимательно отнесся к инициативе иркутского населения и приказал увеличить местные ратные силы именно на 300 чел., набрав их в Иркутске или переселив с Верхотурья, Тобольска и из других сибирских городов[67].

На мнение городского и сельского населения опиралось воеводское енисейское управление, испрашивая в Москве в 1646 г. хлебную и денежную ругу для вновь основанной в уезде пустыни[68]. В 1648 г. енисейский воевода Ф. Полибин советовался с крестьянами и посадскими людьми, стоит ли чинить старую мельницу или следует купить новую[69]. В 1681 г. вопрос о винном откупе И. Ушакова разрешился после опроса служилого, посадского и крестьянского населения Енисейского уезда — не было ли кому «разорения» от кабаков, затруднений в покупке зерна и обеспечении им «бесхлебных» городов[70]. Наконец, такое важнейшее мероприятие, как ликвидация Мангазеи и переселение жителей в Туруханск — новую уездную резиденцию воеводы,— было осуществлено «по рассмотрению накрепко» с местным населением и подтверждено в 1672 г. сбором «сказок» у посадских, промышленных и «всяких чинов» людей о наиболее целесообразном местоположении города[71].

Более того, население обладало правом непосредственного, хотя и с ведома воевод, обращения к высшей власти в Москву с далеко идущими просьбами — оставить воеводу на новый срок воеводства, сменить его до окончания этого срока и с жалобами, коллективными и индивидуальными, на злоупотребления воеводской администрации.

Обращений по поводу оставления сибирских воевод на новый срок сохранилось немного. Так, в 1685/86 г. служилые, посадские и другие «жилецкие» люди Тюмени, мест-

ные пашенные крестьяне и ясачные люди подали в Сибирский приказ челобитную об оставлении «на второй срок» воеводы Н. И. Колобова. В 1686 г. жители Туринска «всем городом», как русские, так и ясачные, просили оставить на «другую перемену» воеводу М. И. Алфимова за его «рассуд вправду» и во всем прибыль «государеву делу». По этому челобитью последовало решение: «великий государь... не велели его до своего указа переменить», но вскоре на воеводство в Туринск все же прибыл другой воевода. Большего успеха в 1687/88 г. добились жители Березова, просившие оставить «на третий год» воеводой И. Ф. Грибоедова. Их челобитье было удовлетворено. Просьба томских служилых людей об оставлении в 1690/91 г. «на следующую перемену» воеводы И. И. Дурново оказалась безрезультатной. Служилые люди писали: воевода «великим государям радеет и нам, холопам вашим, тесноты и налогов и приметок нет». Но в Сибирском приказе челобитная была сразу сдана в архив — резолюция гласила: «взять в столп»[72]. Сохранившееся в делах Сибирского приказа и получившее положительное решение подобное челобитье из Твери за 1695 г. от имени архиепископа Тверского и Кашинского Сергия, духовенства, тверских помещиков и вотчинников и «тверич градских людей» об оставлении на воеводстве С. А. Глебова позволяет считать, что таким правом обладало в то время население разных уездов России[73].

Имеются данные и о досрочной смене воевод по просьбе населения. Характерно, что они сохранились в официальной летописи Тобольска (Сибирский летописный свод), создававшейся в кругах высшей светской и церковной администрации. Именно в наиболее ранней редакции свода — Книге записной (1687 г.) — находим лаконичное, но вполне определенное известие: «И на Ивана Веригина учинилось челобитье государю от всего Тюменского города, и по челобитью Ивану Веригину отказано. А на ево место послан из Тобольска голова письменной Никифор Елдезин в 162(1653/54. — *Авт.*) году. И Никифор на Тюмене побыл на воеводстве немногое время. А на него такожде учинилось челобитье от всего же города, и по гражданскому (! — *Авт.*) челобитью и ему отказано ж»![74]. В Головинской (1687 г.) и особенно Нарышкинской (1694 г.) редакциях свода, для которых характерны стабилизация и стандартизация текста, эти эпизоды были нарочито сокращены и лишь кратко сказано об «отказе» И. Веригину «по челобитью тюменских градцких людей» (см. главу V)[75].

В Томском же виде свода (1699—1707 гг.) эти сведения вовсе исчезают. Тем не менее Сибирский летописный свод дает неоспоримое свидетельство об официальном смещении воевод по жалобам местного населения, хотя и не сообщает причины, исходя из которых Сибирский приказ принял эти решения. Бесславный конец воеводства И. Веригина и Н. Елдезина нельзя рассматривать как случайный в судьбе сибирских администраторов. В 1668 г. в той же Тюмени челобитьем всех жителей «было отказано» в воеводстве И. И. Лодыгину и он был сменен. Та же судьба постигла в 1671 г. томского воеводу Н. А. Вельяминова. В 1688 г. по градскому челобитью были наказаны енисейский воевода Г. В. Новосильцев и его сын[76].

Требования о смещении воевод удовлетворялись иногда не только в Сибири, но и в Центральной России. Например, в 1614 г. «по челобитью тверич князь Данилу (Д. И. Долгорукому.— *Авт.*) в Твери быть не велено»[77].

Отдаленность от столицы государства и обширность территории придавали воеводскому управлению Сибири специфические черты. В литературе утвердилось мнение о сибирских воеводах как лихоимцах, самодурах и взяточниках, имевших фактически неограниченные полномочия и использовавших свое служебное положение для личного обогащения. Эпизоды деятельности многих сибирских управителей надолго врезались в память современников и впоследствии передавались как легенды, поражавшие фантастикой и безудержной изобретательностью. В Центральной России были невозможны войны между воеводами, вооруженные нападения на присылаемых «сыщиков», специально выработанные ритуалы поклонения местного населения «державцам» — воеводам. В Сибири такое бывало, но не только это определяло сущность воеводского режима в XVII в. Репутация «лихих» воевод лишь внешне отражала сибирскую действительность.

В советской исторической науке, большое внимание уделявшей истории классовых выступлений в Сибири начиная с XVII в., воеводские злоупотребления рассматривались как специфическая форма эксплуатации населения экономически сильными представителями господствующего класса, связанными с крупным купеческим капиталом. Попав в Сибирь в качестве чиновников, причем на весьма короткий срок, и будучи не заинтересованы в организации там поместий и вотчин, воеводы развивали бурную предпринимательскую, ростовщическую и торговую деятельность. Используя служебное положение, они опутывали

местное население различными кабальными обязательствами, усугублявшимися ничем не прикрытыми «насильствами» и «нападками», органично свойственными феодальной системе[78].

На современном уровне сибиреведения эти выводы заслуживают дальнейших размышлений. Как справедливо отмечал А. А. Преображенский еще в 1972 г., рассматривая некоторые черты идеологии сибирского крестьянства, «немыслимо себе представить борьбу классов без столкновения идейных представителей господствующих классов и эксплуатируемого народа»[79]. Прежде всего заслуживают внимания два вопроса. Во-первых, чем объяснялось не только допущение жалоб на воеводское управление, но и очень большое внимание к их содержанию центрального правительственного органа — Сибирского приказа. Во-вторых, чем обусловливалось самовольство воевод, ограничивавшихся и контролировавшихся правительством. Ответы на поставленные вопросы органично связаны с социальной историей России XVII в.

Редкая жалоба на «насильства» воевод, дошедшая до Сибирского приказа, оставалась без ответной реакции. По мнению А. А. Преображенского, царская власть в этих случаях проводила довольно гибкую линию: поддерживая «блюстителей государевых интересов», она «время от времени карала наиболее ретивых лихоимцев и притеснителей», тем самым создавая представление о «справедливости» верховной власти, о ее нелицеприятном «отношении ко всем слоям общества», что населению «вселяло надежды на изменения к лучшему»[80].

Однако позиция верховной власти была сложнее. На протяжении всего XVII в., вплоть до окончательной победы абсолютизма, государственная власть признавала на праве обычая сословные корпоративные сообщества существенным звеном во всей системе государственного феодализма и прежде всего в местном управлении. Лишь с учетом этого становится понятным не только внимание в Москве к жалобам населения на воевод, но и существо расследований. Представляется принципиально важным, что основным элементом следствий были «повальные обыски», т. е. опросы и свидетельства всех социальных групп местного населения.

Отдалённость Сибири и специфический, в основе своей стихийный процесс создания там постоянного русского населения способствовали стабильности такой системы местного управления, при которой верховная власть во имя

прежде всего «государева интереса» вынуждена была соблюдать интересы мирских организаций и учитывать их мнение по самым разнообразным вопросам местной жизни. (Конечно, в реальной жизни это достигалось далеко не всегда.) При таком порядке отношений между мирскими организациями и органами управления, когда чиновничество зависело не только от центральной власти, общественное самосознание разных социальных групп русского населения Сибири проявлялось наиболее определенно.

Было бы неверно думать, что самовластие воевод порождалось лишь их корыстолюбием. Приказная система управления государством, включавшая воевод, осуществлявших свои функции в провинции, была определенным этапом на пути создания будущего государственного аппарата абсолютизма. По мере «совершенствования» приказная система бюрократизировалась, что имело свои последствия и в местном управлении. Наиболее характерным в ней следует признать стремление самих воевод как представителей органов центрального управления к абсолютизации своей власти. Это стремление в его реальном воплощении было быстро замечено сибирским населением, нашедшим для него емкое определение — воеводы «государятся».

В начале 1629 г. на государево имя поступила отписка архиепископа Сибирского и Тобольского Макария о «прегрешениях» сына боярского Софийского дома Б. Матвеева. Оказавшись по каким-то делам в Енисейске, Б. Матвеев был приглашен известным землепроходцем подьячим М. Перфильевым на пивную братчину, напился пьяным и объявил в съезжей избе принародно «государево дело» в том, что местному воеводе В. А. Аргамакову город дан в вотчину и что хочет он в нем «царить»[81]. К такому «государению» и центральная власть и местные миры могли отнестись только резко отрицательно, хотя и по разным мотивам. Царская власть такое обвинение приравнивала к самозванству, а миры, признавая центральную самодержавную власть, не хотели иметь местных самодержцев. Данные о сыске по делу В. А. Аргамакова не известны, но можно предположить, что в Москве к пьяному куражу Б. Матвеева отнеслись внимательно, так как вскоре в Енисейск отбыл новый воевода кн. С. И. Харя-Шаховской. Насколько серьезно воспринималось в Москве непристойное слово «государится», можно судить по распоряжению, посланному в Томск в 1651 г.: бить кнутом одного казака, который его употребил в перебранке с письменным головой[82].

В борьбе за абсолютизацию власти воеводы нередко вступали в столкновения со своим ближайшим окружением. На этой почве в феврале 1631 г. началась «смута» в Мангазее между воеводой Г. И. Кокоревым и его товарищем А. Ф. Палицыным. «Вражда и большая брань» между воеводами привели к открытым боевым действиям их сторонников, продолжавшимся до начала лета. Не последнее место в разжигании этой вражды заняли слова одного из прихлебателей Г. И. Кокорева, назвавшего спьяна воеводу царем, что тотчас было использовано А. Ф. Палицыным, всенародно обвинившим своего начальника в измене[83].

Немногим спустя началась «смута» между воеводами Тары Ф. П. Барятинским и Г. А. Кафтыревым. Довольно согласно они начали воеводство в 1635 г., и к лету 1636 г. самовластием, хлебными спекуляциями и трудовыми повинностями по постройке казенных зданий успели вызвать недовольство и жалобы местных служилых людей, собиравшихся им «отказать»[84]. Однако вскоре, по-видимому, воеводы на финансовой почве рассорились. Во время этой «смуты» один воевода обвинял другого в стремлении править единовластно, в государственной измене, а миры изобличали их в злоупотреблениях и игнорировании земских организаций.

Чуть позже, в начале 1640-х гг., в далеком Якутске первый воевода П. П. Головин своим «самовластием» обвинил непосредственных помощников — товарища, стольника М. Б. Глебова и дьяка С. В. Филатова — даже в подстрекательстве якутов к «измене»[85] и не остановился перед насильствами над своим административным окружением.

В борьбе за самовластие воеводы не обходили вниманием и таможенное управление. Выше указывалось, что по установлениям Сибирского приказа таможенное управление в Сибири так или иначе находилось в двойном подчинении — таможенным головам и воеводам. Не доверяя ни тем, ни другим, руководители Сибирского приказа при всех своих колебаниях в определении статуса таможен склонялись все же к необходимости надзора воевод над таможенными головами. Таможенные головы, отвечавшие перед казной материально за объем сборов, прежде всего мехов, вовсе не всегда безропотно подчинялись воеводскому контролю, да и сами не брезговали «побочными доходами».

На этой почве среди сибирской администрации столкновения происходили постоянно. В главе V подробно описано одно из самых «ярких» воеводств — М. Ф. Стрешнева

в Верхотурье. Своим «державством» этот воевода при содействии двух сыновей и зятя Б. С. Дворянинова в 1640-х гг. вообще попытался упразднить таможенное управление и захватить в свои руки его делопроизводство.

При всем стремлении к единовластию воеводы вовсе не отрицали необходимости существования мирских организаций. По логике воеводского мышления эти общественные организации были нужны в той мере, в какой их мнение соответствовало намерениям представителей официальной власти, а просьбы не противоречили ее установкам. Воеводы обращались к содействию миров, когда нужно было оправдаться перед Сибирским приказом или поддержать свою власть и престиж. Воеводам нужна была мирская помощь в моменты обострения социальных отношений, при этом варианты здесь были самыми неожиданными — от трагических до подчас комических.

Известно, что в упоминавшейся «смуте» в Мангазее оба воеводы стремились прежде всего заручиться поддержкой мира. Успеха в этом добился А. Ф. Палицын. Он не один раз приходил на мирские сходки, убеждал их участников в «воровстве» своего врага Г. И. Кокорева и просил их обратиться в Москву — помня крестное целование и «послужив» царю, изобличить этого врага в «изменном деле». Попытки Кокорева заключить соглашение с миром ни к чему не привели. Когда же начались военные действия и Г. И. Кокорев был осажден в остроге, мир, действуя «за государьское пресветлое имя» как единая организация, самостоятельно привлек на свою сторону общину Туруханского зимовья, а А. Ф. Палицын без мирского ведома и одобрения не проявлял свою воеводскую власть[86].

После окончания этой «смуты» в Мангазее же перед очередным воеводой Г. Н. Орловым возникло дело, в разрешении которого он вынужден был обратиться за мирской помощью. Можно думать, что действовал он с учетом известных ему событий, случившихся незадолго до того в городе. Возникло это дело, красочно отраженное в сохранившихся материалах, содержащих массу бытовых подробностей, в Туруханском зимовье, подведомственном воеводам г. Мангазеи[87]. Инициатором его был Дружинка Илья Кривошея. Бывший ранее подьячим, он попался как «подпищик», т. е. подделыватель документов, был пострижен в монахи под именем старца Ефрема и сослан в Соловки. Вскоре по единодушной жалобе монахов его перевели в Березов, а оттуда — в Мангазейский Троицкий монастырь, где держали под усиленным надзором. Однако В. А. Давы-

дов, недолго воеводствовавший в Мангазее после Кокорева и Палицына, успел загнать склочного монаха в Туруханское зимовье и приказал его содержать за счет мира и церковного прихода. Мир израсходовал на Ефрема за два года большие деньги, а затем отказался его содержать и отправил царю и патриарху челобитные с обоснованием своего отказа. Документы эти были оформлены как общесословные мирские челобитья всего Туруханска. Мирская организация, как свидетельствуют подписи под челобитными и записи следствия, объединяла приходские и выборные мирские власти, пришлых промысловиков, торговцев и их агентов — от богатого купца гостиной сотни В. Ф. Гусельникова до крепостного крестьянина известного сибирского администратора Ю. Я. Сулешева и холопа крупнейшего русского торговца Надеи Святешникова.

На отказ от содержания Ефрем реагировал привычным для него образом: тотчас сделал донос на туруханский мир и его церковного старосту в «государевом слове и деле». Суть доноса состояла в том, что в церкви зимовья на аналое не было иконы патрона царевича Алексея Михайловича — Алексея человека божия, а среди церковных книг находился «Служебник» литовской печати.

По челобитью туруханцев в зимовье прибыл в 1634 г. из Мангазеи Г. Н. Орлов разбирать взаимные обиды Ефрема и мира. Воевода провел следствие и принял сторону мира. Он удовлетворился показаниями церковного старосты и низших причетников из мирян, что книга была в церковной казне уже давно, а вопрос об иконах на аналое ни мира, ни церковных старост вообще не касался — это дело архиерея и его священников. Одновременно воевода согласился с решением мира перестать давать «корма» Ефрему.

Вот тогда-то старец объявил в присутствии воеводы, что знает «государево дело» на него самого. И тут воевода повел себя, казалось бы, странным образом, не согласующимся с нашими представлениями о судебной процедуре по страшному обвинению в «слове и деле», которое подлежало рассмотрению в высших инстанциях государственной власти. Г. Н. Орлов 20 мая 1634 г. приказал собрать в съезжей избе «весь мир», священников, церковного десятильника, таможенного голову, всех торговых, промышленных и служилых людей, которые в ту пору были в зимовье. Когда все собрались, воевода потребовал, чтобы Ефрем всенародно огласил суть доноса для немедленного расследования. Результаты следствия были оформлены про-

странным документом, составленным от имени мира, а не воеводы и заверенным, подобно туруханским челобитным, приложением на обороте рук тех же туруханских жителей разных сословий. «Бездельность» обвинения была быстро доказана. Ефрем заявил, что воевода присвоил соболей, привезенных с р. Тунгуски ясачными сборщиками, между тем сборщики эти тогда еще не вернулись в Туруханск. На следующий день воевода опять собрал «весь мир» и начал чернеца Ефрема расспрашивать: «Окроме у тебя вчерашних пустых затеев есть ли на меня какое иное государево дело, сказывай передо всеми людьми, что на меня знаешь». Ефрем повинился, сказав, что никакого «государева дела» ни на кого не знает и затеял все «с пьянства». Мирская запись следствия была отправлена воеводой в Москву как официальный документ.

В Тобольске в 1643 г. воевода кн. П. И. Пронский сам вынужден был согласиться на мирской разбор предъявленного ему обвинения в незаконных служебных действиях и казнокрадстве. Автором многочисленных, весьма квалифицированно аргументированных обвинений выступил человек очень осведомленный — подьячий Савватий Кляпиков, за плечами которого было более 30 лет работы в местной приказной избе. Сначала воевода попытался замять дело, арестовав в 1640 г. изветчика, но его взял под защиту архиепископ Герасим. Затем участники конфликта договорились, что по составленным Кляпиковым пунктам обвинения разбирательство будет происходить в Софийском соборе перед прихожанами и «всем миром». Но план этот не удалось осуществить по причине очень показательной: в отношении к воеводе тобольское население придерживалось разных позиций. У П. И. Пронского были твердые позиции среди части служилой верхушки и подьячих; изветчик и архиерей сочли собравшийся в соборе мир недостаточно представительным, состоящим из воеводских «ушников и шишимор», и отказались объявить обвинения и вести расследование. В дальнейшем по указу царя С. Кляпиков был «взят» к Москве, и ему удалось добиться вмешательства Сибирского приказа. По его пунктам обвинения был проведен официальный сыск с широким опросом тобольского населения, констатировавший серьезнейшие злоупотребления воеводы и его приспешников подьячих. По словам самого С. Кляпикова, по этому делу он провел в тюрьме 3 года 10 месяцев и в феврале 1644 г. согласно указу должен был получить жалованье за прошедшее время. В том же году С. Кляпиков был отправлен в Тюмень,

по-видимому, на новое место службы, но по дороге в Соли Камской умер, а не выплаченное ему жалованье получил уже его сын[88].

Игнорирование воеводами мирского мнения, случалось, приводило к трагическим последствиям. Подробнее об этом мы расскажем в главе V, а здесь лишь упомянем о двух характерных ситуациях.

Восстание в Томске в апреле 1648 г. было ускорено самим воеводой О. И. Щербатым, жестко демонстрировавшим свое единовластие. Не отпустив в Москву челобитчиков от местных крестьян, на что они имели право, О. И. Щербатый изорвал их челобитную и заявил: «Я де здесь не Москва ли?»[89] Это заявление вызвало в Томске особенное возмущение и дорого стоило воеводе. Полученный опыт, однако, ничему не научил воевод других городов. Через полгода, в октябре 1648 г., в Верхотурье было «отказано» от должности воеводе Б. С. Дворянинову. Население Верхотурья много натерпелось от его безобразий, но взрыв возмущения вызвал, казалось бы, незначительный эпизод. В октябре 1648 г. Дворянинов присутствовал на допросе и пытке беглого крестьянина, который начал молить о пощаде и кричать: «Государь, царь Борис Семенович, пощади»[90]. Дворянинов никак не отреагировал на крамольные слова, отождествлявшие его личность с персоной царя, и присутствовавшие на допросе подьячие и служилые люди сочли молчание воеводы за признание им правоты слов допрашиваемого. Как писали об этом событии в общегородской челобитной жители Верхотурья, подгородные крестьяне и ямщики, ближайший помощник воеводы, подьячий с приписью И. Недовесков «с товарищи» «в мир являли» о таких словах и, помня крестное целование, они воеводе «отказали»[91]. Это сообщение взбудоражило весь город, решительно несогласный с пониманием роли воеводы как самодержца.

Несогласие с абсолютизацией воеводской власти было идейной основой, как увидим ниже, при отказе от должности и другим воеводам. Объявление «при всем мире» «государева дела» за воеводой не раз являлось кульминационным моментом широких народных движений, в которых отражалось столкновение двух сил — мирского начала, начинавшего борьбу за свои нужды под скипетром «государева интереса», и бюрократического воеводского управления, укреплявшегося во имя складывавшегося абсолютизма. Во многих столкновениях между воеводской властью и «служилыми и всяких чинов людьми» у воевод находились

сторонники среди верхушки служилых. Подобное размежевание особенно четко проявлялось в моменты острых классовых столкновений, когда гнев восставших направлялся не только против воевод, но и против их «прикормленных ушников и шишимор и горланов», как красочно именовал воеводских сторонников тобольский подьячий Савватий Кляпиков. Он подробно описывал методы, при помощи которых воевода вербовал себе сторонников и влиял на решения «казачьих кругов и сонмищ», используя в своих интересах внутренние противоречия общин. Но эта воеводская политика сама по себе говорит о немалом реальном значении местных сословно-представительных сообществ.

Поведение воевод, вызывавшее протест у местных миров, последние ярко живописали в челобитных на царское имя. Систематическому анализу типичных статей этих документов посвящен целый раздел главы V. Здесь же кратко отметим лишь некоторые традиционные способы незаконного воеводского обогащения.

Воеводские злоупотребления при всем их многообразии можно свести к двум категориям: нарушения непосредственных государственных интересов и нарушения интересов разных слоев населения, их миров. Как правило, те и другие переплетались, что позволяло мирским организациям в своих жалобах верховной власти свидетельствовать о нарушении воеводами прежде всего «государева интереса» и тем самым выступать не только обличителями, но и радетелями казны. К типичным злоупотреблениям относились сборы неустановленных пошлин и оброков, присвоение сдаваемых крестьянами хлебных поставок, захват зерна, выдававшегося служилым людям в виде жалованья, спекуляция таким зерном и винокурение с продажей вина населению, торговля привезенными «с Руси» товарами, особенно с ясачными людьми. Основу обогащения воевод в Сибири составляли меха, приобретавшиеся ими за деньги или в обмен на товары непосредственно от ясачных людей, ясачных сборщиков, промышленных и торговых людей. В этом деле воеводы выступали ростовщиками, кабалили местное население, принуждали торговых людей к взяткам или соучастию в незаконном приобретении и вывозе мехов, задерживали выдачу проезжих грамот, обходили таможенный контроль.

Случалось, что воеводы сами организовывали ватаги промышленников на пушные промыслы. Осуществлялись все эти операции воеводами с помощью приехавших с ними сыновей и дворни. Уже упоминавшийся старец Ефрем,

при всей своей склочности, по-видимому, с основанием писал в жалобе на мангазейского воеводу В. Давыдова и его помощника Д. Клокачева, что они и их жены «безстрашно держат кабаки в горницах и в подклетах, беспрестани в день и в ночь торгуют вином, продают на деньги в ведра и в скляницы и в чарки, а у кого денег нет и с тех емлют кресты и рубашки, и штаны, и всякое платье, и рухлядь», и люди-де их тем «питухом дают под заклад деньги»...[92] Таких задолжавших людей другой мангазейский воевода кн. П. М. Ухтомский в 1640-х гг. посылал в качестве покрученников «в неволю» — на промыслы[93]. Именно о таком пути к дальнейшему обогащению туруханских воевод писали спустя полвека местные посадские люди. Тобольский сын боярский В. Шульгин, проводивший там очередной сыск в 1685 г., в своем отчете отмечал, что воеводы выдают «государево жалованье» служилым людям вином собственного незаконного изготовления, за взятки отпускают их на ясачный сбор, а с посадских людей взимают оброк персонально единообразно, с каждого по 1 руб., отчего «богатый радуетца, а убогой слезно плачет и по миру ходит». Разыскать все это было не просто, и В. Шульгин не без основания писал: «надобно немало ума откуд начать»[94]. Этим порядкам воеводы следовали и впредь. В 1691 г. в общей челобитной на воеводу А. П. Протасьева туруханские посадские люди раскрывали систему воеводского насилия — он не отпускал их на промыслы до тех пор, пока они не подписывали фиктивные кабалы на подставных лиц из своего окружения, и получал с них «великие скупы»[95]. Известно, что в 1630-х гг. воевода Енисейска кн. С. И. Шаховский кабалил местных крестьян[96]. И т. д.

Огромный доход получали воеводы также путем прямой продажи должностей ясачных сборщиков. Они облагали служилых людей при сборе ясака «налогом» в свою пользу, точно фиксированным в соответствии с доходностью того или иного зимовья. Материалы сысков говорят, что якутские воеводы в 1695—1698 гг. оценивали должность приказчика в наиболее доходных острогах в сумму до 500 руб. Резкое повышение этого «обложения» началось с воевод М. О. Кровкова и П. П. Зиновьева (1680-е гг.), которые получали с сборщиков ясака свыше тысячи рублей дохода. Следующий воевода И. М. Гагарин повысил эту «ставку», и сборщики, уезжая в зимовья, платили ему вперед в общей сложности 6—7 тыс. руб. Сборщики, которые фактически купили эту должность, восполняли воевод-

ские «великие накупы», обирая и ясачных людей, и государеву казну. При сыске в Якутске тобольского дворянина Ф. Качанова в начале 1690-х гг. выяснилось, что сборщик И. Криженовский в воеводство М. О. Кровкова вывез из Удского зимовья только для себя 30 сороков соболей и 2 шубы собольих, а ясаку — всего лишь 5 сороков 13 соболей. При И. М. Гагарине пятидесятник И. Цыпандин вывез оттуда же для себя 24 сороков соболей, а ясаку — 5 сороков 21 соболь. С Ламы и из Охотского острога при М. О. Кровкове приказчик Л. Трифонов привез ясаку 19 сороков, а на себя 38 сороков соболей. Возвращаясь в Якутск, такие сборщики ясака продавали «своих» соболей приезжим торговым людям по 200—300 руб. за сорок[97]. В целом за 1694—1697 гг. якутские воеводы И. М. Гагарин и М. А. Арсеньев получили с приказных людей своего уезда почти 17 тыс. руб.[98]

При такой организации ясачного сбора создавалась круговая порука: вокруг воеводы объединялась небольшая группа служилой верхушки и воеводские «ушники».

Особого внимания заслуживает вопрос о связи сибирских воевод с крупными торговыми людьми. Судить о ней можно по сохранившейся частной переписке, которая свидетельствует, что такая связь особенно упрочилась приблизительно с середины века, хотя она четко прослеживается уже в енисейском конфликте 1626 г. (см. главу V).

По указу в августе 1666 г. из Приказа тайных дел был послан сыщик Ф. Охлопков и, «будучи он в Сибири, всех воевод и таможенных голов неправды их и плутни сыскал»[99]. В частности, это коснулось и якутского воеводы И. Ф. Голенищева-Кутузова. Сыск деятельности якутского воеводы проводился, по-видимому, уже после его смерти. Среди прочих бумаг сыщик конфисковал несколько десятков частных писем воеводы, с которых были сняты копии. К сожалению, сохранилась только их часть, относящаяся к концу 1664 г. и к 1665 г. Тем не менее она дает очень яркую картину воеводской деятельности[100]. Круг корреспондентов воеводы был весьма широк. Воевода интересовался состоянием хозяйственных дел в своих вотчинах, придворными новостями, перемещениями, пожалованиями, внешнеполитическими известиями да, в частности, в связи с кризисом денежной реформы возможностями «промыслить» новые деревни. Его приятель Ф. Ладыженский подробно сообщал ему из Москвы обо всем интересном. Дру-

гие письма носят более конкретно-деловой характер. Они-то и раскрывают постоянные, широко раскинувшиеся экономические связи воеводы с Москвой, Енисейском, Соликамском, Илимском, различными зимовьями. Повсюду у Ивана Федоровича Голенищева-Кутузова находились близкие люди самого различного социального положения. Из Москвы постоянную дружеско-деловую переписку с ним поддерживал гость Остафий Иванович Филатьев. Гость был заинтересован в своих торговых делах в Якутии, поэтому он «искатель милости» воеводы и о его здоровье «и впредь слышати жаден». В Москве Филатьев ссужал деньгами людей воеводы, приехавших за товарами, закупал эти товары по присланному списку и одновременно создавал воеводе общественную репутацию: «А милость твоя, государя нашего, и великому государю верная служба окольничему Родиону Матвеевичу (Стрешневу, начальнику Сибирского приказа.— *Авт.*) и всем возвещена и ведома». Делалось все это, конечно, не даром. Филатьев в письмах аккуратно напоминал о необходимости не только помогать его приказчикам, но и субсидировать их. В частности, по поводу отъезда в Якутск приказчика Гаврила Романова (впоследствии — гость Г. Р. Никитин.— Авт.) Филатьев просил воеводу «во всем ево пожаловать, поберечь», а если будет просить о ссуде, «велеть ссудить и в том на него взять память, а что, государь, чем пожалуешь ты ево, ссудишь и тот платеж тебе, государю, на Москве конечно будет готов. Я тебе, государю, платещик, а твоей милостью, государя моего, вельми должен, что ты, государь, жалуешь, милостью своею заочно работников моих, а люди твои, государя моего, Иван Алексеев поехали с Москвы дал Бог здоровы...»[101].

Эти же связи с Сибирским приказом и сибирскими воеводами сохранил впоследствии, уже будучи крупным московским гостем, и Г. Р. Никитин[102].

В торговом мире Голенищев-Кутузов связан был не с одним Филатьевым. По-видимому, торговый человек Ив. Давыдов сообщил ему из Илимска, что «торговый» Иван Широкий хочет идти для «долговые взятки на Собачьи реки», и просил в случае необходимости — «подай ему руку помощи, а я за твою, государя моего, милость вечно работник». П. Шульгин из Жиганского зимовья просил ссудить его отца, «в чем ему скудость будет, во всем тебе, государю своему, плательщик». Крупный торговец И. Осколков просил отдать одолженные ранее деньги своему человеку да и «поберечь его»[103].

Большое количество писем к Голенищеву-Кутузову поступало от его зависимых людей. Одни из них сидели приказчиками в зимовьях, другие вели торговые операции своего патрона. Все они — «скормленники», «рабы и искатели милости», существующие «жалованием и береженьем» воеводы, сообщают торговую конъюнктуру в разных городах, пишут о совершенных сделках, а порой и наушничают друг на друга. П. Григорьев с Чечуйского волока писал об отправке в Якутск 100 пудов муки «доброй», сообщал, что все распоряжения воеводы «о своем человеке» и о «промышленных» исполнены и, считая, по-видимому, себя достаточно исполнительным слугой, просил оставить его на другой год в целовальниках[104]. М. Парфентьев с Колымы просит также оставить его еще на год, приводя вполне обоснованную аргументацию, чтобы, «будучи у дела, должишка хозяйские выбрать»[105].

«Скормленник» воеводы, жиганский целовальник К. Я. Попов докладывал о различных делах, Л. Аргунов из Енисейска — о торговых операциях. С. Епишев осенью 1664 г., сообщив, что у ряда лиц взяты какие-то «грамотки», торопился известить Голенищева о неприятностях — илимский воевода Л. А. Обухов проведал о челобитной в Сибирский приказ на Голенищева, будто бы «тобою все разорено стало». Епишев рекомендовал «связаться» с Обуховым и сыскивать заводчиков извета[106].

Не забывали воеводу и родственники. Его брат Михаил с государевой службы в «Перми Великой, в Чердыне и у Соликамской» в любезном письме просил купить и прислать мехов «сколько тебе бог известит». Он, конечно, «плательщик» и за любезность готов ответить тем же — если людям Ивана Федоровича случится ехать у Соликамской и «чем их скудость возмет и что им понадобитца и я також рад делитца». Покумившийся с семьей Голенищева выезжий немец А. А. Барнешлев сообщал в Якутск из Енисейска о пóсылке подарков жене воеводы и, как бы между прочим, о своем намерении обменять товары на меха. В заключение следовала все та же просьба — моему человеку «во всем способствуй... чтоб ему не истерять и во всем ево, Дмитрея, поберечь»[107].

Однако воеводская карьера И. Ф. Голенищева-Кутузова, несмотря на старания в Сибирском приказе О. И. Филатьева, окончилась так же, как у многих других. Другой брат Голенищева, Лев, сообщил из Москвы: «...в бедах своих насилу жив, а беды все ведает и разоренье окольничево Родиона Матвеевича Стрешнева Семен Иванович Епишев,

а называет те соболи твоими, восемь сороков, что мои взяты в Якуцком остроге, другой год морит, тем есть бы немилость боярина князь Ивана Алексеевича Воротынского... Перемена тебе — князь Иван Петрович Борятинской»[108].

Получив это известие, воевода начал готовиться к сдаче дел. В письме к сыну Федору, по-видимому в Чечуйский острог, он приказал ему дожидаться Барятинского: «потому что на тебя хотят бити челом пашенные и ты сам с ним будешь говорить» и выбирать «хлеб мой по кабалам, что я с тобой послал»[109].

Сомнения о «воровстве» воеводы, возникшие у начальника Сибирского приказа Р. М. Стрешнева, подтвердились. Прибывший в Якутск сыщик Ф. Охлопков сыскал, что, используя кабальные записи на гостиных приказчиков и многих торговых людей, Голенищев отправил в Центральную Россию гигантское количество лично ему принадлежавших мехов — 573 сорока соболей, причем от операций с ясачными людьми им была получена только пятая их часть. Умер воевода в Якутске, все его колоссальное имущество было конфисковано. У вдовы на торговых и промышленных людей из разных городов и на сибирских служилых людей было взято 62 кабалы, по которым довелось бы получить более 3616 руб., два сорока соболей, 150 пудов ржи. Взыскание по ним казна проводила в свою пользу на протяжении более чем 20 лет.

Столь широкая деятельность И. Ф. Голенищева-Кутузова была проявлением общей системы, а не одиночным случаем. При конфискации в 1651 г. имущества одного из его предшественников Д. А. Францбекова только кабал оказалось на 6763 руб.; другой же его предшественник в Якутске, М. Лодыженский, по данным сыска, успел вывезти мехов не меньше, чем Голенищев-Кутузов. По всей вероятности, сеть агентов Голенищева-Кутузова была «унаследована» в Якутске его кумом А. А. Барнешлевым, который вовсе не случайно в 1675 г. получил воеводское назначение туда же и продолжал ту же деятельность[110].

В конце XVII в. казна реально почувствовала катастрофическое падение сибирских доходов, и на протяжении 1690-х гг. сыски не прекращались. Они дали материал о восточно-сибирских воеводах. В начале 1690-х гг. вся Восточная Сибирь попала во владение к клану Гагариных. Иван Михайлович Гагарин воеводствовал в Якутске, Иван Петрович — в Иркутске, а Матвей Петрович — в Нерчинске. И. М. Гагарин в 1694 г., для того чтобы переправить в

Москву соболиные меха, взял с человека Филатьева И. Климова письмо в заемных 4000 руб. на имя думного дворянина Степана Богдановича Ловчикова, которому Климов должен был передать эти меха. Воевода систематически вел беспошлинную торговлю с Китаем через Иркутск, занимался винокурением. «По вся годы» в Якутск приезжали к нему за мехами холопы от его братьев из Нерчинска и Иркутска[111]. Сведения, поступившие в Москву о его винокурении и недоборе ясака, вынудили правительство послать в Якутск сыщика Ф. Качанова. Воспользовавшись убийством ламутами ясачного сборщика, И. М. Гагарин обвинил Качанова в том, что тот призывал их к восстанию. Воевода даже осадил Качанова с группой сопровождавших его московских стрельцов в занимаемой ими избе[112].

Иркутский и нерчинский воеводы И. П. и М. П. Гагарины «специализировались» на торговле с Китаем. Но тут даже гости Филатьевы не выдержали и подали на них обоих иск во взятых деньгах и товарах на 4480 р. 32 алт. Гостиной сотни купец Г. Григорьев жаловался на М. П. Гагарина, взявшего у него китайских товаров на 425 руб. Среди конфискованного имущества иркутского и нерчинского воевод львиная доля падала на различные китайские ткани и зерна жемчуга[113].

* * *

Центральной власти было о чем беспокоиться, назначая в Сибирь воевод и контролируя их деятельность. И вместе с тем логика истории заставляла ее в XVII в., укрепляя местную администрацию, опираться именно на воеводское управление, которое ей оказывалось нужнее, нежели сословно-представительные сообщества, следившие за деятельностью воевод. При этом парадоксе за мирами оставлялось право пользования старинным феодальным обычаем — непосредственно обращаться в Москву, к высшей инстанции со своими просьбами, нуждами и жалобами, а тем самым — своеобразная «контрольная» функция по отношению к воеводскому управлению. Мирские органы активно использовали это право. Так сказывался реальный политический дуализм сибирских миров. Но абсолютистская власть, все более воплощавшаяся на местах в персоне воеводы, последовательно стремилась к ликвидации такого дуализма. Власть воеводского управления на протяжении XVII в.

все более упрочивалась, причем это явление не было присуще только Сибири; известно, что оно наблюдалось и в Центральной России, в частности в Поволжье[114].

Глава IV

СОТРУДНИЧЕСТВО ВЛАСТИ И МИРОВ

В сословно-представительной русской монархии мирская организация и воеводское управление являлись двумя взаимодополняющими частями механизма власти. Для миров сотрудничество с воеводой, приказами было одной из многочисленных функций, хотя и весьма важной. Государственная же власть была заинтересована в первую очередь в фискальной и распорядительной деятельности миров.

Источников, раскрывающих деловое сотрудничество миров с воеводами и приказной администрацией, и очень много, и одновременно крайне недостаточно. Собственно говоря, о сотрудничестве посадского (а часто и служилого) мира с государственной системой управления, финансов может поведать каждая таможенная книга, составленная при активном участии выборных мирских представителей. Но весь огромный корпус этих книг и других документов таможенного управления (коим целиком посвящен том II известного обзора Н. Н. Оглоблина) с этой стороны совершенно не изучен — а это отдельная трудоемкая работа. Подобно таможенным и многие другие книги, включая документацию по раздаче денежного, хлебного, соляного жалованья, по сбору и отправке ясака, по неокладным расходам, приходные и расходные книги различных «столов» воеводского управления содержат в распыленном виде информацию о повседневном участии миров в бесперебойном функционировании финансовой и административной системы, о государственном обеспечении нелегкого дела освоения «сибирской украйны». В будущем необходимо систематическое изучение этого колоссального массива книг и под данным углом зрения[1].

Источник же, с которым приходится в первую очередь иметь дело,— преимущественно столбцы Сибирского приказа, а не его книги. Это распыленные известия, содержащиеся в деловой переписке между приказной администрацией (над которой иногда высвечивается участие Боярской думы, а то и государя), органами воеводского управления, мирскими самоуправляющимися организациями и их членами, «всяких чинов людьми». Однако разрозненность и трудность поиска таких документальных свидетельств в

какой-то мере компенсируются типичностью самих ситуаций, устойчивостью сфер сотрудничества, которые поддаются поэтому обобщенной характеристике.

Главной сферой сотрудничества была профессиональная деятельность той или иной группы населения, являвшаяся для государства основным сословным признаком данной группы. Для пашенных и оброчных крестьян это хлебопашество на земле, которую закрепило за ними государство в общей меже общины или индивидуально — оба эти принципа были издревле известны общинам государственных крестьян еще на Русском Севере[2]. От имени государства, государя здесь действовала воеводская администрация через своих доверенных лиц. Но в случае, например, образования новых поселений, общин самим крестьянам принадлежала немалая роль в выборе места поселения и отводе пахотных земель, угодий. Напомним хотя бы рассмотренную в главе I историю создания Чубаровской слободы на р. Нице с отводом земли всей общине и совместным, «всеми крестьянами», приведением части первозданной сибирской территории в обработанное состояние. Характерно, что здесь власть и крестьяне договаривались использовать как мирские традиции «повала»[3], так и государственную «подмогу» деньгами (по 12 руб. на десятину пашни) и семенами. Поручные записи, взятые в связи с получением этой «подмоги», фиксировали установление круговой поруки в отношениях с государством в том, что каждый общинник не оставит государеву десятинную пашню «в пусте» и создаст полноценный в хозяйственном отношении двор[4].

В. И. Шунков привел обильный фактический материал, свидетельствующий об огромной роли самих крестьян в приискании земель, пригодных для новых сельскохозяйственных поселений, практически во всех основных земледельческих районах Сибири. Государственная администрация спешила воспользоваться плодами этого крестьянского опыта, оказывая новопоселенцам разнообразную помощь и оформляя юридически возникновение новых сельскохозяйственных общин. «Местоположение и границы земель, выявленных самими крестьянами,— пишет В. И. Шунков,— устанавливались при "отводе" земли, производимом по их челобитью или при очередном описании уезда. В определенных случаях, обычно во время разбирательства спорных земельных дел, составлялись чертежи... этим землям»[5]. И. В. Власова показала, что при наличии в Сибири как коллективных, так и индивидуальных держаний власти отводили земли в целом на всю создавшуюся общину

и в дальнейшем община брала на себя значительную часть забот по урегулированию землепользования каждого двора[6].

При заведении новой пашни как общиной в целом, так и отдельным двором, а зачастую и при устройстве на запустевшей пашне крестьяне могли твердо рассчитывать на государственную «подмогу», которая и Сибирским приказом и воеводами считалась почти непременным условием расширения государевой запашки. Поэтому при расширении хлебопашества всегда возникал вопрос об источнике денежных средств для «подмоги». Так, в 1647 г. томским воеводам повелевалось царским указом всячески содействовать расширению томской общины пашенных крестьян, привлекая в нее пришлых людей, ссыльных, гулящих. О. И. Щербатый, докладывая в Москву о некоторых успехах в этом деле, подчеркивал, что оно тормозится отсутствием в городской казне свободных денег для оказания «подмоги» крестьянам. Тем не менее документы свидетельствуют, что за 1647—1648 гг. удалось увеличить численность этой общины человек на 20 и община в это время начала разделяться надвое[7].

Острая потребность в хлебе заставляла власти идти на немалые расходы, стимулируя вольнонародную колонизацию государственными субсидиями, стремясь путем подобного сотрудничества с крестьянскими мирами поставить эту колонизацию под свой контроль и извлечь из нее в дальнейшем фискальные выгоды.

Разовые денежные затраты на «подмогу» крестьянам бывали подчас довольно значительными. В 1632 г. Москва прислала в Верхотурье 1000 руб. для выплаты ста крестьянам, направляемым на пашню в Енисейский и Красноярский уезды. Эту сотню переселенцев следовало выбрать из верхотурских пашенных крестьян, «прожиточных и семьянистых», но обрабатывавших не более 1 дес. государевой пашни на двор. На их место воеводы должны были призвать добровольцев «из гулящих и изо всяких вольных людей» и также дать им «подмогу» в обычном размере из государевой городской казны[8].

При нехватке государственных денежных средств воеводская власть и приказ зачастую избирали другой путь помощи новым крестьянским дворам и общинам. Этот традиционный для всего многовекового процесса русской колонизации путь — предоставление вместо денежной «подмоги» (или ее части) льготы в уплате налогов и несении повинностей, обычно на срок 2—5 лет. Мы помним, что именно на таких условиях создавалась в 1624 г. Ницын-

ская слобода, когда на льготный срок крестьянам было разрешено занять под «собинную» пашню часть государева десятинного поля[9]. В 1621 г. к царю с просьбой о защите обратилась большая община новоприборных пашенных крестьян, распахавших земли в Верхотурском уезде близ рек Невьи и Сержи; крестьяне не получили денежной «подмоги», но им была предоставлена льгота на 2—4 года. В царской грамоте говорилось, в частности, о желательности приселения на тех же условиях новых членов общины[10].

Государственная помощь, на которую могли рассчитывать крестьянские общины, состояла далеко не из одних денег. В ходе колонизации все новых восточных пространств перед земледельческим хозяйством сразу после отвода (или захвата) земли вставала проблема тяглового скота. Государство, не беря на себя полное решение проблемы обеспечения пашенных крестьян лошадьми для обработки государственного поля, оказывало все же существенную помощь крестьянам в этом важном деле. Эта помощь облегчалась открывшимися возможностями взаимовыгодной торговли России с соседними степными народами, несмотря на неспокойную обстановку на южной границе. Табуны «колмацких» и других лошадей, приобретавшихся русскими в результате этой торговли, стали важным фактором земледельческого освоения Сибири[11].

От местных воевод во многом зависело, снабжать ли крестьян купленными государством лошадьми либо предоставлять им (в виде долгосрочной беспроцентной ссуды или безвозмездно) денежные средства — с жестким целевым назначением для покупки лошадей. Чем ближе к южным рубежам крестьянской колонизации, тем предпочтительней для крестьян был второй путь. Но воеводы южных городов стремились сами нажиться на торговле со степью, подчас монополизируя ее, и тогда сотрудничество общин с воеводской властью в этом вопросе сменялось их противостоянием: крестьяне вели упорную борьбу за более выгодную для них форму государственной «подмоги».

Неоднократные жалобы томской крестьянской общины на действия воеводы О. И. Щербатого проливают свет и на обычную практику такой «подмоги», и на воеводские злоупотребления, и на крестьянские представления о желательных формах государственной политики в этой сфере. Томские крестьяне жаловались, что государственные средства, предназначенные для обеспечения их тягловым скотом, воевода использует с немалой незаконной выгодой для себя. Монополизировав (путем прямого феодального наси-

лия) «колмацкой торг», воевода по выгодным ценам покупал «добрых лошадей», которых затем менял на собственных «худых», предоставляя последних для обработки десятинной пашни. Крестьяне поэтому, как было сказано в мирской челобитной, «стали бесконны... и твоя государева пашня пахать стало не на чем». Воевода, оправдываясь на следствии, представил роспись всех купленных у «колмаков» лошадей, доказывая, что все они клеймились государственным «пятном» и поступали на казенный конный двор в ведение приказчика, руководившего работами на десятинной пашне. При этом крестьяне получали лошадей только для выполнения полевых работ или иных повинностей, но обязаны были сами их кормить[12].

Однако подобный способ снабжения крестьян лошадьми был далеко не единственным и вряд ли преобладал — у нас нет других известий о государственных конных дворах для обработки десятинной пашни. Князь Осип Иванович Щербатый, видимо, пытался перенести в Сибирь частнофеодальные порядки помещичьего центра страны в этой и некоторых других сферах — и получил отпор.

Иную форму государственной «подмоги» крестьянам лошадьми рисуют енисейские источники. 5 марта 1648 г. община енисейских пашенных крестьян в челобитной, пересланной в Москву воеводой, сообщала царю, что ранее крестьянами была получена из государственной казны беспроцентная денежная ссуда на покупку коней. Кони были куплены самими крестьянами и, понятное дело, находились в их дворах. Но затем из-за непосильной подводной повинности многие из них пали, и крестьяне просили о замене их новыми или, лучше, о выдаче безвозмездной денежной помощи для их покупки[13]. Впрочем, документы того же 1648 г. по Енисейскому уезду сообщают и о других формах снабжения пашенных крестьян лошадьми: о непосредственном предоставлении им коней воеводой и выдаче долгосрочного займа сукнами для обмена их крестьянами на коней[14].

Считалось, что государство должно помогать крестьянским общинам в снабжении их семенами. Источники не дают возможности однозначно утверждать, что все такие выдачи семян предназначались для засева государевой десятинной пашни. В одном известном нам случае речь идет явно о займе семян из государственных хлебных запасов для крестьянской «собинной» пашни; этот заем, сделанный в 1628 г. тюменским воеводой П. Измайловым оброчным, а не пашенным крестьянам, был позднее полностью воз-

вращен ими в казну. Заем был вызван неурожаем предыдущего года[15]. Предоставление семян общине или отдельным крестьянским дворам практиковалось не только в случае неурожая, их ссужали и новопоселенцам, причем, по-видимому, в качестве безвозвратной ссуды, части «подмоги»[16].

Наряду с этим крестьяне стремились получить от воеводской администрации помощь в обзаведении сельскохозяйственным инвентарем, и воеводы, действительно, считали своим долгом оказывать ее как при возникновении новых общин, так и позднее. Зачастую Москва организовывала для этого сотрудничество воеводской власти нескольких сибирских (и не только сибирских) городов. Так, В. И. Шунков сообщает о реализованных предложениях иркутских крестьян по снабжению восточных русских поселений железными сошниками. Предлагалось также снабжать енисейских и красноярских крестьян сошниками из Тобольска и даже из Европейской России: «для крестьянского заводу надобно [прислать] сошники из Тобольска, что в Тобольску железа много и уклад и кузнецы есть, или в русских городах то купя мочно в Сибирь в Тобольск, а ис Тобольска [прислать] в Енисейский острог и на Лену для селитьбы новых пашенных крестьян... и на Красный Яр». Подобная практика была неплохо отлажена: лишь в 1649 г. на Лену для новых крестьянских поселений были посланы 114 сошников, 134 косы-горбуши, 140 топоров древорубных, 160 серпов. «В значительной части,— пишет о таком снабжении крестьянин В. И. Шунков,— этот сельскохозяйственный инвентарь, выдаваемый в порядке подмоги новопоряженным крестьянам или устраиваемым на пашню ссыльным, закупался на Руси и через Тобольск направлялся в различные районы Сибири»[17].

Вместе с тем эта система «подмоги» действовала отнюдь не автоматически. В крестьянских жалобах на нераспорядительность воевод встречаются обвинения в плохой организации подобной помощи, в которую входило и предоставление железа для сошников, холста для мешков[18].

Повседневное взаимодействие воеводского управления с посадской общиной в профессиональной сфере уже обрисовано нами в главе I. Без такого сотрудничества, без обременительной и чреватой всяческими денежными начетами системы служебных повинностей посадских было бы невозможно функционирование таможни, казенных хлебных и соляных амбаров, пушного хозяйства, осуществление государственной винной и других монополий. К уже приведен-

ным нами перечням подобных государственных служб, помещенным в челобитных посадских общин, добавим еще один. Как обычно, общины соглашались с традиционной частью подобных повинностей и служб: для народного сознания характерны острые возражения против любых новаций. В заручной челобитной 29 посадских Енисейска, поданной в Енисейске 24 июля 1650 г. и полученной в Москве с воеводской сопроводительной отпиской 27 января 1651 г., челобитчики протестовали против нового требования выбрать из посадской общины одного целовальника для сбора таможенных и других пошлин «на Байкал-озере». При этом они подробно перечисляли, чем их община уже помогает функционированию различных отраслей воеводского и таможенного управления: «и служим в съезжей избе у денежные и у соболиные казны, и у хлеба, у енисейские пахоты, и у твоего государева погреба, и в таможенной избе у твоего государева десятинново и у денежново збору, и у всяких твоих государевых пошлин, да у покупново твоего государева и у ленсково приемного хлеба, и у твоих государевых мельниц у пятинново и у выдельново хлеба, на предильне у твоих государевых снастей, и у пеньки, и у винново куренья, и у всяких твоих служеб служим»[19]. По подсчетам челобитчиков, небольшая енисейская община посадских вынуждена была ежегодно выделять для этих служб 24 чел. (в городе и уезде насчитывалось тогда около 100 посадских)[20].

Важной сферой постоянного сотрудничества воеводской власти с посадской и другими тяглыми общинами были заботы о приискании новых тяглецов и борьба против выхода членов общины из тягла без предоставления равноценной замены.

О сложных коллизиях, порой возникавших в этой связи между разными общинами, между фискальными и прочими интересами воеводской власти, о стремлении воевод учитывать связанные с обеспечением тягла требования общин свидетельствует дело о перечислении в Туринский посад четырех весьма зажиточных семей горожан. Мы уже упоминали в главе I об этом деле в связи с одной из крепких семей — Коркиных, оставившей свое имя на географических картах Сибири. Однако имеет смысл вернуться к более подробному изложению истории борьбы туринской посадской общины за своих тяглецов в 1640—1650-е гг., истории, в коей сказались и успехи энергичных земледельцев в нелегком деле освоения сурового края, и немалая социальная подвижность, и реальная нечеткость сословных

границ в Сибири, и изменения в позиции как воеводской власти, так и Москвы[21].

В 1639—1643 гг. посадская община Туринска начала настойчивые попытки перечисления в посад нескольких семей зажиточных горожан, доказывая, что главы этих семей, их предки или какие-то члены ранее несли посадское тягло, состояли в общине. Семьи эти в ответ оборонялись отчаянно и умело, сообщив о себе немало сведений, доказывающих, на их взгляд, беспочвенность притязаний посадских. Истории этих семей очень поучительны. Их родоначальники были среди первых русских земледельцев Сибири, и семьи на протяжении всего времени не теряли связи с землей, что не мешало им менять свой сословный статус.

Галактион и Лукьян были посланы в Сибирь, в десятинную пашню из г. Лаишева еще в 1598 г., при царе Борисе Годунове, однако долго в крестьянах не задержались. Лукьян, прибыв в Сибирь, тут же подал государю челобитную, в которой сообщал о своем военном опыте и о том, что ему пашня «не в обычай». В 1603 г. он получил от Годунова жалованную грамоту с повелением поставить его в служилые люди по Туринску, если он найдет себе замену для обработки десятинной пашни. Он приискал на свою землю двух добровольцев из гулящих людей, которые «ту пашню пашут без оброну и ныне — а дал им всяких пашенных и деревенских заводов з двором, и с скотом, и с пашнею, и с хлебом на пятьдесят рублев». Когда Лукьян «устарел» для государевой службы, он добился поставления своего сына Дмитрия на свое место в служилые люди, а сам жил при нем. Но в 1618 г., когда его сын был в небезопасном походе за солью на Ямыш-озеро, посадская община при поддержке воеводы «насильством» зачислила Лукьяна в своей состав, и умер он посадским. Теперь эта же община стала предъявлять претензии и к Дмитрию — как сыну посадского[22].

Второй лаишевец, Галактион Григорьев, также вскоре решил, что ему «пашня была не за обычай», и тоже быстро нашел вместо себя двух гулящих людей, дав им от себя «подмогу», а своих сыновей, Миню и Савву, смог устроить в государевы служилые люди. Но около 1624 г. сам Галактион, как и Лукьян, был «насильством» переведен в посадскую общину. Однако через 6 лет он предпочел вернуться в пашенные крестьяне, и его сын Миня, будучи в служебной командировке в Москве, исхлопотал ему соответствующую государеву грамоту, по которой Галактиона с млад-

шим сыном Федором перевели в общину пашенных крестьян. Позднее посад потребовал перечисления Мини и Саввы Галактионовых в посадскую общину. Характерно, что обе семьи этих служилых людей, Лукьяновы и Галактионовы, все время имели свою запашку и хлебного жалованья поэтому не получали[23].

Еще более сложной была сословная история Рычки Медведева. Его отец, туринский пашенный крестьянин Матвей Медведь, захотел стать вольным (гулящим) человеком и поставил вместо себя в десятинную пашню «гулящего человека Елфима Прокофьева не ис тягла, своими крохами». Через некоторое время Матвея все же настигло другое тягло — посадское: его «взяли в Туринской в посад посадцкие люди насильством». Община действовала тут в союзе с воеводской властью и опиралась на неоднократные царские указы о верстании в тягло гулящих, закладчиков, захребетников. Семья Матвея решила однако: «посадцкая служба... [нам] не в обычей, потому что торгов и промыслов никаких у нас нет». Матвей еще раз сменялся сословным положением, на этот раз с пашенным крестьянином Нечаем Круговиковым, с согласия обеих общин. Нечай стал посадским, а Матвей «пахал... государеву пашню по смерть свою». Затем его сын Рычко, воспользовавшись повелением воеводы Гурия Волынцева о наборе новых ямщиков, поставил вместо себя в десятинную пашню гулящего человека, а сам перешел в ямскую общину. Но, как и в предыдущих случаях, посадская община потребовала к себе детей своих бывших членов. Поскольку Рычко стал ямщиком не без прямой помощи воеводы, власти, видимо, посоветовали в этом случае достигнуть компромисса, который принял следующую форму. Рычко был оставлен в ямской общине, но «в свое место поставил в посад своими крохами Кузьму Старикова в посадское тягло в пол полтины» (это около 1/4 обычного посадского тягла). Через 11 лет, во время «посадского строения» после принятия Соборного уложения 1649 г. посадская община и новый воевода М. М. Мусин-Пушкин опять потребовали переведения в посад семьи Медведевых, как и нескольких других[24].

Во время этих сражений на первое место вышел вопрос о богатом, разветвленном ямщицком клане Коркиных. Родоначальник семьи Иван Григорьев сын Коркин ушел (как уже упоминалось в главе I) в Сибирь в 1618 г.; еще перед этим, в 1612 и 1615 гг., он отделил двух своих старших сыновей, Ивана и Петра, и с собой их не взял. В Сибири И. Г. Коркин записался в посадский оклад, как уверяла

впоследствии посадская община,— с детьми, но Коркины это отрицали. В книгах воеводской канцелярии посадские нашли подтверждение своей версии, однако имена записанных в посад детей в этой документации указаны не были. У Ивана Григорьева сына Коркина было всего восемь сыновей. Иван и Петр, пришедшие в Сибирь через несколько лет после отца, тут же стали членами ямщицкой общины. В 1620—1630 гг. они постепенно перетянули в эту же общину еще троих братьев (бывших, по версии Коркиных, до этого захребетниками, а не посадскими, как уверяла община) — Елисея, Иова, Василия, а в 1642 г. — Павла и Парфения. Последний брат, Фаддей, остался при отце и унаследовал его посадское тягло[25].

Ямщики Коркины наряду с прямыми своими обязанностями занялись во все расширяющихся масштабах сельскохозяйственным освоением туринских земель, «пашни распахали и дворишка поставили». В 1639 г., получив «по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по росмотрению воеводы Никиты Кафтырева» обширное Офонинское займище, Елисей и Иов завели там большую пашню, стали использовать покосы, угодья. Они считали для себя выгодным платить за это займище (сверх обычной ямской службы и повинностей) ежегодный оброк в 40 четвертей хлеба и в 1645 г. стремились получить новую государеву грамоту, чтобы закрепить за собой эти земли на тех же условиях. Они просили оградить их от возможной переоброчки, вмешательства окрестных жителей, просили указать в грамоте, чтобы эти последние «сена не косили, и в озеро колцы для рыбные ловли и по дубровам и по боровым веретеям слопцы и иные ловушки на птицы и на зайцы не ставили, и грузди и ягоды не выбирали». Исходя из норм крестьянского трудового права и пытаясь как-то укрепить простое оброчное держание, Елисей говорил о вложенном им в эту землю немалом труде и определял цель выдачи такой грамоты: «чтоб мне тем местом впредь было владеть прочно»[26]. Но просьба эта совпала с очередной попыткой туринского посада вернуть всех Коркиных в свою общину, и царский ответ на коркинское стремление стать полновластными владетелями займища нам неизвестен.

Попытки заполучить богатых ямщиков и землевладельцев посадская община делала неоднократно. 30 июня 1639 г. посадские, взяв справку из документов воеводской съезжей избы, обратились к царю. Воевода Н. В. Кафтырев явно поддерживал это челобитье. В документе, поданном

двумя таможенными целовальниками от имени 33 членов посадской общины, говорилось о тяжести падающих на посад служб, оброков и повинностей, а затем сообщалось: «А сыскан по писцовым книгам в съезжей посадский человек Иван Коркин, а написан был в посаде з детми, а платил годовой денежной оброк и давал с своей пахаты выдельной хлеб немалой», но его дети были затем «от потуги ис посадцких людей выпущены и поставлены в ямские охотники», сделавшись весьма «прожиточными»[27].

Не дожидаясь царского решения, Н. В. Кафтырев по этому челобитью в 1640/41 г. зачислил всех детей Ивана Коркина в посадскую общину, но по их жалобе, поддержанной ямщицкой общиной, в городе был назначен повальный обыск по вопросу о том, состояли ли дети Ивана ранее в посадской общине. В обыске, наряду с другими общинами Туринска, участвовала даже община пашенных крестьян — как единое целое, во главе со старостой и «житнишными целовальниками». По результатам обыска победило мнение ямской общины, и перевод ее членов в посад был аннулирован. Но посадская община, поддержанная воеводской властью, продолжала борьбу, и на новом ее этапе решением Сибирского приказа от 27 мая 1645 г. двух братьев Коркиных, Парфения и Павла, которые сравнительно недавно были в ямщиках, перечислили в посад, назначив им, однако, годовой оброк отдельно от посадской общины. Пятерых других Коркиных оставили в ямщиках[28].

Очередная попытка укрепления посада за счет вышеупомянутых и некоторых других туринских семей ямщиков, служилых и пашенных крестьян была предпринята посадской общиной при поддержке воеводской власти в ходе «посадского строения» после принятия Соборного уложения 1649 г. Воевода М. М. Мусин-Пушкин положил в посадское тягло не только Медведевых, Галактионовых и других служилых, но и еще четыре ямщицкие семьи Коркиных (берущих начало от Ивана, Петра, Елисея и Иова Ивановых детей Коркина). Однако все эти семьи, отправив (видимо, с помощью своих мирских организаций) челобитчиков в Москву, добились отмены Сибирским приказом данного распоряжения, основываясь на биографических сведениях, подобных приведенным выше. В отношении Коркиных явно приняли во внимание и то, что государству был весьма выгоден установившийся тип отношений с этой обширной семьей: она не только несла ямскую службу, но и платила со своих значительных земельных угодий большой хлебный оброк. Лишь семья Ивана Иванова сына Кор-

кина заплатила государству с 1622/23 по 1631/32 г. 494 четверти выдельного хлеба. Вместе с тем приказ с учетом требований посадской общины и норм Соборного уложения запретил «выпущать» кого-либо впредь из посада в ямщики и служилые люди[29].Ö

Такова поучительная история взаимоотношений Сибирского приказа, воеводской власти, земских организаций и нескольких семей богатых землепашцев при решении непростого вопроса о сословной принадлежности этих последних. Как в каждом отлаженном механизме власти, все звенья такого механизма взаимодействуют друг с другом и в то же время отстаивают собственные интересы.

Теснее всего административная власть в Сибири сотрудничала с мирской организацией служилых людей: служилые были главным ее орудием не только в военно-административных, но и во многих хозяйственно-экономических заботах. Вместе с тем само положение различных прослоек служилого сословия, каждый член которого получал жалованье именно за государеву службу, предполагало тесное взаимодействие их самоуправляющейся организации с воеводской властью. Ведущая роль служилых в заселении и освоении края[30] усиливала важность и неизбежность такого взаимодействия, весьма далекого на практике от беспрекословного подчинения служилых воеводским распоряжениям.

Основные сферы этого взаимодействия изложены нами в главе II. Здесь мы вкратце напомним главные направления такого сотрудничества, привлекая и новый материал.

Организация служилых была достаточно самостоятельной. К мнению служилых о пополнении своей общины новыми членами, о служебной карьере военных, назначениях на новые должности прислушивались и воеводы, и приказное начальство. Казалось, сами служилые общины были очень заинтересованы в своем сословном замыкании, в том, чтобы на «выбылые» места верстали в первую очередь сыновей, братьев, племянников членов общины. И действительно, известны челобитные служилых миров с требованием прекратить верстание в службу гулящих, тяглых людей и иных посторонних[31]. Политика правительства и воевод, особенно во второй половине XVII в. была также направлена, как это хорошо показал Н. И. Никитин, на «превращение служилого сословия в замкнутую касту»[32]. Определенная общность интересов властей и служилых тут налицо. Однако жизнь диктовала и многочисленные отступления. Наряду с нехваткой в первой половине XVII в. годных в службу родственников служилых, доказанной

подсчетами Н. И. Никитина, играла свою роль и сословная расчлененность многих семей первых насельников Сибири. Так, томская община служилых, бурно протестуя в апреле — мае 1648 г. против воеводской практики верстания в казаки из других сословий, захватив в результате восстания власть, 16 месяцев активно проводила подобную же политику. Проведенное в Сибирском приказе расследование показало, что речь зачастую шла о верстании в казаки казачьих же родственников, бывших в тягле или среди гулящих людей[33].

Служилые общины стремились участвовать не только в решении вопроса о верстании, но и при дальнейших служебных продвижениях и назначениях. Если по традиции казачьи должности есаулов и атаманов считались выборными и правительство не сразу взяло их замещение под слой контроль, то назначение на должности десятских, пятидесятских и перевод в дети боярские производились воеводским распоряжением, подтвержденным в подавляющем большинстве случаев (кроме назначения десятских) государственным указом из Сибирского приказа[34].

Есть немало примеров того, как сибирские и московские власти, отнюдь не отказываясь от своего права производить служебные должностные назначения, прислушивались при этом к мнению служилых миров[35]. Несомненно, в первые десятилетия XVII в. мнение сподвижников Ермака и их прямых потомков было особенно авторитетным. Как уже говорилось, служба с Ермаком часто указывалась кандидатами на новые должности или их предками в челобитьях о пожаловании более выгодных должностей и такие просьбы членов «старой сотни» всегда рассматривались со вниманием.

Как отмечал еще Н. Н. Оглоблин, для делопроизводства Сибирского приказа достаточно обычным документом была войсковая челобитная с просьбой о производстве избранного войском человека в ту или иную командную должность[36]. Во время спора 1628 г. между Приезжим Резановым и Иваном Воиновым оба ссылались в свою поддержку на мнение войска. Чтобы доподлинно узнать это мнение об обоих атаманах, Москва приказала в конце концов тюменским воеводам И. В. Плещееву и И. И. Ярлыкову устроить «повальный обыск», сняв показания всех сословий города и приказав духовенству заверить их. В результате И. Воинов остался на своем посту, а в 1633 г. вместе с группой служилых был награжден прибавкой к жалованью за смелое

поведение в сражении с «колмацкими воинскими воровскими людьми»[37].

Почти одновременно, в 1626 г., московским и тобольским властям пришлось учесть мнение станицы пеших казаков, в которой было немало сподвижников Ермака. Они протестовали против попытки назначить над ними в качестве головы тобольского сына боярского Б. Аршинского, особо подчеркивая, что «их де о том, что ведать Богдану Аршинскому, челобитья не бывало». Поэтому они просили оставить над ними командиром атамана Гаврила Ильина. Правительство удовлетворило эту просьбу, и пешие казаки этой станицы перешли под управление Б. Аршинского лишь через 13 лет, после смерти Г. Ильина[38].

Мы писали уже о нескольких десятках доносов начала 1640-х гг. тобольского подьячего Савина Кляпикова, бывшего в этой должности с 1609 г. и прекрасно знавшего поэтому все местные дела[39]. Он сообщал, в частности, что тобольский воевода князь П. И. Пронский через своих «советников и прикормленных ушников, горланов и шишимор» (первым среди «советников» назван все тот же Б. Аршинский) умел влиять на решения всего войска, в том числе и по кадровым вопросам. Пылая ненавистью к воеводе и его сторонникам в войске, подьячий всячески старался доказать, что мнение приближенной к воеводе верхушки общины служилых далеко не всегда совпадало с мнением рядовых ее членов. Здесь перед нами вполне реальная проблема внутренних противоречий в служилом мире, опоры воеводской власти на часть верхушки войска. Есть немало других жалоб на воеводских «ушников и шишимор». Но сейчас нам хотелось бы отметить другое: действительное значение мира было таково, что воеводская власть вынуждена была вырабатывать механизм сотрудничества с ним, добиваться одобрения миром угодных воеводе решений. Однако не всегда это удавалось сделать, и в самих доносах С. Кляпикова есть примеры тому, как мир успешно сопротивлялся воеводской воле[40].

Но вернемся к описанию Кляпиковым взаимодействия мира и воеводы при назначениях служилых на новые должности. Подьячий сообщает имена 20 служилых людей (не считая Б. Аршинского), на позицию которых в первую очередь стремился повлиять воевода, обеспечив их поддержку при обсуждении вопросов в казачьих кругах. Этот список наиболее авторитетных служилых открывается именами двух сыновей сподвижников Ермака — головы Гаврилы Грозина и сына боярского Дмитрия Черкасова. Всего

в этом списке: казачий голова — 1, детей боярских — 7, казачьих атаманов — 3, служилый литовского списка — 1, рядовых конных казаков — 2, стрелецких пятидесятников — 2, пятидесятников пеших казаков — 2, десятник пеших казаков — 1, рядовой пеший казак — 1[41].

Изветчик рисует реальную картину назначения на важные посты нужных воеводе и Б. Аршинскому людей. Вот, например, выборы войском кандидатов в атаманы для утверждения в Москве: «И которой де атаман выбудет, в те места по богданову наученью выбирают атаманов по ево руке, воеводцких ушников и шишиморов заведоме. И одобря, пишут об них государю челобитные без брацково (т. е. рядовых казаков.— *Авт.*) ведома, и руки прикладывают шишиморством во всех пеших казаков места заочи, а рядовые пешие казаки тово и не ведают. Да увязав де их тою челобитною, подают таковы челобитные в съезжей избе воеводам те же ушники и шишиморы, шишиморством заведчи наперед печальником голову своего Богдана Аршинсково. Да как челобитную подадут, а Богдан Аршинский учнет хвалити. И воеводы де князь Петр Пронской с товарыщи по тому их богданову и пятидесятников и иных ушников заводу, и по своей к тем людем доброте за их ушничество, приняв те челобитные, посылают и тех, о которых бьют челом атаманы, к государю, отпускают будто с отписками и с каким государевым делом, а не для ради будто атаманства. А тот будто атаманству и не радеет. Да как де по тому ложному челобитью привезет тот, о ком те заводчики били челом, государеву грамоту в атаманы, и воеводы князь Петр Пронской с товарыщи велят ему быть в атаманех»[42].

Характерно, что С. Кляпиков при этом отнюдь не возражает против того, что воевода производит назначение на военную должность лишь по мирской инициативе, но пытается доказать, что при этом фальсифицируется само мнение войска, мира, а назначенные таким образом начальники не считаются с простыми казаками и притесняют их.

Независимо от того, прав ли С. Кляпиков в своих конкретных обвинениях или нет, нарисованная им картина взаимодействия воеводской власти и верхушки мира весьма убедительна. В качестве исторического сопоставления с этой мирной картиной можно вспомнить следующий пример. Во время Томского восстания в апреле 1648 г. был свергнут не только воевода, но и его «советники и ушники» в руководстве местных миров. К власти пришла «воровская» воеводская коллегия, действовавшая в тесном со-

трудничестве с «воровскими кругами», в том числе и по вопросу о новых назначениях в войске[43].

Служилая община сибирских городов XVII в., имея свое мнение о верстании и военно-административной карьере своих членов, не раз высказывала его и в связи с проблемами государева жалованья служилым, постоянного или экстраординарного. Москва увеличивала оклад служилому человеку по аргументированной просьбе его самого, служилого мира и воеводы. Часто такое увеличение достигалось с помощью подробного донесения о военных заслугах служилого с перечислением его участия в боях, строительстве крепостей, острожков, о полученных им ранах и захваченных пленных, о приведении под «высокую государеву руку» новых «землиц»[44]. Нередко прибавление оклада или единовременная денежная награда давались сразу группе служилых после успешного похода, боя — в ответ на челобитье служилых или воеводское донесение, основанное на мнении самого войска, свидетельстве непосредственных участников сражения.

Так, государевой грамотой от 10 апреля 1633 г. тюменские служилые люди были пожалованы «за колмацкую службу нынешнего 141-го году, как они сшод колмацких воинских воровских людей в Тобольских вершинах... на урочище на Тогузке, от Тюмени в двунатцати днищах, побили». Атаману Ивану Воинову и голове татарскому Илье Бакшееву назначалась постоянная прибавка к их окладам по 1 руб. каждому; кроме того, служилые нескольких военных частей получали разовую награду в общей сумме 122 руб. С сообщением о победе из Тюмени в Москву (конечно, с ведома воеводы И. И. Милюкова) были отправлены два представителя войска — из высшего и низшего командного состава: атаман Иван Воинов и десятник Роман Федоров. Судя по тому, что вместе с грамотой и деньгами они везли из Москвы полную именную роспись всех награжденных с указанием размера поощрения каждому, соответствующие конкретные предложения, возможно, предварительно согласованные с воеводой, представители войска должны были привезти в Москву вместе с реляцией о победе. Царской грамотой повелевалось, чтобы воевода произвел раздачу присланного «прибавочного жалованья» в торжественной обстановке: собрал служилых в съезжую избу «и сказал им наше жаловалное слово, что мы их за службу пожаловали нашим жалованьем, и они б были на наше жалованье и впредь надежны, и служили б нам, и нашим делом промышляли»[45].

Понятно, что наряду со столь приятными примерами сотрудничества власти и войска в связи с проблемами жалованья возникали и конфликтные ситуации. Самая трафаретная из них — постоянная задержка или неполная выплата жалованья. Ненавистный томичам воевода О. И. Щербатый утверждал даже, что служилому следует выдавать только половину жалованья и лишь в особых случаях полностью[46]. И если подобная точка зрения не стала общей и небескорыстной воеводской практикой, то главной причиной этого было постоянное давление служилого мира и царской власти на воеводу.

Известны ситуации, когда служилые, недополучившие свое жалованье, отказывались идти в поход или нести другую службу. Их нередко наказывали за это, но задолженное жалованье стремились тут же отдать. Так, например, произошло в 1628 г. в Томске, когда 20 казаков, не получив жалованья, отказались ехать на службу в Кузнецк. Они были биты батогами, посажены в тюрьму, но так и не поехали без жалованья. Денег тогда в томской казне не было, и пришлось их срочно привезти из Казани и раздать казакам[47].

Подобное казачье упорство, как и доводы рассудка, помогли во взаимоотношениях властей и служилых победить разумной практике, когда перед походами, дальними «посылками» и другими служебными поручениями, требовавшими от служилых немалых расходов на экипировку, жалованье им выдавалось сполна и подчас даже вперед[48].

Организация всех воинских «посылок», караулов, застав входила во всей России в прямые служебные обязанности и воеводы, и командного состава войска, но при этом соблюдался принцип определенной очередности в несении этих служб. В Западной Сибири также стремились придерживаться этого порядка: в документах имеется немало указаний на службу «по переменам», «по очереди»[49].

Определение очередности в выполнении разной тяжести и продолжительности служб или повинностей, падающих на весь коллектив,— традиционнейшая задача как казачьего круга, так и любой общины, включая тяглый сибирский мир. Без использования механизмов общинной демократии, опирающихся на общественное мнение мира, здесь не обойтись. Конечно, воеводская власть не отказывалась от своего права распоряжения при решении таких вопросов, но в условиях XVII в. единоличино, без помощи всего войска, она не смогла бы решить этой задачи.

О наличии у самих служилых устойчивых представлений о том, какие назначения, «посылки» справедливы, а какие — нет, т. е. сделаны «не в очередь», свидетельствуют дошедшие до нас жалобы на «насильства» воевод в этой сфере. Они охватывают весь спектр военных обязанностей — от назначения в воеводские денщики до отправки в поход или на годовую службу в другой город[50]. Но понятно, что само появление таких жалоб на воеводскую несправедливость свидетельствует о существовании общего понятия о норме.

Как отмечает Н. И. Никитин, несмотря на воеводское «насильство» и «плутовство» (освобождение от очередной службы за взятку), в целом система очередности назначения на обычные, традиционные в данном гарнизоне службы была устойчивой. Сложность появлялась при возникновении особых ситуаций, требовавших чрезвычайной службы. Государевы грамоты нередко приказывают в таких случаях воеводам «выбрать» людей для этой службы, не уточняя, один ли воевода будет проводить этот выбор или привлечет к нему войсковую организацию[51]. Н. И. Никитин считает, что в этом случае часто действовал иной принцип, когда царской грамотой «ратным людям предлагалось "выбиратца сами" в соответствии с определенным "по развытке" для данного города числом»[52].

Обычная практика активного сотрудничества войска с воеводской властью при распределении служебных обязанностей между «ратными людьми» четко прослеживается в конфликтной ситуации 1636—1638 гг. в Таре. Среди обвинений, выдвинутых тогда руководителями войска против воевод и поддержанных почти всем гарнизоном, были и острые упреки в том, что воеводы кн. Ф. П. Барятинский и Г. А. Кафтырев узурпировали все военные и судебные распоряжения в городе, отстранив от них войско и его руководителей.

Интересно, что во время следствия воевода Г. А. Кафтырев признал право ротмистра и сотников распоряжаться своими подчиненными, судить их в небольших сысках, «росправу меж ими чинить», самостоятельно отпускать служилых на пашню и промыслы[53]. Вся ситуация очень характерна для войска «по прибору»: служилые доказывали, что несвоевременные воинские «посылки» по единоличному воеводскому распоряжению сильно нарушали их хозяйственные интересы. Воевода в конце концов не смог отрицать, что эта экономическая деятельность служилых

во многом находится в войсковой, а не воеводской компетенции.

Войсковая организация повседневно сотрудничала с воеводской властью во всех серьезных воинских предприятиях, будь то организация похода для приискания «новых землиц» и приведения будущих ясачных «под высокую государеву руку», построение городов и острогов или перенесение их на новое место. Мы уже говорили в главе II о высокой активности войскового круга, рядовых служилых и особенно их атаманов, сотников, других командиров при решении всех этих вопросов. Если воеводская власть действовала здесь слишком независимо и некомпетентно, круг мог предпринять самостоятельные действия, разрушавшие воеводские планы. Так было во время похода из Енисейска в 1626 г. и похода Я. Е. Тухачевского в 1641 г., связанного с планами основания Ачинска. Но чаще воеводская власть и служилые действовали совместно, причем и воевода, и Сибирский приказ прислушивались к мнению опытных воинов.

В отписке в Москву енисейский воевода Ф. П. Полибин сообщал в 1648 г. о мерах, принятых им по челобитью известного казачьего атамана Василия Колесникова, закончившего со своими казаками успешную операцию по созданию острожка в устье верхней Ангары. Казаки Колесникова просили прислать подкрепление в этот острожек, считая необходимым закрепление и в устье р. Баргузин. Характерно, что казаки желали получить не только «подмогу» служилыми людьми и боеприпасами, но и многочисленные подарки (хлеб, ткани и др.) для ясачных, чтобы обеспечить спокойный сбор ясака. Ф. П. Полибин, препровождая эти предложения в Москву, хотя и подчеркнул для порядка скудость в Енисейске со всем необходимым для Колесникова, вскоре предпринял соответствующие меры, даже не дожидаясь последовавшего позднее московского указа, одобрившего большинство предложений казаков. В Ангарский острожек был послан отряд сына боярского Ивана Галкина с припасами и подарками, воевода указал самим казакам в острожке решить, как лучше организовать сбор ясака и выбрать для этого из своей среды приборных людей. Ивану Галкину давались полномочия вести переговоры с местными князцами и поручалось узнать у них, далеко ли от их земель «до мунгальского царя Цысана»[54].

Интересно решение тобольскими воеводами и Казанским приказом важнейшей стратегическо-хозяйственной

проблемы закрепления контроля над главным районом добычи соли для Сибири — Ямыш-озером. В 1626 г. из Москвы прибыло распоряжение: «... велено в Тобольску допросити сибирских городов служилых и всяких людей, которыя бывали у Ямыша-озера преж Савы Француженина да Третьяка Юрлова, и тех, которые были с Савою Французенином и Третьяком Юрловым: мочно ли у Ямыш-озера жилой острог поставить, и пашни, и сенные покосы, и леса, и рыбные ловли у самого ли острогу будут или вдали, и в колких верстах, и мочно ль те пашни государевым людем, которые в том остроге будут, пахати и сена косити, и лес сечи, и рыбные ловли ловить, и не будет ли от колмацких людей какие тесноты и порухи, и с колмацкими людми мочно ли будет торговать» (!). Получив этот указ, воеводы князь Андрей Андреевич Хованский и Иван Васильевич Волынский, «поставя в съезжей избе, роспрашивали тоболских детей боярских и атаманов и служивых людей, которые преж сего у Ямыша-озера бывали». Те рассказали, что острог можно поставить, но ни для жилья, ни для пашен местная песчаная почва не пригодна. Дополнительно проверить все на месте было поручено 600 служилым, отправлявшимся во главе с авторитетными сибирскими первопроходцами казачьим головой Грозой Ивановым и Дмитрием Черкасовым в очередную экспедицию за солью. Вернувшись с 56 тыс. пудов соли, они подали подробнейший «доезд» с характеристикой почвы, ландшафта, растительного и животного мира близ Ямыш-озера. Вывод был сходным: леса для домов близко нет, землепашество невозможно. На основании этих сведений Москва решила укрепления на Ямыш-озере не ставить[55]. На южной границе было неспокойно, и Россия получила возможность прочно закрепиться здесь, создав Ямышевскую крепость, лишь в 1715 г.

Известно и сотрудничество служилых с местной воеводской властью и московским правительством в решении вопроса создания другого укрепления на юге — Омского. 7 апреля 1628 г. тарские воеводы князь Ю. И. Шаховской и М. Ф. Кайсаров сообщили в Москву о желательности создания укрепления в устье р. Оми. В Москве сначала решили узнать мнение об этом плане тарских служилых людей, приезжавших тогда в столицу. Казачий голова Назар Жадовский и другие подробно обсудили в Казанском приказе все детали намечавшегося предприятия, привели все необходимые природно-географические сведения, особо подчеркнув: «и вперед де мочно в том остроге и пашня

завесть». Оценка эта, как известно, прекрасно оправдывается вплоть до наших дней. В Москве было принято решение разрешить постройку укрепления в Омском устье, предварительно еще раз «роспросив и сыскав подлинно» обо всем у служилых людей[56]. Однако и здесь окончательно закрепиться удалось много позднее — лишь в 1716 г.

Но бывали случаи предельно быстрого выполнения центральной и местной властью подобных рекомендаций служилых людей и крестьян. В 1659 г. тюменский воевода Ф. И. Веригин сообщил в Москву мнение служилых и крестьян о желательности создания укрепленной слободы «близко Тюмени города, ниже устья Исети реки и Белого Яру, по городовую тюменскую сторону Тоболу реки, старой татарской Явлутор-городок». Служилые обосновали выбор очень удобного, вписывающегося в гидрографическую сеть места для «острогу крепости»; двое пашенных крестьян, «которым пашенные и всякие земли в обычай», определили место для крестьянских дворов, пашни и угодий.

Воевода в результате смог сообщить царю: «А того де, государь, городка в длину семьдесят сажен, а поперег пятьдесят сажен. А под скотской де выпуск ниже того городка луг подле Тобол реку версты на две и больше; а где быть твоей великого государя десятинной пашни и где пахать пашня на себя твоим великого государя пашенным крестьяном и всяким людем, у того городка... земли добрые и сенных покосов верст на тридцать и больше; рыбных де, государь, ловель к тому месту прилегли озера большие и истоки многие; а кругом де, государь, тех пашенных мест прилегли лесы темные и места крепкие... И те, государь, пашенные все земли добрые и многие, и для сенных покосов и скотских выпусков луги великие и травные. И в тое, государь, в новою слободу в пашенные крестьяне и в беломестные казаки есть вольных и охочих людей много и поселятца вскоре, наполнитца, государь, та слобода...»[57] Ялуторовская слобода была создана в том же 1659 г.

Не менее оперативно Москвою было подтверждено принятое на основании учета целого ряда подробных сообщений казаков-землепроходцев решение о создании на «великой реке Лене» прочного постоянного укрепления. Как известно, основная часть населения Центральной Якутии по берегам Лены приняла российское подданство в 1632—1636 гг., когда туда прибыли отряды Ивана Галкина

и Петра Бекетова. Последний в 1632 г. поставил по своему выбору на Лене в центре Якутии острог, который потом несколько раз менял свое место[58]. Когда в 1638 г. из Москвы на Лену отправлялся первый якутский воевода стольник Петр Петрович Головин, в наказе ему были подробно пересказаны все сведения, полученные о новом крае от атамана И. Галкина, П. Бекетова, томских служилых П. Сабанского, В. Старкова и других, приводилась сводка их, сделанная мангазейским воеводой А. Ф. Палицыным вместе с «чертежом и росписью». В наказе повелевалось создать на месте острожка П. Бекетова солидное укрепление. Решение это и по существу и по изложению явно вытекало из сделанного воеводой А. Ф. Палицыным обобщения полученных им сведений. «Для острожного ставленья, и для прииску и приводу новых землиц, ясачных людей, и для ясачного сбору» воеводе придавался отряд в 395 чел. из разных сибирских гарнизонов, письменные головы Василий Поярков и Еналей Бахтеяров[59].

Казачья инициатива, воеводские распоряжения и царские указы в этом деле быстро дополняли друг друга.

Совместными усилиями воеводы и войска решались многие вопросы военной экипировки. Воевода должен был всячески помогать служилым обзавестись боевыми конями, гораздо более дорогими, чем крестьянские лошади. Войско было заинтересовано, чтобы воевода и служилые покупали для всего гарнизона коней высокого качества — «добрых». В Томске в 1640-х гг. кроме коней, находившихся во дворах у служилых, были и боевые кони, содержавшиеся на государевом конном дворе и помеченные «государевым пятном». Войско требовало, чтобы воевода не менял их на своих, худших[60].

Равным образом и войско, и воеводы беспокоились о снабжении служилых оружием и боеприпасами. В 1648 г. казачий атаман Василий Колесников, обсуждая с енисейским воеводой Федором Полибиным план нового похода на верхнюю Ангару, обговаривал и эти проблемы. Сообщенные воеводой в Москву соображения бывалого атамана были в Сибирском приказе одобрены и приняты к исполнению[61].

В январе 1649 г. контролируемый мирской организацией Томска второй воевода И. Н. Бунаков отправил в Сибирский приказ две отписки с просьбой прислать в город «рушные пищали» и селитру для пороха. Глава Сибирского приказа князь А. Н. Трубецкой распорядился незамедлительно удовлетворить обе просьбы[62]. Как в томской отпи-

ске, так и в московском решении речь шла о пищалях не только для служилых и их родственников, но и для крестьян, гулящих и «всяких людей». Подобно этому еще в 1626 г. тюменский воевода И. В. Плещеев просил прислать дополнительные пищали для раздачи их гулящим людям[63]. В условиях сибирской «украйны» приходилось вооружать далеко не одних служилых. Это важное отличие Сибири, где невозможно было ввести традиционную для феодального общества монополию военной верхушки на владение оружием. В Сибири реально были вооружены не только служилые, но и члены других миров, что помогало созданию общесословного единства «всей земли», «всего города».

Наконец, можно напомнить интересный пример сотрудничества государственной власти и служилого земства при решении столь важного военного вопроса, как создание нового боевого знамени. 6 сентября 1648 г. через Собскую (Обдорскую) заставу проследовал отряд томских служилых людей во главе с Ф. Титовым, «да с ними ж посильных войсковых девять бобров рыжих, что послали с ними томские служилые люди к Русе знамя писать, Спасов образ да Неопалимые купины образ на другой стороне». Воеводской отписки об этом не было: томские служилые посчитали дело именно войсковым, а не воеводским. Тем не менее без содействия государственной власти не обошлось и в этом случае: пришлось брать разрешение на вывоз этой пушнины, да к тому же в обход общего правила ее не обложили никакими таможенными пошлинами. Государственная власть понимала, что дело это общественное, а не частное[64].

Вовлеченность служилых в сельскохозяйственное производство приводила к тому, что сфера сотрудничества войска с воеводской властью не ограничивалась военными делами, а включала и земледельческие проблемы. И здесь опять сближались служилый и крестьянский миры. Служилых, занимавшихся земледелием, волновало снабжение их семенами, сошниками, косами и т. д. Тюменский воевода П. Измайлов в 1629 г. из-за неурожая предыдущего года вынужден был выдать хлеб на семена не только для десятинной пашни, но и для всех собственных пашен земледельцев разных сословий. Все они полностью вернули затем этот заем[65]. В 1647—1648 гг. служилые, посланные на Лену, просили в своей челобитной, поддержанной воеводой, о снабжении семенным хлебом, сошниками и косами[66].

Интересы воеводской власти и войсковой организации, как уже указывалось, объективно совпадали в двух доволь-

но стандартных ситуациях: когда речь шла об увеличении численности гарнизона и когда возникали распри между гарнизонами, властями разных городов. В обоих случаях воеводы могли опираться на активную жизненную позицию, характерную для общественного сознания сибирских служилых людей с его прочными традициями войскового совета, казачьего круга, с его умением противостоять и сложившейся административной практике, и мнению приказных чиновников. С. В. Бахрушин писал уже о многолетней борьбе красноярских казаков за увеличение численности гарнизона. Их челобитные, где описывались беспокойная пограничная обстановка и непосильный объем казачьих служб на огромной территории, неуклонно поддерживались в 1630—1660 гг. воеводской властью и несколько раз приводили к расширению численности красноярского гарнизона[67].

В 1640-х гг. енисейские воеводы вели бесконечную борьбу против подчинения воеводам томским (Енисейск входил в Томский разряд). Служилый мир Енисейска поддерживал своих воевод, когда из Томска приезжали служилые люди проверять осуществление государственных торговых монополий, что задевало экономические интересы Енисейска[68].

* * *

Церковное и монастырское строительство в Сибири осуществлялось по инициативе всех трех социальных сил: мира, государства и церкви. Переселяясь за Урал, русский человек не мыслил себе оседлого состояния без церкви, находившейся на сравнительно доступном расстоянии. Миры по поморской (да, вероятно, и общерусской) традиции рассматривали монастыри и как духовную, и как социальную организацию, обеспечивавшую, в частности, престарелым и увечным воинам покой в старости. Это же относилось и к членам их семей. Весь уклад русской семейной жизни был невозможен без требоисполнения — крещения, миропомазания, покаяния и причащения, брака, соборования. Отсюда постоянные заботы мира о получении своего приходского священника, о довольствии всем необходимым приходской церкви и ее клира. Духовные и светские власти всячески поддерживали эту заинтересованность, учитывая также собственные задачи распространения христианства на востоке, миссионерской деятельности. Поэтому во многих случаях миры могли рассчитывать на деятель-

ную помощь в церковном и монастырском строительстве со стороны светских властей и духовной иерархии.

В Сибири несомненно прослеживалась в XVII в. детально описанная М. М. Богословским поморская традиция активного участия мирской общины в церковных делах, тесного взаимодействия мирской и церковной общинных организаций. В Сибири были сельские крестьянские общины, которые совпадали по территории и центру с сельским церковным приходом, как это имело место в Поморье[69].

В этом отношении очень характерна упоминавшаяся в главе I история выделения сельской и приходской общин томских крестьян на р. Басандайке, в Верхней слободе.

В 1644 г. крестьяне по собственной инициативе, не спросив разрешения главы епархии, выстроили в Верхней слободе Спасскую церковь. Лишь тогда они обратились к архиепископу Тобольскому Герасиму с просьбой поставить к ней священника. Но владыка отказал, ссылаясь на отсутствие государственной руги для священника и невозможность прокормить его. Тогда томские крестьяне поступили так, как издавна поступали крестьяне поморские: они «всем миром» избрали себе в попы человека, согласившегося нести обязанности священника. Этим добровольцем оказался сосланный в Томск московский стрелец Ипат Васильев. Видимо, избрание это было как-то затем санкционировано Герасимом; несомненно он вскоре рукоположил стрельца в священники, ибо в документах 1648—1649 гг. «поп Ипатище» не раз упоминается как священнослужитель Спасской церкви. В этой должности его признают и светские, и церковные власти. Создание данного прихода было целиком делом мира, поэтому челобитную крестьянской общины о назначении новому священнику государственной руги Москва оставила без удовлетворения. В последующих документах крестьянской общины встречаются подписи спасского церковного старосты, как и мирского старосты[70]. Характерно, что мирской староста новой спасской общины появляется в документах лишь с того времени, когда в Спасской церкви начинается священническая служба. До этого от имени общины выступает в переговорах с властями инициативная группа крестьян во главе с Ф. Вязмитиным, который не был ни мирским, ни церковным старостой.

Известные нам источники не позволяют проследить со всей достоверностью, как сказывались на соотношении общины и церковного прихода широкие колонизационные

процессы внутри первых земледельческих районов и далеко за их пределами. При всех подвижках населения традиционным аргументом миров, ходатайствовавших о создании новой церкви, монастыря, была удаленность значительной массы населения от старых церковных центров. В 1645 г. красноярские пашенные крестьяне деревень Есаульской и Частоостровской сообщили властям о решении общины этих двух деревень (видимо, только что возникшей) воздвигнуть храм во имя Спаса Нерукотворного и Прокопия Устюжского. Решение это они мотивировали удаленностью от Красноярска — более 40 верст[71]. Подобным образом в 1703 г. крестьяне-переведенцы новопостроенной Удинской слободы сообщали царю о своем желании построить в слободе церковь. Они писали, что сейчас все требы у них исполняют приезжающие издалека священники, причем поездки эти для них разорительны, поэтому «без особого священника быть... нельзя»[72].

О ряде фактов возникновения по мирской инициативе церквей и монастырей в Сибири сообщает Л. П. Шорохов. Именно так в 1671 г. были основаны Томский Рождественский монастырь и Братская Спасская пустынь. В 1672 г. «бил челом» Тобольскому и Сибирскому митрополиту сын боярский Иван Максимов «с товарищи» о постройке монастыря и церкви на р. Ангаре ниже Иркутска. В 1672 г. митрополит Корнилий ответил согласием на эту просьбу, и задуманное было исполнено[73].

Спасский монастырь Якутска был основан в 1663 г. по инициативе якутского служилого мира. Служилые не только соорудили все монастырские постройки, но и избрали из своей среды «в черные священники и строители монастыря» Ивана Афанасьева[74].

Своеобразный пример сотрудничества духовенства и беспокойного служилого мира дают известные албазинские события. Восставшие илимские казаки, убившие воеводу Л. А. Обухова и ушедшие в 1665 г. в Албазин, захватили с собой из Усть-Киренгского монастыря известного строителя этой обители старца Гермогена. Они поставили его руководить церковным строительством в Албазине, который управлялся казачьим кругом. По свидетельству самого старца, служилые деятельно помогали ему в строительстве: «и на подмоге, и на всякую работу албазинские казаки давали хлеба и работников»[75].

Активная роль служилого мира Иркутска прослеживается в деле возникновения двух местных монастырей — Вознесенского мужского и Рождественского женского (1672

и 1690 гг.). Благословение на строительство этих монастырей давалось церковной властью в ответ на мирские челобитные. Для строительства Рождественского монастыря иркутяне «выбрали ... к тому монастырю в строители иркуцкого жителя Власка Сидорова». Когда у последнего возник конфликт с монастырской старицей Киликией, митрополит Игнатий попытался Власа «от строительства отставить». Но мир успешно вступился за него, доказав, что Киликия никак не способствовала созданию монастыря: «а в монастыре прикладу никаково от нея нет, и строения к тому монастырю не бывало»[76].

Почти всю третью четверть XVII в. длились хлопоты томского общесословного мира по закладке и строительству женского монастыря в Томске. Мир пользовался при этом весомой поддержкой воеводских властей и церковной организации. В 1671 г. женский Рождественский монастырь был основан казачьим головой (из крестьян) Зиновием Литосовым, одним из самых деятельных участников Томского восстания 1648—1649 гг., отведавшим кнута в 1652 г. за свое бунтарство[77].

Государство не раз по собственной инициативе или в ответ на челобитья миров брало на себя расходы по созданию церквей и монастырей, их обеспечению всем необходимым. Но, конечно, так было далеко не всегда. На многие подобные ходатайства миров правительство отвечало отказом. Разрешение открыть приход давали, если сами миры возьмут на себя расходы по созданию церкви и обеспечению клира. По общему правилу, действовавшему и позднее, государство соглашалось брать на себя, частично или целиком, расходы по приобретению церковной утвари, книг, строительству и ремонту культовых зданий преимущественно в том случае, если церковь или монастырь с самого начала создавались по инициативе государства. Если же речь шла о церквях, возникших по мирской инициативе, то челобитные о дальнейшей материальной помощи им со стороны государства часто встречали отказ.

Так, в 1646 г. енисейские воеводы прислали в Сибирский приказ авторитетную заручную челобитную 52 служилых, посадских и крестьян. Список открывается именами таких знаменитых деятелей, как казачий голова Петр Бекетов и сын боярский Иван Похабов. Челобитчики сообщают, что в 1640/41 г. они создали по своему «обещанию всего Енисейсково острогу и уезду новая пустыня» — Спасский монастырь. «А мы, холопи твои, от болших ран и в старости постригаемся и за тебя, праведнаго государя,

Бога молим». Челобитчики жаловались, что монастырь не получает государевой руги, «а всяково церковново строения, книг и колоколов, в том во всем скудно». Енисейские миры просили государя снабдить монастырь денежной ругой, а также средствами для колоколов, книг, риз — «чем тебя, государя праведного, Бог известит, против инех сибирских монастырей». Трое священников заверили подписи своих духовных детей, один из них подписался и за себя. Но в Москве было решено просьбу эту оставить без удовлетворения — явно учитывалось, что монастырь возник по мирской, а не по государственной инициативе[78].

Равно в 1645 г., как указывалось, Сибирский приказ уклонился от помощи крестьянам Есаульской и Частоостровской деревень, начавшим строить Спасскую церковь. В мотивировке отказа подчеркивалось, что крестьянам следует строить церковь «собою и попа призвать, а попу дать государевы земли под пашню, угодий сенных, и дьячку, и пономарю, по скольку пригоже, а о антиминсе бить челом в Тобольску архиепископу»[79]. Подобное положение, видимо, довольно стандартно для Сибири средины XVII в.: правительство предпочитало, чтобы крестьяне сами строили церковь и несли расходы по ее оборудованию. При этом за ними признавалось право «призвать» священника к церкви по своему усмотрению, а роль архиепископа сводилась к распоряжению о благословении нового храма, посылке антиминса на его алтарь.

Государство реагировало иначе, если оно уже и ранее помогало церкви, монастырю. В 1691 г. власти Тюменского Алексеевского монастыря (Л. П. Шороховым он не зафиксирован) при поддержке воеводы и служилых обратились к царю с просьбой увеличить размер уже получаемой монахами государевой руги и прислать необходимые для монастыря книги и другие товары. В прибавке жалованья было отказано, а товары для монастыря Сибирским приказом были куплены в Москве «книжного ряду у торгового человека у Петра Максимова». При этом была почти полностью выполнена представленная монастырем письменная заявка («роспись») на необходимые товары; в частности, куплены все заказанные книги, в деле приводятся их цены: «Треодь постная — 3 рубля с полтиною, Триодь цветная — 3 р., Псалтырь следованная — 3 р. с четвертью, Минея общая — 4 р. 16 алт. 4 д., Пролог годовой — 6 р. 18 алт. 2 д., Апостол — 2 р., Шестоднев — 45 алт., Чесослов — 10 алт., Требник малый — 15 алт., Служебник — 26 алт. 4 д.»[80].

Томские документы средины XVII в. показывают, что все четыре городские и одна сельская церкви централизованно снабжались воеводской властью вином для причастия и воском независимо от того, были ли они построены миром или государством. В этом отношении не было различия между главным городским Троицким собором и сельской Спасской церковью. Потребные вино и воск включались в воеводские заявки и присылались в Томск из Тобольска вместе с хлебным и соляным жалованьем служилым. К сожалению, мы не знаем, выдавались ли они затем приходским церквям бесплатно или за деньги.

Но известны и другие примеры. В 1701 г. мирские старосты Самаровского и Демьянского ямов Григорий Дигилев и Федор Микулов обратились в Сибирский приказ с просьбой дать казенную подводу для доставки церковного воска и вина, которые в Москве они «купили на мирские деньги к церквам божиим на оба яма». Просьбу удовлетворили. Здесь интересно и то, как активно беспокоятся мирские старосты о приходских делах, как спокойно, вполне законно расходуется мирская казна на церковные нужды. Перед нами исполнение общиной ее духовных функций[81]. В 1700 г. после пожара в Тюмени «мирскими деньгами» была заново отстроена церковь Рождества Богородицы. Москва удовлетворила поддержанную воеводой просьбу мира приобрести из государственной казны необходимую для церкви утварь.

В мирских челобитных по церковным делам встречаются просьбы помочь церкви с обзаведением колоколами. Но в 1628 г. Кузнецкий служилый мир решил подобный вопрос самостоятельно, не прибегая к государственной помощи. На создание колокола для Спасской церкви мир собрал «600 хвостов собольих». «Кузнецкого острогу конные, пешие казаки, десятники, рядовые и во всех товарищев своих место 100 человек» просили воеводу С. А. Языкова только о помощи с выделением подводы для доставки этого колокола[82].

Мирская, государственная и церковная инициативы переплетаются в истории сибирских монастырей. Как показал Л. П. Шорохов, древнейшим документом, связанным с созданием первого сибирского монастыря, Тобольского Знаменского, была вкладная о пожертвовании монастырю земель и угодий тобольским атаманом Третьяковым Юрловым[83]. В связи с переносом монастыря из-за Иртыша на посад, в верхнюю часть Тобольска, отряд сибирских каза-

ков во главе с атаманом Иваном Дурыней обратился в 1612 г. к руководителям Второго ополчения под Москвой о предоставлении монастырю земель близ Бегишевых гор и на Вагае. Тогда же казаками была представлена Минину и Пожарскому просьба архимандрита Мефодия о пожертвовании монастырю денег на строительство теплого храма, трапезы и ограды. По этим казачьим просьбам монастырю были выданы жалованные грамоты на земли, 20 руб. денег, вскоре монастырь получил государеву денежную ругу для 12 монахов. После пожара 1621 г. с благословения архиепископа Киприана было решено перенести монастырь под гору, к Иртышу. В связи с этим в двух государевых грамотах, полученных в Тобольске в 1624 г. по просьбе архимандрита Тарасия, сообщалось об освобождении монастырских земель от государственного оброка и других податей и о посылке в монастырь роскошных риз и четырех церковных книг. Одеяния и книги посылались из Москвы в Тобольск с боярским сыном Богданом Аршинским, в монастырской просьбе прислать колокола было отказано[84].

В заключение отметим один интересный случай из ранней сибирской истории сотрудничества государственной власти и мира по духовной проблеме, не связанной со строительством и содержанием церквей. 21 ноября 1601 г. из Москвы была отправлена царская грамота березовскому воеводе кн. И. М. Барятинскому. В ней сообщалось о челобитной березовских казаков во главе с атаманом Яковом Чермным. Они сообщали: «Как де их громила Самоедь, и они де у смерти обещалися к Соловецким чюдотворцам молитися; и нам бы их пожаловати, велети с Березова молитися отпущати на Соловки человека по два и по три». Царь приказал воеводе удовлетворить это ходатайство, но при этом обязать общину круговой порукой, что никто из богомольцев не убежит[85].

В дальнейшем среди документов Сибирского приказа можно встретить и другие подобные просьбы, когда сибирские переселенцы просили в воеводских канцеляриях выдать им проезжие грамоты «на Русь», чтобы по данному им обету поклониться тому или иному чудотворцу.

Таким образом, при всем многообразии проблем административного, военного, хозяйственного, финансового и духовного управления миры разных социальных слоев сибирского населения играли немалую роль во взаимоотношениях с воеводской властью и разрешении повседневно возникавших жизненных коллизий.

Глава V

КОНФЛИКТЫ МИРОВ С ВОЕВОДСКОЙ ВЛАСТЬЮ

1. СОЗДАНИЕ ЧЕЛОБИТНЫХ

Столетиями отрабатывались взаимоотношения власти и мирского общества в сословно-представительной монархии, столетиями осуществлялось право мирского челобитья царю на правительственного чиновника. Возникавшие в этих взаимоотношениях неизбежные острые конфликты также знали свой традиционный сценарий, проходили ряд типичных этапов. Сибирь имела в этом плане специфику, связанную в первую очередь с главенством общины служилых по прибору, с отдаленностью от государевой столицы. Но основа была общерусской.

В огромном числе дошедших до нас челобитных мирские просьбы означали сотрудничество мира и воеводы. Практически любая просьба оформлялась челобитной на имя царя, и воевода обязан был отправить такую челобитную в Москву, в Сибирский приказ, даже в тех случаях, когда он своей властью уже распорядился об исполнении просимого. Сколько-нибудь серьезные мирские просьбы «о своих нужах» воевода переправлял в Москву, оставляя решение вопроса за центральной властью и лишь иногда в своих сопроводительных отписках выражая свое к ним отношение; не раз вместе с такими челобитными он отправлял в столицу и челобитчиков.

В случае же отрицательного отношения к мирским просьбам, при возникновении конфликтных ситуаций воеводы, вопреки закону, часто пытались задержать челобитную и челобитчиков, идя на всевозможные ухищрения и не останавливаясь перед прямым насилием. Но при любом конфликте мир должен был начинать с попытки предъявить претензии в съезжей избе своего города и в случае невозможности соглашения с властью местной пытаться апеллировать к власти центральной.

Понятно поэтому, что дела о мирских челобитных на воевод и их слуг, как и логически продолжавшие их дела о мирских восстаниях против воеводской власти, часто упоминают о первых столкновениях сторон, происходивших в главной административной резиденции — в съезжей (приказной) избе или близ нее. Оценки этого этапа конфликта,

которые стороны стремились довести до сведения Москвы, естественно, прямо противоположны. Однако эта противоположность отнюдь не мешает историку понять фактическую сторону реально происшедшего, скорее, наоборот, помогает постигнуть типичный характер политического мышления представителей как власти, так и общества.

Главным оружием защиты воеводской власти перед начальством, коль скоро не удавалось утаить от него конфликт, было обвинение миров в том, что вместо законопослушного челобитья они организовали «бунт, скоп и заговор» против государева слуги—воеводы, назначенного царем управлять ими. Часто воевода подчеркивал при этом, что жалобщики приходили к нему «с великим шумом и невежеством» и сразу же объявили, что отказываются подчиняться его власти, т. е. имело место серьезное политическое преступление, направленное против самой основы общественного правопорядка.

Представители миров, наоборот, доказывали, что речь шла лишь об обычном, вполне законном челобитье государю «всей земли», «всего города» на его некомпетентного и уж очень корыстного слугу, нарушавшего своими поступками государственные интересы. Обе стороны были склонны при этом обвинять своих противников по разряду «государева слова и дела»[1].

В заявлениях каждой из сторон имелась своя доля объективной истины и своя часть пристрастной интерпретации ее в духе собственных штампов политического мышления.

Миры, конечно, не собирались покушаться на основы политического строя и правопорядка русской монархии, однако подчас трактовали их своеобразно. При всем народном «легализме», постоянном и упорном подчеркивании своей преданности государю и государевым властям миры считали вполне законным реальный отказ от подчинения «плохому» администратору с той самой минуты, как ему будут предъявлены обоснованные претензии «всей земли» и он откажется удовлетворить их. Письменная форма предъявления таких претензий (т. е. челобитная, составленная по общему правилу на царское имя) считалась поэтому вполне «законным» способом отказа от подчинения непопулярному администратору — даже до получения ответа государя на челобитную. В этом важнейшее отличие народного правосознания от официального[2].

Более дальновидные воеводы стремились обзавестись сторонниками в мирской организации. Общество рассматривало воеводских приверженцев как «мирских смутчи-

ков» (а то и «государевых и мирских смутчиков») и считало правомерным и необходимым предпринимать достаточно острые действия против этих «воеводских прикормленных горланов, ушников и шишимор» (согласно более красочной и откровенной, чем в наши дни, терминологии деловой переписки). Воеводы же квалифицировали столкновения у приказной избы с их сторонниками, угрозы в адрес этих последних и разгром их домов как прямые признаки бунта. Если движение, начавшееся с мирских жалоб и челобитий на воеводу, перерастало в серьезные волнения или восстание, центральная власть рано или поздно на деле соглашалась с этой воеводской оценкой. В тех же случаях, когда накал страстей был менее горячим (или имели место противоречия между разными ступенями бюрократической машины), Москва, бывало, недвусмысленно отвергала воеводскую трактовку событий. Тогда ни наличие во время первых переговоров в съезжей достаточно внятного «шума и невежества», ни действия или угрозы против воеводских «ушников» не мешали московским приказным деятелям отвергнуть воеводские оценки и принять точку зрения мира. Именно так, как увидим ниже, был в 1654 г. убран из Тюмени Никифор Иванович Елдезин[3].

Присмотримся поближе к начальной стадии нескольких громких конфликтов. Обстоятельства, вызвавшие спор с воеводой и составление жалобы на него, естественно, варьируются от случая к случаю, но вместе с тем в подобных событиях много общего.

Во время бурных енисейских столкновений 1626 г. недовольство казаков, крестьян и ясачных, как обычно, назревало загодя. Конкуренция воеводы А. Л. Ошанина и местных служилых в выгоднейшем деле торговли с ясачными, различные махинации Ошанина с пушниной, незаконная извозная повинность, наложенная воеводой на крестьян и ясачных для обеспечения своей торговли — таковы были наиболее общие причины этого[4].

Конфликт прошел обычные для подобных столкновений этапы, хотя и не в традиционной последовательности. Служилые, посланные весной 1626 г. в поход, перестали подчиняться воеводскому наказу, а после возвращения в апреле в Енисейск отказали воеводе от власти. Собирались круги, составлялась «одиначная запись». Кульминация конфликта 9 мая сопровождалась настоящим сражением между енисейскими казаками и отрядом воеводских слуг. Через три дня была достигнута мировая, а спор перенесен в Тобольск и Москву. И только тогда (а не на первых эта-

пах движения, как это чаще бывало) на поверхности событий появились челобитные енисейских сословий.

Сейчас невозможно узнать, когда и как создавались мирские челобитные на воеводу, скорее всего какая-то подготовка к составлению этих обширных документов была начата (а может, и успешно завершена) еще до сражения 9 мая. Видимо, миры Енисейска стали оформлять свои претензии к А. Л. Ошанину вскоре после возвращения войска из похода — недаром уже подписанные челобитные были отправлены немедленно после заключения мировой.

Во всяком случае 3 августа 1626 г. енисейский казак И. Обухов, прорвавшийся в Тобольск, объявил там «государево великое дело» на А. Л. Ошанина. Несколько дней он пытался добиться отправки его для извета в Москву, но потом согласился поведать основное тобольскому архиепископу Макарию и воеводам А. А. Хованскому и М. А. Вельяминову. Одновременно енисейский стрелец И. Петров подал тобольским воеводам шесть мирских челобитных, содержащих серьезные претензии к методам управления А. Л. Ошанина разными сословиями города и уезда. Это были челобитные «енисейских ясачных, и служивых, и приезжих торговых и промышленных людей, и енисейских пашенных крестьян»[5].

Начальные стадии конфликта гораздо лучше просматриваются по источникам о другом споре, происшедшем в Таре в 1636 г. Речь идет о подготовке и подписании мирской общесословной челобитной на воевод кн. Ф. П. Барятинского и Г. А. Кафтырева.

И здесь конфликт имел давние корни, нашедшие затем отражение в челобитной. И здесь имели место объяснения в съезжей избе, переросшие в острое столкновение — хотя оружие горожанами и не применялось, воеводы потом квалифицировали это столкновение как бунт. Но тарские источники 1636 г. хорошо показывают тщательную многодневную подготовку мира к спору с воеводами. Подготовка эта была направлена отнюдь не на захват съезжей и расправу с воеводами, а на вполне легальное, освященное традицией и законом челобитье перед верховной властью. Воеводы в своих отписках пытались акцентировать внимание начальства на шумном конфликте в съезжей и таких его следствиях, как отказ тарских миров повиноваться им. В этот же ряд следствий воеводы ставили и составление общегородской челобитной с жалобами на них. Но даже из этого тенденциозного рассказа легко можно понять, что на деле активная, охватившая все слои городского населения

деятельность по составлению и подписанию челобитной началась до бурной сцены 6 июня 1636 г. в съезжей избе.

Сами воеводы признали, что движение за составление челобитной началось в тарском служилом мире после того, как не удалось достичь соглашения о пределах власти воевод и выборных командиров войска при распределении служебных обязанностей казаков и стрельцов. В результате ротмистр и сотники «служилых людей по их пашням и по рыбным ловлям роспустили без их, воеводцково, ведома...»[6]. Войско всегда считало, что в его компетенции находится наблюдение за сохранением условий, позволявших «приборным людям» вести свое хозяйство. Именно с этим конфликтом о пашнях и рыбных ловлях в воеводской отписке связывается составление челобитной (охватывающей на деле неизмеримо более широкий круг предметов спора). «И за то-де, — непосредственно продолжает отписка прерванную нами фразу,— завели на них ложную воровскую челобитную, умысля воровски и сложася с ведомым вором Федькою Шоломовым (казак, один из руководителей движения.— *Авт.*) с товарыщи, и завели казачьи круги, и ис кругов ходят на совет к спасскому игумену Исайе»[7].

Это свидетельство противников мира для нас особенно ценно. Воеводы не могут скрыть, что, вопреки основной их концепции, челобитная не просто дело кучки их личных неприятелей, «воров», что текст ее обсуждался самым демократическим путем, на общем собрании мирян, по прочной казачьей традиции именовавшемся кругом. Конечно, для уличаемых миром воевод сам этот круг — «воровской». Однако для тобольского и московского начальства один лишь факт обсуждения на круге челобитной против местных воевод отнюдь не являлся автоматическим доказательством того, что круг этот «воровской». Напомним, что сам тогдашний глава сибирской администрации тобольский воевода кн. П. И. Пронский именно кругам доверял обсуждение служебных характеристик кандидатов на вакантные воинские должности.

Другое ценное известие, коим нас снабжает отписка тарских воевод,— это подтвердившееся в дальнейшем известие об активной помощи тарским мирам в составлении челобитной на воеводу со стороны игумена Спасского монастыря Исайи. В XVII в. еще многие сибирские приходские церкви, а также монастыри сохраняли живую связь с земщиной: служилыми, посадскими, крестьянскими мирами. Неудивительно поэтому, что в нередких случаях, когда мир искал защиты у государя от воеводских насилий, при-

ходское духовенство и даже власти городских монастырей оказывали мирянам помощь в этом деле. Тем паче, что защита притесняемых была завещана Христом и считалась важной этической и общественной задачей церкви, а почтительное верноподданническое обращение к государю могло лишь приветствоваться церковью.

Но в раскаленной обстановке социально-политического конфликта с реальным следованием общим истинам бывало порой ох как непросто, и тарские воеводы имели свои резоны для следующего доноса государю о тарских бунтовщиках и их монастырском советчике: «Да Федька-де же Шоломов с ротмистром с Ондреем Кропотовым и з сотники с Ываном Лаптевым с товарыщи и служилыми людьми, сходяся к спасскому игумену Исайе в монастыре и за монастырем, советуют и на них, на воевод, всякие воровские заводные статьи заводят и доводные челобитные пишут»[8].

Итак, уже из этих сообщений воевод (тщательно проверенных затем на следствии и подтвержденных в своей фактической — не оценочной! — части)[9] виден традиционный механизм обсуждения и написания мирской челобитной. Главную роль в этом деле играл войсковой круг, в служилом сибирском городе выполнявший роль общегородской мирской сходки (в движении участвовали все сословия, и челобитная — от всех, хотя интересы служилых явно преобладали). Место сходок здесь еще не указано, возможны городские площади, особенно близ церквей, упоминаются сборы в монастыре и близ его. Мир считал желательным посоветоваться с авторитетным, знающим монахом и получил этот совет. Конечно, здесь имела значение и грамотность духовенства, включая его умение вести деловую переписку, но характерно, что и «в миру» все это встречалось. Недаром сразу за известием о совещаниях в монастыре, где после кругов продолжалось составление челобитной, воеводы прибавляют: «И сидит-де у них Федька Шоломов за Спасскими вороты, за теми воровскими заводными челобитными за столом»[10].

Как показало следствие, в этих эпизодах речь шла и о составлении челобитной, и о подписании ее, причем главная работа по составлению прошла именно в кругах, а не в монастыре[11]. Подписание челобитной было многоэтапным, что вполне понятно, если учесть наличие в городе нескольких войсковых организаций, других миров, многочисленные «посылки» и отлучки служилых. Приняв важное решение на сходках, тарское земство весьма суровыми мерами обеспечивало его выполнение всеми своими членами:

общинная демократия — вещь достаточно жесткая, а в острых ситуациях и жестокая, чему в книге этой еще будут примеры.

Тарские источники 1636 г. показывают, что челобитная на воевод подписывалась на нескольких сходках — за Спасской башней у Ф. Шоломова, в самом Спасском монастыре. Организаторы челобитья ходили также по городским дворам, собирая подписи. Особо возмутило воевод собрание горожан в Борисоглебской башне (церкви Бориса и Глеба). Воеводы жаловались, что людей туда мирские руководители «забивали» насильно и заставляли там подписывать документ, а всех отказывавшихся «с роскату из башни метывали»[12].

Последнее, как мы увидим ниже, оказалось воеводской выдумкой, нагнетанием ужасов, но само мирское собрание в Борисоглебской башне для подписания челобитной — вполне реальный факт[13]. Таковым же является и подписание документа в Спасском монастыре. Игумен Исайа показал на следствии, что его духовные дети действительно приходили к нему в монастырь и вполне мирно просили заверить их подписи «к челобитной, какову послали в Тоболеск с челобитчиком с Савкою Олексеевым, руки прикладывать не угрозою, и он-де к той челобитной руку приложил, а на них в том взял запись, что-де им тое челобитной не отперетца»[14].

Поразительна эта последняя предосторожность мудрого игумена: фактически, укрепляя позицию свою и мира, Исайа вместе с подписанием окончательного текста челобитной оставил у себя (а быть может, и подсказал составить) мирскую «одиначную запись». Единство мира для игумена — доказательство собственной правоты.

Был и еще один способ подписания челобитной, использованный и на этот раз. Воеводы, быть может не без основания, утверждали, что он включал в себя элемент возможного насилия: «и написав на воевод челобитную, по дворам человек по дватцати и по тритцати к попом и ко всяким грамотным людем ходили... и к той челобитной с великими угрозы руки прикладывать велели»[15].

Мирские люди, конечно, насилие категорически отрицали, уверяя, что и в Борисоглебской башне, и в других местах создавалась обычная заручная челобитная на насилия воеводы, что в съезжую приходили они не «скопом и заговором», а «бити челом о своих нужах» «и воровского заводу не заваживали... и на воевод неволею служилым людем писатца не веливали, а хто писатца не учнет, и

они-де тех людей с роскату из башни не метывали, а писали-де они челобитную на воевод всем городом»[16].

Конный казак Василий Фирсов, единственный, кто по первоначальным показаниям воевод был сброшен «с роскату», с Борисоглебской башни, а по последующим — лишь с церковной паперти, дал красочные достоверные показания о том, как на паперти собирали подписи. В его показаниях речь идет о той же паперти Борисоглебской церкви.

«В 144-м (1636.— *Авт.*) году приходил по него, по Ваську, служилой человек Ивашко Соловей и звал ево к Борису и Глебу в паперть. И как-де он пришол в паперть, и в паперти де сидят ротмистр, и дети боярские, и сотники, и атаманы, и всяких чинов служилые люди и пишут на воеводу челобитную. И стали-де ему говорить всем миром: Что-де он к ним в долю не идет? И он-де, Васка, сказал, что он на воеводу не челобитчик. И в те-де поры все служилые люди закричали на него, Ваську, что-де он в челобитную на воеводу писатца не велит. А служилые-де люди Ивашко Корелин, Ивашко Кункин, Ивашко Непрепасов, а иных-де имен не упомнит, били ево на паперти до полусмерти и покинули замертва, а с паперти-де ево не скинули». И. Непрепасов подтвердил эти показания[17].

Выражение «писатца не велит», вероятно, связано с тем, что Василий запрещал упоминать его имя в начальной формуле челобитной, где обычно поименно перечислялись все челобитчики (что не исключало подчас заключение этой клаузулы словами вроде «... и все Тарсково города служилые люди»).

Телесное наказание «мирского ослушника» перед «всем миром» — вещь самая заурядная в истории земского самоуправления, один из традиционных методов создания «монолитного» единства общинной организации[18]. В приведенной выше яркой сцене поражают не столько злоключения осторожного Василия, сколько эта твердая воля мира, создававшего важнейшую для утверждения своего места в городской системе челобитную[19]. Следует помнить, что насилие над В. Фирсовым — это не насилие якобы всеподавляющей воеводской власти, а действие, направленное против этой власти, не поддержанное административным аппаратом приказной избы и посему возможное лишь в пределах, очерченных авторитетом мирской организации.

Порядок составления мирской челобитной на воеводу, обрисованный тарскими материалами 1636 г., в основных своих чертах прослеживается и во многих других сибирских событиях XVII в. Для середины века наиболее гром-

ким из них было томское движение 1648—1649 гг., характерное и для всей цепи русских народных восстаний средины XVII в.[20] Поскольку томскому восстанию посвящена специальная монография, ограничимся лишь кратким изложением интересующего нас сейчас традиционного порядка подготовки томичами мирских жалоб на воеводу.

Еще до того, как многолетнее недовольство томских миров корыстными частнофеодальными замашками воевод вылилось в весенний взрыв 1648 г., предпринимались попытки решить все острые проблемы взаимоотношений власти и общества подачей обычных частных челобитных. Есть сведения о челобитной служилых 1647 г., о челобитной крестьян конца 1647 — начала 1648 г.[21], которые не привели к желаемому мирами результату. Последний случай особенно показателен тем, что воевода кн. О. И. Щербатый четко противопоставил крестьянскому политическому сознанию собственную концепцию власти на Руси, вскоре вполне дезавуированную Москвой. Вот крестьянский рассказ царю о попытке осуществить мирское право челобитья на воеводу «о своих нужах»:

«И мы, государь, сироты твои, от ево, князь Осиповы, изгони до конца обнищали и в съезжей избе тебе, государю, подали челобитную о своих нужах и ему, князю Осипу, били челом. И он, князь Осип, тое челобитною принял, и вычел, и изодрал, и кинул под ноги, и учал топтать ногами. А нас, государь, сирот твоих, из съезжей избы велел вон выбить. И мы, государь, сироты твои, ему, князь Осипу, били челом, чтоб отпустил от нас челобитчиков по своих нужах, бити челом к тебе, к государю, к Москве. И он, князь Осип, тех наших челобитчиков к тебе, к государю, к Москве не отпустил. А говорил так: "Я де здесь не Москва ли?"»[22].

Но крестьяне не согласились с этой политической теорией князя Осипа, у них было свое мнение о предмете спора. 12 февраля 1648 г. челобитная, потоптанная первым воеводой, была вручена второму воеводе И. Н. Бунакову, который отправил ее в Москву. В ходе вспыхнувшего вскоре восстания крестьяне составили в апреле-мае 1648 г. еще одну челобитную царю. Обе они были с пониманием встречены в Москве, и некоторые важные требования крестьян в сентябре 1648 г. были удовлетворены.

Вернемся, однако, к порядку составления начальных мирских челобитных Томского восстания 1648—1649 гг. В начале 1648 г. «ушники и шишиморы» воеводы — человек 20, преимущественно из детей боярских и подъячих,—

стали утрачивать влияние в мирах Томска с его гарнизоном в 800 чел. Произошел раскол и в воеводской коллегии, и в верхушке служилых: князь Осип оказался недостаточно гибким, чтобы поделиться с более широким кругом своих коллег и служилых выгодами от законного и противозаконного употребления административной власти. Преимущественное влияние в мирах окончательно перешло на сторону энергичных противников воеводских насилий, и началась подготовка необходимых для свержения воеводы челобитных на царское имя. Своими неумными действиями князь Осип сам немало способствовал этому свержению во время бурных событий 12—15 апреля 1648 г., одновременно являвшихся и стихийным взрывом протеста на эти воеводские действия, и типичным «мирским восстанием», направлявшимся кругом, ставшим в эти дни земской организацией «всево Томсково города» с уездом.

Уже 15 апреля на круге была принята общесословная челобитная, явно составленная наспех, после провала 12 апреля переговоров «всего города» с О. И. Щербатым. Вскоре «воровская приказная изба» во главе со вторым воеводой И. Н. Бунаковым и государевым дьяком Б. И. Патрикеевым отправила этот сравнительно краткий документ в Москву. В нем претензии к О. И. Щербатому выражались лишь в общей форме и сообщалось, что вскоре будут отправлены детальные челобитные от всех сословий города.

Составление шести челобитных (по одной от служилой, крестьянской и посадской общин и три от разных аборигенных групп уезда) интенсивно шло на мирских сходках в средине апреля — средине мая 1648 г. Однако позднее на следствии О. И. Щербатый говорил, что обсуждение этих документов широко велось в «воровских кругах» не только после, но и до апрельского восстания. Противная сторона, оспаривая оценки, сам факт не только не опровергла, но по сути дела подтвердила. При этом вскрылись интересные детали.

Князь Осип утверждал, что до восстания, когда собравшийся перед съезжей круг объявил на него «слово и дело государево», отстранив этим первого воеводу от власти, были и иные, сначала немногочисленные круги во дворах воеводских противников И. Н. Бунакова и сына боярского Г. Подреза-Плещеева; круги эти собирались «в день и в ночь». Во время же и после отстранения князя Осипа «воровские круги» собирались прямо перед съезжей избой. «А после-де того многие круги были в остроге на площади, да за острогом у пруда у Борисовы мельницы Патрекеева,

и у церкви Богоявления на площади, и в ыных во многих местех»[23]. И. Н. Бунаков отрицал (вполне возможно — неискренне) факт сбора тайных кругов по дворам и доказывал, что это была обычная мирская процедура, когда местом сбора мира служила трапезная одной из приходских церквей. Подобное использование трапезных неоднократно подтверждалось дальнейшими томскими событиями, но обе версии на деле вовсе не исключают друг друга. При подготовке свержения воеводы путем мирского челобитья могли проводиться и тайные узкие сходки по дворам, и заседания в церковных трапезных (трапезная — пространство, находившееся вне административной власти воевод, и в то же время традиционное место решения мирских дел).

В одном И. Н. Бунаков был на следствии безусловно прав: составление жалобы царю — вполне законное мирское дело. Вот как он выразил это в сложной обстановке очной ставки в Сибирском приказе, глава которого князь А. Н. Трубецкой сам пострадал от московских бунтовщиков в 1648 г. и хорошо понимал князя Осипа: «На дворе у него и у двора кругов и бунтов не бывало, а будет-де мирским людем доведетца, о чем бить челом, и у них сход бывает у церкве в трапезе. И при прежних воеводах бывало, и при князе Осипе бывало так же»[24].

Все 16 месяцев Томского восстания и затем еще почти два с половиной года следствия бурные споры сторон вызывал вопрос о применении насилия при подписании челобитных томичей на О. И. Щербатого — как самых первых «заручных» документов, так и многих последующих.

В первые же дни восстания 10 сторонников свергнутого воеводы подписали повинные челобитные царю о своих кознях (в сговоре с князем Осипом) против мира и, следовательно, против государственных интересов. Источники несомненно доказывают, что этих «градцких смутчиков» и «государевых изменников» сначала крепко колотили в кругах, а затем отправляли в приказную избу письменно оформлять покаяние (иногда это делал и мирской писарь прямо в кругу)[25]. Напомним, что не одни лишь колотушки, но и самые изощренные пытки считались вполне добропорядочным средством извлечения истины — и не только в средние века.

Среди лиц, подписавших мирские челобитные против первого воеводы и его сторонников, были и такие, кто затем подписал и документы в их защиту. Миры даже предлагали правительству провести особое следствие о таких

«двоеручниках», но показательно, что это разумное предложение не было принято.

Сторонники князя Осипа упрекали «мирских советников» новых городских властей, что ряд подписей под челобитными был сделан тогда в отсутствие в Томске мнимых челобитчиков. Для властей это было явно «воровством». О. И. Щербатый сообщал, что вообще перечисление челобитчиков в начальных формулах документов и подписи якобы по их поручению на обороте часто делались по «кликовому списку» — реестру всех служилых по пятидесятням и десяткам. Если для начальных, апрельско-майских, челобитных 1648 г. это не так, то позднее, в 1649 г., подобные челобитные служилого мира действительно встречались[26]. Но здесь историк может видеть не столько «воровство», сколько проявление земской традиции выражать мнение мира как единое; отсюда же единые росписи за весь десяток или пятидесятню, включая их отсутствующих членов. Наряду с этим в других подобных челобитных указывались лишь наличные члены низовых военных коллективов. Это наглядное противоречие обычая и государственно-правовой нормы. Отметим также, что оба эти способа подписания мирских документов имели место и тогда, когда сходка являлась прямым продолжением объявленного новыми городскими властями смотра. Подобные обстоятельства способствовали давлению большинства сходки на нерешительных, на тех, которые «с миром не тянут», по образному выражению группы томичей, подавших по требованию властей Сибирского приказа именной список таких отступников[27].

Считая вполне вероятным в событиях Томского восстания, как и других выступлений, применение миром насилия при подписании общих челобитных, мы должны подчеркнуть, что возможности такого насилия для мира были куда меньшими, чем для воеводы. Наоборот, главное оружие общины — мирской авторитет, общественное мнение — в конфликтной ситуации для воеводы было недоступно. Оставался сильнейший аргумент — апелляция к авторитету царской власти, но им умели пользоваться и миры, доказывая несовместимость воеводской деятельности с государевым интересом.

О том, что насилие для обеспечения мирского единства играло при составлении челобитных на воеводу отнюдь не определяющую роль, свидетельствует непреложный факт — томские миры демонстрировали непоколебимое единство и стойкость уже после восстания, в ходе долгого

следствия, когда реальная сила была на стороне воеводской власти.

Много сходных моментов в начальной стадии конфликта общесословного мира с воеводской властью видим мы и в Тюмени 1654 г. Тесно сплоченная группа руководителей служилых в союзе с пашенными крестьянами смогла добиться отставки нескольких тюменских воевод подряд, каждый раз сообщая монарху сведения об их незаконных корыстных действиях. После очередной смены по мирскому требованию воеводы Ивана Тимофеевича Веригина и подьячего с приписью Григория Жданова из сибирской столицы в Тюмень был послан воеводой тобольский письменный голова Никифор Елдезин. Не успели еще эти назначения согласовать с Москвой, как через пару месяцев после вступления нового воеводы в должность тюменские миры составили длинный список его прегрешений и начали борьбу за его смещение. Мирские аргументы убедили руководителей Сибирского приказа, да и назначенное затем из Тобольска расследование проводилось, как мы увидим ниже, с подчеркнутым уважением к земской позиции и закончилось смещением Н. И. Елдезина. Ранняя редакция официального Сибирского летописного свода — Книга записная — в точных выражениях передает общемирской характер этих успешных протестов: «И на Ивана Веригина учинилось челобитье государю от всего Тюменского города, и по челобитью Ивану Веригину отказано. А на ево место послан из Тобольска голова писмянной Никифор Ельдезин во 162-м (1654.— *Авт.*) году. И Никифор на Тюмене побыл на воеводстве немногое время. А на него такожде учинилось челобитье от всего же города, и *по гражданскому челобитью* (выделено нами.— *Авт.*) и ему отказано ж»[28].

Это летописное свидетельство полностью подтверждается и значительно детализируется документальными источниками — сообщениями в Москву обеих конфликтующих сторон и материалами следствия[29].

Н. И. Елдезин особенно упирал в своих многочисленных отписках на удивительную сплоченность его противников, спаянных не только общими интересами, но и тесными родственными связями. Такие связи в условиях подвижности сословных перегородок зачастую объединяли служилых с крестьянами и посадскими. Самые разные бунтари, прибывавшие в Тюмень в качестве ссыльных, быстро включались в эту среду. В числе главных руководителей движения воевода называл приказчика пашенных крестьян сына боярского Тимофея Некрасова, дед, отец, дядья и

братья которого сами были пашенными крестьянами. Заодно с ним действовали дядя его жены казачий и стрелецкий голова Никита Яльцев, шурин Т. Некрасова сын боярский Яков Резанов, родственник последнего Степан Федоров, тоже сын боярский, недавно прибывший в Тюмень ссыльный поморский «бунтовщик и вор» сын боярский Яков Тургенев, битый ранее кнутом «за воровство» сын боярский Сергей Ушаков, сын «изменника» сын боярский Степан Рескин, голова Илья Бакшеев, ясаул конных казаков Яков Боярщина, стрелецкий пятидесятник Максим Ходыкин[30].

Анализируя этот список, Н. И. Елдезин делает не лишенный основания вывод, что в Тюмени против уже нескольких воевод действует спевшаяся верхушка войска. Но при этом следует учитывать и другое. Во-первых, члены этой верхушки не только по происхождению, но и по сохранившимся связям весьма близки широкой демократической среде — недаром конфликт начался после попытки Н. И. Елдезина дисциплинарными мерами навести свои порядки на десятинной пашне. (Весной 1654 г. Н. И. Елдезин провел досмотр и за небрежную, по его мнению, запашку десятинных полей посадил на один день в тюрьму приказчика Т. Некрасова, чем сразу поставил себя в неприязненные отношения не только с крестьянами, но и со служилой верхушкой.) Во-вторых, сторонники Елдезина, как и он сам, много раз констатировали, что действия поименованных выше «бунтовщиков» постоянно встречали широкую поддержку среди служилого и иного населения города и уезда. И, наконец, в-третьих, сам Елдезин называет среди своих противников — выборных челобитчиков миров — не только представителей служилой верхушки, но и конного казака Ефима Гаврилова, посадского Данилу Константинова, пашенных крестьян Степана Сунгурова и Елисея Гилева, юртовского служилого татарина Канчуру Менлыбаева, захребетного татарина Итпалу Кошилдеева[31].

В рассказе воеводы о развертывании конфликта, при всей крайней тенденциозности Елдезина, хорошо видны традиционные черты сибирского земского движения, возглавлявшегося служилым миром. Это и использование войсковой организации, смотра, стрелецкой избы для подготовки челобитья, и немедленное закрепление мирского единства «одиначной записью», и уверенность, что это единство означает право мира выступать от имени своих отсутствующих членов, и угроза применения насилия при

сборе подписей, и, наконец, привычная повторяемость всех этих методов борьбы с воеводскими неправдами.

Перечислив имена «зачинщиков», воевода сообщает, что 11 июня 1654 г. все они «с товарыщи и с племянем своим собравшися в стрелецкую избу, и учиня Микита (голова Н. Яльцев.— *Авт.*) смотр и призвав всяких чинов людей, завели бунт и составное ложное челобитье воровски с изменником с татарином Мугачком Матмасовым с товарыщи. Так же, государь, заводили воровски и на прежних воеводу Бориса Нащокина, грабили, да на воеводу на князь Федора Коркодинова, на князь Ивана Львова и на Ивана Пушкина доводили, и на воеводу же на Ивана Тургенева били челом, и доводили, и к съезжей избе приступали, и убить ево хотели, и на подьячева с приписью на Григорья Жданова тоже заводили бунт и составную челобитную ложно»[32].

И, написав челобитье ясашных татар, изменник Мугачко Матмасов велел писать заочи абызом воровски зятьям своим руки и знамена прикладывать.

И написали единачную запись заводом, составливал ведомой вор Яков Тургенев, заочи и руки прикладывали, которые служилые люди по твоим государевым службам конные в слободах, а пешие в Енисейском остроге... (Тобольске, Тарханском и Исецком острогах.— *Авт.*), и за тех руки прикладывали воровски, ложно, за очи. А иные и поневоле у Микиты Яльцова в стрелецкой избе и на дому»[33].

Как и для томских событий 1648—1649 гг., установлению истинного масштаба отмечаемого воеводой заочного или насильного подписания челобитной помогают два обстоятельства. Во-первых, весьма представительный характер самих подлинников мирских челобитных документов на воеводу[34]. Во-вторых, стойкое единодушие, с которым жители Тюмени и уезд отстаивали свою позицию и перед ненавистным воеводой с его немногими приспешниками, и перед следователями.

Сообщив о смотре, челобитчиках и «одиначной записи» как о начале бунта, Н. И. Елдезин тотчас обратился к своему тобольскому начальству с просьбой выслать из Тюмени «заводчиков» и провести сыск[35]. Воеводский надзор существенно задел как служилых, так и крестьян, которым было приказано огородить десятинные поля. Основное недовольство вызвало рвение Н. И. Елдезина по ликвидации частного винокурения и продажи корчемного «питья» — тюменские жители этим «кормились» и вовсе не желали

терять выгодную статью дохода. Тюменское население тотчас снарядило челобитчиков в Тобольск с встречной жалобой на воеводу.

Это первое «посольство», прибывшее в Тобольск с челобитной царю уже 22 июня 1654 г., представляло тюменские миры. Его возглавлял сын боярский Степан Рескин, в его состав входили, как упоминалось выше, казачий есаул, конный казак, стрелецкий пятидесятник, посадский, пашенные крестьяне, служилый и захребетный татары. В общегородской челобитной звучало много обвинений в адрес воеводы от всех слоев населения. В их числе заключение невинных в тюрьму, вычеты в свою пользу из жалованья служилым людям, притеснения крестьян, насильственные кабальные записи, работы на себя, торговля с ясачными людьми, взятки и т. п. Возникает даже подозрение в их справедливости — за несколько месяцев управления воеводе трудно было совершить столько злоупотреблений. К тому же челобитчики вовсе не упоминали о важной причине своего раздражения — ликвидации винокурения. Завершалась челобитная просьбой воеводу переменить[36].

В новой отписке Н. И. Елдезин добавляет к приведенной выше картине новые детали. Составив челобитную на воеводу, тюменские «бунтовщики» тут же «написали меж себя одинашную воровскую запись, чтоб им в том друг за друга стоять и ни в чем друг друга во всяком деле не подать. И дали тое одинашную запись за Знаменского попа Дементьяна. А о заводе и о совете пили вино у Микиты Яльцова по многие дни и руки прикладывали»[37].

В отрывке этом нас привлекла не одна лишь небезынтересная картина развеселого утверждения служилыми челобитной в доме одного из воинских начальников, но в первую очередь — упоминание приходской Знаменской церкви и ее священника Дометиана. И дело тут не только в том, что с неизбежностью закономерности в истории мирского протеста опять появляется приходской храм. Сохранявшаяся там «одинашная запись» сыграет, по свидетельству Н. И. Елдезина, немалую роль в сплоченных действиях мира накануне и во время следствия.

Как показала простая проверка, перед нами первое документальное упоминание о личности знаменитой, яркой и трагической, оставившей свой след и в церковно-политической истории, и в народном сознании русского XVII века. Тюменский знаменский священник Дометиан был затем пострижен в иночество под именем Даниила и стал одним из страстных сторонников протопопа Аввакума. За пропо-

ведь старообрядчества он был вызван в Москву, осужден там и одно время находился в Пустозерске в заточении вместе с протопопом Аввакумом и попом Лазарем. Ему удалось бежать и вернуться в Сибирь, где он стал одним из самых видных деятелей, возглавивших массовое движение за бегство от власти побеждающего Антихриста. Когда скит под Березовым был окружен правительственными войсками и началась его осада, 6 января 1679 г. произошло самосожжение, в котором, по старообрядческим источникам, вместе с Даниилом погибло 1700 чел.[38] События эти вызвали горячую полемику в старообрядческом мире; вспомнил о своем былом соузнике, восславив его подвиг, сам Аввакум.

В 1654 г., когда Дометиан принимал для хранения в Знаменской церкви «одинашную запись», реформа патриарха Никона лишь начиналась и, конечно, Н. Яльцев и другие мирские руководители не могли догадываться о будущей громкой славе их приходского священника. Но для историка в хитросплетениях судьбы Дометиана-Даниила виден живой символ связи разных форм мирского противостояния административному насилию: традиционного «единачества» в челобитье царю и не менее традиционного побега, ухода за пределы повседневной досягаемости административной системы. (Со второй половины XVII в. во всей стране, а особенно на ее востоке, побег все отчетливее начнет окрашиваться старообрядческой идеологией — см. главу VII.)

Получив противоречивые известия из Тюмени, тобольские воеводы стольник В. И. Хилков и кн. И. И. Постник-Гагарин не решились ссориться с тюменскими мирами и не стали поддерживать Н. И. Елдезина. Уже 8 июля тюменская делегация отбыла в Москву с сопроводительной отпиской тобольских воевод, а в конце августа в Тюмень прибыли назначенные тобольскими властями сыщики — сын боярский И. А. Астраханец и подьячий А. Петров. С первых же дней своего пребывания в городе они заняли позицию, враждебную Н. И. Елдезину. Уже на смотре, с которого начался сыск, произошло резкое выступление служилых против воеводы. Не примыкавший к «заводчикам» десятник конных казаков С. Хворостов свидетельствовал, что никогда еще на смотрах не бывало такого «бунтовства»[39]. Игнорируя воеводу, сыщики расположились в стрелецкой избе и стали вести следствие в тесном союзе с руководителями войска. В городе возникло «двоевластие» — воевода остался в съезжей избе в одиночестве, административная власть сосредоточилась в стрелецкой избе. Жители отказы-

вались идти «на суд» к воеводе, его игногировали многие низшие административные лица. Приказчик подгородных пашенных крестьян Т. Некрасов не сдавал собранные с них подати, отказался наблюдать за отъезжими караулами и уехал из города. Подьячий, ведавший хлебными запасами, сбежал с деньгами в стрелецкую избу и стал подчиняться войсковому начальству[40].

Посланная в Москву тюменская делегация задержалась там из-за эпидемии чумы, и тогда тюменские миры, обеспокоенные этой задержкой, решили отправить в Москву вторую общегородскую челобитную с теми же просьбами. Воевода воспрепятствовал отправке новых челобитчиков, казаков Бессона Дворянского и Тимофея Шадрина, и отказался выдать им проездные документы. И хотя руководители движения уже заявили воеводе, что будут вести всю переписку с Тобольском, минуя его, проездные документы были нужны.

Но тут в тюменские события 1654 г. влиятельно вмешалась на стороне мира церковная организация. И на сей раз речь идет не о скромном приходском священнике, возможности которого перед властями были не столь уж велики, а о самом сибирском архиерее, к тому же имевшем прочные добрые отношения с самим царем. Архиепископ Тобольский и Сибирский Симеон был членом придворного кружка «ревнителей древлего благочестия». Он приехал в Тюмень в декабре 1654 г. в разгар событий — в это время составлялась и отсылалась в Москву вторая челобитная на воеводу. Симеон (бывший в это время влиятельным защитником сосланного в Тобольск Аввакума, но позднее принявший церковную реформу) сообщил царю: он застал в Тюмени у воеводы Н. И. Елдезина «со всем городом великий несовет и смятение». «И Тюменского города всяких чинов люди и иноземцы всем миром мне, твоему государеву богомольцу, били челом, чтобы их отпустить к Москве бити челом тебе, государю, о своих нужах». Воевода не отпускал челобитчиков, и Симеон, видя у них «такой великий несовет и смятение», чтобы «от таковаго смятения порухи бы никакие городу не учинилось», велел дать проезжие грамоты челобитчикам от своего имени[41].

Отметим в тюменских событиях 1654 г. уже привычные черты: быструю реакцию общесословного мира не воеводские неправды и насилия, ведущую роль служилых в организации протеста и их тесную спайку как между собой, так и с другими социальными группами города и уезда, составление челобитной на воеводу в резиденции войсковой

организации — стрелецкой избе — одновременно с «одиначной записью», подписание этих документов как в стрелецкой избе, так и в домах начальников войсковой организации. Показательно, наконец, что церковь и в лице архиерея, и в лице приходского священника не увидела ничего противозаконного в традиционном мирском челобитье на воеводские насилия и поддержала челобитчиков.

Уже из Тобольска тюменские челобитчики сочли необходимым прислать тюменским мирам какую-то «воровскую грамотку для смуты» (по определению Н. И. Елдезина) с ободрительными вестями. По заявлению воеводы, там содержался и призыв убить его. Это послание было зачтено в стрелецкой избе «всему городу». Но предложение об убийстве (если оно было) не нашло поддержки в мире, в том числе у посадского и крестьянского старост. Тюменцы резонно надеялись, что добьются своей цели, отстранения воеводы, не прибегая к столь крутым мерам.

Между тем Н. И. Елдезин в своих отписках в Сибирский приказ продолжал доказывать свое радение к службе и нежелание тюменского населения находиться под управлением воевод, которые бы ему «не потакали». Н. И. Елдезин ссылался на своих предшественников — воевод С. А. Чоглакова и И. Т. Веригина, которые вынуждены были просить об отставке, и в свою очередь просил переменить его на воеводском посту ввиду невозможности нести службу[42].

По всей вероятности, Н. И. Елдезин не пользовался в Сибирском приказе поддержкой. К тому же, как указывалось, его назначение на воеводство из Тобольска ущемляло бюрократическое самолюбие Сибирского приказа. Не всегда могла понравиться в Москве и инициативность воеводы. Еще летом 1654 г. Н. И. Елдезин обратился в Сибирский приказ с предложением ради удобства административного и ясачного управления передать в его ведение некоторые слободы Тобольского уезда, территориально тяготевшие к Тюмени. В ответ последовал грубый окрик — «выше своей меры и не за свое дело не цепляйся, полно тебе и того ведать, что тебе указано делать». Но одновременно ретивый блюститель власти добился от Сибирского приказа запрещения стрелецкому голове Н. Яльцеву самолично верстать в службу на «убылые» места и передачи этой функции воеводе. Можно себе представить, насколько воевода раздражил тюменское войско, которое незадолго до приезда в Тюмень Н. И. Елдезина получило из Москвы подтверждение своего права пополнять ряды служилых людей[43]. Так

или иначе, но в Сибирском приказе без особых колебаний решили удовлетворить требование тюменского населения, и на отписке Н. И. Елдезина с просьбой об отставке появилась датированная 28 января 1655 г. резолюция — «велено ево переменить».

В этой истории примечателен, во-первых, образ действий тюменского населения. Формально оно не отказало Н. И. Елдезину, но по существу, саботируя его распоряжения, лишило воеводу власти и в конце концов добилось его смещения. Во-вторых, не менее примечательны мотивы возмущения. Войско, составляя основу тюменского населения, на первый план выдвигало злоупотребления воеводы, но по существу стремилось сохранить свои сословные права, дававшие ему материальные выгоды (винокурение, торговля с ясачными людьми) и препятствовавшие усилению воеводской власти (самостоятельный набор в «службу»). В результате Сибирский приказ вынужден был ради ликвидации «смятения» жертвовать воеводами, исполнявшими его же распоряжения.

О начальных этапах очередного конфликта тюменских миров с воеводской властью, развертывавшегося в 1667—1669 гг., источники сообщают меньше сведений, но и здесь видны уже знакомые нам традиции. Еще в 1666 г. по войсковой инициативе в Тюмени был получен государев указ о построении силами всех тюменских миров нового, более обширного острога «от Тюмени речки и до Туры реки», с четырьмя башнями. Тюменские «служилые люди, конные казаки, и пешие стрельцы, и казаки, и ямские охотники, и посадские люди, и пашенные и оброчные крестьяне», а также Преображенский монастырь заготовили и вывезли лес для этой постройки. Затем представители сословий и монастырские власти, явившись в съезжую избу, подали заручную челобитную на царское имя, прося дать им отсрочку в поставлении нового острога до 1 марта 1667 г. Но когда пришел этот срок, представители миров во главе с воинскими начальниками, выборными старостами, целовальниками и монастырские власти подали в съезжей избе новую челобитную, доказывая государю, что вместо строительства нового острога можно было вполне ограничиться ремонтом прежнего. В формулах подписи этой второй челобитной на первом месте подписи ясаулов Никифора Ярмолина и Тимофея Шадрина, затем подписи шести пятидесятников, ямского старосты Степана Федорова, старосты посадских Якова Дмитриева, крестьянского старосты Патриша Нестерова, общинных десятников и во-

инских десятских[44]. Первая челобитная была, кроме того, подписана наиболее видными представителями черного и белого духовенства во главе с преображенским игуменом Киприаном и соборным попом Петром, а также ротмистром Петром Алтуфьевым и татарским головой Михаилом Павловым. Как видим, сословия города и уезда были представлены с выразительной полнотой.

Если первая челобитная была одобрена в Москве, то во второй просьбе было отказано. Воевода И. И. Лодыгин характеризовал эту вторую просьбу как «дурость и непослушанье» тюменцев, связанные с успехом их прежних жалоб на Н. И. Елдезина и других воевод. Он, как водится, подчеркнул, что переговоры с представительной делегацией сословий в съезжей избе по этому вопросу приняли характер предосудительного непослушанья горожан воеводской власти, что «тюменские всяких чинов люди, приходя в съезжую избу со всяким невежеством, твоему государеву указу чинятца непослушны и во всем отказывают»[45].

Однако на деле в данном случае не произошло столь частого отказа мира выполнять обжалуемую повинность сразу после подачи челобитной. Напротив, тюменские миры в конце концов сочли это оборонное задание достаточно важным и, продолжая протестовать против некоторых воеводских распоряжений, в течение 1667 г. новый острог построили. Но конфликт с воеводой продолжал тем временем расширяться.

Тюменский воевода И. И. Лодыгин сумел к этому времени испортить отношения не только с подчиненным ему населением, но и с начальством, крутым тобольским воеводой кн. П. И. Годуновым. В лице этого известного сибирского администратора у тюменских миров появился мощный союзник.

В ноябре 1667 г. П. И. Годунов, получивший от царя широкие полномочия, сообщал в Москву, что 31 октября в Тобольске был получен извет бывшего игумена Преображенского монастыря Андриана о «непристоинствах» тюменского воеводы Ивана Лодыгина. Тобольский воевода уже успел экстренно распорядиться о назначении сыска в Тюмени, когда 5 ноября ему прислали оттуда «от всего города за руками челобитную во многих ево, Ивановых, обидах и налогах». Годунов сообщает об отправке этого документа с двумя тюменскими челобитчиками в Москву. В деле Сибирского приказа, однако, вслед за этой отпиской тобольского воеводы следуют (кроме извета игумена Андриана) сразу две заручных челобитных, очень близких по сво-

ему содержанию. В первой из них сообщается, что тюменцы хотят послать государю и подробную поименную роспись всех обиженных воеводой, с перечислением личных «обид» каждого, но боятся пока сделать это, опасаясь мести воеводы. Во второй же челобитной говорится, что такая роспись составлена и посылается вместе с этим документом. В деле она имеется и занимает целых 67 листов[46]. Очевидно, эта вторая челобитная составлена уже после начала деятельности в Тюмени тобольских следователей сына боярского Ивана Карватского и стрелецкого головы Самуила Блудова, которые вместе с представителями миров фактически отстранили воеводу от власти и изолировали его на воеводском дворе.

Об обстоятельствах составления начальной челобитной в деле нет никаких подробностей, кроме понятных жалоб воеводы (отправленных уже после составления второй челобитной) на то, что служилые люди действовали по наущению П. И. Годунова и угрожали силой несогласным, что «сыщики» сразу же приняли сторону мирских «доводчиков» на него и это предопределило результаты сыска[47].

Но воеводская теория, сводившая все к влиянию П. И. Годунова, неправильна хотя бы уже потому, что конфликт, как мы видели, начался значительно раньше. Поэтому вполне адекватными событиям нам представляются данные самих тюменских челобитных об общесословном, всеуездном характере жалоб на воеводу. Данные эти, как обычно, содержатся во вступительной клаузуле документов[48], в формулах подписей на оборотах челобитных. О том же свидетельствует и содержание документов, в первую очередь — «обидной росписи».

Челобитные начинаются сообщением о том, что царю Алексею Михайловичу с сыновьями Федором и Симеоном бьют челом «Тюменского города детишка боярския, и рохмистр, и атаманья, и сотники стрелецкие, и литва, и конные казаки, и пешие стрельцы, и казаки, и посадские люди, и пашенные и оброчные крестьяна, и ваши государевы богомольцы Преображенского монастыря старцы, келарь Измайлище с братьею, и юртовские служилые тотара»[49]. В формулах подписей — келарь, дети боярские, ротмистр, сотники, пятидесятники, атаманы, служилые, татары, старосты посадской и крестьянской общин[50].

В «обидной росписи» содержится широкий спектр обвинений — от обид, нанесенных воеводой всем сословиям города и уезда, до многочисленнейших личных претензий. Заметную часть статей документа составляют групповые

жалобы отдельных сословий — конных казаков и «литвы», пеших казаков и стрельцов, духовенства, посадских, пашенных и оброчных крестьян, юртовских служилых татар, ясачных татар пяти волостей, торговых бухарцев. Таким образом, формирование этого документа (связанного и с начальным этапом движения, и с заключительной его стадией, следствием) носило ярко выраженный мирской характер.

2. МИРСКИЕ ЖАЛОБЫ НА ВОЕВОД

От порядка создания мирских жалоб на воеводскую власть перейдем теперь к их содержанию. При всем огромнейшем многообразии затрагиваемых в челобитных проблем можно выделить несколько групп наиболее типичных причин конфликтов. Это в первую очередь жалобы на прямое и незаконное феодальное насилие со стороны воевод (различные поборы, взятки, вымогательства), на корыстные воеводские махинации при выплате казенного жалованья служилым людям и иные формы казнокрадства, это споры, связанные так или иначе с практикой взимания феодальной ренты с тяглых сословий и шире — воеводской деятельностью по стимулированию тяглоспособности хозяйства. Решительный протест миров вызывали незаконные попытки воевод создать собственное частнофеодальное хозяйство, связанные с ними «изделья», захват земель и угодий. Значительная группа мирских жалоб обусловливалась воеводской практикой расхищения ценнейшего богатства Сибири — пушнины, будь то незаконный воеводский промысел, прямая экспроприация пушнины у ясачных или категорически запрещавшаяся торговля воевод с аборигенами в погоне за «мягкой рухлядью». Последний сюжет вплотную подводит к упоминаемой во многих челобитных общей проблеме противоправной воеводской торговли с целью приобретения скота, ясыря, кож и других товаров восточных рынков, широких операций по перепродаже товаров, как правило, в обход таможенных законов. Все это затрагивало профессиональную деятельность в таможне членов посадской общины, не говоря уже о конкуренции (с применением феодальной монополии!), вредившей многим сословиям. Другие споры, относящиеся к профессиональной сфере деятельности общин, касались чаще всего пределов служебной компетенции войсковой организации.

Особенностью многих челобитных при конфликтах с воеводами является стремление их авторов не упустить ни малейшей возможности «политизировать» (говоря современным языком) обвинение. Так, челобитчики не преминут напомнить, что, например, казнокрадство, связанное с недоплатой жалованья, снижает боеспособность войска и, следовательно, это «изменное» «государево дело». Так же охарактеризована и «жесточь» по отношению к ясачным, ибо она может явиться причиной их «шатости». Но наряду с подобными рассуждениями во многих челобитных встречаются и прямые политические обвинения в адрес воеводы — в узурпации государевой власти на местах, а то и в прямой измене.

Прямое феодальное насилие, имеющее целью принудить управляемое местным чиновником население давать этому чиновнику незаконную мзду, взятки, подчас многократно превышавшие его государственное жалованье,— бич любой жесткой системы бюрократического администрирования с ослабленными обратными связями. В XVII в., несмотря на нарастание абсолютистских тенденций, сохранялось действенное право мирского челобитья. В сословно-представительной монархии формой обратной связи являлась мирская жалоба, единственно позволявшая противостоять усилению, а затем и опасному одряхлению коррумпированной системы управления.

Историки давно уже справедливо подчеркивали, что взятки и вымогательства феодальных управителей могут рассматриваться и как их претензия на взимание дополнительной доли ренты и ее перераспределение. Установленные свыше традиционно низкие ставки жалованья многих чиновников, казалось бы, означали признание высшей властью неизбежности вымогательства. Но вероятность того, что коррупция вырвется за все возможные рамки, была вполне реальной и реальность эта была весьма опасной. К тому же даже воеводы, чье жалованье раз в 20 и больше превосходило жалованье верхушки служилых, имели почти бесконтрольную возможность награбить неизмеримо больше. В этих условиях складывалось хотя и ограниченное, но все же вполне объективное единство целей дальновидной высшей власти и миров в борьбе с воеводской коррупцией.

Длиннейшие однообразные списки воеводских вымогательств в мирских челобитных — источник, позволяющий оценить не только масштабы насилий местной администрации, но и все еще действовавший механизм борьбы с этими насилиями. По итогам расследований мирских жалоб

воеводы не раз вынуждены были возвращать обиженным награбленные у них суммы.

Судя по решительным мерам, принятым в 1668 г. в Тюмени уже в ходе следствия в пользу миров, этой участи не избежал и воевода И. И. Лодыгин. «Обидная роспись», представленная мирами, заполнена в значительной своей части удивительно сходными индивидуальными показаниями членов разных сословий тюменского общества: воевода посадил истца в тюрьму или угрожал сделать это и «смучил» таким образом в свою пользу деньги или ценное имущество; иногда об угрозах истец даже не упоминает, но результат тот же — воевода что-то «смучил».

Вот несколько самых трафаретных показаний из тюменской «обидной росписи». Оброчные крестьяне Степан Ларионов, Осип Обакумов, Першут Васильев жалуются, что воевода «посадил их в тюрьму и смучил с них 12 рублев неведомо за что... и сказал им: буде токо-де не дадите 12 рублев... замучю до смерти»[51]. Тюменский конный казак Иван Лепешкин сообщает, что воевода «держал ево за приставом и вымучил с нево семь рублев, да три возы рыбы щуки, цена 6 рублев»[52]. Показания пешего стрельца Федора Дементьева: «Иван Лодыгин садил ево, Федьку, в страдную пору и держал в тюрьме четыре недели, и в застенок водил, и велел наговаривать в винном куренье на богатых людей и смучил с него, Федьки, денег 11 рублей, да два меденика по два ведра»[53].

Возможно, не столь уж и случайна связь этих двух «медеников» с делом о винокурении, но характерно, что результатом все равно была взятка, осевшая в воеводских карманах. Характретно и стремление замешать в дело более богатых горожан, с которых можно побольше сорвать. Здесь дело о злоупотреблениях воеводы Ивана Лодыгина демонстрирует методы наживы, очень близкие к применявшимся в конце XVII в. в Туринске, Тюмени и других городах десятильниками митрополита Игнатия Римского-Корсакова. Используя прерогативы духовного суда, они арестовывали по обвинению в «блудном деле» (чаще всего — ложном) жительниц этих городов и в тюрьме истязаниями добивались от них оговора более богатых сограждан. В результате подобных насилий лишь в Туринске десятильники, взяв в долю воеводу И. Морева, сумели сорвать с туринских жителей 548 р. 20 к. Но в результате мирских жалоб виновные были строжайше наказаны, а все награбленное возвращено потерпевшим[54].

Но вернемся к жалобам 1668 г. на И. И. Лодыгина. Тюменский конный казак Иван Кулаков сообщал, что воевода его «садил в тюрму в страдную пору и седел в тюрме неделю», отдал воеводе 12 руб. взятки и был освобожден[55]. Оброчного крестьянина Якова Чуклю воевода, посадив в тюрьму, заставил отдать ему 30 руб. денег и 10 четей разного зерна на сумму 32 руб., «а тот хлеб он, Иван, имал в таможенную меру», как полагается[56]. Можно перечислять и далее. Посадский человек Григорий Герасимов: воевода посадил двух его сыновей «и говорил, что-де отец ваш богат, хлеба-де у него много, и держал их в тюрьме шесть недель и взмучил-де с них тюремного влазново дватцать пять рублев»[57]. Посадский человек Т. Решетников: воевода его посадил «неведомо за что» в тюрьму в страдную пору и смучил 20 руб. Конный казак Михаил Пятово-Насекин: тюрьма на 2 недели и 15 руб. Конный казак Савва Евтюгин: 2 руб. и бобер за 2 р. 50 к. Конный казак Григорий Топлянин: бобер за 4 руб. Конный казак Сидор Новокрещен: 1 корова, 1 теленок, полтора рубля денег. Конный казак Дмитрий Пушников: водил в застенок, смучил 20 руб. «безвинно»[58]. И так далее, точно в том же духе на 67 листах 66 подобных жалоб отдельных лиц, а также челобитья целых групп, сословий. В центре конфликта — все те же примитивные, но действенные формы феодального насилия. Лишь изредка — некоторые вариации. Ясачный татарин Тохчура Бокбасаров сообщал, что воевода «садил ево в тюрму и угрожал и просил у нево сына или дочери». Тохчура, однако, категорически отказался похолопить детей, просидел шесть недель, был бит кнутом «в проводку» и вырвался из воеводских рук, оставив Лодыгину лишь шубу лисью ценою в 10 руб. и 5 руб. деньгами. С бухарских торговцев воевода брал взятки не только пушниной и деньгами, но также камкой китайской, миткалем кизылбашским и другими восточными тканями, причем кинутые в темницу торговцы должны были давать выкуп за свободу не только воеводе, но и его жене, сыну и двум дочерям[59].

Подобные же трафаретные статьи о «насилиях и обидах», о примитивном вымогательстве взяток, «посулов» с использованием в личных целях важного государственного учреждения, тюрьмы, содержатся в большинстве мирских челобитных, составленных при серьезных конфликтах с воеводами. Мы встречаем их и в пелымской челобитной 1625 г. на воеводу И. М. Вельяминова, и в общегородской тарской челобитной 1636 г. на воевод кн. Ф. П. Барятин-

ского и Г. А. Кафтырева, и в томских челобитных 1644 и 1648—1649 гг. на князей С. В. Клубкова-Мосальского и О. И. Щербатого, и в тюменской челобитной 1654 г. на Н. И. Елдезина[60].

Такова вблизи картина феодального воеводского произвола, способствовавшего созданию огромных воеводских состояний. Именно подобные формы рождали прочную историографическую традицию о всевластии «сибирских сатрапов» (по терминологии XVIII в.). Но не будем забывать, что в XVII в. подобные художества далеко не так уж просто сходили с рук воеводам и мирской противовес воеводским насилиям был весьма весомым.

Вспомним к тому же, что XX век, соединивший ряд чисто феодальных приемов с невиданной ранее концентрацией собственности, дал нам примеры прямого феодального насилия, о масштабах и степени иерархической организованности которого не могло и помыслить средневековое государство.

* * *

Немалая часть претензий, отразившихся в челобитных служилых людей или общесословных челобитных на воевод, касается споров о правах войска в связи с организацией службы и особенно о получении за нее государева жалованья, о чем уже говорилось выше. Мир жаловался на воеводу как главного воинского начальника всего гарнизона в основном в двух ситуациях: во-первых, когда те или иные воеводские распоряжения, связанные со службой, воспринимались миром как несправедливые, нарушавшие традиционный принцип очередности; во-вторых, когда маловажные, с точки зрения мира, служебные распоряжения воеводы серьезно мешали хозяйственной деятельности казаков и стрельцов. Войсковая организация в обоих случаях считала себя обязанной противостоять воеводским распоряжениям, обжаловать их в челобитных. Кроме того, круг не раз протестовал против таких служебных распоряжений воеводы, которые он считал некомпетентными, корыстными.

Укреплению подобной мирской (казачьей) традиции способствовала и сама военная обстановка, специфика службы в Сибири, нередко заставлявшая отряды казаков во время походов решать в кругу оперативные вопросы, не советуясь с далеким начальством, действуя подчас вопреки

полученным наказам. Это иногда бывало главным условием успешности похода и сохранения собственных жизней. Московские власти, не без опасения относившиеся к подобной самодеятельности кругов, не раз сами вынуждены были признавать за отправляемыми в неведомые «землицы» отрядами право действовать, примеряясь к местным обстоятельствам.

Самостоятельные решения кругов в походах, в которых сами воеводы не участвовали, иногда имели достаточно грозные для воевод последствия, как мы это видели на примере енисейских событий 1626 г.[61] Но и в тех случаях, когда назначенный высшей властью военачальник в ранге воеводы сам выст/пал во главе своего воинства, его несогласие с кругом по военным вопросам могло дорого ему обойтись. Так случилось с Яковом Тухачевским во время известного ачинского похода 1641 г.[62], когда распри Якова с казаками привели к тому, что на кругах было решено перестать подчиняться этому командиру и направить в Москву челобитчиков с письменной войсковой жалобой на некомпетентность его распоряжений. Четверо служилых, посланных «к государю к Москве ото всево войска в челобитчиках», по дороге в столицу излагали всем желающим слушать сущность претензий к неумелому, по их мнению, воеводе, который не радел по-настоящему о государственной пользе и поэтому «челобитную войсковую не послушал» — о маршрутах, сроках, тактике похода, о строительстве Ачинского острога[63].

Как уже кратко упоминалось, вопрос о прерогативах служилого мира и его руководителей занимал немалое место во время острого конфликта в Таре в 1636—1638 гг. В общегородской челобитной на воевод кн. Ф. П. Барятинского и Г. А. Кафтырева в их адрес выдвигались обвинения, что они узурпировали даже те функции руководителей служилого мира (зачастую выборных), которые признавались государевыми грамотами. Один из главных зачинщиков волнений А. Кропотов, имевший высокий воинский чин ротмистра (часто выборный), жаловался во время «повального обыска»: по государеву указу именно ему «велено ведать литовсково списку конных казаков и в невеликих исках их судить и росправа меж ими чинить, и то-де все у него отняли [воеводы.— *Авт.*], в службу кого поставят или кого куды на промыслы из города отпустят, тогоде ничего не ведает, то-де все они, воеводы, переняли на себя». На это же в сходных выражениях пожаловались стрелецкие и казачьи сотники И. Лаптев, М. Кобелев,

Д. Меркулов и др. Все они вместе с ротмистром, по доношению воевод, были среди руководителей «воровских кругов», активно сопротивлявшихся воеводам[64].

Особое негодование тарских служилых вызвало назначение их воеводской властью «в тяжелые караулы» и «посылки» в трудное зимнее время, запрещение выезжать из города для занятий промыслом. Кроме того, в общей челобитной было несколько частных жалоб на то, что назначения в походы делались воеводами «не в очередь». Конный казак Григорий Казанцев, например, посылался в поход дважды в одном году «мимо ево братью, а счоту-де с ними не дали». Челобитчики опровергали оправдания воевод (сами по себе очень показательные), что назначения в различные дальние «посылки» делались «по выбору сотников»[65].

Пелымские служилые люди писали в своей челобитной 1625 г., что воевода И. М. Вельяминов, сославшись на мнимую военную опасность, «их запер в городе, не выпустит никуде, рыбы добыть, ни сена косить», не позволяет им съездить «в Кошуки» купить хлеба[66].

Характерное столкновение произошло 10 сентября 1654 г. в Тюмени во время конфликта местных миров с воеводой Н. И. Елдезиным. Активные руководители движения дети боярские Яков Тургенев и Яков Резанов назвали подьячего съезжей избы А. Столбова «ушником и заговорщиком», так как он докладывал воеводе относительно войсковых распоряжений «о проезжих станицах и об отъезжих сторожах». 24 ноября 1654 г. сын боярский Т. Некрасов отказался выполнить воеводское распоряжение «ехать на Пелыму дозирать отъезжих караулов». Он заявил: «По караул-де он не едет, не моя-де та служба»[67].

Среди подобных жалоб — протесты против частных и несвоевременных военных смотров. Как фискальные, так и военные соображения приводили подчас к тому, что на эти смотры вызывались не только служилые люди. В общегородской тюменской челобитной 1654 г. на воеводу Н. И. Елдезина после рассказа о притеснениях им служилых людей написано: «А посадцким людем и пашенным крестьяном смотры чинил частые. А которые посадцкие люди и пашенные крестьяна были на работе и по миру кормились и в немочи лежали, и с тех посадцких людей и пашенных и оброчных крестьян писал в неты и в тюрму садил для своей бездельной корысти, и от тово имал он, Микифор, себе по полтине, и по дватцати алтын, и по рублю, и по полтора рубли, и болши»[68].

Как сообщили в 1668 г. в своей «обидной росписи» тюменские «всяких чинов люди», воевода И. И. Лодыгин посылал служилых татар в дальние «посылки» «не по вестем» (т. е. когда не было известий о военной опасности); за взятку он освобождал от этой придуманной службы. В том же документе пешие казаки и стрельцы жаловались, что воевода «чинил смотры безвесно для своей бездельной корысти и за неты садил в тюрму, а влазнова имал на себя по четыре алтына и по пять и по шесть алтын»[69].

Столкновение воеводской и мирской компетенции в назначении смотров объяснялось еще и тем, что зачастую именно на смотрах обсуждались и подписывались мирские челобитные проти з воевод. На смотрах же в ходе дальнейшего развертывания конфликта намечались иногда и другие меры борьбы за мирскую справедливость[70].

Среди служебных распоряжений воевод, вызывавших подчас конфликты со служилым миром, можно назвать верстания в казаки, стрельцы. Уже упоминались томские события 1648 г. Можно процитировать в этой связи также тарскую челобитную 1636 г. на Ф. П. Барятинского и Г. А. Кафтырева. Служилые даже приносили воеводам «государеву жаловальную грамоту, какова им дана во 130-м (1621/1622.— *Авт.*) году», чтобы «детей... их в государеву службу в выбылые места верстали, и воеводы-де той государевой грамоты на слушают». Воеводы использовали, по словам челобитной, такие верстания для вымогания взяток, а то и попросту держали долго места вакантными, а причитавшееся на эти места жалованье клали себе в карман[71].

Если отношение к подобным махинациям и вымогательствам было всегда единым и у служилого, и у общесословного мира, то с вопросом о замкнутости сословных перегородок дело обстояло сложнее. Во время составления тех же начальных челобитных Томского восстания 1648—1649 гг. крестьянский мир, естественно, высказался против замыкания сословия служилых «по прибору». Еще важнее, что реальная политика восставших за все 16 месяцев томского движения также оказалась не в пользу принципа верстания в казаки лишь из своего сословия. Подобные отступления от царских указов в пользу широко распространенной практики делались по требованию самих казаков: сказалась реальная сословная разнородность сибирских семей — казаки хлопотали за своих родичей из числа крестьян, даже гулящих[72]. Да и Москва не раз отступала здесь от собственных правил.

Как мы уже успели убедиться, конфликты между воеводами и служилыми мирами развертывались в тех самых сферах, в которых осуществлялось и сотрудничество между ними. Эта вполне понятная связь распространялась также на важную проблему кадровых перестановок, служебных назначений в казачьем войске, не забывшем еще былого принципа выборности атаманов и есаулов. Укрепление воеводской власти вело к нарастанию конфликтных ситуаций. Напомним хотя бы об остром споре красноярских казаков во главе с атаманом Дементием Ондроновым с воеводой Олферием Баскаковым. Атаман был отстранен воеводой от власти, а затем арестован «в умышленье ножевого резанья воеводы Олферья Баскакова». Однако красноярские казаки встали на защиту своего атамана, отправив в 1647 г. в Сибирский приказ обоснованную общесословную челобитную. В ней был подробный послужной список Дементия с перечислением удачных походов, организованных и проведенных им. Челобитчики утверждали, что воевода лишил Дементия атаманства «по недружбе... не за вину и не за дело», мир отказывался служить с новым атаманом, которого воевода попытался самочинно назначить вместо Дементия. В заключение в челобитной давалась обобщенная аттестация: «А отставленному, государь, атаману Дементью твои государевы службы в обычай и со службу ево со всякую будет». Глава Сибирского приказа князь А. Н. Трубецкой согласился с мнением красноярского служилого мира и вернул Дементию атаманство, отвергнув кандидата воеводы. Казачье войско заступилось за своего атамана и победило[73].

* * *

Наибольшее, пожалуй, число конфликтов между воеводами и служилыми людьми возникало в связи с вопросами обеспечения последних государевым денежным, хлебным и соляным жалованьем. Жалобам на задержку или неполную выдачу жалованья посвящен большой массив челобитных сибирских служилых. Этому способствовало несколько обстоятельств. Во-первых, как отмечает Н. И. Никитин, «в Сибири нередко полагавшееся служилому человеку жалованье отличалось от получаемого им в действительности»[74]. И хотя в целом служилые люди получали в Сибири жалованье аккуратнее, чем в Европейской России, причин для недовольства хватало и за Уралом. Напомним хотя

бы, что при распространенной в Томске системе выдачи всего годового оклада жалованья один раз в год воевода князь О. И. Щербатый признавался на следствии, что он всегда считал вредным выдавать казакам больше половины оклада[75].

Во-вторых, во многих случаях (хотя и не всегда) в Сибирском приказе считали, что жалованье следует выдавать лишь по получении соответствующего челобитья служилых[76]; это нередко приводило (наряду с нехваткой денег и припасов) к задержкам выдачи окладов. А такие задержки автоматически вели к увеличению потока челобитных. Челобитные донесли немало известий о самых разных воеводских махинациях при выдаче жалованья. Наиболее частая из них — присвоение воеводами какой-то доли жалованья служилых при его раздаче. «Законные» возможности задержки жалованья или, наоборот, выплаты его вперед создавали благоприятные условия для подобных вымогательств. Так, по тюменской «обидной росписи» на воеводу И. И. Лодыгина, при раздаче последним жалованья конным казакам за 7176 (1667/1668) г. воевода удержал с них взяток на общую сумму 70 руб. С пеших казаков он взял за этот же год 65 руб., за предыдущий — 86 руб. Со служилых татар И. И. Лодыгин взимал в 7174—7175 (1665/1666) гг. твердую ставку: 10 % годовой суммы жалованья, т. е. по 40 руб. в год[77]. Соль воевода воровал у служилых татар по другому принципу — по 1 пуду с человека (при окладе около 2 пудов)[78]. Подобные сведения хорошо корректируют безмятежную картину обеспечения государевым жалованьем, которую рисуют окладные книги (денежные, хлебные, соляные) и бодрые отчеты воевод[79].

В том же документе рассказывается и о более сложных махинациях при выдаче жалованья служилым. Сибирский приказ распорядился часть жалованья в 7174 (1665/1666) г. выдать не деньгами, а сукнами. Это сразу предоставило немалый простор воеводской инициативе. Сначала воевода тянул с раздачей сукна и начал ее, лишь получив взятку в 50 руб. При раздаче он сам определял цену тканей разных сортов, причем с полным пренебрежением к неведомому ему закону стоимости цену одинаковой ткани менял в зависимости от чина служилого и даже от его службы. Так, «сукна анбурские» воевода распределял пешим пятидесятникам, «которые к соли ходили» (в экспедицию за солью), — по 50 коп. за аршин, а рядовым, остававшимся в городе,— по 60 коп. за аршин. Кумач он распределял конным пятидесятникам по 1 р. 80 к. за аршин, конным

десятникам — по 1 р. 50 к., пешим пятидесятникам — по 1 р. 20 к. Все это было чистой самодеятельностью — Сибирский приказ, послав ткани для раздачи в Тюмень, забыл написать туда грамоту об условиях раздачи. Но тогда служилый мир отправил за этой грамотой в Москву своего челобитчика, конного казака Григория Орехова. Воеводские плутни были разоблачены, последовала мирская жалоба, в которой среди прочего рассказано и об этой обиде. Воеводу сместили[80].

О «выкупе» жалованья у воевод сообщалось и в тарской мирской челобитной 1636 г. Там же рассказывалось о более сложных комбинациях кн. Ф. П. Барятинского и Г. А. Кафтырева: они занимались кабальными ростовщическими операциями с хлебом, а затем погашали образовавшуюся большую задолженность им служилых людей, вычитая долги из государева хлебного и денежного жалованья, иногда даже не брезгуя отбирать у должников и воинскую амуницию. Последнее обстоятельство, пагубно сказывавшееся на обороноспособности вверенного воеводам гарнизона, челобитная подчеркивала особо[81].

Немалые возможности для воеводского и дьяческого жульничества с хлебным и соляным жалованьем предоставляла неупорядоченность мер веса и объема. В 1643 г. в Тобольске расследование, начатое по извету в «государевом деле» (поддержанному архиепископом Герасимом), вскрыло механизм подобных операций, сказочно обогащавших в конце 1630-х — начале 1640-х гг. нескольких тобольских чиновников из ближайшего воеводского окружения. Прием хлеба, круп, муки, соли в государственные амбары совершался нормальными мерами, а отпуск их оттуда (преимущественно на жалованье служилым) — фальсифицированными, уменьшенными. Полученными огромными излишками небезвыгодно торговали.

Специальная экспертная комиссия из торговых людей Устюга и Казани обнаружила, что присланные при государевом указе еще в 7132 (1623/1624) г. эталонные гири в Тобольске сумели сделать разборными: при отпуске припасов снимали дуги и «жиковины», составлявшие 6,75 % их первоначального веса. Подобная же фальсификация мер сыпучих тел, всякие проделки при их использовании оставляли в руках плутов до 10 % измеряемого хлеба. Махинации дьяков денежного стола, ведавших раздачей служилым денежного жалованья, были тогда же оценены в 4800 руб. (неизвестно, правда, за какой срок набралась эта огромная сумма)[82].

Уместно напомнить, что служилый и тяглые миры протестовали не только против корыстных воеводских злоупотреблений, но и против таких действий власти, которые, затрагивая существенные интересы общин, были направлены на получение прибыли государством.

Речь идет о реформах Ю. Я. Сулешева и П. И. Годунова, суть которых подробно изложена в известной работе С. В. Бахрушина[83]. Ю. Я. Сулешев, практически впервые попытавшись в 1623—1625 гг. создать для Сибири единообразную финансовую систему, поставил хлебное жалованье служилых в зависимость от размеров их землевладения, а размер десятинной пашни и оброков крестьян — в зависимость от размеров их «собинной» пашни. Были также предприняты меры сокращения пестроты денежного жалованья лиц, служивших в разных гарнизонах Сибири. В большинстве случаев это вело к реальному сокращению жалованья и увеличению ренты, частичному распространению оброка на служилых.

Проведение реформы Ю. Я. Сулешева в 1620—1630-х гг. постоянно вызывало сопротивление служилых и крестьянских миров, породившее немало челобитных. Еще в годы тобольского воеводства Юрия Яншеевича против его нововведений протестовала томская служилая община. Томичи, сообщая в челобитной царю о сокращении по приказу Ю. Я. Сулешева получаемого ими «государева денежного жалованья», подчеркивали свое недоумение: «а не ведаем, государь, мы, холопы твои, для которые нашей вины и прослуги». Тарские служилые люди и татары в 1629 г., предпринимая очередную попытку борьбы с сулешевской реформой, писали в челобитной царю, что сочетать службу с землепашеством им очень трудно, из-за служебных отлучек собрать хлеб удается не каждый год, часто «все то присевошное пашнишко пропадает под снег и скот поедает... И от того, что у нас отнято твое государево хлебное жалованье и денежнова жалованья убавлено, оскудели и одолжали великими долги, с женишками и детишками в разоренье стали». Челобитная докладывалась самому царю, который приказал объявить челобитчикам: «бивали они челом государю и, сами на Москве многижда, и им про то отказывано — посылан был от государя с Москвы в Сибирь для обновленья и для заводу боярин и воевода князь Юрья Яншеевич Сулешев с товарыщи, и что они по своему разсмотрению учинили, тому государь указал, и вперед так быть, и они б вперед о том не били челом»[84].

При проведении в начале 1633 г. в соответствии с реформой перемера крестьянских земель и увеличения десятинной пашни последовала протестующая челобитная туринских крестьян, активные действия невьянского и тагильского миров[85].

Но, несмотря на все это мирское сопротивление, сулешевская реформа (обещавшая годовую экономию около 2,5 тыс. руб. и 5 тыс. четвертей хлеба) набирала силу и постепенно стала основой социальной и финансовой политики на востоке страны. Этого не произошло с реформой 1667—1670 гг. тобольского воеводы П. И. Годунова, от которой он ждал прибыли казне более 50 000 руб. в год. Реформа эта, предусматривавшая, в частности, введение регулярного драгунского войска вместо иррегулярного рейтарского и солдатского, означала весьма чувствительное (подчас более чем вдвое) сокращение жалованья многим служилым; для некоторых категорий жалованье отменялось вообще. Значительно увеличивалась десятинная пашня крестьян, оброки и повинности посадских.

Понятно, что все эти заманчивые для государства, но плохо продуманные и подчас фантастические планы натолкнулись на упорное сопротивление миров. 25 марта 1668 г. рейтары и солдаты приходили к П. И. Годунову с «криком и шумом», учинив «мятеж и возмущение», по характеристике воеводы. В городе стали собираться круги, шли разговоры о том, что от годуновских нововведений служилые «плачют», что надо слать челобитчиков в Москву «бить челом — государям именным челобитьем». Годунов применил силу: после скорого следствия двое «зачинщиков» из служилой верхушки были биты батогами, многие недовольные сосланы в Красный Яр.

Одновременно воевода прилагал интенсивные усилия, чтобы получить оправдательные документы о своих действиях у войска. 9 мая 1668 г. в приказной избе перед воеводой шло странное следствие: «всяких чинов служилых людей», коим сократили жалованье на одну треть, наполовину и даже более, допрашивали: «и они о том плачют ли и налога им в том от ково какая есть ли?». Под большим давлением несколько групп служилых подписали «сказки» о том, «что они ни о чем не плачют и про плачь... не слыхали, да и плакать де им... не о чем». В одной из «сказок» есть даже заявление о том, «что они убавливали (свое жалованье.— *Авт.*) охотою, и о том они радуютца, а не плачют», ибо им объяснили, что все делается к государевой пользе[86].

Однако это отступление части мира было лишь временным. Как справедливо заметил С. В. Бахрушин о всем комплексе годуновских реформ, «проделывать такие опыты над населением Сибири было в 60-х гг. XVII столетия не вполне безопасно»[87]. Голос недовольных услышали в Москве, в Тобольск отправили следователей, отстранивших Годунова от власти. В Москву прибыла делегация тобольских миров во главе с сыном боярским Афанасием Ушаковым. Она привезла с собою десять мирских челобитных против действий ретивого «прибыльщика»: шесть от служилых людей, три от тобольских и тарских татар, одну от тобольских крестьян. По этим челобитным было принято решение об отмене почти всех нововведений П. И. Годунова[88].

Так мирские челобитные успешно аннулировали вроде бы крайне выгодные для государственной казны годуновские мероприятия. Сравнение судьбы сулешевских и годуновских реформ особенно наглядно показывает, что не будь постоянного мирского сопротивления, аппетитам феодально-бюрократического механизма не было бы пределов. Земство, смирившись в конце концов (хоть и не без труда) с довольно конструктивными для государства в целом мероприятиями Юрия Яншеевича, сумело провалить не лишенную здравых мыслей, но явно максималистскую программу Петра Ивановича.

* * *

В челобитных тяглых сословий значительное внимание уделялось разнообразным проблемам феодальной ренты, вызывавшим споры миров с воеводами. Нами не зафиксировано случаев, чтобы челобитчики возражали против ренты как таковой, наоборот, они неоднократно подчеркивают, что всегда тянули и готовы тянуть впредь государевы «изделья» и повинности — в «справедливой» их части, необходимость которой для государства и государя они вполне признают. Заметим, что «справедливой» для крестьян и посадских была основная, определяющая обязанности перед властью, казной форма ренты в ее традиционном («по старине») размере. Для пашенных крестьян это десятинная пашня, для оброчных — оброк, для посадских — оброк и государевы службы в целовальниках и т. д.

Конечно, в реальной жизни на общину падали также многие другие «изделья» и платежи, но здесь уже вполне можно было поспорить, побороться; окончательный набор

этих «не основных» форм более всего зависел от результатов такой борьбы. Отпор общин вызывало и любое увеличение главных форм ренты, в отступлениях от «старины» крестьяне и посадские всегда видели воеводский произвол, даже если воевода действовал в соответствии с московскими указаниями. Конечно, как во всякой борьбе, все зависело от энергии сторон, стойкости сопротивления воеводскому давлению и многих привходящих обстоятельств. Напомним, например, что в условиях колонизации края, захватно-заимочного землепользования, постоянного притока населения и естественного его прироста само сохранение традиционной душевой нормы ренты означало постоянное изменение обложения каждой общины и многих ее членов. С. В. Бахрушин считает, что успех реформы Ю. Я. Сулешева объясняется прежде всего тем, что она опиралась на учет реальных достижений земледельческой колонизации края[89].

Отмеченное отношение тяглых общин к ренте прослеживается во многих документах. Оно отчетливо видно в одном из сравнительно ранних споров, возникшем у пелымских общин с воеводой И. М. Вельяминовым как раз во время тобольского воеводства Ю. Я. Сулешева. Конфликт не был связан с реформой Юрия Яншеевича, последний поэтому прислушался к доводам пелымских миров, переслал их челобитные в Москву и, не дожидаясь ответа из столицы с указаниями, своей властью назначил справедливое расследование, одновременно повысив в чине нескольких пелымских служилых из числа инициаторов движения.

Среди отправленных в Москву документов была и челобитная 1624 г. новой общины пашенных крестьян, возникшей в 1618/1619 г. в Табарах. Челом царю били «Пелымсково города пашенные крестьяне Богдашко Назаров, Семейка Вахрушев и во всех пашенных крестьян место с нового усадища с Таборов». Они жаловались, что по государеву указу им, как новоселам, полагалась казенная помощь не только семенами, но на первых порах и хлебом на пропитание. Первые два года они получали эту помощь, но затем новый воевода Иван Вельяминов не только лишил их ее, но и забрал у них насильно «поминков» себе на 26 руб. Однако главная крестьянская жалоба состояла в другом: Вельяминов приказал вдвое увеличить размер десятинной пашни, приходившейся на крестьянский двор,— с одной десятины до двух. «И им пахать наша пашня стало невозможно» — так излагается основной вывод пелымских крестьян в царской грамоте. Государь повелел в ней, утверждая распоряжения Ю. Я. Сулешева по этому делу,

провести по челобитным строгий сыск о действиях И. М. Вельяминова — «сыскать пелымскими всякими людьми накрепко»[90].

В другой жалобе табаринских крестьян сообщалось, что Вельяминов договорился с пятью крестьянами (включая двух детей С. Вахрушева) положить на них новую десятинную пашню по полдесятины на двор, вознаградив их за это «подмогой» по 8 руб. Крестьяне согласились, «подмога» была им выдана в съезжей избе с оформлением всей документации, после чего воевода вызвал всех пятерых крестьян к себе на двор и половину денег у них отнял. Государева грамота повелевает провести следствие по этому эпизоду[91].

Поучительные результаты дает анализ челобитных, которые направили царю в 1632 г. «Туринсково острогу пашенные крестьянишка староста Сергейко Иванов Хромцов и во всех товарыщов своих место». В Туринском и соседних уездах Западной Сибири власти проводили в это время очередные мероприятия по расширению десятинной пашни в соответствии с установленными Ю. Я. Сулешевым принципами. Однако сначала туринский воевода Г. И. Волынцев, зная об отрицательном отношении крестьян к увеличению ренты, просаботировал полученное от тобольского воеводы Ф. А. Телятевского распоряжение о дополнительной пашне. Тобольский воевода с раздражением писал царю, что Волынцев, опасаясь челобитной крестьян, делает им «понаровку» и к тому же запугивает Москву, что крестьяне могут разбежаться от увеличения десятинной пашни[92].

В первой туринской челобитной 1632 г. нет поэтому жалоб на прибавку десятинной пашни. Крестьяне протестуют против таких распоряжений воеводы, которые, по их мнению, препятствуют им выполнять эту главную обязанность (в обычном, как следует из контекста, размере). «Как мы, сироты твои,— пишут челобитчики государю,— твой государев десятинной хлеб с поля пожали и в клади поклали, заставил нас тюрму старую подрубать и коло тюрмы тын ставить». Затем воевода велел возить назем на поля и лишь после этого молотить сжатые снопы хлеба, оставшиеся в поле. Крестьяне доказывали, что воеводские распоряжения были с хозяйственной точки зрения некомпетентными, что хлеб следовало обмолотить раньше, до двух других работ. Задержка привела к тому, что возникли потери и после обмолота «против опытов хлеб не сшелся»; недостачу воевода пытался «править» на крестьянах[93].

Челобитная сообщает и о других распоряжениях воеводы, мешавших, по мнению крестьян, их нормальной работе на десятинной пашне. «В середозимье, в кутерги и в морозы лютые» были вывезены в город 3000 бревен и 800 «тесниц» для разных изделий, весь год крестьян привлекали к разным постройкам — острога, гостиного двора, воеводской горницы. Челобитчики жалуются, что от тяжелой «бревенной возки» пало много коней, «твоей государевы пашни пахать не на чем»; из-за отвлечения рабочих рук на «великие зделья» «хлебенцо нашо на поле застоялося и мышь поела; стали без хлеба и без семян». К тому же воевода придумал новый налог: он приказал закрыть все крестьянские бани, и крестьяне, «людишка работные, с поля приехав», должны были идти в платную «торговую баню»[94].

Челобитная имела успех: воеводе из Москвы сделали выговор, приказав, «чтоб он пашенным крестьяном налоги ни в чем не чинил»; в московской резолюции особо осуждена вывозка бревен — «лес был не надобен потому, что поделывать нечево», согласилась Москва с крестьянами[95].

Быть может, успех этого крестьянского челобитья повлиял и на то, что воевода Туринска после нескольких проволочек осторожно подошел к выполнению общесибирского мероприятия по увеличению десятинной пашни. Еще весной 1632 г., до посева яровых, крестьянская община Туринска, общины верхотурская, тагильская и невьянская выбрали специальных окладчиков для проведения всей операции. Сохранившиеся в деле документы — «выборы» окладчиков от трех последних общин — свидетельствуют, что выбирали их на общеуездных сходах: в начальной формуле упоминаются поименно староста, «житнишный целовальник» и человек по 20 (или меньше) крестьян каждого уезда, действовавших от имени всех крестьян; подчеркивается, что они «выбор дали за поповою рукою и мирских людей»[96]. Возможно, что в каких-то случаях подобные общеуездные документы вырабатывались на сходе не всех членов общины, а представителей отдельных населенных пунктов.

Туринский окладчик Некрас Юрьев «с товарищи» прибавили крестьянам не так уже много десятинной пашни — менее 26 дес., т. е. 1/8 часть ранее существовавшей ее части, другие общины поступили примерно так же. Десятины эти разверстывали судя по «семьянистости и прожиточности». И, видимо, прав С. В. Бахрушин, подчеркивавший, что успех сулешевской реформы в этой ее части в конце

концов определялся реальным прогрессом в земледельческом освоении Сибири. В Туринской крестьянской общине тогда было 356 дворохозяев и их взрослых мужских родственников[97]. Если учесть, что по сулешевской реформе соотношение десятинной и собственной крестьянской запашки составляло приблизительно 1:5[98], то доля этой прибавки во всей запашке будет совсем незначительной. Поэтому, видимо, крестьяне согласились почти 17 дес. новой государевой пашни разместить на прежних своих «собинных» полях и лишь около 9 дес.— на новой земле.

Несмотря на то, что в Туринске (как и в других местах), отвод этот провели довольно быстро, настроение крестьян не было столь уж радужным, и воевода Г. И. Волынцев, учитывая обстановку, разрешил крестьянам, вопреки приказанию, весенний сев провести по-старому. Одновременно воевода переслал в Москву крестьянскую челобитную с просьбой об отмене всего этого мероприятия. Крестьянская просьба была удовлетворена в Москве: «для их бедности прибавочные пашни дватцати шти десятин без получети пахати не велено»[99].

Тобольский воевода князь Ф. А. Телятевский просил Москву о пересмотре этого решения, аргументируя свою позицию тем, что прибавка необременительна и что туринские крестьяне до получения московского решения осенью 1632 г. уже засеяли дополнительные десятины озимым хлебом, как и крестьяне других общин. Важным аргументом князя было и то, что раскладку проводили сами крестьяне: «по твоему государеву указу и по своему высмотру и по окладчикове скаске». Москва в конце концов согласилась с мнением князя, хотя и потребовала от него еще раз проверить, «высмотрить гораздо», «мочно ли» туринским крестьянам пахать дополнительную пашню, не будет ли им от этого «вперед большие тягости»[100].

В челобитных туринских крестьян проявилось отношение их к главной и другим формам ренты, к старой и новой запашке «на государя». Москва с пониманием отнеслась к крестьянской позиции, но увеличение десятинной пашни было все же проведено, во многом благодаря взаимным уступкам сторон.

Прозвучавшие в первой туринской челобитной 1632 г. протесты против различных «изделий», особенно строительных работ, мешавших выполнению основной обязанности перед государством,— один из самых частых мотивов в челобитных тяглых общин. Промежуточное положение «приборного войска», реальное его сближение с податными

слоями, ускоренное сулешевскими реформами, приводили к тому, что очень сходные жалобы можно встретить и в челобитных служилых людей Сибири. Так, в челобитной тарских служилых людей 1636 г. воеводы Ф. П. Барятинский и Г. А. Кафтырев обвиняются в том, что заставляют их «вновь делать» съезжую и таможенные избы, торговые бани, казенные амбары, воеводские дворы «и всякую работу работать, чево они наперед тово не делывали»[101]. В трех начальных челобитных Томского восстания 1648—1649 гг. подобные жалобы на незаконные, по мнению томичей, воеводские «изделья», а также на неправильную организацию строительства новых городских укреплений в сходных формулировках выражены в документах служилой, крестьянской и посадской общин[102].

От туринских событий 1632 г. отличались события в Томске в 1648 г. Томские крестьяне, направив две челобитные в Москву, начали самую непримиримую борьбу против объявленного воеводой увеличения десятинной пашни. Воевода князь О. И. Щербатый частично мог обосновать свои действия государевым указом, но он пошел значительно дальше царских предписаний. В Томске, как и в некоторых других сибирских городах, для определения десятинной пашни применялась тогда десятина размером в 1800 квадратных сажен, в ряде же сибирских и русских городов размер десятины был определен в 2400 квадратных сажен. Москва приказала провести унификацию на основе последнего размера. Но О. И. Щербатый, прикрываясь этим распоряжением, приказал ввести для томских пашенных крестьян десятину размером 3600 квадратных сажен. Одновременно он объявил об увеличении размера сажени — с трехаршинной до четырехаршинной. Корыстолюбие воеводы крестьяне в своих челобитных иллюстрировали тем, что, сорвав с крестьянской общины взятку в 300 руб., князь согласился оставить сажень в 3 аршина[103]. Крестьяне протестовали также против того, что общину заставляли пахать десятинную пашню за детей, престарелых, беглых, умерших. (Сходные требования содержались и в челобитной туринских посадских 1639 г.[104])

Крестьянские жалобы, поддержанные грозной реальностью Томского восстания, имели частичный успех: подтверждалась десятина в 2400 квадратных сажен. Одновременно удовлетворялись требования крестьян, посадских и служилых отменить незаконные воеводские «изделья», назначалось следствие о воеводских насилиях.

Среди подобных «изделий» крестьяне называли строительство мельницы в страдное время, острога в Верхней слободе, воеводского двора, а также возку леса. Сходными были и жалобы томских посадских. И те, и другие подчеркивали, что они исправно исполняли и исполняют свою основную повинность — крестьяне пашут десятинную пашню, «жилецкие и оброчные» платят оброк и несут службу в целовальниках и т. д. В челобитных неоднократно подчеркивалось, что «новонакладные изделья» мешают этому. Мало того, посадские сообщали, что требование выполнения таких отработок в неудобное время зачастую бывало лишь поводом к вымоганию воеводой взяток[105].

Именно проблемы феодальной ренты крестьян стали непосредственно причиной столкновения с воеводой Н. И. Елдезиным в 1654 г. тюменского общесословного мира, в котором явно преобладали служилые. Это обстоятельство подчеркивает в своих донесениях и сам воевода, сообщая, что служилые резко протестовали против наказаний, наложенных им на крестьян за плохую обработку десятинной пашни. В челобитной же всех сословий города утверждалось, что качество вспашки было нормальным, а воевода посадил в тюрьму старосту и десятников (как ответственных за работу всей общины), чтобы «вымучить» с крестьян в свою пользу кабалу на 20 четей ржи. Подобно тому со старост и десятников оброчных крестьян и посадских он «вымучил» кабалу на 10 четей ржи. Предлогом для их ареста явилась недоимка в сборе выдельного и оброчного хлеба; челобитчики отнюдь не отказывались уплатить ее в будущем, но подчеркивали, что она образовалась из-за неразумных и корыстных распоряжений воеводы: его вымогательств, приказаний по поводу новых и поэтому незаконных «изделий» (вроде помола казенного солода) и т. д. «И для тово твой государев выдельной и оброчной хлеб запустел и платить нечем». Из-за ареста же руководителей общины пашенных крестьян, как писали крестьяне, «в те поры твоя государева десятинная пашня была не пахана». Челобитчики небезуспешно требовали «того Микифора Елдезина с Тюмени переменить, чтоб... нам, сиротам твоим, посадцким людем и оброчным крестьяном твоего государева выдельного и оброчново хлеба, и нам, пашенным крестьяном, твоей государевы десятинной пашни... не отбыть»[106]. Сходные формулировки в этой заключительной просьбе были и от служилых, и от ясачных.

В челобитной общины невьянских пашенных крестьян 1655 г. челобитчики, прося избавить их от обязанности да-

вать подводы проезжающим, писали: «А мы, государь, пашенъные крестьяне, пашем твою государеву десятинную пашню, а не ямъские охотники»[107].

В двух челобитных и «обидной росписи» 1668 г. на воеводу И. И. Лодыгина те же сословия Тюмени опять поднимали несколько спорных проблем, связанных с взиманием феодальной ренты, каждый раз подчеркивая при этом, что воевода действовал вопреки государеву указу.

На первом месте здесь была поставлена трудная проблема, не раз вызывавшая споры в XVII в. и затрагивавшая не только тяглые слои, но и «приборное войско». Это проблема взимания «десятой деньги». Спорили о том, брать ли ее «с торгов и промыслов», т. е. с доходов, как полагали миры, или со всего имущества, что иногда делали воеводы либо по своей инициативе, либо даже по указаниям Москвы. В «обидной росписи» доказывалась несправедливость второго способа, когда воевода «десятую деньгу имал с коней, и с платья, и с пансырей, и со скотишка, и з дворишек, а не с промыслу и не с торгу». При этом челобитчики утверждали, что воевода утаил подлинный государев указ о порядке этого сбора и огласил вместо него подложный текст, который от имени государя сам он «написал на Тюмени своим вымыслом»[108]. Перед нами традиционнейший штамп народного сознания.

В тех же тюменских документах 1668 г. содержатся обычные жалобы на более или менее удачные воеводские попытки введения различных «изделий» вроде починки мостов и перил, которые, по мнению крестьян, еще не требовали ремонта. Челобитчики подчеркивали, что уже вовсе незаконным было приказание И. И. Лодыгина вывозить навоз с воеводского двора, к тому же «не во время». Пашенные крестьяне отказались делать это, ссылаясь на «государеву грамоту» с запретом подобных изделий. Однако одной ссылки на царский указ воеводе оказалось недостаточно, пришлось подкрепить ее взяткой в 120 руб.[109] Община взятку дала, но тут же обжаловала воеводские действия, и жалоба эта имела успех.

Много споров вызвало масштабное, трудное дело строительства новых городских укреплений. Весь периметр новых стен с башнями был поделен между тяглыми, служилой общиной и крестьянами Преображенского монастыря. Споры с воеводой шли и об этом дележе, и о сроках работы, и о «накидывании» дополнительных заданий сверх общинного «жеребья». Но в конце концов все это важное за-

дание, как уже упоминалось, было тюменскими общинами выполнено[110].

Отметим, наконец, что проблемы феодальной ренты занимали главное место в челобитных тобольских крестьян и посадских против мероприятий, проводившихся в 1667—1670 гг. стольником П. И. Годуновым. Челобитчики, не возражая против самого принципа соответствия государевой и «собинной» пашен, приводившего подчас к увеличению первой, жаловались, что при проведении переписи в ней не участвовали мирские выборные и поэтому чиновники воеводы обманом всячески завышали размеры их «собинной» пашни. При проверке жалоба подтвердилась: последующая перепись зафиксировала на 139 дес. «собинных» крестьянских запашек меньше, чем по переписным книгам, составленным при Годунове. Это почти вся прибавка десятинной пашни по годуновской реформе — сам воевода определял ее в 158 дес.[111]

Жаловались крестьяне (как и посадские) и на попытку П. И. Годунова резко, в 2—3 раза, увеличить поступление в государственную казну хлебного и денежного оброка. «И наложа на нас тот вновь оброчной хлеб,— писали они,— зазвав нас всех в город, и садил в тюрьму и под приказ за решетку, и мучил нас в многое время». Изъятие из крестьянских хозяйств явно разорительного для этих последних количества хлеба в чем-то предвосхищало методы будущих продотрядов: «И он челобитье от нас не принимал и, рьняся за то, без нас посылал в деревнишки наши служилых людей выбойщиков, которые у него жили беспрестанно по его прихотям и изволу, и те служилые люди выбойщики, ездя по деревнишкам нашим, анбаришки наши ломали и во всех хоромишках и погребишках хлеба искали и, нашед, в город отсылали, а у которых хлеба нет, и у тех иман последнее скотишко, и отсылано в город, и продавано за бесценок, и забран скотишко и хлеб совсем без остатку, на семена хлеба и скотишка на приплод не оставлено»[112]. Но в Сибири XVII в., как мы уже упоминали, такие методы не очень-то проходили, о чем свидетельствует и крах годуновских мероприятий.

Наряду с главными формами ренты, десятинной пашней и оброком крестьян заботили нововведения стольника П. И. Годунова в сфере самых разных дополнительных работ, неустанно изобретавшихся воеводой. На крестьян были наложены новые обязанности по доставке соли, рыбы, леса, других товаров — объем извозной повинности возрос в 3—4 раза. П. И. Годунов попытался даже ввести регла-

ментированную повинность по заготовке верб для «шествия на осляти... в неделю цветоносия», и религиозное дело, которое всегда совершалось само собою, было прочной христианской традицией, сразу стало новым обязательным «изделием», которое тут же вызвало протесты крестьян[113].

Приведенные показания источников свидетельствуют, что в связанных с феодальной рентой проблемах, в важнейшей сфере деятельности миров как мирские организации, так и мирское сознание демонстрируют несомненный дуализм. В исторической литературе немало говорилось о том, что участие общин в раскладке и реализации податей и повинностей само является тяжелой феодальной повинностью. С точки зрения феодального государства, администратора, это, конечно, так. Но, как мы видели, сами миры протестовали, если власть устраняла их от этого дела. И это вполне понятно: такое устранение закономерно приводило к феодальному произволу над подвластным приказам и воеводам населением. С одной стороны, без помощи институтов мирской выборной демократии сословно-представительная монархия не могла функционировать, не имея ни возможности проконтролировать собственный аппарат власти, ни достаточно многочисленной для решения фискальных проблем армии компетентных чиновников. С другой стороны, и миры не могли устраниться от решения этой задачи. Помогая феодальному государству, они в силу своей незаменимости могли довольно успешно отстаивать интересы своих сочленов, удерживая ренту на «справедливом» уровне. Конечно, понятия об этой справедливости у властей и у «обществ» были разными, и многое из того, что «мирские люди» считали злостным нарушением государевой воли, на деле соответствовало царским указам. Но была и совпадающая область понятий о фискальных обязанностях миров, что в конце концов и позволяло, через все конфликты и в немалой мере благодаря им, успешно функционировать государственно-общинному механизму.

*
* *

Важной группой статей многих мирских челобитных являются протесты против попыток воевод завести в Сибири свое частное хозяйство, иногда — земледельческое, гораздо чаще — торгово-промысловое. Понятно, что в первую очередь воеводы стремились дорваться до самого при-

тягательного богатства Сибири — пушнины. Вся подобная деятельность с начала до конца была совершенно незаконной; вдвойне незаконными были такие операции с пушниной, при которых воеводы обогащались за счет сданного или подготовленного к сдаче ясака.

Действенной мерой государственной борьбы с подобными корыстными махинациями были широко проводившиеся на таможенных заставах конфискации воеводской пушнины, других товаров. В принципе ни один воевода, особенно на обратном пути из Сибири, не мог избежать подобного контроля. Но мы уже видели, что воеводы знали способы давления на таможенную службу, имели и другие возможности обхода правительственных распоряжений. Поэтому главным противовесом воеводским беззакониям во всей этой обширной сфере являлось все-таки активное противодействие им со стороны миров. Да и сама таможенная служба мало что могла сделать против воеводы без постоянной, повседневной поддержки миров. А поскольку незаконная воеводская торговля и операции с пушниной сурово преследовались Москвой, при возникновении у сибирских служилых, крестьянских, посадских миров каких-либо конфликтов с воеводами миры эти становились мощными союзниками сибирских аборигенов в разоблачении воеводских беззаконий.

Казалось бы, из всех видов воеводского хозяйствования наименее перспективными (хотя бы из-за короткого срока пребывания на должности) являлись попытки заведения частнофеодальных земледельческих вотчин. И тем не менее такие попытки воеводами иногда делались. Сказывалась и дороговизна хлеба в Сибири, и необходимость обеспечения кормами скота, который использовался в торговых экспедициях, и соблазн переправить продукты, лошадей, имущество (а то и работников) из незаконных сибирских «вотчин» воевод в их вполне легальные владения на западе.

В челобитных сибиряков встречаются жалобы на насильный захват воеводами земель и угодий для своего личного хозяйства и на дополнительные противозаконные «изделья», налагавшиеся воеводами на миры, чтобы обеспечить функционирование этого хозяйства. Служилая и тяглые общины могли протестовать не только против подобных «изделий», обременявших общинников, но и против вовлечения в воеводское хозяйство гулящих людей, на использование которых они имели виды и сами.

Так, в 1624 г. пелымские служилые люди, ружники и оброчники жаловались в челобитной царю на воеводу

И. М. Вельяминова, заставившего работать их в своем хозяйстве: «Да их же заставливал на собя хлеба пахать сильно, и жать, и молотить, и сена косить, и гумно делать, и овин ставить. И сенные покосы у них поймал, да им же велит на собя сено косить ис третьей копны. Да он же, Иван, загородил ез на Пелымке реке и их не пропустит по Пелымке реке ни дров, ни бревен приплавить, ни женам их платья измыть, ни воды черпать не велит... Да он же, Иван, взорал за Тавдою рекою поскотинный луг» общинный[114]. Служилые и тяглые перечисляли и другие требования воеводы: «городьбы городить около нашего и своего хлеба и навозу возить». По предыдущей челобитной пелымских жителей им была дана царская грамота, запрещавшая подобное их использование. «И они-де поднесли к нему, Ивану, нашу грамоту,— излагает этот эпизод царская отписка,— и он-де их учал лаять и челобитчика Пятка Рожина бил и в тюрму и в железа сажал, что без ево ведома бил нам челом». В Москве, конечно же, не согласились с воеводским мнением и велели назначить строгое следствие над воеводой по всем пунктам пелымской челобитной[115].

Перед нами несомненное свидетельство воеводской попытки завести собственное земледельческо-промысловое хозяйство и краха этой попытки в результате настойчивой борьбы мира, в первую очередь служилых.

Среди многочисленных обвинений, выдвинутых в начальных челобитных Томского восстания против князя О. И. Щербатого, находим те же мотивы. В челобитной томских пашенных крестьян указывалось, что воевода заставлял их «на собя работать, дрова возить и рубить, и глину, и лед возить, и печи бить, и назмы прятать, и сена ставить и возить, и всякую работу работать». Томские жилецкие люди прибавили к этому списку незаконных «изделий» два новых — принуждение «жать и молотить», что прямо говорит о воеводском хлебопроизводящем хозяйстве[116]. В этом же документе есть рассказ о том, как воевода «гулящих и промышленных людей... велел к себе на зделье имать». Судя по перечням этих «зделий», воеводское хозяйство было нацелено на производство хлеба, дубленых кож («и дуб толочь, и золу жечь, и кожи дубить»), пива для незаконной его продажи в обход государственной монополии. Томичи в челобитных требовали: «чтоб нам... воеводцких зделей не работать, окроме твоей государевой работы». Требование это также было удовлетворено в Москве[117].

В других документах иногда также встречаются жалобы, свидетельствующие о воеводских попытках завести земледельческое хозяйство. Тюменские служилые люди, например, в своих жалобах на воеводу И. И. Лодыгина писали в 1668 г., в частности, что он отнимал «на себя» «роспашную землю» у казаков, сенные покосы у Преображенского монастыря[118]. Лодыгин раздавал крестьянам лен для выращивания его «на себя», но дело это не пошло, лен не уродился и на крестьянах доправливали воеводские убытки[119]. Возможно (хотя далеко не обязательно), о земледелии на присвоенной воеводой пашне свидетельствует и упомянутая жалоба на Н. И. Елдезина, что тот заставляет посадских и крестьян возить навоз со своего двора[120].

Но в целом в мирских челобитных сообщения о попытках воевод завести собственное земледельческое хозяйство, эксплуатируя подвластное ему население, встречаются сравнительно редко. Это следствие противодействия подобным попыткам как со стороны правительства, так и со стороны бдительной мирской организации, успешно взаимодействовавших друг с другом.

Гораздо чаще воеводам удавалось заводить в Сибири собственное промысловое хозяйство и вести широкую торговлю. Вся эта деятельность имела целью получение многих товаров: лошадей, скота, хлеба, рыбы, кож, но в первую очередь — пушнины.

У воеводы было много возможностей заполучить пушнину, и прямое насилие стояло здесь на одном из первых мест. Практиковалась и организация соболиного промысла силами холопов воеводы или попавших в какую-либо зависимость от него местных жителей. Наиболее подробно такой промысел описан в нескольких томских челобитных 1648 г.— от служилых, жилецких и оброчных, нескольких групп ясачных. Они сообщали, что, приехав на воеводство, О. И. Щербатый «привез с собою многие копканы и сабаки зверовые, и в Томском городе у многих служивых людей и у всяких чинов промыслы копканные отъимал и всякие промыслы он, князь Осип, перевел за собя». При этом воевода разослал своих «людей» по тем «урочищам и речкам», где были соболиные, бобровые, рыбные промыслы томичей[121].

Князь Осип Иванович не только широко развернул эти промысловые операции, но и, используя свою феодально-административную власть, попытался стать здесь монополистом, значительно увеличив этим ущерб казне. Жилецкие и оброчные люди жаловались, что О. И. Щербатый

ввел сначала полный запрет на всю промысловую деятельность конкурентов воеводы, но затем сообразил, что сможет получать даровую пушнину, деньги, делая за взятки исключения из такого запрета:

«А нас, государь, сирот твоих, на промыслы не отпускал. А которых отпускал, и с тех пор он имал посулов рубли по два и по три. А как, государь, те люди с промыслу приходили, и которой что добыл или нет, и он с них имал на приходе по три соболя с пупки и с хвосты. А у ково, государь, было нечево дать, и он велел покупать и приносить к себе. А у ково, государь, нечем купить, и он велел садить в тюрьму и бить батоги и кнутом нещадно, а после, государь, побои, по три соболя к себе велел же приносить»[122].

Наконец, О. И. Щербатый успешно испробовал и такую форму промысла соболей и лосей, как отправка своих людей вместе с охотничьей артелью из служилых — последние получали право на промысел за отчисление доли добычи в пользу воеводы и за содействие в получении такой добычи княжескими охотниками.

Челобитные Томского восстания 1648—1649 гг. показывают широко разветвленную систему воеводских пушных промыслов. Но еще чаще воеводы применяли и более простой способ получения пушнины. Он состоял в незаконной меновной торговле воеводскими товарами в ясачных волостях. Значительную часть товаров для такой торговли (особенно ткани) воеводы привозили «с Руси», всячески стремясь при этом обойти таможенный контроль. Некоторые товары (вино, например) часто изготовлялись и в воеводском хозяйстве[123].

По заявлению енисейских служилых именно подобная незаконная торговля воеводы А. Л. Ошанина явилась главной причиной вооруженного столкновения в 1626 г. енисейцев со своим воеводой. Последний, стремясь обойти царский запрет воеводам торговать с ясачными, широко использовал в качестве своих агентов торговых людей Косицыных, всячески содействуя при этом и их собственной торговле[124].

За год до этого обвинение в скупке воеводой И. М. Вельяминовым пушнины у ясачных, в насилиях над вогулами прозвучало в челобитной пелымских служилых, ружников и оброчников[125]. В обоих случаях Тобольск и Москва приказали начать расследование.

Особенно подробно тема незаконной воеводской торговли в ясачных волостях рассматривалась во время большого

сыска 1635 г. в Пелыми, проводившегося по известной челобитной в «государевом деле» верхотурского посадского Василия Ворошилова на пелымского воеводу Евдокима Баскакова. Именно так квалифицировал такую торговлю посадский, а пелымские служилые и ясачные привели обильный фактический материал, подтвердивший справедливость извета. По приказанию тобольского воеводы князя М. М. Темкина-Ростовского было начато обширное следствие по обвинению Е. Баскакова «в государевом деле». Оказалось, что воевода посылал в ясачные волости со своими агентами (среди которых были и сборщики ясака!) собственные товары — «сукно белое» сотнями аршин, вино и другие — менять на меха. За аршин сукна брали по 15 белок. Воевода приказывал в ясачных волостях вогуличей заранее переписывать всех, имевших ценную пушнину. Подобное разрешалось как подготовительная мера к сбору ясака. Но когда эти люди привозили свои меха в Пелым сдавать в счет ясака, воевода разными способами выманивал у них меха. В ход шли и вино, и воеводские запасы «русских товаров», и прямое насилие. Практиковал воевода и промен привезенных для ясака хороших мехов на запасенные им заранее плохие, обеспечивая своей административной властью прием последних в государственную казну[126].

Подобные обвинения в адрес сибирских воевод содержались во многих челобитных служилых и тяглых общин, ясачного населения, хотя не всегда удавалось доказать эти обвинения с такой исчерпывающей полнотой, как в случае с Е. Баскаковым. Так, в том же 1635 г. было назначено следствие «в государевом деле» по частному извету на тарского воеводу Неупокоя Кокошкина в незаконном промене «русских товаров» на пушнину у барабинских татар, однако доказать это обвинение изветчику не удалось. В 1644 г. томский воевода стольник кн. С. В. Клубков-Мосальский обвинялся в том, что посылал до сбора ясака «в новые землицы» свои товары (красные кожи, сукна) на сумму 700 руб. для приобретения «лутчих соболей», провозил «неявленное» вино[127]. Сходный мотив звучит и в тюменской челобитной 1654 г.: «Да он же, Микифор Елдезин, служилых людей посылал по ясашным волостям к татаром с торгом с своими товары и на тех тотар товары свои наметывал сильно», других татар он сажал в городе в тюрьму, а за освобождение «имал себе кони, и бобры, и лисицы, и деньги»[128].

Незаконные торговые операции воеводы с ясачными, различные махинации и насилия с целью получения пуш-

нины сыграли большую роль в недовольстве томских миров действиями кн. О. И. Щербатого в 1648 г. В отдельных челобитных разных слоев томского населения в сходных выражениях рассказывалось, как князь Осип Иванович посылал в ясачные волости «многие русские товары и вино... и велел на те свои товары покупать у ... ясашных людей всякую мяхкую рухледь». Товары, бывало, даже навязывались в долг, а затем подручные воеводы ставили должников на правеж, выколачивая с них пушнину[129].

Томские мирские челобитные разоблачают уже известные нам приемы воеводы: составление в ясачных волостях предварительных «росписей» хорошей пушнины с последующей ее заменой при сдаче ясака на плохую, применение прямого насилия. В челобитных подчеркивалось, что ясачные протестовали против подобных комбинаций: они заявляли воеводе, что такой обмен запрещен государевыми указами, что воевода заставляет их нарушать шерть, ибо они шертовали государю платить ясак «добрым зверем» «безподменно». Воевода сажал протестовавших в тюрьму, угрожая им «кнутьем и огнем». Челобитчики доказывали, что они лучше воеводы блюдут государственную присягу[130].

В начальных челобитных Томского восстания, как и в других мирских документах сибиряков XVII в., содержатся категорические протесты и против тяжелой извозной повинности, которой оборачивалась и для тяглых, и для служилых миров воеводская торговля. При широком размахе такой торговли от этой повинности страдали все слои населения; тяжелее всего приходилось сибирским аборигенам, ясачным и служилым, но жаловалось даже русское приборное войско. В челобитных рассказывалось, как, отправляя свои товары в Енисейск, Тобольск, чулымские ясачные волости и другие «многие земли», воевода каждый раз заставлял местых жителей возить тяжелые грузы, причем работа была столь изнурительной, что не выдерживали ни люди, ни кони, помирали «от тяжелой волочки... потому что не в силу»[131].

Понятно, что целью воеводской торговли была далеко не одна пушнина. Мирские челобитные перечисляют и многие другие товары, которые незаконно скупались воеводами на сибирских рынках и отправлялись затем «к Руси». Это была своеобразная торговля: воеводы широко пользовались своей административной властью, чтобы поставить себя в привилегированное, подчас монопольное положение на рынке. Такие маневры сильно затрагивали интересы

миров, здесь лежал важный узел конфликтов. Наиболее существенной была, пожалуй, закупка коней, скота; она являлась основой «колмацкого торга», включавшего, конечно, и иные товары. Так, О. И. Щербатый закупал у «колмаков» кромс коней также быков, коров, овец, камки китайские, «рыбий зуб» и различную пушнину, даже мех снежных барсов («иргизей»).

В 1648 г. все томские сословия остро протестовали против попытки первого воеводы монополизировать торговлю с «колмаками». «Да он же, князь Осип,— писали в своей челобитной служилые,— отнел у нас, холопей твоих, колматцкие торги и торговал на собя. А нас, холопей твоих, с колматцких торгов он, князь Осип, велел збивать советником своим Петру да Тимофею Копыловым. А которые мы, холопи твои, почнем ему, князь Осипу, говорить, что де не против государева указа делаешь (т. е. не согласно указу.— *Авт.*), сам торгуешь, а нас, холопей государевых, збиваешь с торгов, и он, князь Осип, за то многих нас, холопей твоих, служивых людей, бил ботогами и кнутьем». В челобитных томских крестьян, жилецких и оброчных людей повторены подобные жалобы, причем подробно говорится о прямых убытках казне от этой воеводской монополии, ибо теряется пошлина (6 %), которую они уплачивали с торга[132].

Сходную картину рисует и челобитная 1636 г. тарских служилых людей на воевод кн. Ф. П. Барятинского и Г. А. Кафтырева. Когда «колмаки» пригоняют на торг своих лошадей, воеводы первые несколько дней «чинят заказы крепкие», запрещая торговать со степняками всем, кроме себя. Мало того, наблюдать за этим запретом они заставляют лиц государственной воеводской администрации — приставов и караульщиков, которые по идее должны получать государево жалованье отнюдь не за содействие нарушению государева же указа. Осуществляя, таким образом, феодальную монополию, воеводы задешево покупают хороших коней или меняют их на свои товары. Когда запрет снимается, служилым приходится покупать худших коней, и не по 2—3 руб., как воеводам, а по 10—15 руб.[133].

Подобным образом оба тарских воеводы закупали хлеб у торговцев, приезжавших из Тобольска: запрещая покупать хлеб тарским жителям, они сами приобретали его по дешевой цене, а затем продавали задорого, подчас вычитая деньги за хлеб (по определенной самими воеводами стоимости) из жалованья служилых[134]. Судя по челобитной

1654 г., Н. И. Елдезин в Тюмени поступал несколько иначе: он установил в свою пользу твердую ставку незаконного побора, взимавшегося с каждого крестьянина или иного торговца, приезжавшего с хлебом на городской рынок[135].

Следует, наконец, упомянуть и еще об одном характерном товаре — людях. Речь идет в первую очередь о ясыре — пленных, а также о похолопленных разными другими способами сибирских аборигенах. Правительство в XVII в. боролось с таким похолоплением и запрещало торговлю ясырем не только воеводам, но и служилым и всем прочим. Так, в 1646 г. Москва ответила категорическим отказом на челобитную енисейских служилых (среди подписавших ее были Петр Бекетов и Иван Галкин) с проникновенной просьбой отменить общий запрет на торговлю ясырем[136]. В 1636 г. на верхотурской заставе у четырех воевод, возвращавшихся из Сибири, было конфисковано шесть «колмаков», которых те пытались провезти «к Руси»[137]. Однако запреты действовали не всегда, и вопрос о владении ясырем, его перепродаже вызывал как конкурентную борьбу воевод и служилых, так и понятные общие жалобы аборигенов. Мирские челобитные рассказывают о различных путях, при помощи которых воеводы захватывали себе холопов из числа коренных сибирских народов. Это и промен за воеводские товары у родственников будущего холопа (Тара, 1635 г., Пелым, 1624 г.), и насильный захват ясыря у служилых, полонивших его в бою (Томск, 1648 г., Тюмень, 1668 г.), и такой же насильный захват прямо у аборигенов (Пелым, 1623—1625 гг., Томск, 1648 г.), и даже получение холопа в качестве взятки при судебном решении воеводой спора между вогулами (Пелым, 1625 г.) или за одолжение, оказанное воеводой бухарскому торговцу (Тара, 1636 г.)[138].

Томские служилые, жалуясь в 1648 г. царю на нестерпимую конкуренцию О. И. Щербатого в овладении ясырем, живописуя применявшиеся при этом насилия, выдвинули даже целую теорию о том, почему служилым можно владеть ясырем, а воеводам нельзя. Воеводы пытались вывезти похолопленных в свои вотчины за пределы Сибири, в то время как у служилых пленные являлись как бы заложниками верности державе их родственников, и этих аманатов можно было даже навещать, а со временем — выкупить. «И оне, иноземцы, видечи жон своих и детей в Томском, некуды не развезены, и к жонам своим, и к детем приезжевали и под твоею царьскою высокою рукою многие были послушны»[139]. Царская власть упорно не шла

на санкционирование старых военных обычаев, связанных с распоряжением служилых захваченными пленными, но старалась пресекать и воеводские насилия. Так Москва поступила и в связи с томской жалобой 1648 г.

Таким образом, миры с чрезвычайным упорством и подчас довольно успешно боролись против воеводских попыток заведения в Сибири частнофеодального земледельческого хозяйства, против незаконной торговой и промысловой деятельности воевод, захвата ими пушнины, ясыря. Конечно, мирские организации не в состоянии были целиком остановить расхищение сибирских богатств воеводской администрацией, но именно органы общинного самоуправления были в Сибири единственной силой, которая могла как-то противостоять феодальному грабежу, неэквивалентному обмену и административному насилию над рынком.

* * *

В заключение остановимся на политических обвинениях, встречающихся в мирских челобитных. Прежде всего отметим, что эта группа обвинений в XVII в. не отделялась четко от остальных, рассмотренных выше — мы уже говорили о мирских квалификациях воеводских махинаций с пушниной, ясаком как «государева дела».

Знаменитая формула эта с начала и до конца XVII в. и в юридической практике не имела еще той определенности, которой она во многом обязана таким выдающимся практикам в этой сфере, как кн. Ф. Ю. Ромодановский и сам Петр Великий. В тексте Соборного уложения 1649 г. термины «государево великое дело», «государево дело или слово», «государево дело» употребляются в пяти статьях (гл. II, ст. 12, 14, 16, 17; гл. XXI, ст. 103) для обозначения ряда политических преступлений. Но другие такие преступления описаны в кодексе без применения этих терминов. Так, в ст. 16 «измена» названа вне комплекса «государева дела»: «и противу извету про государево дело и про измену сыскивати всякими сыски накрепко»[140]. Нечеткость терминологии отражала реальную нечеткость юридических представлений эпохи.

Не менее интересно, что ряд статей Уложения (гл. IX, ст. 1; гл. X, ст. 1, 2, 24, 147, 149, 150) отразил более широкое толкование термина «государево дело». В словнике к тексту памятника М. Н. Тихомиров и П. П. Епифанов дают такое определение этому смыслу термина: «Государево

дело — крупное политическое поручение от государя, вообще всякая государственная служба»[141]. В словнике А. Г. Манькова читаем: «Государево и земское дело — общегосударственное дело»[142]. В обоих словниках сделана попытка отделить эти применяемые в широком смысле термины от термина «государево великое дело (или слово)» для обозначения политических преступлений. Но сам текст Уложения не дает оснований для сколько-нибудь четкого семантического разделения этих формулировок. Для политических преступлений глава II Уложения знает не только термин «государево великое дело», но и «государево дело» (ст. 16), «государево дело или слово» (ст. 14), «великое дело» (ст. 13) и многие другие сочетания. Термин «государево дело» в абсолютно разных смыслах употребляется, например, в ст. 16 главы II («про государево дело и про измену») и в ст. 1 главы X («делати всякие государевы делы»). Много сходных примеров дают и делопроизводственные материалы XVII в.

В этой непоследовательности сказывается не только неизбежно противоречивый начальный этап создания важной юридической терминологии, но и реалии общественного сознания как верхов, так и низов сословно-представительной монархии.

В системе официальных понятий феодальной монархии вся власть исходит от государя и любое дело, интересующее власть, любой вопрос, по которому эта власть дает какие-либо распоряжения, — это «государево дело». Весь механизм центральной и местной власти в государственно-бюрократическом идеале рассматривается лишь как проводник государевой воли, поэтому любой акт любого звена управленческой системы оформляется, представ перед населением как «государев указ», «государева грамота». Неизбежное в реальной жизни «собственное усмотрение» местных властей должно контролироваться — в этом же бюрократическом идеале — обязательным докладом наверх о самостоятельно предпринятых шагах с испрашиванием «государева указа» на каждое действие (к тому же не только совершенное, но даже предполагаемое).

Соответственно любые индивидуальные или коллективные мирские просьбы, предложения, исходившие от управляемых, даже по сугубо местным делам, оформлялись челобитными на государево имя и должны были местными властями отправляться наверх. В этих документах рассматривались в качестве важных «государевых дел», так или иначе сводились к решению государственных задач прак-

тически все проблемы, вставшие перед местными мирами и рассмотренные нами выше. Любые насилия и промахи воевод миры квалифицировали как препятствие к выполнению своих обязанностей перед государем.

Такое понимание базировалось не только на представлениях этих миров о важном государственном значении своей профессиональной деятельности, но и на их реальной роли в функционировании системы власти сословно-представительной монархии[143].

Идеям официального монархизма XVII в. о государевой воле как единственном источнике власти в государстве, о воеводах и боярах как верных исполнителях этой воли противостояли представления «наивного» народного монархизма об «истином государе», «милостивом царе», правящем «по правде», опираясь на миры, «землю» в борьбе с боярами и воеводами, предающими эту «правду», изменяющими таким образом «государеву делу». Этот комплекс народных политических взглядов, утопических по своей классовой сути[144], опирался, однако, и на действительную незаменимость сословно-представительных учреждений в системе власти XVII в., и на широкую социальную демагогию царизма, умевшего представить управление в интересах феодальных верхов как управление в общенародных интересах, ради единства и «общего блага»[145].

Неизбежные столкновения между обеими концепциями монархизма — важная часть реального политического содержания самых разных форм мирского протеста, от широких народных восстаний средины XVII в. против «государевых изменников» — бояр, воевод, дьяков — до подачи челобитных царю о нарушениях его слугами «государева интереса», как правило, очень широко понимаемого и зачастую неотличимого от мирского, земского интереса. Постепенное наступление начал абсолютизма в системе управления делает этот конфликт еще более острым.

В ходе столкновений разные силы широко, хотя и не однозначно использовали понятия «государево дело», «государево слово и дело». Челобитчики доказывали, что воеводы, нерадиво исполняющие свои обязанности, грабящие и притесняющие местное население, самовольными распоряжениями нарушающие права миров и исключительную царскую прерогативу власти, являются изменниками «государеву делу». В Сибири подобное использование «государева слова и дела» в борьбе с насилиями местной администрации прослеживается буквально с первых же лет освоения региона. Напомним хотя бы о проанализированных

В. И. Корецким обстоятельствах столкновения в 1606—1608 гг. томского служилого мира с головами М. Ржевским и С. Бартеневым, закончившегося смещением последних[146]. Воеводы торопились объявить подобные жалобы сибиряков проявлениями неповиновения, ослушанием царским указам — бунтом, который всегда входил в узкоюридическое понимание «государева слова и дела». По сути дела, воеводы были правы — сама «царистская» челобитная содержала зерно неповиновения законным властям, разраставшееся подчас в «скоп и заговор», «бунт».

Но верховная власть XVII в., чутко улавливая объективную логику в рассуждениях воевод, не спешила отменять важное право апелляции местных миров к царю, справедливо видя в нем серьезный механизм обратной связи, противовес неизбежной коррумпированности и бесконтрольности бюрократического аппарата. Не раз такие апелляции заканчивались сменой воевод и расследованием их деятельности (конечно, карали их не за укрепление государственной власти на местах[147], а за действия, реально ослаблявшие ее). Однако более острые случаи использования населением, местными сословно-представительными организациями терминологии «государева дела» для борьбы с царской администрацией не могли найти понимания верховной власти. Так, несмотря на горячее убеждение участников восстаний средины XVII в. в том, что они действуют в интересах царя, против «государевых изменников»[148], бунтарский смысл их действий был очевиден для всех властей.

Во время народных выступлений руководителям приказов, боярской думе и царю не раз приходилось определять ту подчас неясную на практике грань, которая разделяла противоположные понимания «государева дела» или — что то же самое — отделяла вполне похвальную с точки зрения центральной власти народную заботу о государевом интересе от зловредного бунта. Проявляя иногда немалую гибкость, стремясь не подорвать народную веру в «хорошего царя», назначая следствия по мирским изветам о нарушении воеводами «государева интереса», правительство неизменно квалифицировало прямое неповиновение воеводской власти как тяжелое государственное преступление, бунт. Характерно, что во время таких конфликтов и население (миры), и воеводская власть, и органы центрального управления использовали терминологию «слова и дела государева».

Однако постепенно укрепляется и более узкое понимание изветов и следствия по «государеву слову и делу», связанное в первую очередь с выделением наиболее серьезных преступлений — измены, бунта, умысла на государево здоровье (вера в магическую силу заговора, проклятья делала эту группу достаточно значительной), оскорбления царской чести. Хотя особая важность этих преступлений в средневековом обществе ощущалась всегда (и русский XVII век дает тому немало примеров), их выделение из общей массы «государевых дел» — процесс постепенный и противоречивый. Терминологическая нечеткость отражает здесь реальное состояние юридико-политических представлений общества. Так, и в административной практике XVII в., и в петровском законодательстве постоянно наблюдались значительные колебания по вопросу о включении в наиболее опасные государственные преступления по категории «слова и дела» дел о нарушении государственных финансовых интересов.

В реальных взаимоотношениях местных миров и воевод именно такие дела позволяли вести серьезную борьбу с коррумпированностью и неэффективностью воеводского аппарата власти — борьбу, в которой были заинтересованы и население, и центральная власть. Но в ходе конфликта, зачастую перераставшего законные рамки «мирского челобитья», челобитчики нередко не ограничивались одними жалобами на нарушение местной администрацией «государева интереса», обвиняя ее и в изменнических действиях, узурпации прерогатив царской власти. Незаконные поборы и взятки со служилых квалифицировались, например, как препятствие к выполнению ими государевой службы, т. е. прямой урон обороноспособности страны.

Мотив этот в той или иной форме встречается в большинстве серьезных мирских челобитных на воеводские притеснения. Иногда он выражен лишь в краткой заключительной формуле этих документов, где служилые люди выражают опасение, что могут «вконец избыть от государевой службы» (крестьяне — соответственно «от государевой десятинной пашни»). Иногда же, как например в многочисленных мирских челобитных Томского восстания 1648—1649 гг., звучат развернутые декларации верноподданного выполнения мирами всех своих обязанностей перед государем и преступного пренебрежения воеводы к «государеву интересу».

Можно отметить три группы обвинений, которым в мирских челобитных могли придавать подчеркнуто политический характер.

Во-первых, это уже упоминавшиеся сообщения о крупных воеводских хищениях, взятках, присваивании ясака и других махинациях с пушниной. Именно в этой связи прозвучала формула «государево дело» в 1625 г. против пелымского воеводы И. М. Вельяминова, в 1626 г. против енисейского воеводы А. Л. Ошанина, в 1635 г. против тарского воеводы Н. А. Кокошкина, в 1648 г. против томского воеводы О. И. Щербатого[149].

Во-вторых, это обвинения в реально идущем процессе усиления абсолютистско-бюрократических начал в государственном управлении. Миры справедливо рассматривали этот процесс как главную угрозу той политической системе сословно-представительной монархии, в которой им принадлежало такое значительное место. Общинные организации остро реагировали на угрозу, сводя ее лишь к узурпации воеводами власти и привилегий государя. Народное политическое сознание видело здесь отнюдь не правительственный курс, а только козни «плохих» воевод, князей, бояр против «доброго» государя. Отсюда столь частое мирское представление, что воеводы «государятся». И если иногда речь шла о действительно несанкционированной Москвой самостоятельности воевод, то в других подобных случаях усиление воеводской власти велось в полном соответствии с московскими указами. Дело осложнялось еще и тем, что власти в Москве, наученные горьким опытом самозванчества XVII в., боялись реальной узурпации царских полномочий, как огня[150].

Малейшие, иногда даже формальные проявления самостоятельности местных властей фиксировались в мирских челобитных, постоянно подчеркивавших, что неправильные, с точки зрения миров, действия воеводы предпринимались им «без государева указу», а то и вопреки ему. Подобные утверждения — почти обязательный элемент мирской челобитной. Томские крестьяне в 1648 г., цитируя уже упомянутое нами заявление О. И. Щербатого: «Я де здесь не Москва ли?», — намекали, что воевода явно «государился». Позднее, во время следствия о Томском восстании, когда проводивший это следствие С. Л. Скворцов написал один из текущих документов от своего, а не от царского имени, томичи тут же заявили, что «он-де... Степан, государится»[151]. Этот же мотив прозвучал и в реак-

ции тобольских служилых людей на реформы П. И. Годунова: служилые упорно допытывались, по какому государеву указу воевода проводит изменения. Они требовали показать им этот указ. Воевода гордо ответил, что «ведать указано его государьской указ в приказной избе воеводам, а им не указано». Но, как мы знаем, в конце концов в этом конфликте победили миры[152].

Наконец, в-третьих, в мирских челобитных на воевод звучали политические обвинения в столь серьезных делах, как измена, пособничество врагу, оскорбленные слова в адрес государя. Казалось бы, подобные обвинения в адрес высокопоставленных чиновников — явный абсурд. Казалось бы, в челобитных обычно приводилось столько реальных фактов вопиющих воеводских злоупотреблений, что не было никакого резона присовокуплять к ним выдуманные политические обвинения. Но резон явно был, да и не всегда такие обвинения являлись вымышленными на все сто процентов.

Скажем, изрядная доля правды была в 1626 г. в рассуждениях енисейских служилых, расценивших приказание своим холопам воеводы А. Л. Ошанина палить из пищалей по государевым воинам как явную измену. (Отметим, однако, что Казанский приказ воспринимал и другую правду воеводы, утверждавшего, что палить из пищалей по нему, верному государеву слуге, — тоже явная измена.) Сообщая тобольским воеводам об этом конфликте, челобитчик енисейских миров И. Обухов квалифицировал как измену и притеснения воеводой ясачных: недаром «государев жаловалной переводчик» князец Тымка, случайно оказавшийся 9 мая 1626 г. на самом поле боя в Енисейске, немедленно изменил государю и бежал, подавая пример «шатости» другим[153].

Нет ничего невозможного и в обвинении по «государеву делу», выдвинутому в 1636 г. в челобитной тарских служилых людей против воеводы кн. Ф. П. Барятинского. В это время готовился поход вверх по Иртышу на «колмаков». Поход оказался неудачным, так как неприятель заранее узнал о нем и избежал встречи с посланным из Тары войском. Незадолго до этого из Тары выехал бухарский торговец и посол Казый, и служилые были уверены, что это именно он «подал весть» неприятелю. В своей челобитной служилые писали, что, боясь подобного разглашения военной тайны, они письменно потребовали от воевод не отпускать 20 дней Казыя из Тары; однако Ф. П. Барятинский, получив от «бухаретина» взятку в 200 или 100 руб.

да «девку колмацкую», выпустил Казыя, пренебрегая и мнением служилых, и государевым указом о подобных ситуациях[154]. Обвинение воеводы в измене, «государевом деле» сыграло немалую роль в обострении тарских событий 1636 г.

Как известно, и в Томске в апрельские дни 1648 г. сигналом к восстанию послужило выдвинутое сыном боярским Г. Подрезом-Плещеевым против воеводы О. И. Щербатого обвинение в «государевом деле». Суть этого обвинения не была, однако, объяснена Подрезом ни тогда, ни позднее. Но по мере нарастания конфликта томские миры решили добавить к многочисленнейшим обвинениям первого воеводы во всевозможных насилиях и обвинения в прямой измене. Были созданы «статейные списки» двух посольств томских служилых Н. Попова и В. Бурнашева к дружественному телеутскому князцу Коке. По сведениям этих списков, Кока заявил, что видел документ, свидетельствующий о тайных переговорах О. И. Щербатого с джунгарским контайшой с целью организации совместного нападения на телеутов; князь Осип будто бы даже приглашал войска контайши прибыть под Томск и допускал «непристойные речи» о государе царе[155]. Несмотря на различия во взглядах на отношения с соседями между первым воеводой, с одной стороны, томскими служилыми и поддержавшим их вторым воеводой И. Н. Бунаковым — с другой, эти обвинения князя Осипа в политической измене были, несомненно, нелепы и в конце концов лишь повредили томским мирам.

Приведем один пример, когда доказанное обвинение по «слову и делу государеву» помогло миру избавиться от жестокого администратора. В 1667 г. казаки, солдаты и пашенные крестьяне Шадринской слободы были возмущены слободчиком Галактионом Пясталовым, который отнял мирские рыбные ловли на р. Исети и озерах, издавна кормившие жителей слободы. При этом они успешно использовали неумышленную неосторожность Пясталова. Во время возникшего спора один из казаков, Трифон Данилов, напомнил, что он служил казачью государеву службу в царском полку «и с великим государем в походе бывал». В ответ слободчик грубо обругал казака «и с тем, кому он служил». Присутствовавшие при этой ссоре стали упрекать слободчика: «Не брани-де, ты, Галахтион, ево, Трифанка, он-де, Трифанко, служил в солдатех под Ригою и под Смоленским, и там-де бояре и полковники и началные люди ево не бранивали и не бивали, и Галахтионко-де избранил

ево, Трифанка, и с тем, с кем служил». Последовала известная челобитная в «государевом слове и деле», широкий розыск подтвердил, несмотря на все ухищрения Галактиона, справедливость извета. Слободчика пытали, разжаловали в пешие казаки и отправили в ссылку, которой государь «по упрошению чад своих» заменил ему смертную казнь[156].

То, что шадринский казак в споре прибег к аргументу о важном значении своей службы государю, не случайно. Перед нами одна из характернейших особенностей народного сознания, проявлявшаяся так или иначе во всех спорах миров с местными (а иногда и приказными) властями. Мирские челобитчики во всех подобных конфликтах не устают напоминать властям страны, начиная с царя, что они всегда верно служили и будут служить государю, что они помнят о своих обязанностях перед ним. Этот монархический мотив в челобитных миров звучит тем сильнее, чем острее реальное их столкновение с представителями власти. И именно в этом главный ключ к пониманию характера такого монархизма.

Покажем это на одном из наиболее ярких в сибирской истории XVII в. документов. Когда 15 февраля 1649 г. в Томске была получена грозная царская грамота (составленная при активном участии главы Сибирского приказа кн. А. Н. Трубецкого) с повелением вернуть к власти воеводу О. И. Щербатого, томские миры объявили эту грамоту подложной и отказались повиноваться ей. Было решено еще раз отправить к царю мирскую делегацию с большой общесословной челобитной, в которой снова подробно объяснялась невозможность возвращения князя Осипа к власти. Документ этот буквально переполнен вполне искренними верноподданническими декларациями. Приводим лишь небольшую часть его.

«Как, государь, из начала после Ермакова взятья Сибирь стала и твои государевы многие сибирские городы и Томский город поставлен и преже, государь, Томсково и в Томском городе отцы наши, и братья, и мы, холопи и сироты твои, и детишка наши служили бывшим государем царем да и отцу твоему государеву, блаженныя памяти великому царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, да и тебе, праведному и милосердому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии крест целовали на том, что тебе, великому государю, служити и прямити и во всем добра хотеть, как и прежним государем царем, да и отцу твоему государеву, блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, служили и прямили и во всем добра хотели, преже Томсково города и в Томском, государь, городе лет по тритцати, и по сороку, и по пятидесять, и больши отцы наши и братья, и мы, холопи и сироты твои, против твоих государевых непослушников и изменников в сибирских городех в посылках и на боях голо-

вы свои поклали и померли за бывших государей царей и блаженныя памяти за отца твоево государева и за тебя, праведново государя, и за твое государево царево крестное целованье. И многие, государь, городы и остроги в Сибире после Ермакова взятья поставили своими головами, и многия неверныя немирныя орды под твою царьскую высокую руку приводили, и твое государево царево крестное целованье исполняли. Да и мы, холопи и сироты твои, ныне и всегда, как тебе великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии крест целовали, готовы за тобя, государя царя, умирать и крестное целованье исполнять. А служим мы, холопи твои, всякие твои государевы службы зимою и летом, конныя и струговыя и лыжныя. И по твоему государеву указу твои государевы воеводы посылают нас, холопей твоих, на твои государевы службы по многим неверным дальним немирным землям и по улусам приводить под твою царьскую высокую руку для твоево государева соболинаго поминочново и ясашного збору. И мы, холопи твои, ис Томсково города по твоему государеву указу в те дальния неверныя немирныя орды ходим и иноземцов, и колмаков, и тотар, и иных многих иноверных людей под твою царьскую высокую руку приводим. И на тебя, великого государя, твоим царьским величеством и грозою поминки, лисицы черныя и бобры, и соболиной ясак емлем. А ходим, государь, мы, холопи твои, в дальные посылки по многим землям и по улусам по году, и по два, и больши и голод, и наготу, и босоту, и всякую нужю терпим и души свои оскверняем и от великие нужи з голоду помираем.

А ныне, государь, мы, холопи и сироты твои, не ведаем, за какую нашю вину и прослугу он, князь Осип, стакався з дьяком с Михаилом Ключаревым и с своими с советники с Петром Сабанским с товарыщи, умышляючи своими заводными умыслы, завели и писали к тебе, к государю, на нас, холопей и сирот твоих, многое воровство и измену и многие воровские затейныя статьи, пущу прежнево, рняся нашему челобитью, хотя твою государеву дальную вотчину до конца разорить и нас, холопей и сирот твоих, вконец погубить, не радея и не прочя тебе, государю царю.

А служим мы, холопи и сироты твои, тебе, праведному государю, век, как твоя государева дальная вотчина Сибирь стала, правдою, а не изменою, за тебя, праведнаго государя, везде помираем и кровь свою проливаем. А прослуги, государь, и измены и шатости никакие в нас преж сего не бывало. Да и впредь, государь, мы, холопи и сироты твои, тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, рады служить и прямити своими головами против твоих государевых непослушников и изменников, на боях и в посылках головы свои складывати и кровь свою проливать и помирати за тебя, государя и за твое государево царево крестное целованье стоять впредь безызменно.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии! Пожалуй нас, заочьных холопей и сирот своих, возри, государь, помазанник божий, своим праведным милосердием, вели, государь, нас, холопей и сирот своих, от ево, князь Осиповы и Михайловы, изгони и насильства оборонить»[157].

Мы видим, таким образом, что монархизм томских «бунтовщиков» резко отличается от монархизма князей, бояр, воевод. Он зиждется на народных представлениях о том, что главной миссией «доброго царя» как раз и является защита «всей земли», мира от насилий этих князей, бояр, воевод. Поэтому отраженные в мирских челобитных конфликты властей и земщины можно рассматривать как противостояние монархизма феодальных верхов и низов общества.

И при составлении челобитных и в ходе других этапов столкновений общин и воеводской администрации наблюдается немало повторяющихся элементов, определяемых народными общественными представлениями и длительной практикой сословно-представительной монархии. Это и отправка челобитчиков, снабжение их необходимыми средствами, и составление «одиначных» мирских записей, а в ряде случаев — использование противоречий между администраторами разных рангов (например, между первым и вторым воеводами города, между местным и тобольским воеводами), расправа с воеводскими сторонниками, попытки примирения или, наоборот, все настойчивее звучащий мотив немедленного отказа воеводе от власти.

Постепенное развитие многих конфликтов дает картину значительного разнообразия, при всей повторяемости отдельных элементов. В настоящем параграфе мы намерены дать последовательную характеристику хронологического ряда подобных конфликтов, как уже упоминавшихся выше, так и других, не претендуя, конечно, на полный их реестр. При этом, поскольку процессуальные порядки и реальный ход сысков по мирским жалобам на воевод представляют отдельную проблему, ей будет посвящен заключительный раздел настоящей главы, подобно тому, как составлению и содержанию челобитных были посвящены два ее предыдущих параграфа.

Множество столкновений миров с воеводами не доходило до социальных взрывов, чему в немалой степени способствовала гибкая политика Сибирского приказа с его порядком постоянных сысков о воеводской деятельности. Так или иначе уже в этих случаях проявлялось со стороны и воевод, и миров стремление сохранить или укрепить свои социальные позиции. Насилие, неизбежное для феодального общества и воплощавшееся, в частности, в воеводских злоупотреблениях, прослеживается буквально с первых шагов освоения Сибири и крепнет по мере упрочения сибирских миров в ходе колонизационных процессов.

Конфликт между лицами правительственной администрации и миром произошел в Томске уже в 1608 г., вскоре после основания города. В челобитных ясачных и служилых говорилось, что головы Матвей Ржевский и Семен Бартенев в 7114 (1605/1606) г. подвергали местное население вымогательствам и насилиям, среди которых назывались такие традиционные безобразия, как присвоение час-

ти жалованья служилых и пушнины ясачных. Головы пытались не отпустить челобитчиков в Москву и даже обвинить их в «государевом деле». Но попытка не удалась: по звону всполошного колокола собрался мирской сход, на котором принявший сторону мира подьячий К. Федоров не только сообщил о многих злоупотреблениях голов, включая казнокрадство, но и перевел обвинение в политическую плоскость, заявив, что «от Семенова воровства земли отложилися»[158]. Разгорелась борьба. Головы сообщали даже в Москву, что томичи перестали повиноваться им, государевым слугам. Томичи отвечали, что головы «писали-де на них к тобе, государю, ложно». Исследовавший этот конфликт В. И. Корецкий считает, что, вероятно, томичи пытались изгнать голов из города. Во всяком случае, томскому миру удалось добиться царского решения о смене голов и проведении тщательного расследования по мирской челобитной. Итоги этого расследования неизвестны, но В. И. Корецкий полагает, на основании текста воеводской отписки, что скорее всего «московское правительство, отозвав голов и удовлетворив наиболее насущные нужды томских служилых людей, сумело справиться с положением»[159].

Сохранились также известия о «смутах» и «непослушании» населения Пелыма в 1608—1618 гг., Кузнецка в 1620 г. Особенно длительным было сопротивление воеводам в Пелыме. Сообщая в 1624 г. в Москву предысторию своего острого конфликта с жителями города и уезда, пелымский воевода И. М. Вельяминов рассказывал, что их сопротивление законным царским администраторам началось еще при его предшественниках. С ним столкнулся воевода Иван Михайлов сын Годунов, назначенный в Пелым в 7116 (1607/1608) г. По словам И. М. Вельяминова, во время конфликта с пелымцами, когда Годунов «стал их от воровства унимать», один из предводителей служилых, сын боярский Исак Алабычев «убил было ево до смерти». Однако И. М. Вельяминов, сам столкнувшийся с сильным кланом Алабычевых, видимо, сгущает здесь краски[160].

Более серьезным оказалось «непослушанье» жителей Пелыма воеводам Ивану Яковлевичу Вельяминову и Григорию Никитину сыну Орлову, правившим городом с 7124 (1615/1616) г. Согласно тому же рассказу И. М. Вельяминова, острота отношений его предшественников с подвластным им населением была такова, что И. Я. Вельяминов сидел в осаде на своем воеводском дворе, «и он-де отсиделся в ызбе, а товарыща ево Григорья Орлова ножем было

зарезали, и он утек к себе в избу»[161]. В Сибирском летописном своде есть известие о смерти в Пелыме следующего воеводы, князя Никиты Волконского. И. М. Вельяминов считает пелымских жителей виновниками этой смерти: «от их воровства и умышленья умер». Он же упоминает о побоях, которые пришлось претерпеть от пелымских служилых посланному вскоре на место умершего воеводы Петру Никитину сыну Вельяминову, о том, что пелымские воеводы не раз, отчаившись, просили Москву «о управе»[162].

Подобные ссылки на всегдашнюю «бунташность» города, доставшегося Ивану Матвеевичу Вельяминову в воеводское управление, были крайне необходимы ему самому: к тому времени в Москве и Тобольске уже лежал ряд серьезных челобитных на него тех же пелымских миров[163]. О содержании их мы уже говорили — здесь и конфискация мирских земель служилых и крестьян для собственного хозяйства, и попытка наложить на тех и других оброки и отработки в свою пользу, и всевозможные другие притеснения, включая взятки пушниной, похолопление ясачных и т. д.

В 1624 г. «всяких чинов люди» написали в Тобольск развернутую челобитную «ото всего города», квалифицируя воеводское взяточничество как «государево дело». С челобитной были направлены от мира двое рядовых стрельцов. В Тобольске всемогущий Юрий Яншеевич Сулешев очень внимательно отнесся к жалобам служилых, переправил их челобитную в Москву, а самих челобитчиков повысил в десятники и вернул с этими добрыми вестями в Пелым. После этого И. М. Вельяминов жаловался в Москву, что служилые тотчас перестали слушать его[164]. В этой обстановке стали создаваться новые челобитные на воеводу. В разгар работы, 17 декабря 1624 г., в город прибыли из Тобольска сын боярский И. Шульгин и подьячий Т. Васильев с приказанием Ю. Я. Сулешева «считать воеводу»; через них в Тобольск были переданы новые челобитные. Вскоре в Москве оказалось не менее шести челобитных пелымских служилых людей и пашенных крестьян. 16 февраля 1625 г. государь, рассмотрев все эти жалобы, одобрил действия Ю. Я. Сулешева и распорядился по всем пунктам обвинений «сыскать всякими людьми накрепко»[165]. Исход следствия неизвестен, но, по летописному известию, уже в том же 1625 г. в Пелыме правил новый воевода — Иван Петров сын Вендеревский[166].

С 1620-х гг. в открытых столкновениях с воеводами начала проявляться определенная политическая позиция ми-

ров — отказ воеводам от административной власти при апелляции к авторитету царя. Можно полагать, что в основе отказов воеводам лежит традиционная для казачьего круга норма выбора начальственных лиц, начиная с атаманов, о чем уже сообщалось в главе, посвященной войску. С нею переплеталась и традиция тягловых общин, соответствовавшая народным (а отнюдь не государственным!) правовым представлениям: обжалуя всем миром действия какого-либо должностного лица, отказываться подчиняться его власти с момента отправления жалобы, а не с момента получения положительного решения по ней[167]. Подобные отказы становились обычно-правовой нормой, которую миры на практике упорно отстаивали вплоть до XVIII в., и в их «непослушании» прослеживалась четко выраженная социально-политическая позиция.

Впервые ситуация с общим открытым отказом воеводе возникла в мае 1626 г. в Енисейске. Недовольство енисейских служилых, промышленников, крестьян, ясачных действиями воеводы Андрея Леонтьевича Ошанина имело, как обычно, несколько причин. Среди них и его военные распоряжения, и торговля с ясачными, и прямой грабеж служилых и ясачных, и чрезмерная извозная повинность крестьян.

События начались весной 1626 г., когда воевода отправил отряд из 70 служилых и 38 ясачных во главе с атаманом Василием Алексеевым и стрелецким пятидесятником Терентием Савиным в поход на «немирного» тунгусского князца Тасея. Выйдя из Енисейска, отряд перестал подчиняться полученным от воеводы наставлениям — был изменен маршрут движения, воевали поэтому не с теми тунгусами, с которыми приказывал А. Л. Ошанин. Понимая значение такого ослушания, участники похода вместе со своими командирами еще в походе договорились о единстве. Собравшись, видимо, на круг, они «поставили меж образ Пречистые Богородицы», что будут действовать «заодин» — походный эквивалент, а, может быть, и дополнение пресловутой «одиначной записи». И, действительно, когда воевода попытался вызвать из отряда пятидесятника Т. Савина для отчета о самовольных действиях, тот согласился говорить с воеводой лишь вместе со всеми участниками похода. В Енисейск они вернулись с добычей и ясырем в Вербное воскресенье (2 апреля) 1626 г. и в ответ на воеводские упреки тут же отказались подчиняться ему. «И служивые-де, государь, люди, — жаловался воевода царю, — атаман Васка Алексеев с товарыщи, во всем ево,

Ондрея, не слушают и хотели в съезжей избе ево, Ондрея, убить до смерти и торговых людей хотят побивати и грабити, и круг завели, и запись межь себя одиначную написали, и руки к записи приложили, и крест межю собою целовали, что им ево, Ондрея, ни в чем не слушати и под суд не даватца». К съезжей избе казаки «приходили с шумом и ево лаяли и за бороду драли и хотели убить» — такова версия воеводы[168]. Казаки же заявляли потом, что приходили в съезжую для переговоров с воеводой, но последний отказался говорить с войском.

Перед нами первое описание типичной сибирской ситуации: отказ «нехорошему» воеводе от власти, провозглашенный на кругу и подкрепленный «одиначной записью» мира.

Но и этот круг, и бурные сцены в съезжей были еще не кульминацией событий. Воевода недаром упомянул (хотя и нарочито глухо) о вражде енисейцев к торговым людям — приезжим, конечно. Дело здесь не только в конкурентной борьбе за пушнину, но и в том обстоятельстве, которое сами енисейцы называли главной причиной всего конфликта. Сообщая царю об «изменных» действиях воеводы, вызывавших «шатость» среди аборигенов, они писали в первую очередь о широких операциях воеводы по присвоению пушнины, которые он проводил с помощью своих агентов, торговых людей Косицыных. С Косицыными воевода отправил «в Тюнкину и в Качинскую землю» на 600 руб. товаров для обмена на пушнину.

Когда Мамрук Косицын вернулся «на Николин день вешней» (9 мая 1626 г.) назад с пушниной и воевода попытался всю эту пушнину сразу забрать на свой двор, избегая уплаты 10 % таможенной пошлины, казачья община во главе с атаманом В. Алексеевым силой приостановила эту операцию. Делегация служилого мира немедленно отправилась для переговоров на воеводский двор. Придя туда, казаки увидели, что А. Л. Ошанин пирует со своими сообщниками из торговых людей. Атаман и казаки испортили им пир, тут же у стола процитировав государевы указы о пушнине, которые нарушили воевода и Косицыны. Юридический спор перешел в рукопашную. Затем в разгоревшемся сражении у воеводского двора обе стороны применили огнестрельное оружие. «И воевода Ондрей Ошанин, взяв с собою людей своих и вышед за острог, учал нас, государевых холопей, бить ис пищалей и саблями сечи, — сообщали царю казаки, конечно, только о действиях противной стороны. — И убили ис пищали литвина Федо-

ра Васильева до смерти, да казачья десятника Ивана Семенова сына Щелинина ис пищали пробили повыше пояса, да у казака у Шестака Онофриева саблею отсекли у левой руки три перста. А как он, Ондрей, с людьми своими по нас стрелял и нас сек, и с той поры сносили на его, Ондреев, двор тот ево, Ондреев, товар, мяхкую рухлядь»[169].

Воевода, в свою очередь, жаловался (умалчивая о пушнине), что казаки «у острогу ворота выломили и замок острожных ворот сломили, и чепь изломали, и ко двору ево, ко Ондрееву, приступали, ис пищалей и из луков по окнам стреляли и ево мало из лука не убили. И он-де, Ондрей, одва от них отсиделся»[170].

Захватив острог, енисейские казаки (как позднее казаки томские) блокировали воеводский двор и выставили на дорогах заставы, чтобы не пропускать никаких вестей от воеводы в Тобольск. На третий день после сражения стороны начали мирные переговоры через священника Кирилла Максимова. Удалось прийти к соглашению: казаки брали назад свой отказ воеводе от власти, а последний обещал больше «жесточи не чинить». Обе стороны обязались не сообщать вышестоящим властям о происшедшем, но сразу же после соглашения поспешили объяснить Тобольску и Москве свои версии происшедшего, причем и енисейские миры, и воевода квалифицировали действия противной стороны как «государево дело». Отправленные тогда в Тобольск шесть мирских челобитных, о которых мы уже говорили в предыдущих параграфах, появились, таким образом, не в начале, а в самом конце бурных городских событий.

В Казанском приказе и в Тобольске на эти события посмотрели очень серьезно, и в Енисейск с отрядом служилых людей для проведения сыска прибыл сын боярский Б. Аршинский. Он вынужден был убедиться, что выступление енисейских казаков не укладывалось в рамки своеволия; казаки поддерживались местными крестьянами, промышленниками и ясачными людьми. Все они обвиняли воеводу, тесно связанного с приезжими торговыми людьми, в незаконных торговых операциях и различных «насильствах». Крестьяне и ясачный князец Еней показали, что воевода незаконно заставлял их перевозить товары приезжих торговых людей, а местные промышленники обвиняли воеводу в освобождении этих торговцев от податей и «изделий», которые падали на них. Выступление и «отказ» воеводе обусловливались казаками перед сыщиком социальным мотивом — превышением воеводой своей власти, от

чего страдали как «государев интерес», так и интересы местных миров[171]. Все слои енисейского населения действовали с глубокой убежденностью в правоте своего выступления против «измены» А. Л. Ошанина, ради корыстолюбия нарушавшего «государев интерес». Именно поэтому при расследовании этого события енисейское население доказывало, в частности, что насилия воеводы привели ясачных людей «к шатости», нанесли урон «государевой службе» и сбору ясака[172].

А. Л. Ошанина Сибирский приказ вскоре убрал с воеводства, но группа енисейских казаков со своим атаманом надолго попала в тобольскую тюрьму. В Сибирском приказе хорошо запомнили казачью инициативу с отказом воеводе и в последующем вынуждены были убедиться, что события в Енисейске не были случайностью. Более того, дальнейшее показало типичность причин и проявлений выступлений, их идейную обусловленность и, наконец, реакцию центральной власти, не всегда квалифицировавшей действия миров и войска как бунт, тогда как местная администрация неизменно сводила свои столкновения с сибирским населением к неповиновению последнего.

Между восстанием 1626 г. в Енисейске и Тарским восстанием 1636 г. можно отметить ряд менее острых выступлений сибирских миров и их отдельных членов против воеводской власти. Остановимся на некоторых из них, интересных для нашей темы.

В том же 1626 г. посадский мир Томска во главе с старостой Гаврилой Шодюром предъявил, как мы уже упоминали в главе I, иск к сменявшимся воеводам кн. А. Ф. Гагарину и С. Дивову, которые, взяв с томичей пятинный хлебный оброк, присвоили его, так что новый воевода О. Хлопов «доправил» его вторично. 20 мая 1627 г. царь приказал взыскать с вдовы А. Ф. Гагарина и с С. Дивова убытки пострадавших, определенные в 200 руб. Однако виновные всячески оттягивали выполнение этого решения и спокойно перенесли полуторагодичный правеж этих денег перед зданием Казанского приказа: на правеже ведь стояли не самые виновные, а их холопы. Жалобы томских посадских еще несколько раз рассматривал сам царь. В результате томичам удалось вернуть лишь 50 руб.[173]

В 1628 г. в Томске не оказалось денег для выплаты жалованья 20 служилым, которых посылали в Кузнецк. Казаки, потребовав выплаты жалованья, до тех пор ехать на службу категорически отказались. «Непослушников» посадили в тюрьму, но деньги им срочно выслали из Казани[174].

В 1632—1633 гг. по приказанию тобольского воеводы кн. Ф. А. Телятевского в верхотурской, туринской, тагильской, нейвинской общинах пашенных крестьян производились небольшая прибавка десятинной пашни и сыск беглых. В рассмотренной в предыдущем параграфе челобитной туринских пашенных крестьян содержался в первую очередь протест против «незаконных изделий» и разных дополнительных работ (а не против новой десятинной пашни). Москва удовлетворила крестьянские требования.

Налагая сравнительно небольшую дополнительную пашню, власти дальновидно решили провести всю эту операцию руками крестьянских общин, выделивших для этого расклада специальных выборных «окладчиков». Но одновременно общины в самой резкой форме протестовали против попыток провести сыск беглых членов общины — крестьяне, осведомленные о новых местах нахождения большинства беглецов, отстаивали свое право на поиск лучших условий хозяйствования. Прямо на сходах крестьяне категорически отказывали тобольским чиновникам в предоставлении сведений о беглецах, и даже вызов на Тагил для устрашения стрелецкого сотника с двумя служилыми не дал результата, вся операция по возвращению беглецов была крестьянами сорвана[175].

Сибирские миры, как уже говорилось, умели использовать в своей борьбе с воеводскими насилиями такое частое явление, как распри внутри воеводской коллегии. В 1633 г. по приказанию тобольских воевод М. М. Темкина-Ростовского и А. В. Волынского в Томске разбиралась жалоба второго томского воеводы Ф. Шишкина и дьяка А. Строева на первого воеводу кн. Н. И. Егупова-Черкасского. Краткое сообщение об этом сыске попало даже на страницы Сибирского летописного свода, где отмечено, что первый воевода, чтобы не мешать расследованию, был удален в Тобольск[176]. Хотя томские миры, с самого начала не ладившие с первым воеводой[177], и не были инициаторами этого конфликта, они активно включились в него, действуя против Н. И. Егупова-Черкасского. Во время следствия томские служилые (включая А. Чижова и некоторых других руководителей Томского восстания 1648—1649 гг.) разоблачили немало злоупотреблений первого воеводы, рассказав о его взятках, «посулах» с жалованья и с новых верстаний в служилые, насилиях над ясачными и др.[178]

Расстановка сил в Томске в 1633 г., таким образом, несколько напоминала обстановку Томского восстания 1648—1649 гг.: служилые выступали вместе со вторым вое-

водой и дьяком против первого воеводы. Но ситуация была куда менее острой, тобольские власти явно поддерживали томских служилых, а последние воспользовались случаем и для того, чтобы сообщить о хищениях казенного хлеба обоими воеводами. Часть обвинений второго воеводы служилые не подтвердили[179].

Поскольку, несмотря на закон, миры далеко не всегда могли направить в Тобольск и Москву челобитную на своего воеводу через него самого, использовались не только распри в воеводской коллегии, но и иные возможности вроде служебных командировок в другие города. Так, челобитная 1635 г. о злоупотреблениях пелымского воеводы Е. И. Баскакова, о которой говорилось в предыдущем параграфе, была подана на Верхотурье верхотурским же посадским В. Ворошиловым, хотя в дальнейшем оказалось, что пелымские служилые и ясачные хорошо подготовились к борьбе с воеводой. Обвинения (особенно в махинациях с пушниной) были настолько масштабными, что тобольские власти начали по этому извету широкое следствие в «государевом деле». Воевода, конечно, напирал на то, что конфликт возник в результате «завода» служилых, что последние с ним «в съезжей избе говорили великим шумом», т. е. что фактически имел место криминальный «скоп и заговор». Вспомнил он и о том, что сами служилые далеко не безгрешны по части пушнины. Но хотя слова Е. И. Баскакова были вполне правдоподобными и конфликт после подачи изветной челобитной явно продолжал обостряться, все это не помогло воеводе, который на очных ставках был буквально прижат к стене показаниями «всяких чинов людей» и сознался во многом[180].

Миры, конечно, далеко не всегда поддерживали жалобы отдельных лиц на своих воевод. Так, извет 1635 г. тарского пашенного крестьянина Л. Иванова на воеводу Н. А. Кокошкина в «государевом деле» (незаконная торговля с ясачными) был признан ложным: 412 служилых и четверо клириков заявили, что им ничего об этой торговле не известно. По сходной причине в том же 1635 г. были отклонены обвинения, выдвинутые против березовского воеводы Алексея Мешкова-Плешеева одним казаком, двумя посадскими и несколькими ясачными[181].

Особенно интересен случай с обвинением в «государевом деле» в 1636 г. Якова Тухачевского, против которого через 5 лет томские и другие служилые люди поднимут бунт во время Ачинского похода. В 1636 г. томский подьячий Дружина Огарков обвинил Якова в том, что во время

посольства к Алтын-хану Яков принимал у него шерть не по предписанной из Москвы форме и даже обещал ему отдать несколько государевых ясачных волостей. По традиции изветчик поспешил сообщить о своих обвинениях как воеводской власти, так и миру: «И в том-де и явки у него, Дружины, в съезжей избе и у Богоявленья, атаманом и казаком в Яковлеве измене Туха [чевского]»[182].

Но как томские служилые, так и статейный список этого посольства категорически свидетельствовали против обвинений, которые были признаны ложными. Следует учесть, что обвинение подьячего в какой-то мере оборачивалось и против томских казаков: ведь, согласно распоряжению томского воеводы И. И. Ромодановского, само войско выбирало, кого послать сопровождать посольство; все служилые, бывшие у Алтын-хана, отвергли версию Д. Огаркова[183].

В 1630-х гг. в двух уездах — Тарском и Томском — служилые люди сочли себя вправе отказать воеводам от власти. О причинах тарских событий 1636 г. мы уже упоминали: здесь сошлись вместе и резкое недовольство войска нарушением воеводами его статуса, служебных прерогатив, и обременение служилых повинностями по созданию общественных и воеводских построек, и кабальные операции с хлебом, и монополия в торговле со степняками, и воровство хлеба, и прямое взяточничество.

Уже на Троицу 5 июля 1636 г. «заводчики бунта», «стакався» с вторым воеводой Г. А. Кафтыревым, публично, в соборной церкви, «лаяли» первого воеводу кн. Ф. П. Барятинского. На следующий день, 6 июня, бурная сцена произошла в съезжей избе, причем гнев тарских служилых был направлен уже против обоих воевод. Поводом послужили попытка воевод «занарядить» людей, минуя войсковую организацию, на трудную работу по подготовке дощаников, а также подозрения, что причиной неудачи недавнего похода был выпуск Ф. П. Барятинским за взятку из города бухарского посла Казыя.

Выражение 6 июня гнева служилых совпало с потасовкой между обоими воеводами, с трудом пресеченной представителями войска. Когда же оказалось, что мирское недовольство воеводами грозит последним немалыми неприятностями, оба они в совместной отписке стали упрекать служилых в бунте в тот день: «приходили на них в съезжую избу Тарсково города ротмистр Ондрей Кропотов, да сотники стрелецкие Матвей Кобелев, Иван Лаптев, Дмитрей Меркулов, а с ними многие служилые люди, Федька

Шоломов, Ивашко Барма, Степанко Корела, Наумко Митрофанов, Савка Олексеев с великим шумом и заговором казачьим и заводом и хотели их, воевод, побить... и во всяких-де государевых делех ротмистр и сотники служилым людем их, воевод, слушать не велели», после чего тут же «завели казачьи круги» и составили на воевод «ложную воровскую челобитную»[184]. Примерно так же эта сцена описана и в отписке второго воеводы, подчеркивавшего, что в съезжей «те-де служилые люди ему отказали, что им ево, Григорья, ни в каких государевых делах не слушать и пошли-де своими воровским заводом» собирать круг в Борисоглебской башне и подписывать челобитную[185].

Но, как мы писали выше, из материалов дела видно, что челобитная эта обсуждалась и составлялась на многих мирских сходках заранее. Поэтому-то сразу после столкновения 6 июня и началось подписание уже готового документа. Видимо, правы были ротмистр, сотники и другие представители войска, что в этот день они явились в съезжую не «скопом и заговором», а вполне законно «бити челом о своих нужах»[186]. Следствие выявило, что острый спор в съезжей возник прежде всего из-за всевозможных препятствий, которые чинили воеводы подаче челобитной (как обычно, на царское имя).

Вполне вероятным представляется заявление воевод, что уже 6 июня служилые перестали их слушаться, «отказали» им от власти: «во всяких-де государевых делах ротмистр и сотники служилым людем их, воевод, слушать не велели и служилых же людей по их пашням и по рыбным ловлям роспустили без их, воеводцково, ведома»[187]. Ведь, как мы упоминали, в народном сознании подача обоснованного мирского челобиться (да еще с обвинениями в военной измене!) была вполне достаточным поводом для такого «отказа»[188], а тут еще воеводы препятствовали отправке челобитной.

Мы помним, что служилый мир придавал особое значение сохранению своего единства в столь важном деле, как противостояние воеводам, при необходимости применяя силу к колеблющимся служилым. Отдельные подобные случаи были сильно преувеличены воеводами на следствии, но мир, как всегда в моменты острых конфликтов с властями, опирался здесь на важный документ, фиксировавший общую волю служилых, — «одиначную запись». В Таре в 1636 г. «одиначная запись» была составлена по прямому совету спасского игумена Исайи, который помогал своим духовным детям создавать челобитную на воевод, подписал

ее за них и был очень заинтересован, чтобы служилый мир не отступился от позиции, выраженной в этом документе. На следствии Исайа охотно признался: «и он-де к той челобитной руку приложил, а на них (служилых. — *Авт.*) в том взял запись, что-де им тое челобитные не отперетца»; на следствии он, правда, тогда же уверял, что одновременно советовал служилым слушаться воевод в ожидании ответа на челобитную[189].

Следующим важным шагом войска были выбор и отправка челобитчиков в Тобольск и затем в Москву. В челобитчики избрали Савву Олексеева, Наума и Проньку Максимовых «с товарищи». Для их поездки необходимы были средства и проезжая грамота от воевод. Последние категорически отказались дать такой документ, и тогда грамоту, удостоверявшую законность этой поездки и неизвестно, кем составленную, скрепил своей печатью игумен Исайа. Средства собрали обычным путем мирской раскладки: «а дали-де им подмогу миром», как свидетельствовал сотник И. Лаптев. Сын боярский Ярофей Заболоцкий подтвердил: «Челобитчиком-де своим, Савке Олексееву, за подводы дали наем всем городом». По дороге на эти деньги челобитчики нанимали подводы у юртовских татар, а также ладью с двумя гребцами[190]. В Тобольск прибыли благополучно, и тамошние воеводы кн. М. М. Темкин-Ростовский и А. В. Волынский очень серьезно отнеслись к челобитной и письму игумена, известив обо всем Москву и распорядившись начать готовить, хотя и очень неспешно, детальное следствие, которое в конце концов уже осенью 1637 г. вскроет многие беззакония воевод.

В Таре в первое время после составления и отправления челобитных было неспокойно, продолжали собираться круги. Как жаловались в Москву Ф. П. Барятинский и Г. А. Кафтырев, «Федька-де Шоломов ссыльных людей учит в заводных кругах, а велит им их, воевод, з женами побить и пограбить, а говорит им, чтоб они учинили так, как у Соли Вычеготцкой и в Кайгородке учинили, воевод побили, чтоб-де иным воеводам, на то смотря, страшно было». Оба воеводы подчеркивали, что в этих условиях они лишены возможности хоть как-то организовать караулы, другую воинскую службу и вообще даже «в съезжую избу ходить не смеют, боясь от них (бунтовщиков. — *Авт.*) убойства»[191]. Отметим, однако, что вряд ли был какой-то оформленный войском особый документ об «отказе» воеводам, как это имело место в Томске в 1648 г.

Но, странное дело, военные дела ничуть от всего этого не пострадали, караульная и прочая служба шла своим чередом, организованная самим войском и его командирами (напомним, что служилые как раз и жаловались на чрезмерное вмешательство воевод в эту организацию). Угрозы расправиться с воеводами тоже осуществлены не были, и город сравнительно спокойно стал ожидать результатов челобитья. Правда, когда через неделю после главного столкновения в съезжей избе воеводы попытались арестовать одного из руководителей движения казака Федора Шоломова, тот закричал, «чтоб-де ево миром не подали», и сбежавшиеся в съезжую многие служилые «Фетьку отняли сильно и в тюрьму посадить не дали», пригрозив воеводам возможными неприятностями[192].

В тарском конфликте (как и в Енисейске в 1626 г., в Томске в 1649 г.) духовенство, поддержав челобитье, сделало попытку утишить вражду и способствовать примирению. Здесь, однако, речь шла о примирении между Ф. П. Барятинским и Г. А. Кафтыревым, тогда как служилый мир, поддерживая некоторые важные обвинения Кафтырева против первого воеводы, обличал их обоих. 9 сентября 1637 г., через 5 дней после начала сыска в Таре, священники Савва и Феодосий сумели реализовать предложение Г. А. Кафтырева о примирении обоих воевод и отказе от тех взаимных обвинений, которые были поддержаны служилыми. Оба воеводы согласились в соборной церкви, «взглянув на образ Пречистые Богородицы», отказаться от взаимных претензий и «очистить» друг друга[193]. Но в дальнейшем подробные показания служилых сотен (не привлеченных к этому акту примирения) полностью сорвали задуманное взаимное «очищение» воевод. Следствие пошло своим неотвратимым путем.

В 1630-х гг. возрастала острота отношений с воеводской властью служилых, крестьян, посадских, ясачных Томска. Этой серии движений посвящены работы Н. Н. Оглоблина, З. Я. Бояршиновой, Е. В. Чистяковой, так что мы лишь вкратце остановимся на них, отметив важные для нашей темы детали[194].

Подчеркивая во время вследствия в 1651 г. в Сибирском приказе извечную «бунташность» томичей, князь О. И. Щербатый подал особую «улúчную роспись» с перечислением многих актов томского «воровства»[195]. Некоторые из томских конфликтов 1630-х гг. несомненно не были действиями общемирского сопротивления воеводской власти. Это относится и к известному заговору в 1634 г.

ссыльных литовцев (служилых и крестьян) под руководством И. Белиловца, и к побегу 30 томских казаков и крестьян во главе с Беляем Некрасовым, и к разграблению томичами в Маковском остроге архиепископской казны в 1300 руб.

Но в 1637 г. в Томске произошло крупное мирское выступление против воеводской власти, ознаменовавшееся многими традиционными для земских движений явлениями. Причинами недовольства, отраженными в челобитных, были очередные мероприятия по замене денежного жалованья казакам службой «с пашни», споры вокруг порядка выдачи жалованья, попытка заставить казаков возить хлеб, всевозможные воеводские насилия, а также жалобы остяков на притеснения ясачных. Движение против воевод кн. И. И. Ромодановского и А. А. Бунакова быстро приняло широкий размах, в массовых действиях участвовало около 700 служилых, выступавших со своими командирами. Среди активных руководителей движения было несколько будущих главарей восстания 1648—1649 гг., «мирских советников» «воровского воеводы» И. Н. Бунакова: Иван Володимерец, Агтей Чижов, Кузьма, Василий и Данило Мухоплевы, Семен Белоусов, Аника Власов, Завьял Федотов. Мы видим здесь как представителей служилой верхушки, так и рядовых казаков, что соответствует традиции подобных мирских движений. Пытаясь усмирить волнения, переросшие в открытое сражение с воеводскими «ушниками» на улицах Томска, власти посадили в тюрьму семерых казачьих пятидесятников. Но часть детей боярских оказалась на стороне воевод.

Традиционным был и ответ казаков на арест их предводителей: человек 150 «из города вышли з болшим шумом, и тюремного сторожа от тюремных дверей отбили, и сами силно многие в тюрму входили»[196]. Сев в тюрьму вместе с арестованными пятидесятниками, томичи сорвали попытку допросить арестованных или хотя бы как-то овладеть положением: «те-де казаки в тюрьме учинились сильны и имен своих переписать не дали, и князя Ивана с товарыщи лаяли и говорили, что-де они приговорят войском, тому делу так и быть»[197].

Вскоре, действительно, реальная власть перешла к казачьему кругу. К казакам присоединились местные крестьяне и посадские люди, и создался общегородской мир, выступивший против экономически сильной городской верхушки, группировавшейся вокруг воеводы. С томскими повстанцами впервые объединились и ясачные люди уезда.

Служилые вместе с другими томскими сословиями занялись в кругах важнейшим делом — составлением, подписанием и отправкой челобитных царю на изменников-воевод, «запустошивших» сибирские города. Была избрана большая делегация во главе с Иваном Матвеевым для передачи царю челобитных (включая челобитные остяков). По позднейшему свидетельству О. И. Щербатого, делегация эта состояла из 70 чел., хотя трудно сказать, не преувеличивал ли князь это число.

После возвращения из Москвы весной 1638 г. томские делегаты сообщили о результатах своей миссии «всем томским служилым людям», а не воеводам и не дали последним провести репрессии среди челобитчиков. На этот раз правительство не рискнуло еще более обострять положение в Томске и пошло на уступки — замена хлебного жалованья земельным окладом была временно отменена, воеводские сторонники разосланы по другим сибирским городам[198]. З. Я. Бояршинова и Е. В. Чистякова считают, что И. И. Ромодановский был смещен специальным постановлением казачьего круга в апреле 1638 г.[199] Вскоре Москва распорядилась послать в Томск новых воевод. На воеводство в Томск выехал в начале 1639 г. князь И. И. Лобанов-Ростовский, но, не доехав до места назначения, умер в Нарыме. Только в 1640 г. с прибытием князя С. В. Клубкова-Мосальского воеводская власть в Томске была восстановлена. Позднее, во время восстания 1648—1649 гг., томичи сообщили своим сторонникам в Кузнецк о том, что они хранят в Богоявленской церкви милостивую грамоту царя Михаила Федоровича, которую можно использовать в борьбе с воеводами[200].

Руководимое в основном томским общесословным миром движение 1637—1638 гг. стало репетицией восстания 1648—1649 гг.

Бурные разногласия проявились в 1641 г. во время известного Ачинского похода между командиром отряда, вторым тарским воеводой Я. Е. Тухачевским и участниками похода из числа тобольских, томских, тарских и тюменских казаков. Из отписок воеводы и нескольких казачьих челобитных следует, что уже в самом начале похода собирался войсковой круг, который смел иметь собственное мнение по всем основным вопросам — о маршрутах, сроках, тактике похода, о строительстве острога. Казаки упрекали потом в одной из челобитных воеводу в том, что уже перед самым первым боем он не послушался их совета, основанного на данных казачьей разведки, и в результате

промедлил, бездарно упустив удобное время для главного удара. Когда на обратном пути возникли новые разногласия о маршруте движения, казаки, обсудив на круге этот вопрос, «били челом всем войском» воеводе, настаивая на своем варианте. Яков не послушал их и пытался удержать силой от движения по избранному ими пути, выставив там жидкую охрану из своих малочисленных сторонников. Тогда казачьи сотни двинулись на эту цепь с сотенными знаменами, литаврами, барабанами и разметали ее. С воеводой осталось лишь 12 чел.

Позднее казаки активно, в нескольких челобитных, посланных из разных сибирских городов, доказывали свою правоту. В частности, они отправили из Тобольска «к государю к Москве ото всево войска в челобитчиках» четырех служилых, снабдив их челобитной с изложением своей точки зрения. Как в Москве, так и в сибирских городах, преподнося историю этой распри, казаки всячески подчеркивали накомпетентность и слабое рвение воеводы, который не радел по-настоящему о государственной пользе и поэтому «челобитную войсковых не послушал»[201].

Своеобразный интерес представляют долгие и бурные события в одном из острогов Томского разряда — Нарымском[202]. Они начались в 1642 г., еще до мощной волны русских восстаний средины XVII в., но волна эта наложила потом на них свой отпечаток. В Нарыме проявилось не столько противостояние воеводской власти и мира, сколько борьба с мощным кланом воеводы И. Л. Скобельцына и его приверженцами недавно сосланного в Нарым дворянина Л. С. Плещеева, объединившегося со значительной группой местных служилых (но далеко не всем войском), и колоритным нарымским священником Покровской церкви Яковом Исаковым. Несмотря на то, что воевода, быстро узнав об этой оппозиции, принял крутые ответные меры, Л. С. Плещееву и его друзьям удалось отправить несколько челобитных о воеводских злоупотреблениях, главная из которых опубликована последней исследовательницей этого яркого дела Н. Д. Зольниковой[203]. Челобитная была составлена от имени о. Якова, приказчика пашенных крестьян Ф. Костарева, толмача Ф. Деева, служилых К. Сергеева, Н. Исакова, К. Никитина, Г. Савина, И. Деева, И. Новосильцева. Большинство ее пунктов обычно встречается в мирских жалобах на «плохого воеводу».

Обобщая содержание этого обширного документа, Н. Д. Зольникова писала: «Обвинения в адрес воеводы И. Л. Скобельцына рисуют его действия достаточно тради-

ционными для главы сибирского города того времени. Здесь и присвоение «заповедной» пушнины, привезенной для уплаты ясака, и освобождение за взятку от «государевой пашни», и принуждения казаков и крестьян пахать на воеводу пашню, хлеб с которой шел на изготовление пива и вина, продававшихся воеводой в свою пользу, здесь и порча «государева» пива и вина. Кроме того, воеводе инкриминировались насильственная христианизация с корыстными целями, спекуляция различными товарами, организация игорного притона, всевозможные незаконные натуральные повинности». Но главной спорной проблемой, как показали и последующие события, была конкуренция властей и служилого мира в деле похолопления ясыря, а также в прибыльной торговле с ясачными[204].

События в Нарыме в 1642—1643 гг. развивались бурно. После первой же челобитной воевода арестовал большинство челобитчиков. Но оставшиеся на свободе вскоре после заутрени стали просить одного из руководителей войскового мира, голову Ю. Данилова, разрешения отправить (возможно, от всего войска) служилых с изветом в Томск и в Москву. Дело переросло в поножовщину между противниками и сторонниками воеводы, а затем в разгром домов челобитчиков и попытки И. Л. Скобельцына использовать в борьбе городскую артиллерию.

Следствие по делу, которое велось в 1643—1647 гг. в Тобольске, а затем в Томске, было осложнено многочисленными изветами сторон друг на друга «в государевом деле». После пыток по одному из таких изветов бывший воевода И. Л. Скобельцын умер, а Л. С. Плещеев был возвращен в Москву[205].

Однако вскоре прежние острые проблемы ясыря и пушнины опять всплыли в Нарыме при несколько иной расстановке сил. На сей раз стали совершенно очевидными выступления местных казаков в защиту своих узко сословных интересов. Нарымские казаки и пашенные крестьяне еще в 1646 г. били челом на попа Якова с жалобой на то, что он своих служб не несет, а занят лишь «коммерческой» деятельностью. В Москве было велено сибирскому архиепископу Герасиму прислать в Нарым другого священника, но этот указ остался невыполненным.

В 1648 г., по-видимому летом, служилые люди, ружники и оброчники, а также староста пашенных крестьян от их имени вновь подали воеводе А. С. Нарбекову челобитную на Якова, в которой, излагая свои жалобы на лихоимство, «насильства и продажи» попа, коснулись и более

серьезных для воеводы вопросов. Они утверждали, что Яков за долги холопил ясачных остяков, забирал у них детей, от чего уменьшился ясачный сбор, и, кроме того, в своей деревне курил вино и торговал им в уезде, спаивая тех же остяков. А. С. Нарбеков вынужден был начать сыск, и остяцкие князцы подтвердили все жалобы на Якова. Воевода отписал о результатах сыска в Москву, откуда не позже осени 1648 г. последовал указ — отнять у Якова всех задолжавших ему остяков и отпустить их на волю, в «юрты», чтобы несли ясак, а новокрещеных остяков также освободить, недобранный ясак взыскать с попа. По воеводским подсчетам, ясачный недобор исчислялся за 1634/35—1647/48 гг. более чем в 30 сороков собольих шкурок[206]. Этот указ основывался на ранее установленном правительственном запрещении холопить местное население. Яков сумел проведать о царской грамоте и сбежал в Тобольск, увезя с собой своих остяцких должников. Однако А. С. Нарбеков не мог не знать, что такие же задолжавшие остяки были в «работе» и в казачьих дворах, и, выполняя полученный указ, обратился к группе казаков с требованием их освободить. Одновременно воевода стал принимать энергичные меры по пресечению торговли русских людей всех чинов в ясачных волостях. Вот тогда-то весь казачий гарнизон пришел в волнение и учинился «непослушен». Казаки собрались к съезжей избе с большим «шумом» и составили между собой «соединичную запись» — друг за друга стоять и не выдавать остяков[207]. Обострению обстановки способствовало получение вестей о восстании в Москве. Казакам вскоре предоставился случай доказать действенность своего обещания «друг за друга стоять и друг друга не выдавать». Когда воевода приказал посадить в тюрьму двух «зачинщиков», остальные казаки отправились в тюрьму вместе с ними и ночевали там. Ходили слухи о составлении челобитной на воеводу. А. С. Нарбеков жаловался, что казаки «от съезжей избы, от государевых дел ему, Афанасию, воровским заводом отказывали»[208].

А. С. Нарбекову удалось в конце концов удержаться у власти, но не известно, сумел ли он выполнить полученное из Москвы предписание, ущемлявшее узко сословные интересы сибирских казаков, которые не один раз упорно, но безуспешно добивались от правительства признания правовых норм, согласно которым захваченный ясырь (полон) считался их собственностью, а ясачные люди могли стать их холопами.

Несравненно большие последствия имели движения в 1648 г. в Верхотурье и Томске, где население «отказывало» воеводам и учреждало свое управление.

* * *

Среди большой серии мирских восстаний средины XVII в. крупнейшим для Сибири явилось Томское, начавшееся свержением законного воеводы О. И. Щербатого 12 апреля 1648 г. и завершившееся передачей власти назначенным государем новым воеводам 19 августа 1649 г. Различные стороны Томского восстания рассматривались Н. Н. Оглоблиным, А. Н. Зерцаловым, З. Я. Бояршиновой, В. А. Александровым, Е. В. Чистяковой. А недавно обнаружение нового значительного комплекса источников позволило Н. Н. Покровскому посвятить этому движению специальную монографию. Отсылая читателя к этой монографии, мы здесь лишь кратко напомним о цепи стандартных для мирских движений этапов и ситуаций, сходных с рассмотренными выше. Это и обсуждение на мирских сходках челобитных на воеводу, процедура утверждения и подписания таких челобитных, решение проблем, связанных с выбором челобитчиков и финансированием их поездки в Москву. Это и руководящая роль служилых в общесословном мирском единстве, и умение мира использовать распрю между первым и вторым воеводами. Но в то же время это и неоднозначность самого мира, наличие среди служилой верхушки воеводских «ушников», расправа с ними в первые же дни восстания, не устранившая до конца потенциальной угрозы последующего отхода части служилой верхушки от единой мирской позиции, закрепленной в «одиначных записях».

Наряду с этими традиционными элементами мирского поведения в самых разных актах борьбы земского самоуправления с воеводской властью томское движение дает редкую возможность судить об организации мирского управления городом и уездом в течение целых 16 месяцев.

О причинах недовольства томичей князем О. И. Щербатым, выраженных в первых челобитных движения, говорилось выше. Отметим, что в начале 1648 г. сторонники князя Осипа, получавшие выгоду от его незаконных операций, стали терять контроль над служилым миром, земской организацией. Несмотря на элементы стихийности в событиях 12—15 апреля 1648 г., явно имела место и предвари-

тельная подготовка миром акта отказа воеводе от власти. Акт этот произошел 12 апреля на шумном собрании круга, когда князь Осип не смог предотвратить объявления извета на него по «государеву делу». Отстраненный от власти первый воевода оказался под домашним арестом. Власть перешла к «воровским кругам», которые в первые дни восстания заседали почти непрерывно, да и потом определяли решения всех основных проблем, вставших перед городом и уездом.

Старая приказная изба, непосредственный орган повседневного воеводского управления, не была ликвидирована восставшими, хотя и перенесена на посад в частный казачий дом Девятого Халдея. Вслед за вторым воеводой И. Н. Бунаковым большинство чиновников воеводского управления в конце концов признали власть восставших и продолжали обычную работу. Однако уже с первых дней восстания И. Н. Бунаков со своим аппаратом был вынужден просто утверждать решения, принятые в «воровских кругах». За деятельностью Бунакова и приказной избы зорко следили «советники» из числа самых активных деятелей кругов. Понятно поэтому, что противники восстания неизменно именовали в своих сообщениях в Москву приказную избу «воровской», а И. Н. Бунакова — «излюбленным, выборным атаманом» взбунтовавшихся казаков.

Утверждение ограниченной кругом власти второго воеводы, действительно, происходило на сходках в первые дни восстания одновременно с составлением первой «одиначной записи», первой челобитной царю и принятием решений об аресте сторонников воеводы и разгроме их домов. И. Н. Бунаков беспрекословно выполнял во всех этих случаях волю «всех чинов людей». Он должен был считаться с мнением томичей о том, что власть круга выше власти избранного кругом воеводы. Так сложилась новая структура власти, действовавшая, особенно на первых порах, вполне успешно.

Хотя подробные показания источников о первых днях восстания рисуют картину стихийного взрыва, документы позволяют увидеть реальность традиционнейшего для русской истории мирского восстания, восходящего к древнейшим движениям, описанным еще М. Н. Тихомировым для XI—XIII вв. Традиционным для подобных движений является и разгром дворов городской верхушки, известный начиная с исполнения вечевых приговоров о «потоке и разграблении» во времена Киевской Руси[209].

После составления и подписания подробных сословных челобитных на О. И. Щербатого перед новыми властями встала проблема выбора и снаряжения в дорогу большой делегации челобитчиков к царю. На мирских сходках было решено отправить в Москву 30 служилых, двух пашенных крестьян, двух оброчных, двух татар и восемь остяков. Возглавил делегацию один из главных руководителей движения сын боярский Федор Пущин. Мирская организация побеспокоилась о снабжении челобитчиков значительной суммой денег на дорогу. Служилые получили жалованье сразу за два года, а по заявлению О. И. Щербатого, и деньги сверх жалованья. Для обеспечения челобитчиков новые власти забрали 300 руб. из доходов таможни, 170 руб. взяли у церковных старост четырех томских приходов; деньги эти были потом собраны путем равномерной раскладки на всех прихожан и возвращены в приходскую кассу.

Хотя вся система управления городом и уездом за время восстания почти не отличалась от обычной, восставшие немало сделали для придания действиям новых властей более справедливого, по их представлениям, характера. Арестовав из числа сторонников О. И. Щербатого 13 детей боярских и трех пятидесятников, новые власти, не испросив разрешения Москвы, повысили в должности нескольких активных участников движения. Один из самых деятельных «мирских советников» Филипп Петров сын Лученин был поверстан из пашенных крестьян в пешие казаки, затем стал конным казаком, а вскоре и сыном боярским (Москва, правда, не признала этого последнего назначения). В первые недели восстания из десятников были повышены в пятидесятники Матвей Давыдов, Пров Голешихин, Мартын Гиринский, Абрам Кизылов, Поспел Михайлов, а из конных казаков — Остафий Ляпа. Вместо ненавистного пашенным крестьянам приказчика из детей боярских Василия Старкова были назначены новые приказчики — Филипп Лученин и казак Семен Копьев. Они сразу же успешно ходатайствовали о сокращении крестьянских «изделий».

Вообще новые власти сделали довольно много для пашенных крестьян. Главное, была немедленно отменена операция О. И. Щербатого с увеличением размера казенной десятины. В результате размер крестьянских отработок на десятинной пашне сократился не менее чем вдвое (Москва в конце концов согласилась на сокращение их в полтора раза). Для всех групп томского населения были отмене-

ны все виды незаконных «изделий» на воеводу, включая непосильную «волочку» воеводских товаров ясачными. Сразу же рухнуло частнофеодальное хозяйство О. И. Щербатого, как земледельческое, так и торгово-промысловое.

Несколько облегчились казачьи службы. Но в целом традиционный распорядок беспокойной казачьей службы пограничного города был сохранен и при новых властях: продолжалась разветвленная сторожевая служба, назначались дальние и ближние караулы, стояла охрана у зелейного погреба, денежной и пушной казны. Новые власти несколько раз организовывали военные смотры, включавшие стрелковые упражнения в умении пользоваться ручными пищалями. Как в праздники, так и по другим случаям проводилась артиллерийская пальба. Ручными пищалями были вооружены не одни лишь служилые, но и другие городские сословия. Понятно, что воеводские денщики приглашали на смотры всех городских жителей. Несколько раз такие смотры после воинских упражнений превращались в мирские сходки, решавшие важные дела, например составление и подписание новых челобитных царю, «одиначной записи».

Стремясь исправно выполнять «государеву службу», казаки были убеждены в своем праве по-прежнему получать государево жалованье. Московские власти в условиях разгоравшихся в разных городах, включая столицу, восстаний, оказались достаточно предусмотрительными, чтобы согласиться здесь с томскими казаками. Были отвергнуты страстные призывы О. И. Щербатого не только предотвратить выдачу жалованья бунтовщикам, но и послать войска для их усмирения. Денежное жалованье продолжало поступать в Томск с прежней регулярностью и даже несколько раньше обычных сроков. То же относилось к хлебному и соляному жалованью. Москва оперативно выполнила даже просьбу И. Н. Бунакова о дополнительном снабжении города ручными пищалями и порохом.

Ф. Пущин и другие руководители томских миров прилагали небезуспешные усилия для привлечения на свою сторону аборигенного населения уезда — остяков и татар. Значительная часть местных князцов и мурз присоединилась к городским мирам, подписав три челобитных против О. И. Щербатого и направив с ними в Москву своих челобитчиков. Когда позднее началось размежевание в аборигенной среде и некоторые князцы стали переходить на сторону свергнутого воеводы, новые томские власти санкционировали свержение одного из князцов и замену его рядо-

вым остяком Апсой. Вместе с тем в обычном порядке продолжались сбор ясака и его отправка в Москву. Но существенная новость все же была — воеводские злоупотребления ликвидировались.

Томским воеводам в XVII в. приходилось заниматься некоторыми дипломатическими делами. Эта деятельность продолжалась и в месяцы восстания — проходили дипломатические приемы, отправлялись посольства.

Однако борьба со свергнутым воеводой и его сторонниками постепенно привносила дезорганизацию и в военное, и в дипломатическое дело. Посольства к телеутскому князцу Коке стали использоваться, как уже упоминалось, для фабрикации политических обвинений против О. И. Щербатого. Растущие раздоры между кругом и некоторыми детьми боярскими явились одной из причин неудачи в январе 1649 г. похода против «черных колмаков» с целью перехвата ясыря и другой добычи, захваченной ими в ясачной Шегарской волости.

Но томичи не считали незаконной созданную ими систему власти. Во главе приказной избы стоял второй воевода, назначенный ранее Москвой. Отстранение первого воеводы было, по их мнению, вполне законным и соответствовало интересам государства. Не только в челобитных, но и делом томичи доказывали, что они стремятся не к разрушению государственных связей управления, а лишь к приданию им «справедливого» характера — в соответствии со своим идеалом политического союза миров и «праведного» государя против изменников-воевод, пустошащих землю. Поэтому в восставшем городе продолжалось, хотя и с важными поправками, функционирование основных сфер городского управления. Работали приказная изба, таможня, государевы погреба, аманатская изба, посольский двор. Осуществлялись все государственные торговые монополии, обычные казацкие и посадские службы, продолжали обрабатываться десятинная пашня и собираться ясак, успешно завершилось строительство городских укреплений. Вместе с тем, как мы видели, был проведен ряд важных мер, направленных на облегчение бремени феодальной ренты. Важную роль здесь сыграла и ликвидация всяческих воеводских злоупотреблений, являвшихся формой «незаконного» увеличения феодальной ренты и ее перераспределения.

Политические взгляды томских миров оказали решающее влияние на весь ход дальнейших событий. Надежды на политический союз «истинного» государя и земщины против «нехороших» воевод подверглись тяжелому испытанию

во время кризиса средины февраля 1649 г. 15 февраля в городе был, наконец, получен, царский ответ на челобитные весны 1648 г. И хотя Москва сделала томичам ряд существенных уступок, выполнила некоторые требования их челобитных, в царских грамотах приказывалось немедленно вернуть первого воеводу к власти и освободить его арестованных сторонников. Правда, одновременно было обещано вскоре сменить обоих воевод и назначить справедливый сыск по взаимным претензиям О. И. Щербатого и томичей.

Явное несовпадение этого решения с политическими идеалами томских миров привело к тому, что восставшие отказались подчиниться полученным грамотам. Подобное противоречие между реальностью власти в феодальной монархии и народными представлениями о ней имело традиционное решение в мирском сознании: «неистинным» объявлялся или сам государь, или его указ. Томичи избрали второй путь. Сразу же после получения грамот они были объявлены «воровскими», ложными. А когда из Москвы вернулась обласканная царем делегация Ф. Пущина, возникла развернутая легенда о том, как по царскому приказанию была написана правильная грамота, «а у печати де тое грамоту переменили» бесчестные московские чиновники.

Второй воевода И. Н. Бунаков, конечно, не мог поверить в такую версию. Оказавшись в трудном положении, он постепенно попытался выйти из-под контроля «мирских советников». В конце концов ему удалось освободить арестованных и подготовить мирную сдачу города в августе 1649 г. новым воеводам. Во многом этому способствовала и позиция самих миров, которые ожидали справедливого сыска этих воевод, а главным средством борьбы за мирскую правду по-прежнему считали посылку очередных челобитных и челобитчиков к государю да составление еще одной «одиначной записи» — о едином поведении во время следствия. Вторая томская делегация была отправлена 15 июня 1649 г., третья — уже во время следствия, 8 мая 1651 г. Но ответом на новые челобитные томских миров был лишь арест делегатов и ужесточение следствия.

Члены второй делегации, сообщая о своей неудаче «в грамотке» «всему томскому войску и всем молотцам», призывая томичей к единству, заключали свое послание характерной фразой: «А мы стоим в правде за весь град, хоть велит государь и перевешать, в правде бы умереть, ожидаем государьские милости». Так, даже в письме из темницы

томские делегаты вслед за обещанием стоять до самой смерти за мирскую правду, все еще надеются на царскую милость.

Томское восстание проходило на фоне грозной серии городских движений средины XVII в. в Европейской России, оно сопровождалось также волнениями в нескольких сибирских городах[210]. Известно, что сами томичи обращались с призывами о поддержке к мирам Енисейска, Красноярска и Кузнецка. Сведений об отклике на эти призывы в Енисейске у нас нет, а в Красноярске и Кузнецке воеводам удалось овладеть положением с немалым трудом. В Красноярск в марте 1649 г. томичи направили одного из руководителей восстания З. Литосова с казаками И. Бардаком и С. Астраханцем. Посланные успели уже заручиться поддержкой красноярских служилых, когда воевода М. Дурново предпринял срочные меры. Он выслал томичей из города и обратился к служилому миру с уговорами остаться верным государю. Положение в городе продолжало быть тревожным, но восстания не произошло[211].

До нас дошли два ярких мирских документа — подлинники «грамоток», отправленных томичами руководителям служилого и крестьянского миров Кузнецка. Томичи сообщали летом 1648 г. о событиях в своем городе и предлагали кузнецким служилым и крестьянам поддержать их. Они рассказали о том, как «миром перебили и в тюрму пересажали» сторонников первого воеводы, как отправили представительную делегацию всех сословий к царю. В Кузнецке они предлагали делать то же самое. В «грамотках» было написано, что с подобными призывами томичи обратились во все города Сибири: «и со всех сибирских городов на воевод и вас мы звали бить челом государю, и вас не дождались, и вы поспешите за нами, и видячи какую изгоню от воеводы, или посулы берет великие, и вы выбирайте челобитчиков ис служивых, ис пашенных и татар»[212]. Томские грамоты были отданы «во все люди» на площади, возможно в круге. «И в Кузнецком-де остроге кузнецкия казаки и пашенныя крестьяне, услыша такия воровския грамоты, которыя простыя люди, не розсудя, немного по тем воровским грамотам большова дурна не учинили, хотели тех всех людей побить, кои в тех воровских грамотах и имяны писаны»[213]. Но несмотря на эту «смуту большую», воевода А. Ф. Сытин смог удержаться у власти и не допустить развития восстания[214].

Известия о Томском и Московском восстаниях резко обострили и без того непростую обстановку в Нарыме. Казаки здесь пытались составить «одиначную запись» и чело-

битную на воеводу А. С. Нарбекова. Попытка ареста «зачинщиков» привела к бурной сцене сначала в съезжей избе, а затем в тюрьме, куда были доставлены двое арестованных. Но вместе с ними в тюрьму направились и остальные казаки и заняли ее. Воевода пошел на уступки, арестованные оказались на свободе. В 1650 г. по следствию об этом бунте были наказаны кнутом 10 чел.[215]

* * *

Особенно упорно борьба местных миров против насилия воеводской власти велась в это время в Верхотурье, где события приобрели ряд сходных черт с Томским восстанием. Эти события до настоящего времени почти не исследовались.

Восстанию в Верхотурье предшествовали сцены, достойные составить сюжет авантюрного повествования. В известной мере они подготовили народное возмущение. С 1644 г. воеводой Верхотурья был М. Ф. Стрешнев — один из представителей дворцового фамильного клана, к которому принадлежала царица Евдокия Лукьяновна, урожденная Стрешнева. Пользуясь своим положением и надеясь на полную безнаказанность, Максим Федорович Стрешнев начал устанавливать в Верхотурье свою диктатуру, основной целью которой было личное обогащение. Особым вниманием воеводы сразу стала пользоваться таможенная изба, через которую проходил основной грузопоток с «Руси» в Сибирь и обратно. Но таможня была не единственным предметом воеводского внимания. Деяния М. Ф. Стрешнева нашли отражение в челобитных на него. Среди сохранившихся челобитных одна наиболее примечательна. К сожалению, не сохранилось ее начала и конца, но известно, что составлена она была соборным попом Василием Савиным и рассматривалась в Сибирском приказе в марте 1646 г. Более чем на 20 листах В. Савин подробно повествовал о делах воеводы за два года правления (1644—1646). Чтобы не утруждать себя посещением приказной избы, воевода приказал приносить к нему на двор всю поступающую переписку и иную административную документацию. «Управление» уездными пашенными крестьянами он доверил сыновьям. Их разъезды по уезду, «верст по 200», на казенных ямских подводах сопровождались пьяным разгулом — с «цимбалами», избиением приказчиков и крестьян и взиманием многочисленных «кор-

мов». Но этот разгул только сопутствовал значительно более существенным злоупотреблениям. При всех сборах с крестьян зерна часть его отчислялась в адрес воеводы; объем тяглого обложения крестьян зависел от получаемых взяток; поуездный сбор на «храмовое строение» по 5 алтын с десятины без всякого учета поступал к воеводе и оставался «безвестным»; на «оржаном и яровом поле» подгородных крестьян «с Велика дня Петрова заговенья» пасся воеводский табун в 50 голов. Мирские выборы целовальников были заменены воеводскими назначениями, в результате чего общины не могли контролировать приход и расход денежных сумм. В самом городе с торговых и промышленных людей воевода взимал особый «сбор» — с провозимых по проезжим таможенным выписям товаров и денег взыскивалось по 4—6 руб. с каждой сотни рублей; не желавших платить этот «внеочередной сбор» сажали в тюрьму или попросту задерживали на Верхотурье до спада воды на реках или до бездорожья. Присылавшиеся из Чердыни плотники для постройки речных транспортных судов также облагались «налогами». Наконец, чтобы оправдать вмешательство в делопроизводство таможни и отпускать в Москву награбленное добро «своим изволом», что строжайше запрещалось воеводам, М. Ф. Стрешнев объявил государеву грамоту, выданную таможенному голове К. Гогулину, поддельной, «воровской». Весь этот красочный перечень дополнялся насильственной женитьбой посадского человека и новокрещенного татарина на воеводских дворовых «девках», которых по понятным обстоятельствам нужно было выдать замуж[216].

Самоуправство воеводы, нарушение им и государственных интересов, и интересов сословных групп населения было настолько очевидно, что ближайший помощник воеводы подьячий с приписью М. Лихачев не выдержал и в июле 1645 г. в приказной избе при других чинах воеводской администрации обвинил М. Ф. Стрешнева во многих нарушениях порядка управления. Ничего не добившись в разгоревшейся ссоре, М. Лихачев через две недели вышел из приказной избы на площадь и свои обвинения в адрес воеводы всенародно довел до сведения собравшихся «всяких чинов людей»[217]. После такого шага М. Лихачев был, по-видимому, отстранен воеводой от дел, так как на его место уже в декабре 1645 г. из Москвы отбыл Ф. М. Постников, вступивший в еще более ожесточенную борьбу с воеводой. В феврале 1646 г. Ф. М. Постников прибыл на Верхотурье и сразу же при попытке ревизии хлебных по-

ступлений в слободы уезда (Невьянскую, Тагильскую, Арамашевскую, Ницынскую) убедился в злоупотреблениях воеводы и его подручных, которые «мир продавали и мучили и всякую изгоню чинили», и в боязни мирских старост перемеривать имеющиеся запасы[218]. В Москву Ф. М. Постников писал, что М. Ф. Стрешнев и его окружение не ждали для себя добра от его приезда. К этому времени воевода проведал, что изветная челобитная от Василия Савина «и всей земли», жалобы от торговых и промышленных людей, государевых плотников и ясачных людей достигли Сибирского приказа. Уже на другой день после приезда Ф. М. Постникова в съезжей избе произошел скандал. Воевода, по словам Ф. М. Постникова, решил его «от великого государя дела отогнать», а для дискредитации подьячего применил маневр, который им испытывался в отношении таможенного головы. Он объявил, что Ф. М. Постников прислан не по указу, и вернул к исполнению обязанностей М. Лихачева. Трудно сказать, в какой степени реально было натуралистическое описание Ф. М. Постниковым всех издевательств, которые ему пришлось вытерпеть от воеводы. М. Ф. Стрешнев грозил ему как самозванцу кнутом и тюрьмой. Затем его слуги избили подьячего и бросили у калитки его двора. В описании этого трагического эпизода бросается в глаза одна существенная деталь — население Верхотурья не осталось равнодушным к происходившему и, если бы многие люди «миром» не подступили к двору, где происходило насилие, то подьячему, быть может, не удалось бы сохранить жизнь. На следующий день это событие приобрело еще большую огласку. Жена и взрослые дети Ф. М. Постникова повезли его по городу, «являя миру» насильство воеводы. Слуги М. Ф. Стрешнева попытались захватить подьячего, но неудачно, и, как писал Ф. М. Постников, «мир в том явку нашу и позор и меня замучена и всего в крови видели и слышали»[219].

Обращение второго по служебному рангу в воеводском управлении лица к общественному мнению представляется в этом эпизоде наиболее важным для понимания существовавших в сибирском городе представлений о воеводской власти и отношениях среди местного административного управления.

По материалам многочисленных сысков, вызванных жалобами на злоупотребления воевод, их сварами и склоками, можно заметить обычную для того времени практику поведения воевод. Они, смотря по обстоятельствам, опирались на отдельные социальные группы населения — служилую

верхушку или ее представителей, торговых людей и их агентов, родоплеменную «знать», ясачных людей — «шишимор, горланов, ушников, ябедников и заговорщиков».

М. Ф. Стрешнев был не так прост, как можно было бы подумать, читая перечень его деяний. Он опирался на свою дворню, зависимых от него людей и подьячих приказной избы. Среди обвинений в адрес воеводы нет данных о его насилиях над служилыми людьми, а также над окружением воеводы. Поэтому-то войско проявило нейтральность при столкновении воеводы с Постниковым. Этим можно объяснить обращение Постникова не к отдельным социальным группам населения, в ко «всему миру», к общественному мнению все о городского населения.

Другая примечательность описываемых событий заключалась в самом обращении административного лица. Точно так же пытался действовать и предшественник Ф. Постникова М. Лихачев. Ни тот, ни другой не видели в обращении к населению нарушения административного долга и, что не менее любопытно, их действия не были осуждены Сибирским приказом. Разного рода доносы отдельных лиц из воеводского управления в Сибирский приказ были явлениями само собой разумеющимися. Но и их публичные выступления против зарвавшегося в своей власти воеводы считались возможными, а коль скоро так, то и участие мирских органов в подобных случаях было, с точки зрения верховной власти, допустимо. Обращение Ф. М. Постникова к миру Верхотурья предохранило его на время от издевательств М. Ф. Стрешнева.

Тем временем в Москве собирался на воеводство в Тобольск боярин И. И. Салтыков, и начальник Сибирского приказа кн. Н. И. Одоевский счел целесообразным поручить будущему управителю Сибири при проезде через Верхотурье самолично произвести сыск о деятельности М. Ф. Стрешнева. Н. И. Одоевскому уже хорошо были известны поступившие из Верхотурья челобитные, и 14 марта 1646 г. он принял важные решения — на время повального сыска М. Ф. Стрешнева с сыновьями, чтобы они не мешали следствию, выслать в Туринск, а И. И. Салтыкову иметь в виду, что вопрос о снятии верхотурского воеводы с поста уже предрешен[220].

К апрелю 1646 г. И. И. Салтыков со своим товарищем кн. И. С. Гагариным и сопровождавшими их лицами добрался до Верхотурья. Близилась неожиданная по своей авантюрности развязка «государения» М. Ф. Стрешнева. Свой сыск И. И. Салтыков начал с разбора таможенных

злоупотреблений М. Ф. Стрешнева и прежде всего с его захвата летом 1645 г. таможенной документации для «проверки» записей и отстранения таможенного головы К. Гогулина от досмотра воеводского имущества, отправленного в октябре того же года в Москву. Повальный обыск подтвердил уже известные в Сибирском приказе жалобы[221]. Дальнейший сыск и высылку Стрешневых в Туринск И. И. Салтыков не смог осуществить. М. Ф. Стрешнев начал препятствовать проведению сыска, что уже было «порухой» чести И. И. Салтыкова, а затем в съезжей избе оскорбил его, заявив, что все привезенные им государевы грамоты подложные. При первом же свидании воевод дело дошло до выражений не литературного свойства. Помимо чисто деловых обстоятельств в обострении диалога сказалось их положение при дворе. По существу столкнулись представители двух дворцовых группировок — Салтыковы приходились племянниками матери царя Михаила Федоровича, «великой старицы» Марфы, а жена царя Евдокия Лукьяновна происходила из рода Стрешневых. Сановный боярин И. И. Салтыков тотчас начал собираться в дальнейший путь в Тобольск, намереваясь потребовать затем от Сибирского приказа сыска над М. Ф. Стрешневым по поводу уже оскорбления самого себя. В начале мая караван судов И. И. Салтыкова отплыл по Туре от стен Верхотурья, и в этот момент М. Ф. Стрешнев развил бурную деятельность. В городе забил сполошный колокол, около одной городовой стены и в Покровском девичьем монастыре вспыхнули костры, М. Ф. Стрешнев спровоцировал слух о поджоге города И. И. Салтыковым, и начался насильственный сбор подписей горожан под челобитными о деяниях тобольского воеводы и об оставлении М. Ф. Стрешнева на воеводстве на новый срок. При всем своем самовластии М. Ф. Стрешнев не забывал о значении мирских организаций и в трудный для себя момент пытался опереться на них. «Советники» М. Ф. Стрешнева «лаяли» И. И. Салтыкова «полуименем и недорогим человеком», а сам воевода назвал его «бояришком», а затем даже «вором»[222].

Из всех известных «художеств» сибирских воевод дело о «поджоге» Верхотурья принадлежит к наиболее ярким, а его автору нельзя отказать в изобретательности. В июле 1646 г. соликамский торговый человек М. Холкин привез в Тобольск И. И. Салтыкову письмо попа В. Савина с изложением всех событий, последовавших после отплытия его каравана от Верхотурья. В середине октября 1646 г., узнав от И. И. Салтыкова содержание этого письма, недавно на-

значенный начальник Сибирского приказа кн. А. Н. Трубецкой приказал провести сыск «накрепко», и следствие над М. Ф. Стрешневым приняло новое направление[223].

«Пожарная тревога», поднятая М. Ф. Стрешневым, не дала ему желаемых результатов. «Первый лучший» верхотурский посадский человек А. Белкин заявил при всем мире о «воровстве», «заводе» и ложных челобитиях Стрешневых, и посадские люди отказались их подписывать[224]. Таким образом, попытка М. Ф. Стрешнева организовать мирскую поддержку не только не удалась, но и выявила совершенно определенную позицию посада Верхотурья. Не остались в стороне и служилые люди. Сохранились сведения о выступлениях отдельных казаков против воеводы. Стрешневы ответили новыми избиениями — тяжело пострадали А. Белкин и попытавшийся выехать со своего двора в Никольский монастырь Ф. М. Постников. После очередного избиения подьячий написал о себе: «с семьей и людьми заперли на дворе, и никого не пропущали, и писем моих на них изветных имать не велели, и я сидел взаперти более 20 недель», с середины мая до октября 1646 г.[225] В конце концов И. И. Салтыков все же угомонил Стрешневых и завершил воеводство Максима Федоровича. Из Тобольска в Верхотурье прибыл письменный голова А. Т. Секерин с двумя подьячими и служилыми людьми для продолжения сыска, начатого И. И. Салтыковым в апреле. По словам Ф. М. Постникова, Стрешневы государеву указу «учинились сильны и супротивны», с Верхотурья «в опалу не поехали», угрожали сыщикам избиением и убийством, отбили на дороге своих людей, которых пристава повезли в Пелым[226]. Стрешневых все же проводили в Москву, но Максиму Федоровичу удалось опереться на свой клан и добиться назначения на воеводский пост в Верхотурье своего шурина Б. С. Дворянинова[227], с которым на воеводство прибыл новый подьячий с приписью И. И. Недовесков, сыгравший видную роль в дальнейших событиях. Сначала в Сибирском приказе Б. С. Дворянинову даже пытались поручить сыск по жалобам Ф. М. Постникова и И. И. Салтыкова на М. Ф. Стрешнева[228]. Затем А. С. Нарбекову, назначенному воеводой в Нарым, было поручено при проезде на воеводство провести сыск по жалобе И. И. Салтыкова на М. Ф. Стрешнева в оскорблении. По всей вероятности, начальник Сибирского приказа кн. А. Н. Трубецкой, в это время еще не пользовавшийся при дворе влиянием, которое он приобрел через несколько лет, не захотел обострять отношений со Стрешневыми и разбор всех жалоб на Мак-

сима Федоровича решил проводить обычным бюрократическим путем, не акцентируя на них внимания. Более того, когда в мае 1647 г. А. С. Нарбеков сообщил А. Н. Трубецкому, что провести сыск по жалобе И. И. Салтыкова ему воспрепятствовал Б. С. Дворянинов, новому верхотурскому воеводе было сделано лишь замечание. В грамоте на Верхотурье Б. С. Дворянинову отмечалось, что поступил он «негораздо», и сообщалось о передаче сыска П. А. Протасьеву, красноярскому воеводе, который обязывался при возвращении с воеводства в Москву задержаться на Верхотурье[229].

Разбор шумного и скандального дела о воеводстве М. Ф. Стрешнева явно затягивался, что имело свои серьезные последствия.

К осени 1648 г. обстановка на Верхотурье еще более обострилась; помимо посадского населения недовольство охватило и служилых людей. Б. С. Дворянинов затронул одну из статей дохода служилых — торговлю с ясачными людьми — и согласно полученному наказу запретил до сбора ясака торговые операции в улусах. Как писал Б. С. Дворянинов, недовольство служилых людей он вызвал тем, что им не «потакал». Казаки же передавали своим товарищам в уезд: «Борис-де здесь государю прибыли ищет, а вас-де губит во всем, чем-де вы преж сего все сыти бывали и зипуны наживали и в вогуличи-де выезживали с товары без заказу»[230]. К тому же воевода начал взыскивать со всего населения Верхотурья деньги за недобор государственных таможенных пошлин и оброчных сумм с мельниц[231].

К осени 1648 г. вести о восстании в Москве докатились до Сибири; полыхало восстание в Томске. Представители верхотурского воеводского управления, опасаясь возмущения, сами начали думать о смещении Б. С. Дворянинова. При первом сколько-нибудь удобном случае можно было ждать «отказа» воеводе. Такой предлог был быстро найден, и воевода Б. С. Дворянинов, человек жесткий и непривычный к политической гибкости, оказался совершенно не готовым к возникшей ситуации. В середине октября 1648 г. во время допроса «с пристрастием» в приказной избе беглый крестьянин М. Кабаков, не стерпев боли, закричал: «Государь-царь, пощади». Б. С. Дворянинов то ли не обратил внимания на необычную формулировку вопля, адресованного к нему, то ли был даже польщен столь высокой титулатурой, но так или иначе никак не «дезавуировал» такое обращение к своей персоне. По существовавшей же

государственно-правовой практике понятие «царь-государь», обращенное не к носителю верховной власти, давало повод объявить «слово и дело», т. е. бросить обвинение в оскорблении царя. Так как сибирское население на себе испытывало все неприятности «государения» воевод, молчаливое «согласие» Б. С. Дворянинова на царский титул тем более могло быть воспринято очень резко. Этим-то и воспользовался присутствовавший на пытке подьячий с приписью И. И. Недовесков. 19 октября И. И. Недовесков с «молодыми» подьячими и группой казаков подал таможенному голове Федору Дрягину изветную челобитную с изложением всего происшествия и просьбой послать ее в Тобольск И. И. Салтыкову, дабы оградить себя от возможной опалы и наказания за умолчание «непристойных слов», прозвучавших в приказной избе. На следующий день делегация от служилых и посадских людей и староста подгородных крестьян «от всего мира» явились на воеводский двор и объявили Б. С. Дворянинову запрещение сноситься с Тобольском и Москвой, общаться с кем-либо в городе, «покаместа мир придумает с Игнатием и с Федором» (т. е. Недовесковым и Дрягиным. — *Авт.*), и забрали у него городовые ключи.

Еще через два дня в Воскресенской церкви всем городом был сформулирован приговор, согласно которому управление передавалось И. И. Недовескову. В составленной Б. С. Дворяниновым и доставленной в Москву в конце января 1649 г. росписи «советников» Недовескова и «бунтовщиков» перечислялись подьячие приказной избы, пятидесятники, десятники и казаки, староста ямщиков, многие посадские люди[232]. Действительно, пространная изветная челобитная для посылки в Москву уже ото всего города, на основе которой был объявлен «отказ» воеводе[233], была составлена от имени семи подьячих, многочисленных служилых людей разных чинов, посадских людей, старосты ямщиков, старосты подгородных крестьян. В ней называлась причина отказа, которую И. И. Недовесков «с товарищи» в «мир являли», и главное — отражалась самостоятельность решения городского мира — «на суд» к Б. С. Дворянинову не идти во избежание царской опалы. Мир, перехвативший отписку воеводы в Тобольск, решительно отвергал его версию о том, что «взбунтовал» народ И. И. Недовесков, которого и провозгласили воеводой. В дальнейшем мир очень дипломатично отклонял обвинение в бунте и указывал, что Недовескову «выбор» на воеводство не давался, а от управления его не отстраняли, так как за ним никакого «госуда-

рева дела» не возникало, тем более, что сам Б. С. Дворянинов Недовескову от дел «отказывал», а государевы дела вершить было нужно. Не менее умело авторы изветной челобитной объясняли, почему мир привлек к себе крестьян подгородных деревень — чтобы им было ведомо «царственное дело», и почему он не выпускал с Верхотурья племянников и людей Б. С. Дворянинова — они, будучи на пытке Кабакова, слышали «непригожие речи» и могут бежать, опасаясь опалы великого государя и казни. В заключение мир решительно утверждал, забывая даже М. Ф. Стрешнева, что такого воеводы, как Б. С. Дворянинов, грабителя, мучителя, разорителя и миропродавца, Верхотурье не помнит!

Сразу же после «отказа» воеводе верхотурский мир (подобно томскому) установил на дорогах заставы, а около двора свергнутого воеводы — караулы. Самому воеводе разрешалось выходить только в церковь. Перехваченные письма его свидетельствовали о том, что он просил у И. И. Салтыкова присылки служилых людей для подавления бунта.

В управлении Верхотурья установилось своеобразное «двоевластие». Верхотурский мир не предполагал подменять воеводскую власть и не отобрал у Б. С. Дворянинова городовую печать; не собирался он упразднять и приказную избу как центр управления. Во главе избы оставался И. И. Недовесков, который, отправив в Тобольск челобитную, извещал общесибирскую воеводскую власть, что он, не желая отвечать за всякую возможную «поруху» в съезжей избе, вынужден исправлять в ней текущие дела[234]. Таможенный же голова Ф. Дрягин как обладатель своей, таможенной, печати скреплял ею всю административную переписку, которая шла от его имени, проезжие грамоты и иную документацию[235]. Так, в конце октября 1648 г. он перепроводил в Тобольск извещение об отказе воеводе, верхотурскую челобитную на него и указанную челобитную И. И. Недовескова[236]. Б. С. Дворянинов в связи с приездом на Верхотурье в ноябре служилых людей из Якутии попытался прийти в съезжую избу для оформления их отправки в Москву, но не был туда допущен «мирскими» людьми. Не помогла и грамота И. И. Салтыкова из Тобольска, потребовавшего, чтобы воевода и И. И. Недовесков «вместе» сидели в съезжей избе. Отписка И. И. Салтыкова прибыла на Верхотурье в декабре 1648 г., когда И. И. Недовесков с делегацией уехал в Москву, 14 декабря Б. С. Дворянинов вновь попытался вернуться в съезжую

избу, и вновь «мирские люди» туда его не пустили и составили по этому поводу новую челобитную от имени 48 служилых и 18 посадских людей, 32 ямщиков и 23 подгородных крестьян, во главе с их старостами. Челобитчики решительно писали, что до государева указа о перемене воеводы Б. С. Дворянинова за его «налоги, обиды и продажи» русским и ясачным людям в съезжую избу они не пустят и городовую печать у него отбирают[237].

Между тем верхотурская челобитная на Б. С. Дворянинова, посланная Ф. Дрягиным с пятидесятником А. Долговым и десятником В. Желваковым, прибыла в Москву. Сибирскому приказу много раз приходилось мирить враждовавших между собой воевод и призывать их править «без розни». Начальнику Сибирского приказа А. Н. Трубецкому ситуация на Верхотурье, естественно, представлялась более сложной, коль скоро И. И. Недовесков город «взбунтовал», «чего не повелось и наперед того не бывало»[238]. Сибирский приказ не мог открыто запретить «отказ» воеводам, но мог поставить вопрос, насколько обусловлен был «отказ» Б. С. Дворянинову. Верхотурцам необходимо было доказывать не столько правомерность своего «отказа», сколько правомерность повода к нему и необходимость государева сыска о поступке Б. С. Дворянинова. Сложность этой задачи для верхотурцев усугублялась тем, что Сибирский приказ очень серьезно отнесся к тому, что бунт непосредственно подняли представители его же местной администрации.

В первой половине декабря 1648 г. в Москву с общегородской челобитной прибыла делегация верхотурцев, состоявшая из подьячих приказной избы и служилых людей во главе с И. И. Недовесковым. Их миссия кончилась неудачей. Целый месяц А. Н. Трубецкой разбирал это дело и отверг основной довод челобитчиков о «неистовых речах». Делегации было заявлено, что «изветные слова» верхотурскому воеводе в вину не поставлены, так как и в Москве на пытках «от винных людей такие слова бывают» и их в расчет не принимают. И. Недовесков был обвинен в подстрекательстве к бунту, а Ф. Дрягин — в задержке воеводских отписок в Москву и Тобольск и в раскрытии содержания административной переписки перед градскими людьми, «во всем мире». 22 января 1649 г. в грамоте новому тобольскому воеводе В. Б. Шереметеву предписывалось И. Недовескова и Ф. Дрягина бить кнутом «на козле», а из мирских сообществ служилых и посадских людей, ямщиков и крестьян выбрать по три человека «сущих воров» и так-

же наказать их кнутом нещадно на торговой площади[239]. Сибирский приказ, шедший на серьезные уступки восставшему населению Томска, в данном случае занял решительную позицию и отклонил возможность «отказа» воеводе.

Однако осуществить приговор над верхотурцами Сибирскому приказу удалось далеко не сразу. Б. С. Дворянинов, просидевший фактически под домашним арестом до декабря, в январе 1649 г. вновь пережил неприятные минуты, когда возвращавшийся из Москвы сын боярский Ф. Пущин с удовлетворением поведал ему, как в столице принимали томскую делегацию, как он «государские очи видел и у руки был», и заключил свой рассказ так: «намде и на Москве за то ничего не зделали... лишь бы доехать до Томсково — с князь Осипом-де (О. И. Щербатый. — *Авт.*) управимся и собою, хотя-де и жив будет и он-де [в] овчинной шубе с женою выедет»[240].

По указу от 23 декабря 1648 г. Б. С. Дворянинов снимался с воеводства. Ему объявлялось замечание за несообщение об инциденте с «непригожими речами», предписывалось отписать, что подлинно кричал пытаемый крестьянин М. Кабаков, сдать город и отчитаться перед вновь назначенным воеводой Р. Р. Всеволожским[241]. К февралю 1649 г. Р. Р. Всеволожский прибыл на Верхотурье, но волнение прекратилось далеко не сразу. Верхотурское население воспрепятствовало наказанию И. И. Недовескова, избивало людей Б. С. Дворянинова и грозило «убийством» ему самому[242]. Вернуться в Москву бывшему воеводе было не суждено. Сохранилось краткое известие о смерти Б. С. Дворянинова в Верхотурье в 1649 г.[243] Только в июне из отписки тобольского воеводы В. Б. Шереметева в Москве стало известно о наказании кнутом поименно И. Недовескова, Ф. Дрягина и представителей всех мирских сообществ, всего 26 чел.[244] Что же касается столь тяжко пострадавшего при исполнении служебного долга Ф. Постникова, то он еще в 1652 г. добивался в Сибирском приказе возмещения за причиненный ему физический (и, конечно, моральный!) ущерб и согласен был «мириться» с М. Ф. Стрешневым только по приказу царя. Итак, в 1649 г. Сибирскому приказу удалось «утишить» восстания в Томске и Верхотурье. Каковы бы ни были обстоятельства правительственного розыска по поводу этих крупных выступлений, Сибирский приказ вынужден был в обоих случаях не только согласиться с требованием убрать неугодных населению воевод, но и допустить на будущее обычноправовую норму «отказа».

* * *

Тюменские мирские организации и до этого доставляли много хлопот воеводской администрации. В 1640 г. по извету стрельца С. Копыто в Тюмени проводился повальный сыск о злоупотреблениях воеводы кн. И. А. Львова, при котором 56 стрельцов и 106 юртовских служилых татар показали на систематические воеводские «взимания» с них части денежного жалованья. Подавляющая часть служилых и посадские люди свидетельствовали о поверстании воеводой в ратную службу из посада и крестьян, а ясачные сборщики, посланные с мехами в Москву, — о посылке воеводой с ними мехов и денег для передачи торговому человеку А. Пушникову в Ярославле, где И. А. Львов до того воеводствовал[245]. В 1643 г. тюменские пашенные крестьяне добивались в Москве уменьшения «прибавочной» пашни, наложенной на них воеводами Тобольска и Тюмени[246].

На протяжении 1650-х гг. население Тюмени успешно добивалось последовательной смены трех воевод. Выше мы цитировали сообщение Сибирского летописного свода о смещении по требованию «всего Тюменского города» воеводы И. Т. Веригина, а затем назначенного на его место Н. И. Елдезина[247]. В дворцовых разрядах по поводу этих событий также имеются свидетельства, но более краткие[248].

Смещением Н. И. Елдезина «замятня» в Тюмени вовсе не завершилась. Через три года на воеводу Ф. И. Веригина также поступило челобитье «от всего города» и он незамедлительно был заменен. Та же судьба постигла в 1668 г. И. И. Лодыгина[249].

Мы уже говорили об этом длительном конфликте, начавшемся еще в 1666 г. Наряду с разногласиями в связи с постройкой городских укреплений и многочисленными воеводскими насилиями (перечисленными в обширной «обидной росписи», приложенной ко второй общегородской челобитной на И. И. Лодыгина) были и такие причины недовольства тюменцев воеводой, о которых сообщают не мирские челобитные, а воеводские отписки. Воевода принимал меры против торговли служилых в ясачных волостях, против практики беспошлинной торговли «захребетных» родственников служилых и посадских. Недовольство крестьян было вызвано начавшимся перемером их полей с целью увеличения десятинной пашни. И хотя все эти действия воеводы предпринимались по прямому указанию московского и тобольского начальства, с обострением ситуации в

городе и то, и другое отступилось от И. И. Лодыгина, а с тобольским воеводой П. И. Годуновым у него даже началось резкое столкновение, с взаимными обвинениями в «государевом слове и деле».

Уже в сентябре 1668 г. тюменские жители практически прекратили подчиняться воеводе. И. И. Лодыгина угрозами лишили возможности выходить за пределы городских укреплений, перестала функционировать воеводская приказная изба. Отписки в Москву о происходившем в городе воевода вынужден был направлять с собственными холопами, так как войско отказалось предоставлять для этой цели людей.

5 ноября 1668 г. в Тобольск прибыли из Тюмени мирские челобитчики, посланные в Москву от всех сословий: казачий ясаул Тимофей Шадрин и казак Бессон Дворянинов, уже выступавшие в этой роли во время борьбы с Н. И. Елдезиным. П. И. Годунов распорядился отправить их в Москву, а в Тюмень послал «сыщиков» — сына боярского Ивана Карватского и стрелецкого голову Самуила Блудова. С их прибытием в Тюмень воеводу окончательно отстранили от власти, были тщательно собраны и запротоколированы все мирские претензии к нему (как целых сословных групп, так и отдельных жителей). Эти показания были отправлены в Москву вместе со второй мирской челобитной, требовавшей смены воеводы. Москва поспешила выполнить это требование, несмотря на все заявления И. И. Лодыгина о том, что тюменские бунтовщики отказали ему от власти «гилем», «з большим невежеством, крыком и шумом»[250].

Добивались смещения воевод и другие города. В 1671 г. в Томске по челобитью города лишился воеводства Н. А. Вельяминов, а в 1688 г. в Енисейске — Г. В. Новосильцев[251].

Таким образом, право отказа воеводам от власти, четко зафиксированное в 1620—1650 гг., сохранялось за сибирскими городами на протяжении всего XVII в. Основывалось оно на обычно-правовом принципе, а воплощалось в зависимости от обстоятельств в разных формах. В одних случаях отказ означал свержение с последующим обращением к верховной власти, в котором доказывалась целесообразность содеянного ради «государева интереса». В других случаях население в целом или отдельные социальные группы добивались в Сибирском приказе снятия воевод, опять-таки с теми же в принципе мотивировками.

Серьезная мирская жалоба на воеводу, чиновников воеводского управления, как правило, заканчивалась следствием: «сыском», «обыском». Сыск проводили специально присланные из Москвы (иногда из Тобольска) «сыщики». Подчас, признав обоснованность претензий мира, «сыщики» использовали данные им полномочия сместить воеводу и занять его место, временно или на весь следующий срок. Так, например, закончился сыск тобольского сына боярского Богдана Аршинского о событиях в Енисейске в 1626 г., когда имели место и челобитные служилых, крестьян на воеводу А. Л. Ошанина, и акты вооруженного сопротивления восставших казаков воеводской власти. Б. Аршинский не только сместил воеводу, но и арестовал казачьего атамана В. Алексеева и других «пущих заводчиков»[252]. Это частый способ реагирования властей в подобных острых ситуациях.

Трафаретной частью наказов всем новым воеводам было повеление тотчас по приезде в город назначить следствие по жалобам на старого воеводу (если таковые будут). Лишь после сыска по всем искам и удовлетворения старым воеводой всех справедливых претензий он мог покинуть город. По наблюдениям Н. Н. Оглоблина, редкий воевода избегал подобных сысков[253]. А так как срок власти воеводы был, как правило, сравнительно недолгим (два-четыре года), а путь мирских челобитных в Москву и особенно по московским столоначалиям крайне медленным, во многих случаях разбирательство по таким челобитным совпадало с процедурой, указанной в воеводских наказах. Но было немало случаев, когда расследование приходилось назначать, не дожидаясь очередной смены воеводы. В острых же ситуациях подобная смена (при отсутствии точно фиксированных сроков пребывания на воеводстве) была для Москвы неплохой маскировкой значительности сделанных миру уступок. При наличии в городской воеводской коллегии старшего и младшего воевод последний зачастую выступал вместе с миром против своего коллеги и при очередной смене также устранялся из города. Таков был, например, ход событий в Томске в 1649 г., когда прибывшие из Москвы новые воеводы М. П. Волынский и Б. А. Коковинский сменили не только ненавистного мирам князя О. И. Щербатого, но и принявшего сторону восставших второго воеводу И. Н. Бунакова.

Практика сыска про воеводские обиды, подкрепленная суровой реальностью восстаний 1648 г., нашла четкое обобщение в ст. 150 главы X Соборного уложения: «А которые воеводы, и дьяки, и всякие приказные люди, будучи у государевых дел в городех, учнут городским и уездным всяких чинов людем чинить продажи и убытки, и в том на них будут челобитчики, и сыщется про их продажи и про насилство допряма, и на тех воеводах по сыску взятое править тем людям, кого они чем изобидят, да на них же имать на государя пеню, что государь укажет смотря по делу»[254].

По итогам следствия 1698 г. о злоупотреблениях в сибирских городах, допущенных десятильниками митрополита Тобольского и Сибирского Игнатия, сумма этой пени в государственную казну с виновных чиновников церкви была равна общей сумме, уплаченной ими по всем частным искам пострадавших[255].

Согласно предыдущей, 149-й, статье главы X Уложения, частные иски, поданные на воевод, отправленных на службу в Сибирь, должны были рассматриваться лишь после того, как им «государева служба минется». Из текста не ясно, идет ли речь о жалобах московского и другого населения или также о жалобах местных жителей[256]. На практике же, как мы говорили, встречалось и немедленное расследование жалоб сибирских миров на своих воевод, и приурочивание подобного следствия к смене воевод, подчас явно ускоренной такими жалобами.

Казалось бы, по своему характеру и ходу должны были резко различаться сыски, вызванные обычными мирными жалобами сибирских «всяких чинов людей», и сыски, связанные с переходом от жалоб к прямым, подчас вооруженным, действиям сибиряков. Последняя ситуация квалифицировалась как «скоп и заговор», за которые, согласно известной норме ст. 21 главы II Соборного уложения, полагалась смертная казнь — «казнити смертью безо всякия пощады»[257]. Но и создателям Уложения было ясно, как трудно подчас на практике различались между собой «скоп и заговор» и обычное мирское челобитье. Кажется, не было ни одного сколько-нибудь серьезного выступления сибирских миров против воевод, которое бы не рассматривалось обеими противоборствующими сторонами с этих двух противоположных позиций. Миры (даже в таком ярком случае, как Томское восстание 1648—1649 гг.) всегда настаивали, что имело место лишь законное земское челобитье царю на дурного воеводу, а сами воеводы вполне мирные события квалифицировали как «скоп и заговор».

Поучительно поэтому, что весь комплекс статей Уложения о «скопе и заговоре» (как и вообще вся глава II Уложения, трактующая о государственных преступлениях) логически завершается нормой иного, по сравнению со ст. 21, плана. Статья 22 подчеркивает, что все грозные распоряжения главы не отменяют традиционного права челобитья государю на воевод. Если воеводы сообщат о «скопе и заговоре», а на деле окажется лишь законное челобитье на воевод («а приходили к ним немногие люди для челобитья»), то сами воеводы подлежат жестокому наказанию, определяемому самим государем[258].

В XVII в. сами власти (тобольские и московские) очень часто пребывали в явном затруднении, определяя, по какой из двух противоположных норм квалифицировать происшедшее в подвластных им городах. (Напомним, что статьи Соборного уложения опирались здесь на противоречивую практику сысков, связанных с мирскими челобитьями на воевод.) Подчас решение зависело от случайных факторов, например от личного отношения тобольского воеводы к подчиненному ему воеводе из другого города. Жизнь, как всегда, куда разнообразнее и сложнее любых попыток историка расчленить ее на разные «типы», «формы», «виды» (а теперь еще и просчитать все возможные соотношения, параметры, корреляции между этими «типами» на ЭВМ).

Так, во время сыска 1654 г. над тюменским воеводой Никифором Ивановичем Елдезиным последний направил в Тобольск и Москву сотни листов собственных челобитных и других документов, стараясь обвинить городские миры именно в «скопе и заговоре» против него, т. е. квалифицировать происшедшее по ст. 21 главы II Уложения. Он собрал кучу всякого «компромата» на ведущих деятелей движения, доказывая, что и стрелецкий голова Никита Яльцев, и приказчик пашенных крестьян Тимофей Некрасов, и дети боярские Яков Резанов, Степан Рескин, и казачий ясаул Яков Боярщина, и крестьянский староста Иван Нехорошков, и посадские и крестьянские выборные Д. Константинов, десятник С. Сунгуров, и служилый татарин Итпала Кошилдеев — все они отъявленные «бунтовщики», «ведомые завотчики и винопродавцы». Воевода утверждал, что они не раз подбивали жителей Тюмени и уезда «приходить гилем» к съезжей избе и дворам ряда сменявших друг друга тюменских воевод, а его двор пытались «завалить колодьем», чтобы уморить его, Никифора, голодом. К своим челобитным царю Елдезин

присовокуплял кучу исковых заявлений четырех-пяти подьячих из своих сторонников, красочно описывавших всяческие оскорбления, угрозы и побои, которые им пришлось претерпеть от «бунтовщиков» за свою верность воеводе»[259].

Материала было вполне предостаточно для квалификации всего дела именно как «скопа и заговора», тем более что соответствовали действительности и сообщения Елдезина о том, как подобными же мерами тюменские миры уже добились преждевременной отставки двух предыдущих воевод. Однако тобольская воеводская коллегия в составе стольника Василия Ивановича Хилкова, князя Ивана Ивановича Постника-Гагарина, дьяков Богдана Обобурова, Григория Углева решила иначе. Она встала на сторону тюменских миров, приняла в Тобольске как вполне законную делегацию выборных челобитчиков этих миров и отпустила их с общесословной челобитной на Н. И. Елдезина в Москву. В своей сопроводительной отписке тобольские воеводы писали царю, что челобитчики представляли основные сословия города (по одному человеку от детей боярских, казаков, стрельцов, посадских, пашенных крестьян, служилых и захребетных татар) и что, «примеряясь к прежним таким же отпуском, как таких же челобитчиков отпускали к тебе, государю, к Москве твой государев боярин и воевода Иван Ивановичь Салтыков с товарыщи, не отпустить их к тебе, государю, к Москве не смели и отпустили их»[260].

Когда по распоряжению тобольских воевод начался упомянутый сыск И. Астраханца в Тюмени, «сыщики» открыто отвергли аргументы Елдезина. Воевода жаловался, что показания его сторонников не принимаются во внимание[261]. А между тем в показаниях казачьего пятидесятника В. Ездокова, десятника С. Хворостинина и нескольких подьячих были заявления о «кругах и бунтах» тюменцев против воеводы, о полном отказе подчиняться ему с приездом «сыщиков» («в съезжую избу они не идут и не подсудны Никифору Ивановичу Елдезину», «учинились сильны»). Сообщалось, наконец, и о том, что во время сыска служилый мир применял прямое насилие против сторонников воеводы, как и ранее применял его при подписании челобитной на воеводу и составлении «одиначной записи». Оформление окончательных документов сыска проходило на смотре, причем нескольких сторонников воеводы, «ухватив за ворот», силой заставили подписать эти документы[262].

В Москве по подсказке Тобольска удовлетворили челобитную тюменских миров и быстро приняли решение сместить Н. И. Елдезина, после чего все новые обильные материалы, поступавшие от него в защиту своей позиции, снабжались в Сибирском приказе резолюцией, ссылавшейся на это решение: «для городцкой смуты велено ево, Никифора, с Тюмени переменить»[263]. Итак, здесь была применена ст. 22 главы II Соборного уложения, хотя при ином раскладе неизвестных нам сил (кроме моментов личных, возможно, здесь оказало влияние само упорство многолетнего сопротивления тюменских миров) эти же действия могли быть квалифицированы и по ст. 21.

Подобным образом в челобитных тюменского воеводы Ивана Лодыгина 1668 г. содержится немало сведений о «гилевстве», «чмуте», «крике и невежестве» тюменских служилых по отношению к воеводе. Но в Тобольске известный глава воеводской коллегии П. И. Годунов счел претензии тюменских миров справедливыми, и все дело далее разворачивалось как следствие о насилиях воеводы[264].

Когда сыск назначался по мирскому челобитью, мир, естественно, стойко и солидарно добивался, чтобы результаты следствия соответствовали его интересам, подтвердили правильность челобитья. Именно в предвидении сыска и составлялись «одиначные записи», и мир стремился в ходе следствия реализовать записанное в них.

Если же сыск проводился не по мирской инициативе, а назначался, например из-за распрей внутри воеводской коллегии или по иной причине, то поведение членов мирских общин могло быть различным. Случалось, что миры пытались как-то унять дравшихся между собой воевод — хорошо описана С. В. Бахрушиным знаменитая распря между мангазейскими воеводами А. Ф. Палицыным и Г. И. Кокоревым в 1630—1631 гг.[265] Но члены мирской общины во время «повального обыска» могли выставлять собственные претензии к одному или даже обоим враждовавшим между собой воеводам. Именно так держался тарский всесословный мир во время «повального обыска» 1637 г. по взаимным обвинениям первого воеводы кн. Ф. П. Барятинского и второго — Г. А. Кафтырева. У мира был свой длинный список претензий к обоим воеводам, и на сыске члены всесословной общины активно отстаивали справедливость своих претензий. Характерно, что по многим пунктам спора между воеводами «повальный обыск»

особых результатов не дал: незаинтересованные в этом споре горожане отговаривались незнанием[266].

В 1635 г. возникло сыскное дело о незаконных операциях пелымского воеводы Е. И. Баскакова по приобретению пушнины в ясачных волостях, широкомасштабной торговле там воеводскими товарами и т. д. Сыск был начат по доносу верхотурского площадного подьячего Саввы Бутакова, который сообщил, что верхотурский же посадский Василий Ворошилов попросил его написать от имени Василия изветную челобитную «в государеве деле» на пелымского воеводу об операциях с пушниной, но потом побоялся подать этот извет. И хотя инициатива сыска шла не от пелымских жителей, те энергично поддержали извет, называя все новые проделки воеводы по незаконному приобретению и захвату пушнины. Сначала за воеводу как следует принялись в своих показаниях пелымские стрельцы, а когда очередь дошла до самих ясачных (преимущественно вогуличей), то последовал прямо-таки обвал компрометирующих Е. И. Баскакова показаний, буквально смявших все попытки воеводы оправдаться[267].

В 1668—1669 гг. тюменские миры добились своими общими челобитными сыска о действиях воеводы Ивана Лодыгина. Во время «повального обыска» служилые, посадские, пашенные крестьяне, ясачные татары держались с поразительным единодушием и сообщили «сыщикам»— сыну боярскому Ивану Карватскому и стрелецкому голове Самойле Блудову — такое количество сведений о воеводских безобразиях, что «сыщикам» поступил приказ из Тобольска отстранить воеводу от власти и временно принять на себя управление городом. Интересно, что сословные представители отмечали обиды, нанесенные воеводой не только членам данной общины, но и другим тюменским сословиям. Так, служилые вступились за ясачных, посадских. На стороне миров оказались и монахи Тюменского Преображенского монастыря, которые также жаловались и на свои, и на общие обиды[268].

Но бывало и иначе. В 1634 г. проводился «повальный обыск» в Березове. Причиной его стали частные изветы одного березовского казака и двух посадских, поданные ими в Тобольске, а также челобитные одного из этих посадских (якобы от имени всей общины) и всех ясачных остяков Куновецкой волости. Во всех документах содержались жалобы на березовского воеводу Алексея Мешкова-Плещеева, который, как утверждали челобитчики, насильно отнял у ясачных много пушнины, у посадских — оброчные рыбные

ловли. Однако материалы «обыска», включившие показания березовского духовенства, служилых, посадских и 90 остяков, подтвердили лишь очень небольшую часть всех этих обвинений, а по большинству пунктов опрошенные дали стандартный ответ — «не ведаем»[269]. Изветы на А. А. Плещеева явно не были заранее обсуждены березовскими мирами, которые и не поддержали обвинений.

Порядок проведения «повальных сысков» по мирским или частным жалобам был традиционным. В комментарии к последнему изданию Соборного уложения 1649 г. справедливо подчеркнуто: «Повальный обыск уходит корнями в глубь веков, в общинные порядки»[270]. Там же указаны юридические акты XVI в. и 1631 г., положенные в основу ст. 161—166 главы X и ст. 76 главы XI Уложения, регламентирующих «повальный обыск»[271].

В регламентации этой уже заметны некоторые противоречия, отражающие немалые затруднения, кои приходилось испытывать «сыщикам» в практике проведения «повальных обысков». С одной стороны, перечисляя тех, кто должен давать показания во время таких «обысков», законодатель в ст. 161 следует традиционному принципу сословно-корпоративного строя и называет основные сословные группы страны, включая выборные мирские власти и их общины: «...и посылати сыскивати повальным обыском всяких чинов многими людьми безъотводно, архимариты, и игумены, и старцы по иноческому обещанию, и протопопы, и попы, и дьяконы по священству, а дворяны и детьми боярскими, и всякими служилыми и посадскими людми, и дворцовых сел и черных волостей старосты и целовалники, и крестьяны, и всяких чинов рускими людми по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии крестному целованью, а князи, и мурзы, и татары, и чювашею, и черемисою, и вотяки, и всякими ясачными людьми по их вере по шерти»[272]. Сословно-общинный подход к процедуре дачи показаний здесь проведен вполне последовательно.

Но, с другой стороны, в этой же статье Уложения далее следует текст, подчеркивающий индивидуальный, а не сословно-общинный принцип получения сведений во время «повального обыска»: «И обыскивати тех всяких чинов людьми с лица на лицо, роспрашивая всякого человека порознь, и обыскные речи сыщиком велеть писать при себе, а заочно обысков и обыскных людей в обыск писать не велеть (частая практика при даче показаний сразу целой об-

щиной, сословной группой.— *Авт.*), и имати у них речи у руских людей за их и за отцов их духовных руками...»[273]

Однако подобный индивидуальный принцип, представлявший явную государственную корректировку древнего обычая, куда легче было провозгласить, чем осуществить. И дело было не только в практической невозможности в сравнительно короткий срок опросить всех жителей города и уезда. Есть очень поучительные примеры осознанной борьбы сибирских миров за то, чтобы во время «повального обыска» давать единые показания сразу целой общиной, казачьей и стрелецкой сотней.

Вопрос этот, именно как процессуальный, встал во время большого «повального обыска» 1637 г. в Таре, назначенного «по государеву указу» тобольской воеводской коллегией во главе с князем Михаилом Михайловичем Темкиным-Ростовским в ответ на упоминавшуюся нами выше большую челобитную тарских миров на воевод князя Федора Петровича Барятинского и Григория Агтеевича Кафтырева, а также самих воевод друг на друга и на горожан. Хотя Кафтырев, среди прочего, обвинял Барятинского в государственной измене, опираясь на заявления нескольких служилых и холопов, следствие не носило экстраординарного характера, как чаще всего бывало в то время. В наказе, полученном в Тобольске «сыщиками» письменным головой Матвеем Владимировичем Сабуровым и подьячим Михаилом Исаковичем Пошехоновым, им предписывалось: «Приехав на Тару, велеть быть к себе на съезжей двор Тарского города ружником[274], служилым людем, да ротмистру, и головам тотарским и казачьим, и литве, и литовского списку, и конным и пешим казаком, и стрельцом, и пушкарем, и затинъщиком, и всяким жалованным и посадцким людем, и пашенным крестьяном, и юртовским служилым, и захребетным татаром, и детем их, и братье и племянником, и юртовским жилецким бухарцом. А как они сойдутца, и их всех допросити, всем ли они городом прислали челобитную, какову подали в Тобольску в съезжей избе тарские служилые люди... на воевод... и со всяких ли людей ведома тое челобитную писали, или иные в тое челобитную писаны за очи или по неволе»[275]. Если таковые найдутся, то «тех людей именя и речи велети писати на список себе статьею особно», но в один документ, который грамотные подпишут сами, а за неграмотных распишутся их отцы духовные или кто-нибудь из грамотных[276].

Далее всех тех, кто подтвердит, что общегородская челобитная написана от их имени, «сыщики» должны были

допросить «порознь» по каждой статье их жалоб на воевод, причем допрашиваемые могли излагать лишь собственные обиды, но одновременно должны были объяснить, «о каких своих нужах или о мирских росправах в съезжую избу бити челом приходили». После этого всех вызванных «сыщиками» в отведенную для сыска особую съезжую избу[277] следовало отпустить по домам.

Но поскольку оба воеводы обвиняли подвластное им население в бунте, неподчинении законно поставленным властями, а в главной челобитной служилых и впрямь содержалось требование немедленной смены воевод и даже утверждалось, что «им-де, служилым людем, с тово числа в Тарском городе вперед быти с ними не мочно ни одново часу и государевы службы служить и никаких дел делати невозможно»[278], «сыщики» должны были далее провести следствие и по этим обвинениям. Им предписывалось вызвать к себе 14 чел., поименованных в воеводских жалобах в качестве защитников бунта и порознь допросить их по этим пунктам воеводских обвинений. Затем зачинщиков следовало выслать из города в какие-либо ближние населенные пункты, чтобы они не мешали следствию. После этого «повальный обыск» должен был продолжаться допросами «всяких чинов людей» по каждому из оставшихся пунктов обвинений, выдвинутых во всех челобитных по этому делу,— так, чтобы ни одна статья не осталась невыясненной, как особо подчеркивали в наказе тобольские воеводы[279].

Однако выполнять это требование во время «повального обыска» оказалось очень непросто. Тарские миры сопротивлялись принципу отдельных допросов каждого человека, да и сами «сыщики» не знали, как технически его осуществить. 4 сентября 1637 г. М. Сабуров и М. Пошехонов вызвали в свою съезжую избу в Таре представителей всех перечисленных в их наказе групп населения, задав им общий вопрос: подтверждают ли они, что посылали со своими челобитчиками в Тобольск жалобу на обоих воевод. По донесению «сыщиков» в Тобольск, это подтвердили все, «опричь казачья и татарского голов, и пашенных крестьян, и юртовских служилых, и захребетных татар, и бухарцов»[280]. Однако в челобитной, отправленной из Тары от имени всех служилых людей, утверждалось, что события развивались иначе: когда «сыщики» «на смотре (!— *Авт.*) всево города смотрили и роспрашивали: Всем ли вы городом били челом? И мы, холопи твои, на смотре им сказали, что били челом всем городом»[281]. (Реально во время

«обыска» обособилась группа из 12 представителей верхушки служилых, которая лишь кое в чем подтвердила претензии к воеводам, остальное отрицала; позиция татар и бухарцев была ближе к позиции служилого мира[282].)

Но когда затем М. Сабуров и М. Пошехонов попытались выполнить пункты наказа об индивидуальных допросах, служилый мир резко этому воспротивился. Большая группа казаков и стрельцов во главе с ротмистром и сотниками явилась в резиденцию «сыщиков» «и говорили, что им порознь всякому своих речей не сказывать, а чтоб им дать память с наказом (полученным «сыщиками».— *Авт.*), против чево им сказать по сотням, и они против того и речи принесут. И я (М. Сабуров.— *Авт.*) по них посылал и не по один день, и на съезжей двор к роспросу быть велел, и они меня не послушали, и к розпросу не пошли, и отказали с шумом, что им порознь в роспросе речей не сказывать»[283].

В своей челобитной об этом споре тарские служилые люди жаловались царю, что их «хотят роспрашивать и сыскивать по одному человеку». Свой отказ они мотивировали так: «А у нас, холопей твоих, челобитье одно всево города, и речи мы им даем против прежнова своего челобитья всем городом одинь, а не врознь»[284]. Эта декларация мирского единства была тут же оспорена лицом заинтересованным — воеводой Ф. П. Барятинским, который в своей челобитной настаивал, чтобы следствие по обвинению его в «государевом деле» велось индивидуально — «по их городовому челобитью обыскать на Таре всяких чинов людьми не сотнями и не десятками...»[285]

В своей реакции на все эти недоумения и противоположные требования кн. М. М. Темкин-Ростовский избрал реалистическую, как ему казалось, среднюю линию. Он приказал сначала допрашивать «зачинщиков», ротмистра и принимавшего активное участие в организации мирского протеста игумена Исайю «порознь, всяк за себя, а не друг за друга, и не за станицу свою, и не за сотню». Но после высылки «зачинщиков» велел «дать...им, тарским челобитчиком, памяти по сотням», по присылаемому образцу; в этих памятях приказывалось, чтобы сотники и атаманы организовали по сотням сбор индивидуальных показаний, «написав подлинно всякому за себя обиды порознь по имяном, кому из них имянем и какие обиды были» от воевод. Принеся в съезжую эти показания, сотники должны были одновременно представить и своих людей, а «сыщикам» следовало тогда у этих людей удостоверить-

ся, «прямо ли им такие обиды и насильства были, и не за очи ли их сотники их или атаманы писали»[286]. Затем все эти показания следовало доставить в Тобольск.

Однако имеющиеся в деле почти 600 листов первичных материалов «повального обыска» М. Сабурова в Таре свидетельствуют, что и этой средней линии удержать не удалось. «Сыщики» смогли получить многие десятки частных показаний о конкретных обидах отдельных лиц на обоих воевод. Но весьма значительная часть сыска была оформлена иначе. По целому ряду общемирских требований и по пунктам взаимных претензий воевод показания давались и записывались именно таким способом, против которого возражал князь Федор Петрович: сразу целыми «сотнями», во главе с их командирами, и разными сословными группами. Так, только 19 сентября 1637 г., за день, в одну «допросную сказку» были записаны показания, сделанные сразу от имени 12 чел. духовенства — клириков и чернецов, в другую — показания четырех командиров и одного казака, в третью — всех пашенных крестьян (22 чел.), в четвертую — всех служилых и захребетных татар (44 чел.), в пятую — юртовских торговых бухарцев (12 чел.)[287].

Подобным образом 15 ноября 1637 г. давала показания вся казачья сотня Ивана Лаптева (64 чел.), сотня конных казаков Назара Жадовского (67 чел.), 76 чел. «ротмистра Ондрея Кропотова и ево приказу литвы, русских людей старожильцев»[288]. Показания каждой сотни оформлены единым отдельным документом, в начале которого перечислены поименно все, давшие показания; десятники либо упомянуты в начале списка, либо весь список составлен по десяткам во главе с десятником[289]. На обороте имеются формулы подписей лишь небольшой части лиц, упомянутых в начале сказки, обычно подписи (личные или по поручению) сотника, десятников. В Тобольске очень придирчиво отнеслись к материалам «повального обыска», сделали М. Сабурову и М. Пошехонову массу частных замечаний, но всю описанную выше процедуру сыска не оспорили[290].

История проведения тарского следствия 1637 г. проясняет и те трудности, которые неизбежно возникали при проведении подобных широких опросов, и активную позицию мира, отстаивавшего свое право на единое мнение, и компромиссную практику разрешения коллизий. Еще одна трудность заключалась в том, что процессуальные нормы в Соборном уложении 1649 г. и его источниках формулиро-

вались применительно к обычным сыскам, где были две вполне конкретные, индивидуальные стороны, а не к конфликтам между властью и обществом, когда одной из сторон была вся община, а то и общесословное земство города и уезда. По общей норме всякий обыск проводился «сторонними» людьми, т. е. истец и ответчик из него исключались, мало того, по древнему обычаю, действовавшему в судебной практике XVII в. (хотя и не отраженному в Уложении), истца и ответчика полагалось выслать на время из населенного пункта, где проводился «обыск», чтобы они не имели возможности влиять на его ход и результаты.

Но при проверке «повальным обыском» общемирских жалоб на воеводу выполнить оба эти требования было крайне затруднительно. «Сторонних» людей практически не оставалось. Таковыми, конечно, можно было считать представителей местного духовенства, что власти обычно и делали. Показаниям духовных лиц особое значение придавалось не только потому, что они обязаны были давать их «по священству» и «по иноческому обещанию», но и потому, что многие клирики и монахи заверяли челобитные мирян, своих духовных сыновей, и могли свидетельствовать, действительно ли в челобитной имело место волеизъявление данного человека или группы лиц. Но некоторые духовные лица (например, тарский игумен Исайа или томский священник Пантелеймон) так активно выступали на стороне миров, что непричастными людьми их было считать невозможно.

Власти склонны были рассматривать в качестве «сторонних» людей тех членов общины, которые были записаны в челобитные заочно либо вообще не упомянуты в качестве челобитчиков. Общины же, как уже говорилось, считали, что они имеют право выражать общее мнение своих членов; в служилой казачьей и стрелецкой общине это мнение не раз сообщалось следователями по десяткам, пятидесятням и сотням.

Во время тарского сыска 1637 г. были временно высланы из города только 14 упоминавшихся «зачинщиков», но и с них предварительно сняли показания. И в даче показаний, и в очных ставках участвовали воеводы, руководители общин, большинство их членов, а также игумен Исайа. Обвинения служилых против воевод поддержало по большинству пунктов 318 служилых, не поддержало 12 чел., преимущественно детей боярских[291].

Иначе решался вопрос об организации «повального обыска» во время многоступенчатого следствия о Томском

восстании 1648—1649 гг.[292] Сначала следствие было поручено направленным в город новым воеводам М. П. Волынскому и Б. А. Коковинскому. В данном им наказе предписывалось, выслав из города более двух десятков «ушников» прежних воевод (и, как было добавлено позднее, примерно столько же «зачинщиков» во главе с Ф. Пущиным), «обыск» проводить только «сторонними» людьми, строго исключив из него всех участников конфликта. Для этого новым воеводам даже предоставлялись специально составленные в Сибирском приказе списки всех тех, кто упоминался как челобитчик или подписывал многочисленные мирские челобитные на старых воевод. Как и в тарском следствии, перед тем как высылать главных участников конфликта из города, следовало записать их показания и сделать все необходимые очные ставки.

Однако если сторонников О. И. Щербатого удалось сравнительно легко удалить из города (где восставшие больше года продержали их под арестом), то «мирские советники», реально управлявшие городом во время восстания, категорически отказались покинуть Томск, а поддержка этой позиции всем служилым миром и другими томскими общинами практически лишила новых воевод возможности выслать «зачинщиков». Миры успешно сопротивлялись этому распоряжению с августа 1649 г. до второй половины 1651 г. В одной из челобитных «мирских смутчиков», сторонников О. И. Щербатого, рисовалась невозможная, по их мнению, для объективного следствия обстановка в городе, созданная мирскими руководителями, опиравшимися на «одиначные записи» о солидарности во время следствия. «И ныне он, Фетька Пущин с товарыщи своими, от своего воровства не отставает, круги и бунты заводит и наши...убогие домишка и досталь разоряют, и скатинишко наше побивают, и насильством отъимают, и с своими советники всяко наругаются». Мир создал вокруг своих противников такую обстановку, что они буквально не могли из дому выйти, даже в церковь[293].

На первом этапе следствия мирам удалось одержать некоторые победы. По их требованию к делу были приобщены многочисленные документы, подкреплявшие томские челобитные на воеводу О. И. Щербатого[294], следователями было отвергнуто несколько исков противников восстания. Но приказание отстранить от сыска всех челобитчиков вызвало крайнее раздражение томичей. В общегородской мирской челобитной царю (май 1651 г.) они жаловались: «болшая половина нас, холопей и сирот твоих, градцких

людей в отводе, а к сыску, государь, выбраны многия люди, те, которыя в то время в Томском не были, а которыя, государь, были и про все ведают, и те люди в отводе»[295]. Буквальное воплощение принципа «обыска сторонними людьми» неизбежно вело к малой результативности и информативности «обыска» по общегородским челобитным. В материалах томского и других подобных сысков — сотни страниц показаний о том, что опрошенные отсутствовали в городе во время событий и «ничего не ведают».

Поэтому, как правило, «сыщики» постепенно все же расширяли круг привлеченных к следствию за счет непосредственных участников событий. Но те, связанные «одиначными записями», охотно говорили о воеводских злоупотреблениях, но отказывались от подтверждения даже бесспорных фактов о «бунте, скопе и заговоре». Например, в томском сыске — о домашнем аресте О. И. Щербатого, разгроме домов его сторонников, неподчинении царским грамотам.

В целом, по-видимому, первый этап следствия оказался довольно благоприятным для миров, что побудило Москву особым царским решением (по челобитной О. И. Щербатого) отстранить новых томских воевод от сыска и передать его в руки тобольского письменного головы С. Скворцова и подьячего П. Ерохина (последний был известным тобольским казнокрадом). Однако и новым «сыщикам» долго не удавалось преодолеть сопротивление томских миров. Один из сторонников О. И. Щербатого, сын боярский П. Сабанский сообщал царю, что главная причина этой неудачи — мирская солидарность: «Да и одиначные, государь, у них, многих воров, за руками написаны, что отнюдь у сыску и на роспрос по одному человеку не даватца»[296].

В подтверждение этой позиции томичи, собираясь на казачьи круги и общегородские сходы, составили еще летом 1650 г. новую челобитную царю, где жаловались на попытки изолировать мирских вожаков, требовали справедливого сыска о злоупотреблениях воеводы О. И. Щербатого, всячески подчеркивая при этом свою исконную верность царю[297]. Но когда в конце ноября 1659 г. С. Скворцов и П. Ерохин предприняли очередные попытки выслать «зачинщиков», они вновь встретились с организованным отпором томичей. В конце 1650 — начале 1651 г. «сыщики» предприняли несколько попыток выслать «зачинщиков», но каждый раз назначаемые для проведения этой операции приставы из томских казаков переходили на сторону мира и отказывались выполнять распоряжение. 26 но-

ября 1650 г. высылаемые вместе с 12 приставами явились на съезжий двор «сыщиков» «з болшим невежеством и с шумом», угрожая, что в случае высылки весь томский мир отправится в Москву в ходатаях за своих. При этом томичи заметили, что «память», данная С. Скворцовым приставам о высылке «зачинщиков», не содержит упоминания о том, что это делается по государеву указу. Скворцова тут же обвинили в том, что он «государится»— узурпирует прерогативы царя[298]. Это обвинение основывалось на традиционных народных представлениях о том, что корыстные царские слуги незаконно действуют от имени царя, который сам не может притеснять народ или санкционировать притеснения.

Лишь в начале мая 1951 г. «сыщики» посмели приступить к «повальному обыску». Как и в 1637 г. в Таре, ими был назначен смотр, на котором объявлено, что опрос будет проходить по казачьим пятидесятням. Таким образом, от строго индивидуального сыска С. Скворцов и П. Ерохин отказались с самого начала. Но казаки не хотели и такого сыска — им нужно было следствие не о бунте, а о воеводских злоупотреблениях, о которых они уже довольно много успели сообщить М. П. Волынскому и Б. А. Коковинскому еще на первом этапе «розыска». 3 мая 1651 г. 120 томских казаков, вызванных к сыску, организованно, по пятидесятням заявили о своем отказе давать показания. Был составлен именной список отказавшихся, где перечислены казаки пяти пятидесятен конных казаков и семи — пеших. Хотя в большинстве своем эти казаки действительно могли рассматриваться Москвой как «сторонние» люди, так как они не подписывали самых первых, инициативных челобитных всего движения, принцип этот уже не соблюдался со всею строгостью — в списке было более двух десятков имен казаков, упоминавшихся в качестве челобитчиков на О. И. Щербатого[299].

Смотр 3 мая 1651 г. перешел в незапланированную «сыщиками» мирскую сходку, на которой был обсужден план создания новой челобитной с требованием справедливого сыска и посылки ее с особой делегацией (третьей с начала восстания) к царю. Представители миров, явившись 7 мая в воеводскую канцелярию, потребовали официальной отправки этой общегородской делегации, что и было сделано — конечно, на мирской, а не на казенный счет[300].

Практически всю вторую половину 1651 г. томские миры занимали стойкую оборону против «сыщиков», лишь с декабря 1651 г. следователи смогли занести в дело первые заявления томичей. Правда, сначала это были все те же

декларации об отказе давать показания. Так, несколько групп казаков и оброчные люди, пашенные крестьяне вплоть до начала марта 1652 г. подчеркивали две причины своего отказа: сыск уже был проведен М. П. Волынским и Б. А. Коковинским, к тому же «послали к государю к Москве о сыску все грацкие люди челобитчиков ... чтоб государь пожаловал их, велел сыскивать по своему государеву указу повальным обыском» и до получения государева указа о справедливом сыске томичи никому никаких показаний давать не будут[301].

Характерно, что большинство показаний, записанных С. Скворцовым и П. Ерохиным, были сделаны от имени целых групп томичей. В их составе преобладал сословный принцип: 13 пашенных крестьян представляли все свое сословие, точно так же — 12 жилецких и оброчных, 8 низших клириков. Постепенно выделились и отдельные группы казаков, состав которых не совпадал с делением войска на сотни. «Сыщики» пытались в первую очередь допрашивать тех, кто не был в городе в дни апрельского восстания или не подписывал челобитных против О. И. Щербатого, но почти в каждой группе допрошенных были активные участники событий, включая нескольких руководителей миров. Среди них и И. Чернояр, конный казак (а в прошлом — яицкий казачий атаман, сосланный в Сибирь за какое-то «воровство»), и казачий десятник Ф. Крылышков-Помельцев[302]. В группе пашенных крестьян — Аф. Лученин, родной брат Ф. Лученина, сделавшего во время восстания головокружительную карьеру: будучи переведен из крестьян в пешие казаки, он последовательно назначался повстанческими властями сначала в конные казаки, а затем даже в дети боярские (после конца восстания это последнее назначение было отменено)[303].

Однако большинство согласившихся, наконец, давать показания говорили совсем не то, что требовалось следователям: они свидетельствовали не о бунте, а о притеснениях томичей воеводской властью. При этом пашенные крестьяне подробно рассказали о махинациях О. И. Щербатого с увеличением размера казенной десятины, о вымогании им взяток и прямом насилии, о введении незаконных отработок в воеводском частнофеодальном хозяйстве. Представители томской посадской общины не только выразили собственные претензии к князю Осипу Ивановичу, но и подтвердили показания крестьян[304].

Лишь постепенно, с июля-августа 1652 г., «сыщики» смогли как-то нащупать себе опору в Томске и повернуть

следствие в нужном направлении. В качестве такой опоры послужили показания активного участника событий (на стороне О. И. Щербатого) богоявленского священника Сидора Лазарева и троицкого дьякона Ивана Кирьянова, бывшего сначала с восставшими, но вскоре отошедшего от них; остальные допрошенные клирики против мира тогда не пошли[305]. К этим двум показаниям вскоре удалось присоединить свидетельства четырех детей боярских и одного богатого жилецкого человека; все пятеро так или иначе конфликтовали с повстанческими властями и теперь по ряду важных пунктов подтвердили «обыскные сказки» священника и дьякона. Таким путем «сыщики» документально удостоверили основные события «бунта» апреля 1648 г., непослушание царским грамотам в феврале 1649 г., арест сторонников воеводы и разгром их домов, список главных зачинщиков — «мирских советников» повстанческой съезжей избы.

Несмотря на длительность Томского восстания (16 мес.) и упорный характер мирского сопротивления, дело после доклада царю было «вершено» в начале 1653 г. сравнительно мягко. Не вынесено ни одного смертного приговора, 31 чел. наказан кнутом, из них 11 чел. с семьями сосланы затем в Якутск с сохранением их сословного статуса и воинских чинов; многие вскоре сделали на новом месте успешную военную карьеру[306].

Определяя это наказание за несомненный бунт, за который по ст. 21 главы II Соборного уложения полагалась смертная казнь всем «зачинщикам», власти, кроме прочих соображений, явно брали в расчет и то, что в основе всего конфликта лежало все же традиционное право мирского челобитья царю на «плохого» воеводу, т. е. ситуация, предусмотренная как вполне законная ст. 22 главы II Уложения.

Ряд характерных черт в позиции миров во время «повальных обысков» выявляется материалами многих других сысков. Упомянем здесь сыск 1635 г. в Томске, возникший в результате распри в воеводской коллегии между первым воеводой князем Никитой Ивановичем Егуновым-Черкасским по прозвищу Курица и вторым воеводой Федором Григорьевым сыном Шишкина. Дьяк Андрей Строев принял в распре 1633—1635 гг. сторону второго воеводы, и по их совместному извету о всяческих злоупотреблениях князя был назначен «обыск». Томский служилый мир активно вмешался в эту распрю во время «обыска», добавив массу новых фактов о взятках, вымогательствах и незаконных

махинациях с пушниной князя. Последний на время сыска был сослан в Тобольск, а второй воевода и дьяк оставались в городе. В деле об этом «обыске» содержатся подробные показания томских служилых людей. Как и во время тарского сыска 1637 г., показания давались и записывались по воинским подразделениям, но не по сотням, а по пятидесятням, отдельно по каждому обвинительному эпизоду. Так, от 15—19 декабря 1635 г. сохранились показания казаков пятидесятен Аггея Чижова, Ивана Володимерца, Михаила Салкова (все трое впоследствии активные участники Томского восстания 1648—1649 гг.), а также Василия Капустина. Отдельным совместным документом были оформлены показания томских детей боярских (во время восстания 1648—1649 гг. многие из них окажутся «по разные стороны баррикады»)[307].

Выдвинув свои претензии к первому воеводе, томские миры далеко не во всем подтвердили жалобу второго воеводы и дьяка — используя воеводскую распрю, служилая община твердо помнила о собственных делах и задачах во время «повального обыска».

Подобным образом по казачьим и стрелецким частям, а не индивидуально вели летом и осенью 1654 г. в Тюмени тобольский сын боярский Иван Астраханец и подьячий А. Петров «повальный обыск» по второй общесословной мирской челобитной на воеводу Н. И. Елдезина. Последний жаловался царю, что «сыщики» не допрашивали «с лица на лицо», а дали по стрелецким и казачьим частям «память против своего наказу», с перечислением статей челобитной на воеводу. Показания были составлены как единые от каждой части и затем подписаны на военных смотрах. Смотры устраивали стрелецкий голова Н. Яльцев и сын боярский С. Ушаков, «чиня по вся воскресенья и в простые дни...» На них звали не только служилых, но «и иных чинов людей», и те тоже подписывали показания. Сын боярский Я. Тургенев «обыски носил по базару» даже, собирая подписи. Воевода особо подчеркивал, что «сыщики» не хотели и не умели противостоять мерам, принятым тюменскими служилыми и другими общинами для сохранения единства, в соответствии с «одиначной записью». Среди этих мер были и прямые угрозы отступникам от общесословного мирского единства, и применение насилия, и даже жалобы на них государю[308]. Н. И. Елдезин справедливо обобщил свой рассказ заявлением, что сыск был проведен вопреки нормам Уложения, исходя из требований мирских руководителей движения[309].

Мы остановились подробно на тарском сыске 1637 г. и томском 1649—1652 гг., так как материалы их хорошо отражают наиболее существенные черты борьбы сибирских миров за свои права во время заключительной стадии конфликта — «повального обыска». Если в Таре события развивались мирным путем, то томский сыск 1649—1652 гг. завершал крупнейшее в Сибири первой половины XVII в. восстание.

Глава VI

БОРЬБА ЗА САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНЦЕ XVII В.

Конец XVII в., точнее 1690-е гг., можно считать особым этапом в общественно-политической жизни сибирского населения, на протяжении которого особенно ярко выразилось его общественное самосознание и борьба за сословные права приняла четкие и определенные формы. Обострение этой борьбы объяснялось, с одной стороны, усилением воеводской власти, а отсюда и злоупотреблениями воевод, а, с другой стороны, сужением прав служилого элемента, войска. Подобно тому как происходило социально-экономическое сближение приборных служилых людей с тяглыми слоями населения в европейской части государства, в Сибири служилые люди, теряя льготы, в своей основной массе также оказывались в положении эксплуатируемого населения. Правительство, проводя эту политику в европейской части страны, могло опираться на дворянское ополчение и полки «иноземного строя», а, реформируя систему вооруженных сил и тем самым содействуя кризису стрелецкого войска, подавлять недовольство и даже возмущение стрельцов, ярко проявившееся, например, в Москве в 1680—1690-е гг.

В Сибири ситуация была иной. Здесь приборное войско до реформ Петра I по организации ругулярных воинских частей было единственной вооруженной силой. С умалением социльно-экономических льгот сибирского войска правительство ослабляло силу своего политического господства, т. е. свою вооруженную опору. Вместе с тем как бы ни раздиралось войско экономическими противоречиями между рядовыми его членами и верхушкой, прежде всего сибирскими детьми боярскими, оно не могло не чувствовать,

что правительственная политика направлена на ослабление и уничтожение сословно-представительного принципа. Поэтому войско, оставаясь социальной организацией сибирских служилых людей, становилось на все более решительные позиции, все более определенно выявляло свои общественно-политические взгляды, в своих протестах энергичнее смыкалось с социальными организациями других слоев населения (сельскими и посадскими общинами и ясачными людьми). В рассматриваемое время эта ситуация наиболее четко обозначилась в Восточной Сибири, где войско среди других социальных сообществ представляло самую серьезную консолидированную силу.

В разгоревшейся в это время борьбе, охватившей все уезды и города Восточной Сибири, различные слои населения занимали разные позиции. Усиливалось как движение старообрядцев, так и стремление уйти из-под воеводской власти на необжитые территории. В то же время сохранялась вера в возможность добиться существования такой воеводской власти, которая действительно радела бы и о государевых интересах, и об интересах всех слоев населения. Но, помимо этих представлений, в 1690-х гг. четко выявились более радикальные взгляды на необходимость самоуправления и его несовместимость даже с «добропорядочным» воеводским управлением. Ранее лишь на гребне восстаний средины XVII в. изредка возникало стремление «воевод из Сибири выгнать»[1].

Вот эти-то заслуживающие первостепенного внимания взгляды проявились в восстаниях в Красноярске и в забайкальских острогах, участники которых, преимущественно служилые люди, на протяжении ряда лет упорно отстаивали свои убеждения.

Восстание в Красноярске, начавшееся в мае 1695 г., явилось одним из самых крупных народных движений в Восточной Сибири и послужило толчком к последующим выступлениям в других городах. Оно дважды привлекало серьезное внимание исследователей — Н. Н. Оглоблина и С. В. Бахрушина, на огромном архивном материале раскрывших фактологическую сторону этого события[2]. Н. Н. Оглоблин рассматривал красноярское восстание как возмущение служилых людей воеводским лихоимством и выявил интереснейшую деталь — связь красноярцев с населением других сибирских городов, прежде всего Енисейска.

С. В. Бахрушин также концентрировал внимание на всевластии воевод, их служебных и личных злоупотребле-

ниях и вымогательствах. Он рассматривал возмущение красноярцев прежде всего как реакцию на это всевластие, а активность казачьих кругов объяснял протестом казаков против воеводских административных репрессий. По его мнению, в первые десятилетия существования Красноярска воевод и казаков связывала общность интересов в процессе объясачивания местного населения, а к концу века, когда этот процесс был заторможен противодействием Джунгарского ханства, воеводы перестали быть организаторами военных предприятий и превратились в обычных администраторов, заинтересованных только в личном обогащении. В этих условиях казачье войско стало выступать против администрации и даже против всего приказного строя управления[3].

В этом построении С. В. Бахрушина прежде всего неверна мысль о том, что рознь казаков с воеводами определялась прекращением военных походов, а тем самым и экономических выгод для служилых людей. Именно в конце XVII в. вооруженная борьба с кочевыми племенами в верховьях Енисея приняла особенно ожесточенный характер. Походы из Красноярска против киргизских и тубинских князцов в 1680, 1682, 1692 гг. свидетельствовали о напряженной пограничной обстановке, при которой красноярское население защищало свои селения от грабительских набегов и само наносило удачные удары противнику, приносившие казакам материальные выгоды[4]. Кроме того, воеводские злоупотребления и вызываемые ими возмущения были делом постоянным.

С. В. Бахрушин писал, что в Красноярске единственным средством самозащиты населения против воеводских притеснений было заявление «государева дела». Под это понятие, по мнению населения, легко подходили всякие преступления по должности (прежде всего представителей воеводского управления)[5]. Таким путем, как мы видели, сибирякам не раз удавалось добиваться смещения Москвой ненавистных воевод. Но были и другие средства борьбы.

В главе II уже рассматривались случаи, когда красноярское войско занимало активную позицию, добивалось и от воевод, и даже в Сибирском приказе внимания к своим нуждам и требованиям. Именно войско было основным элементом самозащиты всего населения от административных насилий. При этом необходимо иметь в виду, что служилые люди в Красноярском уезде составляли подавляющую часть населения. В 1692/93 г. их насчитывалось 658 чел., тогда как крестьян было 117, а посадских людей —

55, из последних только 9 чел. проживали в городе, а остальные — в слободах и деревнях[6]. Поэтому мнение войскового круга отражало господствовавшие общественно-политические взгляды местного населения.

С 1686 г. Красноярск попал в своеобразную «вотчину» семьи Башковских, когда на воеводство в город прибыл И. В. Башковский. Но еще незадолго до этого, в начале 1680-х гг., сын боярский Г. Ермолаев и пятидесятник П. Муруев начали подготовку восстания в Красноярске. Согласно извету, по которому в 1685 г. был начат сыск, они хотели призвать служилых и посадских людей «друг за друга стоять» и поднять восстание с тем, чтобы жить в Красноярске «особо», т. е. не быть подведомственными енисейскому или томскому воеводам[7]. Извет на Муруева и Ермолаева оказался преждевременным, и они были оправданы в конце 1691 г., но сыск показал, что уже во второй половине 1680-х гг. положение в Красноярске было напряженное. Один из участников позднейшего красноярского восстания казачий атаман М. Злобин показывал: «в 193 (1685.— *Авт.*) г. была у нас... меж собою молва, чтоб под енисейским разрядом не быть, а быть бы особь». Соответствующую челобитную красноярцы предполагали подать енисейскому воеводе кн. К. О. Щербатому и по этому поводу списывались со своими знакомыми в Енисейске. Эта идея не была претворена в жизнь из-за внутренних разногласий среди красноярских служилых людей. Но чуть позже в ответ на угрозы воеводы И. В. Башковского, обвинившего их в написании челобитной, служилые ответили обвинением его в «комнатном великом деле». В январе 1688 г. красноярский сын боярский Тит Саламатов объявил всенародно на воеводу «государево дело», которое сумел послать в Енисейск местному воеводе Г. В. Новосильцеву. Сам Т. Саламатов, пытавшийся добраться до Енисейска, был арестован на дороге туда людьми И. В. Башковского. Пока его везли назад в Красноярск, он безуспешно пытался в слободах и деревнях привлечь на свою сторону население, повторяя свое обвинение воеводы в «великом комнатном деле». И. В. Башковский сумел предотвратить восстание[8], а потому судить о намерениях войска в данном случае затруднительно.

Подлинная позиция войска определилась позже, в 1695 г., когда красноярцы «не похотели быть великого государя указу в обыкном послушании, а у воевод под судом»[9]. К 1694 г. на воеводстве оказался А. И. Башковский — сын И. В. Башковского. Непосредственным пово-

дом к выступлению казаков послужила задержка в уплате очередного жалованья и корыстолюбие А. И. Башковского, захватившего меха, присланные казакам из Москвы в виде вознаграждения за успешный поход 1692 г., и отнявшего у них захваченный полон. Подготовка к восстанию длилась несколько месяцев под руководством влиятельной группы в верхушке войска — детей боярских Т. и М. Еремеевых, К. Самсонова, атаманов Д. и А. Тюменцевых. Первоначально предполагалось выступить 6 января (на день Богоявленья), но тогда «съехались и в сборе были не все», а потому организаторы стали рассылать «смутные письма» по слободам и деревням, где жила значительная часть служилых людей. Агитация путем письменных обращений свидетельствовала об уже выработанном в войске порядке объединения, который широко использовался в дальнейшем не только красноярцами, но и служилыми людьми в Забайкалье и Прибайкалье.

Начало движения в Красноярске проходило по сценарию, уже не один раз использовавшемуся в Сибири. После ряда «дум» и «советов» набатным звоном с крепостной башни на площади перед собором в мае 1695 г. был собран войсковой круг, который «отказал» от власти А. И. Башковскому. Воевода был арестован. Его имущество конфисковано, переписано и до «государева указа» опечатано; приказная изба также опечатана. Восставшие на войсковом круге создали местное управление, которое должно было выполнять административные функции «до указа великого государя». В его состав вошли «судейками» 8 чел. из числа командного состава войска, что было скреплено официальным актом, «выбором», который казаки подписывали и во время которого целовали крест. Одновременно была выбрана и снабжена деньгами из войсковой казны делегация в Москву, она повезла общегородскую челобитную с росписью всех злоупотреблений воеводы[10].

Дальнейшие события показали, что красноярское войско вовсе не собиралось установленный им порядок управления считать временным и замыкаться интересами своей округи.

В первые же месяцы восстания (до августа 1695 г.) красноярцы установили тесную связь с населением Енисейска. Воевода Енисейска М. И. Римский-Корсаков сообщал в Москву, что из Красноярска приплыли «тех бунтовщиков и заводчиков на смутное дело конные казаки Замятня Селиванов, Евтюшка Старцев и иноземцы, а с собою привезли грабежные животы» А. И. Башковского. Становилось

очевидным, что опечатанным имуществом воеводы Красноярское войсковое управление решило поддержать население соседнего Енисейского уезда, чтобы привлечь его к выступлению. М. И. Римский-Корсаков сумел не допустить волнений в Енисейске. Он быстро справился с делегацией, конфисковал у нее «животы». Однако вскоре выяснилось, что красноярцы установили связь и с енисейскими пашенными крестьянами; в Мокловской деревне у крестьянина Л. Зыряна были также обнаружены «грабежные животы», переданные ему красноярским казаком Б. Песеговым на сохранение[11].

Первоначально в Сибирском приказе, где привыкли к самостоятельности взглядов красноярских служилых, по-видимому, не придали особого значения происшедшим в Красноярске событиям и прибывшим в Москву челобитчикам. Только этим можно объяснить назначение в Красноярск воеводой на место А. И. Башковского его брата М. И. Башковского. В августе 1695 г. последний прибыл в Красноярск. Опасаясь с его стороны репрессий, участники восстания разъехались по заимкам и деревням, что вовсе не означало прекращения движения. В уезде обсуждалось создавшееся положение; высказывались самые крайние взгляды — одни предлагали уйти из уезда на юг и там на р. Абакан вне государственной территории построить острог, другие призывали захватить Красноярск, убить Башковских и поддерживавших их ссыльных людей, доказывая, что если они «такое дело не учинят, и у них-де в Красноярску добра не будет»[12]. Возобладало мнение о походе на город. Тогда воевода начал расправу над жителями, угрожая «выжечь и вырубить» Красноярск. Служилые и посадские люди, опираясь на помощь окрестного сельского и ясачного населения, в начале ноября осадили город. Предчувствуя это выступление, М. И. Башковский за несколько дней до него заперся в крепости («малом городе») с ссыльным братом опального украинского гетмана В. Многогрешным и 50 чел. Он успел сообщить в Москву, Тобольск и Енисейск о создавшемся положении и просил у енисейского воеводы послать войска для подавления мятежных красноярцев[13]. Вновь собравшийся на площади «большого» города круг объявил об «отказе» воеводе, конфисковал его имущество и выбрал новый состав управления из двух «судеек»— сына боярского Т. Еремеева и атамана Д. Тюменцева. Таким образом, во главе войска попрежнему оставалась влиятельная командная верхушка, но в новом составе.

«Отказав» М. И. Башковскому, войско не сочло нужным сообщить об этом в Москву и тем самым объяснить причины свершившегося. М. И. Башковский со своими немногочисленными сторонниками просидел в «малом» городе в своеобразной осаде 10 месяцев. Попытка приехавшего в это время в Красноярск приказчика Удинского острога сына боярского С. Иванова противопоставить себя «судьям» окончилась для него трагично. Не смог «утишить» восстание и присланный в феврале 1696 г. из Тобольска временным воеводой Ф. Тутолмин. Из Красноярска его не изгнали, но власти он не имел никакой.

На протяжении ноября 1695 г.— августа 1696 г. выборные судьи и сам войсковой круг обладали всей полнотой власти в городе. Осажденный М. И. Башковский получал продовольствие, но из крепости ни он, ни его сторонники выйти не могли. Выборные судьи по существу осуществляли все функции административного управления — организовывали сбор ясака, оброчных и явочных денежных поступлений в «государеву казну», отпускали на пушные промыслы промышленных людей, раздавали жалованье служилым людям, осуществляли «суд и расправу» над населением и по казачьей традиции распоряжались войсковой казной. Судьи находились под постоянным контролем войскового круга, о чем можно судить по их частым сменам. Их не только смещали, но и арестовывали. Однако при всей этой казачьей демократии власть «великого государя» не подвергалась сомнению. Воеводская печать, ее олицетворявшая, не использовалась и была запечатана в специальный ящик, а судьи местом своего пребывания избрали свою «судебную избу», но не «съезжую избу», тем самым подчеркнув, что занимать официальное помещение может только лицо, назначенное верховной властью в качестве главы местного управления[14].

Может показаться, что, признавая власть «великого государя» и неприкосновенность съезжей избы, войско допускало возможность восстановления воеводской власти. Однако это предположение представляется неверным. Войско действительно не считало возможным отложиться от государственной власти, но при всех своих внутренних противоречиях, когда войсковая верхушка стремилась сохранить приоритет, оно упорно стояло на своей основной позиции — добиться самоуправления. Не вступая в сношения с Москвой после «отказа» М. И. Башковскому и даже не доказывая правомочности этого акта, войско совершенно так же отнеслось и к следующему приехавшему из Москвы во-

еводе — С. И. Дурново. Во всем этом важное отличие красноярских событий конца XVII столетия от томских его средины.

С. В. Бахрушин, излагая ход Красноярского восстания, все время подчеркивает, что сохранявшееся в городе и уезде возбуждение объяснялось боязнью воеводских репрессий и противодействием им. На самом же деле то, что Бахрушин называет причиной, было лишь следствием стремления претворить в жизнь указанный выше основной пункт казачьей программы. В августе 1696 г. С. И. Дурново прибыл в Красноярск, и М. И. Башковский открыл перед ним ворота острога. Однако положение нисколько не изменилось. Красноярцы начали избивать разошедшихся было по своим дворам сторонников М. И. Башковского. Сам он, опасаясь убийства, поторопился уехать в Енисейск, даже формально не сдав С. И. Дурново финансовую документацию, что было совершенно обязательным актом, а новый воевода предпочел не искушать судьбу и избрал своей резиденцией «малый» город[15]. Таким образом, воеводская власть была восстановлена по существу формально. Опираясь на «малый» город, С. И. Дурново пытался ликвидировать войсковое управление и начал было вести кровавое следствие о бунте, но выборная организация продолжала существовать. «Думы» и «советы» среди населения не прекращались, несмотря на аресты. Просьба С. Дурново о присылке войск, направленная в Енисейск, оказалась невыполнимой. Уже в конце 1696 г. С. Дурново и В. Многогрешный сами сели в многомесячную осаду. Их опасения оказались не случайными. В январе 1697 г. на воеводу предполагалось покушение, среди казаков обсуждался план штурма «малого» города, а уездное население вновь стало готовиться к походу в Красноярск, чему способствовало и бегство в мае из-под ареста 30 чел., захваченных С. И. Дурново.

Однако штурма «малого» города не произошло. В Сибири стало известно о прибытии с чрезвычайными полномочиями из Москвы для расследования деятельности всего сибирского управления думного дьяка Д. Л. Полянского и дьяка Д. Берестова в связи с происшедшими восстаниями. Поэтому военные действия вокруг Красноярска были приостановлены и войсковые круги заняли выжидательную позицию, хотя бежавшие из тюрьмы малого острога призывали «красноярцев в уезде к великому дурну»[16]. После приезда в Енисейск Д. Л. Полянского ему были присланы челобитные на С. И. Дурново с подписями сотен служилых

людей и ясачных уездных коренных жителей — качинцев. В этой обстановке Д. Л. Полянский отозвал из Красноярска С. И. Дурново; в качестве временно исполнявшего обязанности воеводы он назначил туда енисейского письменного голову С. С. Лисовского[17]. С. И. Дурново в начале апреля 1697 г. поспешил выехать в Енисейск, не сдав дела С. С. Лисовскому, а красноярское население не проявило к последнему враждебности, не без расчета полагая, что он, как и ранее присланный из Тобольска Ф. Тутолмин, обладать властью не будет. Таким образом, с апреля и до августа 1697 г. в Красноярске вновь утвердился войсковой круг, который не собирался и впредь отказываться от своих позиций.

Сразу же после приезда в Енисейск С. И. Дурново, чтобы спасти свою репутацию, потребовал от Д. Л. Полянского провести сыск над красноярцами и добился успеха. По всей вероятности, под давлением «сыщиков» находившиеся в Енисейске красноярцы показали, что обид от воевод не было. Прибывшие из Красноярска челобитчики потребовали от Д. Л. Полянского приезда в Красноярск для выяснения всех обстоятельств происшедших событий. Д. Л. Полянский склонился в Енисейске на сторону С. И. Дурново, восстановил его в должности и послал обратно в Красноярск.

В начале августа 1698 г. С. И. Дурново вернулся в Красноярск, и начался последний этап борьбы войска за свое самоуправление. Приезд С. И. Дурново вызвал в городе всеобщее возмущение. Войсковой круг поставил караул около малого острога. Затем С. И. Дурново был вытащен прямо из бани, в круг. Там было решено его утопить. Уже на берегу Енисея С. С. Лисовскому удалось предотвратить казнь и уговорить казаков отпустить С. И. Дурново в лодке в Енисейск. Тогда Д. Л. Полянский сам выехал в Красноярск. Но в глазах красноярского войска он был уже скомпрометирован посылкой С. И. Дурново обратно на воеводство. В 40 верстах от города его остановил казачий отряд, и он вынужден был вернуться в Енисейск. Сопровождавший Д. Л. Полянского капитан московских стрельцов О. Михайлов позднее сообщил, что красноярцы не пустили его в город, заявив, что они ждут возвращения из Москвы с государевым указом своих челобитчиков и не хотят, чтобы он их в сыске напрасно «пытал»[18].

К этому времени Д. Л. Полянский оказался в опале у царя и сам за свою деятельность в Сибири попал под следствие. Правительство было недовольно медлительностью

сыска и снисходительным отношением «сыщика» к С. И. Дурново. Еще будучи в Енисейске, Полянский получил указ возвращаться в Москву и не ездить в Красноярск, «для того что о Красноярском городе велено разыскивать мимо ево»[19]. Правительство же предприняло очень ловкий шаг, назначив очередным воеводой в Красноярск П. С. Мусина-Пушкина, который уже воеводствовал в Красноярске в начале 1690 г. и был популярен среди казаков, особенно после организованного им успешного похода в 1692 г. в верховья Енисея против киргизских князцов. К тому же правительство, стремясь к «совершению того красноярского дела», т. е. прекращению его, приняло решение возложить всю ответственность за восстание на «лихих» воевод и их сторонников из ссыльных. Посланной комиссии давалось право самостоятельно вынести приговор, но «чтоб от них дел тому городу и иным городам не навесть большого разорения». Особое внимание следователей было обращено на ссыльных подьячих, которые в силу своей грамотности казались правительству особенно опасными. Даже в случае их невиновности следователям предписывалось повесить двух-трех человек «во унятие и страх впредь будущим ссыльным ворам»[20].

Восстановлению воеводской власти в Красноярске способствовало также обострение политического положения на южных границах, где киргизские князцы не прекращали свои набеги на русские селения и ясачных людей, а в сентябре 1700 г. даже осадили город. В ответ на это в феврале—марте 1701 г. состоялся самый крупный поход из Красноярска на киргизских князцов, в котором красноярское войско нанесло им чувствительные потери[21].

Красноярское восстание было наиболее длительным в Сибири XVII в., что в большой степени определялось однородностью социального состава населения, опиравшегося на окрестных крестьян и ясачных людей, и последовательной программой войска. Более трех лет восставшие упорно выступали за ликвидацию воеводского управления как такового.

Правительство всеми мерами стремилось «утишить» Красноярск. Оно понимало, что восстание в нем не только послужило толчком к другим выступлениям, но и стало примером стойкости в борьбе. Вовсе не случайно красноярцы М. Алексеев и Ф. Матвеев, принимавшие участие в Илимском восстании, были казнены в конце 1704 г. «за многие их воровские возмущения и за затейные дела», о чем приказано было оповестить жителей Красноярска с

тем, «чтобы впредь в Красноярске и повсюду всяких чинов люди жили смирно и никаких непотребных делов не касались»[22].

Через полгода после начала восстания в Красноярске подобные события развернулись в Нерчинске. Русское население на дальневосточной окраине также состояло преимущественно из служилых людей. Подробных данных о восстании в Нерчинске сохранилось, к сожалению, мало, но можно не сомневаться, что войско там находилось в иной, нежели в Красноярске, ситуации, которая отразилась на его общественно-политической позиции. Нерчинские служилые люди в 1683—1689 гг. пережили тяжелую борьбу с маньчжуро-китайской агрессией, были свидетелями подписания трагического мирного договора с Китаем под стенами Нерчинска и не могли не опасаться своего соседа за Аргунью и Амуром. Известно, что в результате миграции русского населения с 1650-х гг. на Амуре образовался целый район русского вольного заселения с центром в Албазине, который лишь формально находился под властью нерчинских воевод и до 1675 г. в своей внутренней жизни управлялся выборными приказчиками[23]. Перед осадой маньчжуро-китайскими войсками в 1686 г. Албазина войсковой круг дал клятву обороняться до конца, «един за единого», и, несмотря на огромные потери, после пятимесячной борьбы со славой отстоял крепость[24]. После подписания мира с Китаем русское население из Албазина было выведено, а его район объявлен незаселяемой зоной. Сложная политическая обстановка сохранялась здесь и на протяжении дальнейших 10 лет[25], а потому нерчинское войско не могло не понимать, насколько опасно начинать со своим же правительством борьбу за казачье самоуправление. Кроме того, глава местного тунгусского ясачного населения князь П. Гантимуров был верным слугой правительства и войско рассчитывать на него не могло. Еще во время войны с Китаем Гантимуровы были вызваны в Москву, крещены и записаны в дворяне по самому почетному, «московскому», списку. Это были весьма немногие представители родоплеменной верхушки аборигенного населения всей Восточной Сибири, вошедшие в состав российского дворянства[26].

На протяжении первой половины 1690-х гг. в Нерчинске последовательно воеводствовали князь Матвей Петрович Гагарин и Антон Тимофеевич Савелов, прославившиеся там среди всех слоев населения злоупотреблениями, взятками и грабежом, особенно на ниве развивавшейся в

те годы русско-китайской торговли[27]. Обострению ситуации в городе способствовало то, что смещенный воевода М. П. Гагарин пытался, по-видимому, не допустить к власти приехавшего Ант. Т. Савелова. Последнего поддерживал князь П. Гантимуров, настрадавшийся от насилий М. П. Гагарина.

Оживление торговых связей с Китаем безусловно способствовало усилению обмена информацией между отдельными сибирскими городами, через которые спешили представители русских торговых кругов к китайской границе и обратно, «на Русь» с привозными товарами, прежде всего различными тканями. Можно не сомневаться, что майские события 1695 г. в Красноярске быстро стали известны в Нерчинске. В начале октября 1695 г. нерчинское войско и иные «всяких чинов» люди отказали Ант. Т. Савелову и посадили его под домашний арест. К восстанию присоединилась Читинская слобода, где служилые люди перехватывали гонцов Ант. Т. Савелова, пытавшихся сообщить в Москву о происходивших событиях[28].

Восставшие организовали собственное управление во главе с сыном боярским И. Аршинским и пятидесятником Ф. Свешниковым. Эти последние руководили ясачным сбором, отпускали гулящих и промышленных людей на промыслы, получали дипломатическую почту из Китая, принимали монгольских выходцев в русское подданство, отправляли торговые караваны, выдавали служилым людям жалованье, т. е. осуществляли все функции воеводского управления.

П. Гантимуров решительно отказался от «совета» с восставшими и в феврале 1696 г. откочевал от Нерчинска в степи[29]. Сведения о восстании в Нерчинске и об обидах, причиненных П. Гантимурову, которым русское правительство дорожило, были восприняты в Москве очень серьезно. Уже в феврале 1696 г. из Москвы отбыл новый нерчинский воевода С. Николев, которому поручалось чинить Гантимурову по-прежнему «ласку» и провести розыск, но не прибегая к особым репрессиям. По-видимому, еще до приезда воеводы в Нерчинск туда из Енисейска прибыл «сыщик» сын боярский С. Карпов, посланный воеводой М. И. Римским-Корсаковым. В январе 1697 г. С. Карпов доносил, что местное ясачное население жалуется на разорение от М. П. Гагарина, а служилые люди отказываются признаваться в обидах, причиненных Гантимурову[30]. Коль скоро в своих лихоимствах Ант. Т. Савелов ничем не отличался от М. П. Гагарина, позиция П. Гантиму-

рова определялась только стремлением отмежеваться от восставшего населения и воспрепятствовать сбору ясака с тем, чтобы обвинить затем выборное нерчинское управление в «крахе» ясачной казны. Так или иначе, но в 1696 г. сбор проводился без окладных ясачных книг.

В сложившихся условиях нерчинское войско не ставило вопроса о самоуправлении и удовлетворилось свержением «лихого» воеводы. Но, несмотря на приезд С. Николева в 1697 г., воеводская власть в Нерчинске, по-видимому, далеко не сразу обрела всю полноту своих полномочий. В приказной справке Сибирского приказа указывалось, что финансовая отчетность за 1696—1699 гг. из Нерчинска не прислана в Москву, «для того что не сделаны за многими его великого государя приказными и розыскными о измене и бунтовстве русских людей делами»[31].

Вслед за нерчинским восстанием в январе 1696 г. началось восстание в Братском остроге. Его история была подробно исследована еще в 1937 г. А. П. Окладниковым[32]. Восстание в Братском остроге интересно тем, что в нем отразился несколько иной взгляд сибирского населения на систему местного управления. Внешне восстание ничем не отличалось от иных восстаний против «лихих» управителей, но представляет интерес как по составу участников, так и по социальному существу.

Братский острог был центром сельскохозяйственной округи и управлялся приказчиками, присылавшимися енисейскими воеводами. В 1696 г. острогом управлял Х. Кафтырев, который по своему рангу письменного головы был помощником енисейского воеводы. За короткий срок Х. Кафтырев довел до отчаяния все слои местного населения — окрестных крестьян, служилых, посадских и ясачных людей.

В восстании проявилась активная взаимосвязь между русским и ясачным бурятским населением. Правда, привлечь к движению местное тунгусское население не удалось, но оно беспрекословно признало выборное управление после свержения власти приказчиков. Бурятская родоплеменная верхушка, вовсе не одобрявшая насильства Х. Кафтырева, к движению, однако, не присоединилась. В исследовании А. П. Окладникова прекрасно показано, как незадолго до Братского восстания между Х. Кафтыревым и отдельными кругами ясачной верхушки в Балаганском остроге произошло резкое столкновение, которое, однако, не повлияло в дальнейшем на отношения между ней и местной администрацией[33]. Тем более показательны уча-

стие в восстании широких слоев ясачных людей и их связь с русским населением. Фактически при всех путах родоплеменных отношений рядовое ясачное население выступило и против своей верхушки, не пожелавшей бороться с местной администрацией в союзе с русским населением.

В восстании четко проявилось также мирское начало в организации нового, выборного управления, которое, что принципиально существенно, строилось при участии представителей всех категорий местного населения. В Братске, в отличие от Красноярска, где отстаивался приоритет казачьего войска в управлении, отразился сословно-представительный принцип, который все восставшее население противопоставлял административной системе воеводского правления.

При организации нового управления во главе его оказались «судейками» служилые люди — казачий десятник Л. Кириллов и казак Д. Терентьев. «Выбор» им подписывали своеобразные уполномоченные от всех слоев населения — 9 казаков, 3 посадских людей, 4 пашенных крестьянина и 10 ясачных бурят. Этот «выбор», т. е. документ, определявший для «судеек» круг обязанностей по административному управлению острогом и его округой, был повсеместно известной формой, на основании которой миры организовывали свое управление. Составлением «выбора» восставшие подчеркивали право мира учреждать такое управление. В Братске особенно четко проявилось представление о необходимости соблюдать в управлении представительство всех слоев населения, несмотря на то, что организующим элементом восставших явились, как и в других городах, служилые люди. Как писали сторонники Х. Кафтырева, «все пашенные крестьяне и всяких чинов люди ходят в Брацком остроге и по улицам и становятца кругами и кличют друг друга атаманами-молодцами, а собираютца в трапезе неведомо для чего и заводят бунт»[34]. Отметим традиционные в XVII в. термины казачьего самоуправления: «круг», «атаманы-молодцы», примененные к другим сословиям.

Социальный смысл движения, отразившийся в выборности управления при представительстве мирских организаций разных слоев населения, понимали и Х. Кафтырев, и сами восставшие. Стремясь себя обелить, Х. Кафтырев убеждал енисейского воеводу М. И. Римского-Корсакова: «мне...отказали не за обиды и налоги, а для того, чтоб им повольно было воровать»[35]. Вместе с тем при свержении приказчика один из восставших, Т. Бессонов, отстаивал

приоритет мирского права даже перед царской волей — «как-де мир востанет, так-де и царь ужаснет»[36].

Восстание было неплохо подготовлено. Бурятское население оказалось заранее информировано о дне выступления и необходимости приезда в острог, а крестьяне даже самых дальних деревень составили «обидную роспись» с перечислением злоупотреблений приказчика[37]. День выступления, 6 января 1696 г., был приурочен к празднику Богоявления, когда в острог съезжались жители уезда, которые для ежегодных мирских служб избирали старост и целовальников. Поэтому Х. Кафтыреву многолюдное скопление не могло показаться подозрительным. Но обычный праздничный ритуал оказался нарушенным. Неожиданно для приказчика был собран общий мирской совет с представителями всех миров уезда, более 150 чел., который отказал Х. Кафтыреву от правления. По его утверждению на сыске, восставшие прекрасно знали о событиях в Красноярске и Нерчинске и ссылались на них, свергая приказчика[38].

Х. Кафтырев был осажден на приказчичьем дворе, причем наиболее активные элементы готовы были разнести двор «по бревну», а его обладателю приготовить «пролуб». После трехдневной осады Х. Кафтырев согласился не упорствовать, выговорил себе сохранение жизни и имущества и дал клятву не сообщать о восстании енисейскому воеводе. После этого его отвели на постоялый двор, к которому был приставлен караул, а затем отпустили в его деревню, что в 5 верстах от Братского острога. Спасшись от смерти, Х. Кафтырев нарушил данную клятву. Без сомнения, по его инициативе группа поддерживавших его енисейских казаков написала челобитную, которая вместе с приказчичьей отпиской была заклеена в «дорожную подпиральную палку» и отправлена «тайным обычаем» в Енисейск. Однако восставшие установили контроль над всеми дорогами. Кежемские крестьяне перехватили гонцов Кафтырева и передали их активному участнику восстания Г. Рыбникову, назначенному судьями приказчиком в Кежмах. Он «вымучил» у них отписки и доставил их в Братский острог.

Восставшие сами составили челобитную на Х. Кафтырева с перечислением всех его «насильств», и 14 февраля 1696 г. «выборные люди»— посадский человек И. Тупица и крестьяне Б. Бахаров и Л. Караченец — передали ее енисейским властям. Челобитная была написана от имени всех жителей острога, ясачных людей и даже строителя и

братии Спасовой пустыни, также потерпевших от приказчика[39].

В апреле 1696 г. в Братский острог приехал из Енисейска новый приказчик сын боярский А. Галкин, которому, согласно наказу, предписывалось сыскивать о бунте в остроге и уезде, в деревнях и «братских» улусах. Несмотря на эти полномочия, А. Галкин относился к восставшим сочувственно, и Х. Кафтырев в завязавшейся ведомственной полемике обвинял его в одностороннем ведении сыска: «Алексей Галкин сыскивал ими ж, ворами, которые в том деле на меня, холопа твоего, челобитчики». Приняв официально власть в остроге, А. Галкин фактически ею не обладал и находился в зависимости от местного населения, продолжавшего проявлять ненависть к Кафтыреву и его подручным. Уже после приезда А. Галкина Х. Кафтырев попытался послать енисейских казаков за «харчем» в Кежмы, но местные крестьяне их там избили[40]. Таким образом, «утишить» Братское восстание енисейские власти смогли не скоро, тем более, что его участники имели связь с восставшими в феврале—марте 1696 г. забайкальскими острогами и с Илимском, поднявшимся против воеводы стольника Б. А. Челищева в июне 1696 г.

Восстания в забайкальских острогах и в Илимске также имели свои особенности. Возмущение, охватившее забайкальские остроги — Удинский, Селенгинский, Ильинский и Кабанский, а затем Баргузинский, смыкало в единую цепь социальный протест сибирского населения от Нерчинска до Красноярска.

Забайкалье начало входить в состав России со второй половины 1640-х гг. На протяжении 1660-х гг. там возникла целая система острогов — опорных военно-административных пунктов, населенных преимущественно служилыми людьми, охранявшими пограничную с кочевыми монгольскими племенами полосу. С 1660-х гг. происходило и хозяйственное освоение русским населением Западного Забайкалья; около острогов возникали пашни, разводился скот, основывались соляные варницы. Административным и экономическим центром этого района стал основанный в 1666 г. на «краю» степи Удинский острог. Другой крупный острог — Селенгинский — был расположен в степи недалеко от «мунгальского» рубежа и имел особо важное стратегическое значение. Остроги в Западном Забайкалье были подведомственны иркутским воеводам.

В 1680-х гг. эти остроги сыграли решающую роль в отражении попыток монгольских ханов, союзников Китай-

ской империи, вторгнуться в русские владения и нарушить коммуникации с Приамурьем. После заключения с Китаем мирного договора в 1689 г. в Нерчинске гарнизоны забайкальских острогов были усилены прибывшими из Западной Сибири служилыми людьми. Поэтому русское население Забайкалья состояло преимущественно из служилых людей. В 1692 г. проезжавший через Сибирь в Китай русский посланник Избранд Идес отмечал бедственное положение служилых людей в Восточной Сибири из-за постоянных задержек в выплате жалованья. Воеводские злоупотребления усугубляли это тяжкое положение.

Восстание в забайкальских острогах, вызванное общей для Сибири ситуацией, приобрело ярко выраженные формы казацкого движения, направленного, как и в Красноярске, на установление войскового самоуправления. Оно продолжалось почти три года и было одним из самых длительных и целенаправленных сибирских восстаний 1690-х гг. Многочисленные сохранившиеся документы правительственного розыска 1699 г., вышедшие из лагеря восставших, что особенно ценно, позволяют последовательно проследить отдельные этапы восстания, намерения и общественные взгляды его участников.

Еще в 1695 г., когда иркутский воевода Афанасий Тимофеевич Савелов торжественно объезжал свои «владения» и под пушечную пальбу прибыл на Селенгу, ему били челом бурятские шуленги и местные служилые люди на приказчика Ильинской слободы Г. Турчанинова, взвинчивавшего цены на хлеб и спекулировавшего им. Челобитная успеха, конечно, не имела. Казаков били кнутом, а ясачные люди начали откочевывать в Монголию. Такой же безуспешной была попытка послать челобитную верхоленских ясачных и служилых людей, которую Аф. Савелов задержал и не отпускал в Москву. Жалобы пашенных крестьян, разорявшихся от подводной повинности на воеводу, также остались без ответа[41].

По всей вероятности, в это время началась подготовка к восстанию. Как показал на следствии казачий десятник В. Шемянский, в 1695 г. группа казаков, «съехався для доброго совету» в Ильинском остроге, составила и разослала «письмо вместо грамотки» в Кабанский, Удинский и Селенгинский остроги и по казачьим заимкам. Судя по дальнейшим событиям, эта «грамотка», разосланная после «доброго совета», призывала к «общему сбору» все забайкальское войско[42]. В последующем связь между служилыми людьми разных острогов постоянно поддерживалась с по-

мощью «грамоток». Эти письменные документы, с помощью которых координировались действия восставших, свидетельствовали об организации войскового единства.

В начале 1696 г. селенгинские казаки отправили к Аф. Савелову челобитную и просили выдать им жалованье на 1696 г. сполна. Челобитная удовлетворена была не полностью; воевода выдал только часть жалованья, причем «покорыстовался», потребовав в свою пользу значительный процент его. После этого войско почувствовало себя вправе выступить против воеводской власти. Инициативу взяли на себя казаки Селенгинского острога. В феврале после ряда «советов» на заимках между селенгинскими и удинскими казаками было принято «договорное письмо о добром деле», которое, как сообщал во время сыска пятидесятник С. Сенотрусов, хранилось в «войсковой коробье»[43]. Другие служилые люди, привлеченные к сыску, свидетельствовали не только об этом соглашении, но и об общем замысле и целях выступления — «быть им меж собою в совете и бить челом великому государю о всяк[их делах] заодно. И ... от всякого дурна, и от зерней, и от питья унимать, и чтоб у начальных людей не было ушников. А буде де начальные люди не станут челобитья их слушать, и чтоб таких людей выискивая смирять войсковым смирением всем войском». При этом казаки подтверждали «великому государю служить верно всем заедино»[44]. Таким образом, сразу же ставился вопрос о сохранении верности царской власти, но при полном праве войска разрешать свои внутренние дела, т. е. о самоуправлении.

После известия из Иркутска от своего челобитчика С. Краснояра и сына боярского П. Арсеньева об отказе Аф. Савелова полностью выдать жалованье, селенгинские казаки начали действовать. Они хорошо были осведомлены об отправке из Иркутска в Джунгарию каравана с личными товарами воеводы. В начале марта 1696 г. казаки перехватили караван у Байкала, около Посольского мыса, привезли товары в Селенгинск и опечатали. Затем собравшиеся служилые люди во главе с сыном боярским П. Арсеньевым, пятидесятниками А. Березовским, Д. Таракановским и другими объявили на Аф. Савелова «государево дело» в продаже за рубеж «заповедного» товара (оружия). Восставшие по «донскому обычаю» вынесли знамя, поместили его около угловой башни в круге, выбрали «набольшим» А. Березовского и постановили разделить на «паи» имущество воеводы. Несколько казаков, присвоивших себе до дележа часть этого добра, были избиты. При этом «дуване»

паи были отложены также для казаков Кабанского и Ильинского острогов. Верхушка селенгинских служилых людей после специального «совета» постановила поддержать движение казачьей массы и паи приняла, объясняя это решение стремлением помочь «недостаточным», чтобы им за «хлебной скудостью службы не отбыть»[45].

Восставшие немедленно связались с казаками Удинска. Уже 12 марта Г. Турчанинов из Ильинского острога предупреждал Аф. Савелова об опасных «заводах» в Удинске[46]. Действительно, 17 марта в Удинск прибыл из Селенгинска казак В. Творогов с грамотой. На следствии в 1699 г. казаки упорно утверждали, что грамота была с призывом идти в поход на «немирных иноземцев». Только один из них выдал содержание грамоты. По его словам, в ней было написано, что Аф. Савелов велел казакам искать жалованье «в кусте», поэтому селенгинцы захватили его «животы» и советовали удинцам действовать «как умеют»[47]. После нескольких «советов» за острогом о «своей нужде», недостатке хлеба и невыплате полностью жалованья служилые люди решили вознаградить себя захватом мехов якутского воеводы М. Арсеньева, хранившихся на постоялом дворе.

Как и в других сибирских городах, в частности в Селенгинском остроге, жизненные проблемы приводили удинских служилых людей к необходимости борьбы за осуществление своих общественно-политических представлений, в данном случае — за казачью демократию. Войсковая верхушка и «домовитые» казаки были единодушны с основной массой войска в борьбе за этот основной пункт программы, но сплошь и рядом придерживались более умеренных взглядов на тактику борьбы. Поэтому внутри войска шли постоянные споры, разрешавшиеся в круге открытыми столкновениями и экзекуциями. На следствии некоторые «старые» казаки пытались даже свалить на новоприборных ответственность за начало восстания, уверяя, что грамоту, привезенную из Селенгинска В. Твороговым, они не читали, так как будто бы инициаторы движения их «опасались и во всем скрывались»[48].

Восстание в Удинске началось 18 марта, на следующий же день после присылки грамоты из Селенгинска. Местный приказчик А. Бейтон был лишен власти, а на круге началась борьба за выбор руководителей. Новоприборные служилые люди выдвигали десятника Моисея Борисова, другие же поддерживали пятидесятника Максима Посельского. Спор был разрешен компромиссом, и круг утвердил обоих.

Однако вскоре новоприборные люди, по-видимому, спровоцировали холопа М. Посельского Г. Беспутина выдвинуть против своего хозяина «государево дело». Любопытно, что, борясь за установление войского управления, казаки вовсе не отрицали возможность обвинения в государственном преступлении, тем самым признавая над собой юрисдикцию верховной власти. Несмотря на сопротивление «старых» казаков, отказавшихся подавать голос за одного М. Борисова, круг утвердил его единолично на «приказе», а М. Посельского «отлучил». Пятидесятник С. Сенотрусов на следствии даже утверждал, что М. Борисов сидел «самовольством», а «старым» казакам участники круга грозили «смертным убойством и хотели садить в воду»[49].

Показания казаков на следствии свидетельствовали о том, что после перехода власти в руки круга управление осуществлялось по нормам казачьей демократии со свойственной ей атрибутикой. Вопросы, которые ставились на круге, первоначально обсуждались на «совете» в узком составе, к которому «не припускали» лиц, вызывавших недоверие, решения круга регистрировались письменно, и им обязаны были все подчиняться. В случаях, когда меньшинство настаивало на своем мнении, упорствовавших били палками тут же, в круге. Наказанию по решению круга подвергались и лица, обвинявшиеся в каких-либо проступках. Осуществлять наказания обязаны были все участники круга, демонстрируя тем самым свое согласие с его решением. С. Сенотрусов свидетельствовал, что «утверждение у них было, кого доведетца в кругу у них бить, по три удара всякому человеку, а хто у них в кругу не похочет бить, и тем людем угрожали самех в круг имать и каршами (палками.— *Авт.*) бить»[50]. Против этого порядка судопроизводства стали возражать «старые» казаки, увидевшие в нем «дурное дело» и склонявшиеся к приказному, «по государеву указу» судебному разбирательству. Возражения против старого, сохранившегося в памяти казачьего обычая были, по всей вероятности, сильны, и М. Борисов вынужден был с ними согласиться. Всякие войсковые расходы осуществлялись из средств, хранившихся в «войсковой коробье».

На следующий день после начала восстания, 19 марта, казачий круг на базарной площади Удинска начал дележ имущества М. Арсеньева на «паи», полагавшиеся каждому казаку. Племянник воеводы В. Арсеньев, находившийся при этом имуществе, едва спасся бегством[51]. «Домовитые» казаки попытались «разговорить» (т. е. отговорить) вос-

ставших и судьбу имущества М. Арсеньева решить по «государеву указу», но потерпели неудачу. Некоторых из них били палками в круге под знаменем и принудили участвовать в разделе воеводского добра.

После начала восстания события в Удинске и Селенгинске развивались быстро. 21 марта служилые люди обоих острогов отправили какую-то грамоту к казакам в Иркутск. Казак С. Охера тайно, с ночного караула ускакавший в Удинск, предупредил там, что служилые люди Ильинского острога «подзирают» за своим приказчиком, ненавистным Г. Турчаниновым, опасаясь его бегства в Иркутск. Отряд удинских казаков во главе с Д. Фыком прибыл в Ильинский острог и после суточной «осады» захватил приказчика. Игумен местного Троицкого монастыря поспешил на помощь к Турчанинову и уговаривал казаков не убивать его. Казаки согласились с ним, но, по-видимому, больше потому, что за приказчиком числились казенные суммы («начетные деньги»), отвечать за которые они не собирались. 23 марта закованного Г. Турчанинова казаки увезли в Удинск, где его встретили «многолюдством». Все население острога вышло посмотреть на низвергнутого приказчика. Попытки некоторых служилых людей задержать его в Ильинском остроге «до государева указа» не удались. Активное участие в аресте Г. Турчанинова принимали местные тунгусы, всенародно на улицах острога объявившие о его «насильствах». В тот же день в Ильинский острог стали прибывать буряты с жалобами на злоупотребления ясачных сборщиков.

В Удинске Г. Турчанинов был посажен в караульной избе, причем «знакомцам» его и А. Бейтону не разрешено было даже ходить в острог. От селенгинских казаков в этот момент в Удинске был П. Арсеньев. Быть может, с каким-то расчетом он приходил к А. Бейтону, говорил «возмутительные речи», в частности о намерении забайкальских казаков идти походом к Иркутску и взглянуть «за пазуху» тем, кто там сидит, явно намекая на воеводу Аф. Савелова[52].

Аф. Савелов попытался «утишить» восстание забайкальских казаков. Вместо Г. Турчанинова удинские казаки посадили приказчиком в Ильинском сына боярского И. Новикова, но по требованию «домовитых» селенгинских казаков он разделил власть с сыном боярским С. Казанцем. Эти известия были получены Аф. Савеловым очень быстро, и он попытался использовать местную служилую верхушку и придать «свержению» Г. Турчанинова «закон-

ный» характер. Уже через несколько дней С. Казанец получил из Иркутска указную память, по которой он назначался приказчиком острога. Но И. Новиков делил с ним власть по крайней мере до конца апреля, когда его арестовали за попытку спасти имущество Г. Турчанинова и М. Арсеньева. В апреле 1696 г. Аф. Савелов прислал в Удинск престарелого иркутского сына боярского И. Перфильева и протопопа Петра Григорьева для переговоров. Однако восставшие не допустили их в острог. Они заявили им 15 апреля: «станем-де жить особь» — и открыто объявили о своем намерении подступить к Иркутску, чтобы совместно с иркутскими жителями «побить» воеводу за его злоупотребления[53]. Слова о намерении «жить особь» отражали условия договора, который был заключен в этот момент между служилыми людьми всех забайкальских острогов.

Заключение договора завершало первый, так сказать организационный, этап восстания. Новоприборные, а также «домовитые» казаки во время следствия упорно и согласно видели в составленном договоре «доброе дело». Натерпевшись от воеводского хозяйничанья, они отразили в договоре свое намерение бороться за автономию и самоуправление, которые в виде «войскового совета» ограничивали бы власть присылаемых воевод.

Восставшие признавали воеводское управление как символ верховной власти, но не как исполнительный орган. Сохранившийся в следственном деле текст договора между служилыми людьми Селенгинского, Удинского, Кабанского и Ильинского острогов представляет огромную ценность для понимания их общественно-политических взглядов[54]. Нельзя также не обратить внимания на обстоятельную процедуру составления и подписания экземпляров договора, составленного «по велению» служилых людей М. Посельским. Как сообщил на следствии селенгинский казак Юрко Некрасов, служилые люди и Селенгинского, и Удинского острогов подписывали отдельные экземпляры договора, а затем обменивались ими, тем самым подчеркивая взаимную солидарность. «И те-де договоры и доныне в Удинске»,— сообщал в 1699 г. Ю. Некрасов[55].

Основные положения договора заключались в следующем: «всем полком», поименно от начальствующих до рядовых людей декларировалось «полюбовное» соглашение «за одно вместе» «быти в совете добром» и нести государеву службу. После этой преамбулы следовали три основных пункта, суть которых, по мысли восставших, должна была

обеспечить безопасность войска от воеводского самовластия. Войско хотело сохранить за собой право непосредственного обращения в Москву с жалобами на воевод и приказных людей. Оно соглашалось быть подсудным воеводскому суду в делах по поддержанию внутреннего порядка, но в каждом отдельном случае только по войсковому представлению — кто начнет между острогами «чинить какие ссоры напрасные или зернью и карты учнут играть или покупное пить и бражничать, и на таких людей великим государем бить челом и начальным людем докладывать»[56]. Наконец, войско хотело сохранить за собой право единолично «воинским советом» «смирять» тех своих членов, кто будет нарушать общее согласие и не стоять против «всяких обид» со стороны «приказных» людей. Как показал на следствии Ю. Некрасов, последний пункт преследовал цель не допустить появления около воевод «ушников», прежде всего из верхушки войска.

После заключения договора начался следующий этап восстания, во время которого забайкальское войско решило, с одной стороны, добиваться принятия в Москве его требований, а, с другой, привлечь на свою сторону население Прибайкалья, в первую очередь Иркутска. Для этой цели была составлена челобитная на царское имя, избрана делегация и началась подготовка к походу на Иркутск. По всей вероятности, забайкальское войско предполагало, получив поддержку населения Иркутска и свергнув воеводу Аф. Савелова, усилить свои позиции, требуя от центральной власти самоуправления. Первоначально главой делегации с челобитной в Москву казачий круг утвердил сына боярского П. Арсеньева.

Собственно для войска П. Арсеньев был случайным человеком. Сосланный «церковный раскольник и мятежник», к тому же битый кнутом в Тобольске за приверженность к расколу и написание какого-то заговорного письма, знакомый одного из приближенных царя Алексея Михайловича, боярина Ф. М. Ртищева, П. Арсеньев примкнул к восстанию по личным побуждениям, вызванным враждой с Аф. Савеловым. Чтобы ввести в заблуждение Аф. Савелова, руководитель селенгинских казаков пятидесятник А. Березовский «оформил» поход к Иркутску как посылку за хлебным жалованьем[57]. Казаки шли «во многолюдстве», вооруженные, со знаменами и барабанами. Перед походом селенгинский священник А. Яковлев говорил казакам «с упрошением» о том, чтобы они в Иркутске вели себя тихо и смирно. Удинских казаков в этом походе возглавлял сам

М. Борисов. Всего к Иркутску подошло не менее 200 чел. В пути, а также позднее казаки громили заимки детей боярских и зажиточных казаков, конфисковывали запасы хлеба и уничтожали винокуренные «заводы»[58].

Весть о походе забайкальцев к Иркутску дошла до Аф. Савелова раньше, чем подошли восставшие. 9 мая 1696 г. воевода послал в Москву отписку о восстании[59], а через несколько дней Иркутск уже был осажден. Город готовился к осаде заранее. Воевода 19 мая безуспешно пытался уговорить казаков повернуть назад. Восставшие потребовали выплаты жалованья сполна за 1696 г. и впредь на 1697 г. Аф. Савелов соглашался выдать недоданное жалованье, а в выдаче денежного жалованья на 1697 г. отказал. Переговоры велись в обстановке взаимной враждебности и недоверия. Воевода не впускал казаков в город и безуспешно пытался заманить к себе их руководителей[60]. Забайкальцы попытались обратиться к жителям Иркутска с призывом «отказать» Аф. Савелову, посадить вместо него своего выборного представителя, а затем объявили на воеводу «государево дело», заключавшееся в торговле «заповедными» товарами с джунгарским ханом. Агитация восставших не имела успеха. По-видимому, иркутская верхушка, не питавшая никаких симпатий к воеводе, опасалась радикальной программы забайкальцев и хотела удержать свое влияние над остальным городским населением. Не добившись результата, забайкальцы отплыли от города и, двинувшись вниз по Ангаре, начали склонять местное население на свою сторону. К ним присоединились беглые служилые люди, холопы, посадские люди и др. Представители местных зажиточных верхов во избежание столкновения ссудили их хлебом «взаймы» «в кабалы». Так, строитель Вознесенского монастыря выдал 500 пудов, сын боярский Ф. Черниговский — 500 пудов, квасной откупщик И. Ерофеев — также 500 пудов, якорь и другое снаряжение к дощаникам.

Не получив поддержки от иркутского населения, восставшие решили самостоятельно отправить свою челобитную на Аф. Савелова в Москву. Однако им стало известно, что П. Арсеньев продал в Селенгинске свой двор и довольно многочисленное имущество. Это вызвало подозрение. Во время похода к Иркутску еще в Ильинском остроге войсковой круг, руководимый А. Березовским, выразил свое недоверие к П. Арсеньеву и послал в Селенгинск «грамотку», сообщая об изменении состава делегации. В сохранившемся списке «грамотки» указывалось о намерении П. Арсень-

ева помириться с Аф. Савеловым. П. Арсеньев будто бы говорил: «Как-де я в Ыркуцку буду и стольник-де мою обиду, 400 рублев, отдаст назад, и я-де с ним, стольником, помирюсь и к Москве в челобидчиках не пойду». Поэтому казаки решили: «Петр Арсеньев нам в челобитчики отнюдь не наде» — и просили своих оставшихся сотоварищей согласиться, чтобы делегацию возглавил С. Краснояр[61]. Восставшие выдали С. Краснояру на дорогу 100 руб. войсковых денег, и их сильный отряд сопровождал его до Братского острога, так как до них дошли слухи о намерении Аф. Савелова перехватить и убить челобитчиков. На Ангаре, недалеко от Братского уезда, забайкальцы захватили девять иркутских казаков и, предполагая в них убийц, троих убили, а одного отослали в войско, где его по войсковому совету утопили. В Братском остроге сидевший там на приказе и сочувственно относившийся к восставшим сын боярский А. Галкин подтвердил челобитчикам намерение этих казаков выполнить замысел воеводы[62].

С. Краснояр благополучно добрался до Тюмени, где вручил челобитную забайкальцев дьяку Д. Полянскому[63].

От Братского острога забайкальцы (около 250 чел.) вернулись к Иркутску и 9 июля остановились на посаде, где к ним присоединились некоторые местные полковые стрельцы и посадские люди. Аф. Савелов вновь заперся в городе и 7 дней сидел в осаде, периодически посылая к восставшим для «разговора» детей боярских, посадских людей и пашенных крестьян. Воспользовавшись поддержкой городского населения, Аф. Савелов организовал 18 июля посылку в Москву челобитной от всего города, в которой содержалась просьба прислать из Москвы «сыщика» и московских стрельцов[64]. Эта челобитная, необходимая воеводе для того, чтобы доказать свое служебное «радение» и непоколебимость власти в центральном городе уезда, не отражала настроений всех слоев населения Иркутска. Восставшие отказались от ведения «разговоров» и после попытки воеводы захватить в плен группу казаков осадили город, но штурмовать крепостные стены, на которых стояла артиллерия, не решились и только пригрозили: «...а будет-де из города хотя один человек вышед и в нас выстрелит, и мы-де учиним то—со стороны-де город зажжем, а с другой станем рубить»[65]. Убедившись в бесперспективности дальнейшего пребывания под Иркутском, осаждавшие решили вернуться за Байкал, предупредив воеводу, что зимой они с еще большими силами, человек

500—600, подойдут к городу. Любопытно, что в спорах с Аф. Савеловым восставшие выдвигали даже политический аргумент в свою пользу — будто бы иркутские жители заодно с воеводой изменники: «отдали три города китайскому богдыхану». Так условия Нерчинского договора с Китаем были интерпретированы казаками, принимавшими участие в 1680-х гг. в обороне Забайкалья, для обоснования причин своего выступления.

Неудача под Иркутском не позволила восставшим укрепиться в Предбайкалье, но в Западном Забайкалье их власть была упрочена после перехода в середине июля на их сторону последнего не принимавшего участия в движении Баргузинского острога. Еще до второй осады Иркутска забайкальцами в отсутствии приказчика острога Герасима Турчанинова, уехавшего в Иркутск с ясачной казной, местные казаки по согласованию с селенгинскими и удинскими захватили его дом и все имущество. 15 июля 1696 г. Г. Турчанинов подал в Иркутске челобитную с требованием розыска и без стеснения привел огромный список конфискованного у него имущества на сумму 3037 руб. с полтиной, которое он мог приобрести только путем взяточничества и насилия[66].

После возвращения из-под Иркутска среди забайкальских казаков разгорелась серьезная борьба по поводу утверждения в острогах выборных приказчиков. Еще на обратном пути они решили окончательно сместить прежних приказчиков и во всех острогах организовать собственное управление. Возглавлявший удинских казаков М. Борисов послал в свой острог грамоту с повелением об отстранении приказчика А. Бейтона. Оставшиеся в Удинске казаки тотчас выполнили это распоряжение и ночью арестовали приказчика, но «домовитые» казаки, испытавшие «принуждение и докуку великую», стали настаивать на выборе «на приказ» М. Посельского и об освобождении из-под ареста А. Бейтона, «чтоб между служилыми людьми не было б междоусобия». «Междоусобие», однако, возникло. А. Бейтон был освобожден, но по заручному казачьему выбору «на приказ» сел один М. Борисов, проявивший большую активность в организации нового управления[67]. Он управлял удинскими служилыми людьми до конца 1697 г. Под его руководством восставшие ликвидировали винокуренные «заводы» Г. Турчанинова, Ант. Т. Савелова и других; была пополнена войсковая «коробка» (казна), которая составлялась из сумм, вырученных от продажи конфискованного имущества воевод и приказчиков[68].

С начала 1697 г. забайкальские казаки вновь начали готовиться к активным действиям. Эта подготовка безусловно была связана с событиями, которые произошли в Илимске и Иркутске. Возмущение населения в этих воеводских центрах создавало возможность объединения народного движения как в Прибайкалье, так и в Забайкалье. Однако этого не произошло, так как восставшие в Илимском уезде и в Иркутске не разделяли позиции забайкальцев, боровшихся за самоуправление, и ограничивались традиционным требованием сменить «лихих» воевод.

Летом 1696 г., когда забайкальские казаки решили вернуться с Ангары к Иркутску, в Илимском уезде началось восстание против воеводы Б. А. Челищева. Это восстание, сходное по форме с Братским, существенно отличалось от него тем, что «домовитые» казаки в Илимске сохраняли свое руководство до момента восстановления воеводской власти.

Свержение воеводской власти в Илимске назревало давно. Еще в 1692 г. верхоленские крестьяне тщетно подавали челобитную, жалуясь на разорение со стороны приказчиков Ф. Козыревского и др. В ней они писали о своей разобщенности и удаленности деревень друг от друга («людишки мы одинакие»), что только облегчало приказчикам хозяйничание по своему усмотрению[69]. Возмущение илимского крестьянства, служилого и посадского населения росло в связи с экономическими операциями воеводы Б. А. Челищева, тесно связанного с местными предпринимателями — винокурами, которые вздували цены на хлеб и спекулировали им.

Еще в конце 1695 г., воспользовавшись отправкой в Москву годового воеводского отчета, служилые люди вручили своим выборным Г. Пежемскому и И. Кузнецову челобитную, в которой описали обиды, нанесенные им Б. А. Челищевым и его женой. 20 января 1696 г. она была передана в Сибирский приказ. Челобитчики проявили большую энергию в Москве, добиваясь смены воеводы. Узнав, что еще в марте 1695 г. на место Б. А. Челищева был назначен стольник С. А. Языков, который почему-то не торопился выезжать, они 5 марта 1696 г. подали новую челобитную, в которой вновь настойчиво просили прислать «росмотрительного» воеводу, а до его приезда временно посадить на воеводство какого-нибудь сибирского сына боярского. Сибирский приказ не торопился удовлетворить жалобу, и только в начале июня 1696 г. было решено послать на приказ в Илимск иркутского сына боярского И. Пер-

фильева или, если он по старости не сможет, его сына Остафия, о чем была послана соответствующая грамота в Иркутск[70].

Почти одновременно с решением в Москве о смене Б. А. Челищева восстало и «отказало» ему илимское население, вероятно, под влиянием сообщений о походе забайкальцев к Иркутску и далее по Ангаре. В мае 1696 г. Б. А. Челищев в сопровождении целой группы служилых людей отправился, подобно своим предшественникам, в Усть-Киренск «для своих прибытков», чем воспользовалось местное население. Возмущение против воеводы было всеобщим. Как только Б. А. Челищев прибыл в Киренский острожек, местный поп М. Данилов велел благовестить в неурочное время, собрал много народа в церковь, а после молебна не допустил воеводу к кресту и произнес проповедь, в которой вспомнил про красноярское восстание, про судьбу тамошних воевод и угрожал Б. А. Челищеву «худом», если он задержится на Киренге. Воевода верно расценил эту проповедь как попытку «воровски возмутить народ» и решил вернуться в Илимск[71]. На обратном пути 9 июня он сделал остановку в д. Кривая Лука, откуда хотел пешком пройти в Байкаловскую деревню, но в лесу его поджидали местный приказчик С. Баданин с группой человек в пятнадцать. Они избили воеводу, обрезали ему бороду и бросили связанного. Сопровождавшие его служилые люди в момент нападения бежали. Избитый, он как-то освободился от пут, добрался до монастырской заимки и оттуда тотчас послал память приказчику Киренгской волости С. Березовскому с приказом хватать «разбойников», а также отписку в Якутск к воеводам М. и А. Арсеньевым с просьбой о присылке «сыщика» в Криволуцкую волость для розыска. После этого он погрузился на свой дощаник и продолжил путь, не предполагая, что еще накануне в Илимске началось восстание[72].

Для отказа воеводе был избран традиционный, многократно проверенный способ, базирующийся на народных представлениях о «злых» воеводах — «государевых изменниках». Вечером 7 июня и утром 8 июня на воеводу Б. А. Челищева подал извет один из «тюремных сидельцев»— попавший в кабалу служилый человек А. Облизанов, брошенный в тюрьму воеводшей Лукерьей Яковлевной за какую-то драку. Инцидент этот, видимо, был организован специально, так как уже 8 июня в приказную избу собрались «всяких чинов люди»; они записали извет и решили, что, поскольку на воеводу подано такое серьезное

обвинение, суть которого А. Облизанов, однако, не раскрывал, то воеводе нельзя продолжать исправлять свои обязанности. Получив этот сомнительный формальный повод, часть служилой и приказной верхушки Илимска начала открытую борьбу с воеводой, в которой она пользовалась полной поддержкой всего населения. Руководители восстания И. Качин и Г. С. Учюжников сообщали в Москву в конце декабря 1696 г., что после извета А. Облизанова «с того числа учало быть в Илимском у служилых и у посадских и у всяких чинов людей многое смятение до приезда ево стольника и воеводы ис Киренского в Илимск многое время, также и при нем»[73].

На следствии подьячий приказной избы Б. Зубов рассказал в деталях о начавшемся движении. По его словам, сразу же после объявления Облизановым извета илимские «всяких чинов люди» во главе с сыном боярским П. Сташкеевым, человек по сто и больше, три или четыре дня по барабанному бою собирались под вынесенным знаменем в остроге у караульной избы. На этих советах, проходивших по казацкому обычаю, было решено воеводе отказать, составить «выбор» и предавать смерти (топить) всех, кто его не подпишет. Восставшие предполагали, что воевода не сдаст власти без сопротивления и заранее писали возвращавшемуся вместе с Б. А. Челищевым в Илимск подьячему С. Шангину «с товарищи», чтобы они «учинили, как Богдан Челищев учнет к городу приезжать, чтоб им было ведомо»[74].

Таким образом, «выбор» был составлен до возвращения Б. А. Челищева в Илимск. 17 июня 1696 г. Б. Челищев прибыл в город. Когда на следующий день он пришел в приказную избу, то там восставшие заставили А. Облизанова повторить свой извет в «государевом деле» и на этом основании, как не раз бывало в Сибири, изгнали воеводу из приказной избы. Надежда воеводы получить помощь от не приставших к бунту и своих дворовых людей не оправдалась. Восставшие избили их и 21 июня по казацкому обычаю под знаменем прочитали «выбор», затем послали его для подписи в уезд пашенным крестьянам, после чего передали на хранение подьячему С. Шангину. Воевода вынужден был оставить в приказной избе печать как символ своей власти. К двору воеводы был поставлен караул, а городской бирич объявил запрещение общаться с его владельцем. Руководили всеми делами в этот момент сын боярский П. Сташкеев, подьячий Г. С. Учюжников, тамо-

женный голова С. Пежемский и пятидесятник Ф. Рупышев[75].

В следственном деле об илимском восстании сохранилась копия «выбора» об отказе воеводе Б. А. Челищеву от власти и передаче управления выборным людям[76]. Это ценный документальный источник, отражающий общественное сознание восставших и поставленные ими задачи. «Выбор» свидетельствовал, что русское население Илимского уезда — служилые, посадские люди и пашенные крестьяне — в лице своих выборных лиц брало на себя все функции воеводского управления до указа великого государя. Для этой цели оно сочло себя вправе избрать сына боярского Ивана Никифоровича Качина и подьячего Герасима Симоновича Учюжникова, которым было поручено исполнять обязанности в приказной избе — «для государевых всяких приказных дел и для всякие ж градские и уездные расправы», а также принятия от воеводы городских ключей и всей административной документации. Утверждая свое право взять на себя местное управление, илимское население не ставило вопроса о постоянно действующем самоуправлении. В данном случае, в отличие от казачьих традиций, власть передавалась выборным людям без ограничений со стороны круга или мирских собраний. Только судебные постановления о наказании батогами или кнутом признавалось необходимым выносить с ведома «лучших градских людей». Административные же обязанности выборные люди должны были исполнять единомысленно и без согласования с кем бы то ни было. «Градские люди» оставляли за собой право покарать выборных «без милосердия» за финансовые злоупотребления и неправедный суд, обязывали их персонально восполнять денежные начеты, но обещали защиту впредь, если кто станет им мстить или их порочить, когда приедет новый воевода, так как «по совету своему выбрали их излюбя поневоле» (т. е. будто бы помимо их согласия). Весь уездный штат приказчиков решено было не переменять, кроме тех, кто был уличен в винокурении. Таким образом, население Илимска, начав восстание с соблюдением традиций войскового круга, своим «выбором» склонялось к сохранению старого административного аппарата, лишь поставив его в финансовых и судебных вопросах под контроль «градских людей». Обращает на себя внимание отсутствие представителей ясачных людей, которых восставшие не призывали к себе на помощь и над которыми оставляли прежнюю администрацию.

Еще до возвращения Б. А. Челищева в Илимск восставшие начали борьбу с ненавистными предпринимателями-винокурами. После официального оглашения «выбора» новые власти ликвидировали все «заводы» у винокуров, сместив последних с постов приказчиков (устькуцкого приказчика П. Караулова, приказчика Яндинской волости И. Р. Ростутина, приказчика Киренги С. Березовского). С. Березовский с несколькими десятками своих людей оказал вооруженное сопротивление посланному на его место Ф. Рупышеву[77].

После смещения воевода Б. А. Челищев попытался вернуть себе власть. Его люди попробовали тайно вывезти воеводский хлеб, припрятанный под папертью местной церкви. Сам же Б. А. Челищев хотел было установить связь с окрестными крестьянами. Однако такие попытки были немедленно пресечены. Поп Петр Максимов объявил этот хлеб принадлежавшим ему и, что весьма любопытно, начал раздавать его «нужным» илимским жителям. Люди Б. А. Челищева по приговору выборных были посажены в тюрьму. Не удалась воеводе и другая попытка дискредитировать местное управление. Восставшие продолжали содержать в тюрьме А. Облизанова. По-видимому, не без участия воеводы А. Облизанов написал новую челобитную с отказом от обвинения воеводы в «государевом деле». Однако и эта затея не удалась. «Многие люди» заявили, что, подписав на основании выдвинутого обвинения воеводы «в государевом деле» «выбор», они не намерены от него отказываться[78].

Между тем в среде восставших начали выдвигаться более радикальные элементы. По призыву «атамана» В. Воронецкого и торгового человека М. Месяцева был собран круг, двор воеводы осажден, под угрозой пушек Б. А. Челищев выдал свое имущество (хлеб, деньги, меха). Однако выборные люди, стремившиеся избежать крайностей, вмешались и по соглашению с низвергнутым воеводой сняли осаду его двора[79].

Известия о восстании в Илимске к середине июля 1696 г. дошли до якутского воеводы М. Арсеньева, который в большой тревоге писал в Москву о «шатости» в других сибирских городах и о впечатлении, произведенном свержением Б. А. Челищева, на русских промышленников уезда. Эта отписка была доставлена в Москву 27 декабря 1696 г. Почти одновременно, 30 декабря, прибыла в Москву делегация из Илимска.

После свержения воеводы и уничтожения винокуренных «заводов» выборные люди сочли необходимым отпра-

вить делегацию во главе с активным участником восстания П. Сташкеевым и казаком Г. Парамоновым с новой челобитной, объяснявшей причины «отказа» Б. А. Челищеву, и собранной соболиной казной. В челобитной указывалась общая причина «отказа» воеводе: «за дальним расстоянием конечного себе от него, Богдана, опасаясь разорения, от воеводства ему отказали, а в делах наших великому государю никакой противности, ни спору и никакой истраты нашей великого государя казне не чинили»[80]. Далее уже следовали частные моменты, более конкретно, чем в первой челобитной, раскрывающие экономические тяготы населения Илимска. Челобитчики, отрекаясь от крайностей, допущенных по отношению к воеводе, в частности от избиения его в лесу, ссылались на свою погибель от «дорогого хлеба», на выплату всем городом квасного откупа вместо проворовавшегося откупщика, давшего взятку воеводе и освобожденного от правежа, на вмешательство воеводы в таможенное управление и т. п.[81]

Челобитная уже 4 января 1697 г. была рассмотрена начальником Сибирского приказа кн. И. Б. Репниным. Следуя принятой политике не обострять отношений с восставшими сибирскими городами, московские власти 9 января 1697 г. приказали строжайше наказать винокуров, бив их кнутом, конфисковать их имущество и вернуть служилым людям принадлежавшую им собственность. Сопротивление С. Березовского было расценено как разбой. Одновременно думному дьяку Д. Полянскому был послан указ о розыске по поводу извета А. Облизанова, «насильств» Б. А. Челищева и «своевольства» илимчан в отказе воеводе.

Грамота Сибирского приказа, посланная в Иркутск в начале июня 1696 г. о выезде И. Перфильева в Илимск, дошла до места назначения с большим опозданием — только к марту 1697 г. К этому моменту в самом Иркутске произошло свержение воеводы Аф. Савелова. В связи с тем, что восставшее иркутское население поставило И. Перфильева во главе управления городом, поехал в Илимск его сын, О. Перфильев, который прибыл туда 2 апреля 1697 г. Выборные люди вручили ему городовые печать, ключи и «выбор», сложив свои полномочия. Согласно наказу О. Перфильев до указа по-прежнему держал под караулом Б. А. Челищева с семьей, «знакомцами» и слугами[82]. Впоследствии Б. А. Челищев настаивал на том, что О. Перфильев «норовил бунтовщикам»[83].

Выборное управление в Илимске, просуществовавшее почти 10 месяцев, было ликвидировано, но воеводская

власть была восстановлена много спустя, когда в сентябре 1698 г. в город прибыл новый воевода Ф. Качанов.

Таким образом, в подготовке и проведении Илимского восстания, начавшегося под непосредственным влиянием восстаний в Красноярске и Забайкалье, проявилась организованность, тесная связь русского населения города и уезда. По этому поводу ценно указание самого Б. А. Челищева о том, что илимские жители списки «выбора» развозили по уезду[84]. Подлинный сыск о восстании начался только с 1699 г. и затянулся на пять лет.

Свержение воеводской власти в Иркутске в начале 1697 г. произошло значительно более «законопослушно». Служилая верхушка города, сама много натерпевшаяся от воеводы Аф. Савелова, не склонна была объединяться с забайкальским войском, добивавшимся самоуправления, и пошла на отказ Афанасию при неожиданном стечении обстоятельств.

Посланный из Москвы на смену Аф. Савелову новый воевода стольник С. Полтев умер, не доехав до Иркутска. Его вдова с сыном, младенцем Николаем, прибыла в город, что дало служилой иркутской верхушке формальный повод к «отказу» Аф. Савелову. В 1697 г. в «великую неделю» иркутские «всяких чинов люди» сместили Аф. Савелова, приняли новым «воеводой» Николая Полтева, а за его малолетством товарищем к нему избрали зажиточного иркутского сына боярского И. Перфильева. От ответственного поручения Перфильев попытался устраниться, но, подчиняясь грамотам из Москвы от 8 июля и 11 сентября 1697 г., вынужден был согласиться и фактически управлял Иркутском вплоть до приезда нового воеводы И. Ф. Николева (октябрь 1698 г.)[85].

Сибирский приказ, получив известие о «свержении» воеводы, 8 июля 1697 г. поспешил придать ему «законную» форму и признать правомочность младенца-воеводы. И. Перфильев, приняв власть в Иркутске, утвердил назначения приказчиков (М. Борисова и др.), которые были осуществлены забайкальцами, с помощью сына Остафия старался не обострять ситуацию в Илимске и по-прежнему придерживался крайне осторожной позиции[86]. Сибирский приказ даже попытался возложить на него проведение сыска над забайкальцами, челобитная которых была получена в Москве 22 сентября 1696 г.[87] Еще до «свержения» Аф. Савелова в Иркутске, 12 января 1697 г. Сибирский приказ отправил туда инструкцию о проведении розыска о восстании в Забайкалье. Фактически оправдывая служи-

лых людей и обещая им в случае притеснений от воевод незамедлительную «управу» «со всяким удовольствием», Сибирский приказ предполагал возложить всю вину, с одной стороны, на воеводу Аф. Савелова, а с другой стороны, на нескольких наиболее активных участников восстания («смертные убойцы и бунтовщики и к злым делам начинающие люди»), причем особенно подозрительно отнесся к ссыльным. Сыщикам рекомендовалось обратить внимание на деятельность Петра Арсеньева, на казачью форму организации восставших, на избиение служилой верхушки, дознаться о подробностях осады Иркутска и о тех восставших, которых можно было непосредственно обвинить в убийствах и намерении поджечь город. Таким образом, как и в других подобных случаях, в Москве было решено «утишить» восстание, восстановить воеводскую власть и покарать только «пущих воров», т. е. наиболее радикально настроенные элементы; Аф. Савелова приказано было до конца сыска задержать в Иркутске, приказных людей в остроги посылать «самых добрых», причем за выбором всех «градских жителей», а сыск проводить очень осторожно[88].

Однако Сибирский приказ явно поторопился. Забайкальское войско еще не отказалось распространить свое влияние на Прибайкалье и свести счеты с Аф. Савеловым, а в самом Иркутске «всяких чинов люди» в свою очередь выдвигали ряд обвинений против Аф. Савелова. Поэтому «государевы» сыски и над забайкальцами, и над иркутским воеводой Аф. Савеловым могли быть чреваты большими осложнениями.

Обстановка в Прибайкалье и в Забайкалье в начале 1697 г. оставалась крайне напряженной. Забайкальцы не прерывали связей с предбайкальскими острогами. В марте 1697 г. их отряд появился в Илгинской и Тутурской волостях. Винокуренное производство приказчиков этих волостей Н. Гладкого и И. Васютинского вызвало «хлебную скудость», и против них восстали верхоленские казаки, пашенные крестьяне, ясачные люди — тунгусы и буряты. Забайкальцы вместе с местным населением разгромили усадьбы приказчиков, что вызвало сильное беспокойство даже в Якутске. Воеводы Якутска Михаил Михайлович и Андрей Михайлович Арсеньевы сообщали в Москву, что «Якутского уезду в волостях шатость великая и приезжали же из-за моря удинские казаки в Ыркутцкой уезд в Верхоленской, а из Верхоленского собрався з братцкими мужиками многолюдством, разбоем в Илгинскую волость к прикащику Никитке Гладкому, да в Тутурскую волость к при-

кащику Ивашке Васютинскому в домы их и их... и жен их били и увечили насмерть и животы их пограбили и увезли с собою»[89].

Одновременно давала себя знать связь Селенгинского и Удинского острогов с Читинской слободой и Нерчинском. Селенгинские и удинские служилые люди списывались между собой, предполагая перехватить караван сына боярского С. Шестакова, шедший из Китая в Иркутск, в котором находились товары самого Аф. Савелова. «Нерчинские ездоки» бывали в Удинске, и их там просили сообщить о выходе из Нерчинска С. Шестакова. Однако с С. Шестаковым в марте 1697 г. расправились сами нерчинские казаки в Аргунском остроге. Еще идучи в Китай, он избил проводника тунгуса, родственники которого пожаловались нерчинским казакам. На этой почве при возвращении каравана и возникло столкновение, в результате которого Шестаков был убит[90].

Восстание забайкальских острогов, в котором участвовало одних служилых людей более 500 чел., явно переросло масштабы других сибирских восстаний. Для правительства особая опасность восстания забайкальских острогов заключалась не только в этом, но и в программе восставших, добившихся самоуправления, и в определившейся их связи с ясачными людьми — тунгусами и бурятами.

Имеются неясные указания, на основании которых можно предположить, что в это время забайкальцы хотели совершить новый поход «глухой статьей», по поводу которого шла переписка между Удинском и Селенгинском. Активную роль в этой подготовке играл сын боярский П. Арсеньев, посланный селенгинцами на приказ в Кабанский острог. К «морю», т. е. к Байкалу, из Селенгинска к ясачным людям был послан толмач. Этот поход забайкальцы предполагали организовать весьма широко. В нем должны были участвовать служилые люди с заимок, «охотники», буряты и табунуты, у которых восставшие хотели взять лошадей «для подъема». В своем письме в Удинск селенгинцы писали, что если кто будет им «супротивен», то они сыщут их и в «городе», т. е. в Иркутске[91]. Скорее всего восставшее войско собралось вновь подойти к Иркутску и со своей стороны потребовать сыска над свергнутым Аф. Савеловым.

Забайкальские служилые люди в массе своей были настроены против И. Перфильева и даже составили челобитную о снятии его с управления Иркутском. Поэтому И. Перфильеву не приходилось и думать о сыске в Забай-

калье. Даже в 1698 г. он ссылался на «упорство» служилых людей и опасался их раздражать, «чтоб их не привесть к прежним делам», за что потом поплатился крупным денежным штрафом»[92]. Осуществить новый поход к Иркутску, по-видимому, помешала непрекращавшаяся борьба внутри войска, которая сильно ослабила все движение.

Когда решение Сибирского приказа от 12 января 1697 г. было доведено до сведения забайкальцев, они избрали от Удинска и Селенгинска по десять выборных людей, которые должны были подавать сказки «сыщикам». Можно полагать, что для большей убедительности забайкальцы намеревались сопровождать своих выборных всем «войском» совместно с ясачными людьми, для чего вновь стали готовиться к большому походу.

Аф. Савельев еще до присылки из Москвы грамоты о его задержании в Иркутске предполагал со всем имуществом отбыть «на Русь». Поэтому в сентябре 1697 г. иркутский сын боярский И. Арсеньев в письме к брату П. Арсеньеву торопил его с выступлением. Из письма совершенно ясно, что и иркутская, и забайкальская служилая верхушка была заинтересована во взыскании с Аф. Савелова «вымученного» добра и хотела с ним договориться, но до крайностей, которые могли возникнуть в результате многолюдного похода забайкальцев к Иркутску, доходить не хотела. И. Арсеньев упоминал в письме к брату о своих переговорах со свергнутым воеводой, который «сказывает не во едино слово, иногда винитца, а иногда запираетца». Но при этом, торопя брата с высылкой в Иркутск своих сторонников, он рекомендовал ему сообщать вести о предполагавшемся отъезде Аф. Савелова «разве кому союзному и разумному» и не приставать ни к каким казачьим «советам»[93].

К началу 1698 г. в Удинске захватили власть «домовитые» казаки, поставившие на приказ сына боярского И. Новикова. Отдельные призывы рядовых казаков к сопротивлению в Удинске и в Ильинском успеха не имели[94].

В конце 1698 г. были смещены выборные в Селенгинске (А. Березовский, Л. Чужанин). В Удинске некоторые представители служилой верхушки во главе с М. Посельским также увлекли за собой часть гарнизона, что только облегчило положение иркутской администрации. Прибывший в Иркутск в октябре 1698 г. новый воевода И. Ф. Николев совместно с сыном боярским Московитиновым приступил к сыску[95]. Забайкальцы представили роспись «насильств» Аф. Савелова (занимающую около 50 листов),

Гр. Турчанинова и других представителей воеводского управления и начали добиваться возвращения своего имущества. Сыск, проводившийся с начала 1699 г., распался фактически на два: о злоупотреблениях Аф. Савелова и о «ведомых ворах» среди восставших. Аф. Савелов яростно сопротивлялся, подговаривал торговых людей подавать извет на восставших, якобы заставлявших их силой подписывать челобитные на него. Однако улики были слишком велики. 304 служилых человека на розыске показали против Аф. Савелова, к ним присоединились торговые, посадские и ясачные люди, крестьяне Иркутска. В результате на воеводу было начтено около 4 тыс. руб.[96]

В отношении в ссставших «сыщики» ограничились обвинением трех казаков не в политическом, а в уголовном преступлении — убийстве и утоплении иркутских казаков на Ангаре. Обвиняемых казнили. Расправа с выборными людьми — М. Борисовым и А. Березовским — была осуществлена чисто экономическим путем. Их обвинили в крупной недостаче государственных денег и пороха и взыскали ее. Сдержанность «сыщиков» объяснялась боязнью нового возмущения. Об участии в восстании Илгинской и Тутурской волостей и о связях их жителей с забайкальцами иркутскому воеводе И. Ф. Николеву велено было дознаваться «с опасением, чтоб в Удинском пущаго возмущения не учинить»[97].

Итак, в 1699 г. были ликвидированы восстания в Братске, Илимске, Нерчинске, Иркутске и в забайкальских острогах. Правительство вынуждено было признать повсеместность воеводских злоупотреблений и еще в 1696 г. предприняло общий грандиозный сыск в Сибири, продолжавшийся до 1702 г. Во главе его был поставлен видный представитель московской бюрократии думный дьяк Д. Полянский. В Сибири с правительственной комиссией повела ожесточенную борьбу местная администрация, крайне боявшаяся разоблачений. Сыск обнаружил не только расхищение государственных средств воеводами и другими администраторами, но и их активную экономическую деятельность, строжайше запрещенную наказами[98].

Правительство Петра I проявило большую гибкость в этот момент и предприняло серьезные репрессии в отношении местных властей. Вина за восстания была возложена на воевод и приказчиков, непосредственно их вызвавших. Несмотря на все ухищрения Афанасия и Антона Савеловых, Гагариных, енисейского воеводы Б. Глебова и других более мелких представителей воеводского управления, они

были обвинены, имущество их конфисковано. По указу от 24 марта 1700 г. Антон Савелов был бит кнутом на козле в Енисейске и отправлен в Якутск в казачью службу. В 1706 г. та же судьба постигла Х. Кафтырева, много ранее — ясачных сборщиков, толмачей и других. Один из подручных Х. Кафтырева был повешен.

Движение в Восточной Сибири в 1690-х гг. как бы замыкалось восстанием в приуральском городе Кунгуре и его уезде в 1703 г. [99] Вызванное тяжестью феодальных повинностей (прежде всего по обеспечению местных заводов медной рудой) и самовольством местных администраторов, восстание продемонстрировало не только возмущение крестьянского населения воеводской властью, но и стремление избавиться от нее. Летом 1703 г. уездное крестьянство на общей «думе» решило «от воеводства отказать» верхотурскому воеводе А. И. Калитину, которому был подведомствен Кунгурский уезд. Свое намерение оно осуществило. Когда А. И. Калитин приехал в Кунгур, то город был осажден многостенным отрядом вооруженных крестьян. Их обращение к земскому старосте и жителям города о поддержке успеха в этот момент не имело. Однако после бегства воеводы с служилыми людьми из города его посадская верхушка присоединилась к отправляемому в Москву всеуездному «мирскому» челобитью крестьян и посадских людей с жалобой на воеводу и просьбой изъять их из-под воеводской власти и оставить в ведомстве Ратуши. По этому поводу А. А. Преображенский справедливо писал, что на общем фоне антифеодальной борьбы интересы мира пересиливали классовые противоречия разных слоев уездного населения[100]. Как и при «замирении» восточно-сибирских городов, правительство Петра I фактически пошло на удовлетворение требований кунгурцев. Уезд был выведен из ведения верхотурских воевод, и в городе сохранено бурмистерское управление. Только в 1706 г. должность кунгурского воеводы была восстановлена.

*
* *

Народные движения, прокатившиеся от Кунгура до Нерчинска в самом конце XVII — начале XVIII в., показали, что сибирское население не только не изменило своей позиции в отношении системы воеводской власти, но и выдвинуло новые, более радикальные требования. Стойкость его общественных взглядов представляется особенно при-

мечательной после подавления крестьянской войны под руководством С. Разина. Опираясь на свои социальные организации — миры, войско, разные слои сибирского населения по существу отстаивали сословно-представительные принципы в местном управлении, обеспечивавшие их социальную защиту. По-прежнему упорно защищая свое право, сложившееся на основе обычая, отказывать от власти воеводам и контролировать их функции, уездное население в ряде случаев приходило к идее местного самоуправления (Красноярск, забайкальские остроги, Кунгур), подведомственного непосредственно центральной власти.

Вместе с тем гибкость правительства Петра I в отношении восставших объяснялась отнюдь не стремлением пойти навстречу сословно-представительным взглядам населения, отражавшим его политические идеалы и идущим вразрез с политикой укреплявшегося абсолютизма. Об этом свидетельствовала большая законодательная деятельность правительства в отношении Сибири. Только за 1696 г. было выпущено 17 указов, касавшихся сибирских дел. Указы, обнародованные на протяжении 1695—1697 гг., преследовали цель упорядочения функций воеводского управления, сбора ясака и таможенных пошлин, порядка торговых операций, а в целом — усиления централизованного аппарата власти.

Известная мягкость по отношению к восставшим определялась невозможностью применить массовые репрессии. Террор был допущен только в отношении «ведомых воров и бунтовщиков». Правительство боялось озлоблять местные гарнизоны и делало все возможное, чтобы удовлетворить их требования. В частности, в пограничный Нерчинск в 1701 г. воеводе стольнику Я. Г. Бибикову был отправлен «особый наказ», которым повелевалось выдавать жалованье служилым людям в первую очередь, даже в ущерб интересам служилой верхушки — детей боярских[101].

Смещая скомпрометированных воевод и устраняя непосредственный повод к выступлениям, обещая служилым «всякое удовольствие», правительство вменяло новым воеводам в обязанность усилить административный надзор за населением, особенно за гулящими и промышленными людьми. Так, в грамотах от 7 ноября 1699 г. в Илимск и Якутск указывалось «смотреть накрепко, чтоб в Якуцком (Илимском) и в слободах никаких гуляков и бездельных людей не было, и буде явятся, и таких, изымав и расспрося, буде до него никакова дела нет, велели сажать на пашню и смотрели за ними, чтоб не ушол, а ему велели ска-

зать, буде с того своего места уйдет и пашню оставит, и ему будет учинена смертная казнь без всякой пощады для того, что от таких бездельных гуляков чинится воровства и всякие злодейства»[102]. Несколько ранее, 22 апреля 1699 г., иркутскому воеводе И. Ф. Николеву указывалось учредить во всех слободах и деревнях десятников из числа «прожиточных и семьянистых», чтобы они фактически осуществляли полицейский надзор за населением; крестьянам запрещалось уходить на промыслы вне ведома десятников и вообще отлучаться без спроса на срок более пяти-шести дней. Не говоря уже о «воровстве и татьбе», смертная казнь грозила и за «пристанодержательство»[103].

Глава VII

УХОД ОТ ВОЕВОДСКОЙ ВЛАСТИ. СТАРООБРЯДЦЫ

В предшествующих главах прослеживались многообразные причины столкновений мирских организаций с воеводской властью, их стремление сохранить свои сословные права, разнообразие форм противоборства двух начал — мирского и бюрократического, наконец, сложная и гибкая политика центральной государственной власти, вынужденной, с одной стороны, учитывать сложившийся на основе законодательства и обычно-правовой практики статут разных социальных групп населения, а, с другой, воплощать в жизнь юридические нормы своего законодательства. Так или иначе в основе своей речь шла об утверждении той степени «несвободы» широких слоев населения — крестьян, посадских и служилых людей, которая бы соответствовала системе государственного феодализма[1], о восприятии этой «несвободы» и противодействии ей со стороны сибирского населения.

В процессе освоения Сибири огромное значение имели миграционные передвижения. Анализируя демографические итоги для русского населения, следует прежде всего иметь в виду, что заселение отдельных районов зависело не только и не столько от непосредственных миграционных передвижений населения из европейской части страны. Огромную роль играли внутрисибирские стихийные миграци-

онные передвижения, в результате которых заселялись Восточная Сибирь и южная, лесостепная полоса Западной Сибири. Это внутрисибирское передвижение населения существенно для понимания не только самого процесса освоения Сибири в целом, но и самосознания русских переселенцев, отстаивавших свои хозяйственные и социальные права.

Переселявшееся в Сибирь русское население сталкивалось с устанавливавшимися там социальными порядками, свойственными позднефеодальной России, прежде всего с системой рентных отношений, утверждавшихся местным воеводским аппаратом управления. Государственной власти безусловно удалось подчинить переселенцев феодальной зависимости и возложить на них повинности, даже ранее не известные им на родине. Речь идет прежде всего об организации в государственном порядке так называемой десятинной пашни, т. е. запашки полей, урожай с которых шел в казенные закрома. По форме ренты эта повинность в принципе мало отличалась от помещичьей барщины. Сибирской администрации удалось этого достигнуть путем безвозмездных денежных ссуд и «подмог», выдававшихся переселенцам, и льгот, согласно которым на протяжении нескольких лет каждый подрядившийся в крестьянство освобождался от натуральной повинности, пока создавал свое хозяйство. Однако воплотить в жизнь крепостнические устремления — прикрепить нового сибирского жителя к определенному участку земли и заставить его нести точно фиксированную натуральную повинность — государственная власть в Сибири не смогла. Этому препятствовали целый ряд местных обстоятельств и упорная, далеко не безуспешная борьба сибирского крестьянина за оптимальные условия хозяйствования. Иначе говоря, в благоприятных условиях местного хозяйствования социальное самосознание сибирского крестьянина проявилось очень четко, что в конце концов и отразилось в его социальном статуте.

Благодаря непрерывному потоку переселенцев местные воеводские власти не испытывали затруднений в пополнении уже существовавших и основании новых крестьянских селений. Со своей стороны крестьянство не преминуло использовать приток новопоселенцев в своих целях. Известно, насколько тяжело поднимать целину и приводить ее в культурное состояние. Поэтому получило широкое распространение подселение новых поселенцев в уже обустроившиеся крестьянские дворы с принятием ими на себя на договорных началах части феодальных повинностей. Местные

власти, заинтересованные в увеличении численности крестьянского населения, не препятствовали подобным сделкам, благодаря которым старые поселенцы «скидывали» с себя часть повинностей, но общий их объем так или иначе возрастал. В результате объем барщинных работ, приходившихся на одно тягло, на протяжении XVII в. неуклонно падал. В Енисейском уезде за 80 лет (1623—1703 гг.). оклад десятинной пашни на один двор уменьшился вдвое, тогда как крестьянское население увеличилось в 36 раз. Точно так же к концу XVII в. вдвое уменьшился этот оклад в Томском и Верхотурском уездах и почти втрое — в Туринском и Тюменском уездах. Более того, при господстве экстенсивных систем землепользования (прежде всего залежно-переложной), наиболее в то время рациональных в Сибири, перед местными земледельцами постоянно стояли задачи ввода в хозяйственный оборот новых пашенных угодий, что порождало потребность свободы передвижения.

Административная переписка XVII в. пестрит сообщениями об уходе крестьян со старого местожительства и их переселениях из одного уезда в другой. На этой почве разыгрывались серьезные столкновения между воеводами разных уездов — одни из них требовали в административном порядке возвращения крестьян, другие вовсе не собирались поступаться столь необходимым пополнением местного сельского населения. Само крестьянство рассматривало такие переселения как хозяйственную необходимость. Сплошь и рядом крестьяне соблюдали одно из условий порядных записей — «никуды не сбежать», забрасывая тягло, и передавать его, опять же на договорных началах, новопоселенцам. При постоянном, непрекращавшемся притоке новопоселенцев сдать тягло и уже освоенную землю не представляло большой сложности, этот акт не рассматривался властями как нарушение порядка общественных отношений[2]. При забрасывании тягла переселение квалифицировалось как побег со всеми вытекавшими отсюда последствиями.

Повседневная стихийная борьба за право перемещения и освоения новых земель становилась одним из основных проявлений социального мировоззрения сибирского крестьянства. Она воплощалась в разных формах — от организаций заимок в относительной близости от старого поселения до перемещения на новые, далеко отстоявшие от него земли. В последнем случае наблюдались миграционные передвижения, растягивавшиеся на десятки лет и приводившие к освоению новых районов. Именно таким путем происхо-

дил постепенный отлив сельского населения из таежной полосы Западной Сибири в лесостепную.

Внутрисибирские миграции имели не только чисто хозяйственную значимость, они способствовали утверждению правового самосознания крестьянства, рассматривавшего освоенные земли на праве обычая как «свои». Сама идея перемещений приобретала социальную направленность как своеобразная форма протеста против воеводского управления, претворявшаяся в стремлении ухода из-под его эгиды. В XVIII в. идея ухода воплотилась в фантастическое представление о существовании Беловодья — страны справедливости и хозяйственного благоденствия, что вызвало длительные и настойчивые попытки российского крестьянства найти эту землю, отвечавшую его жизненным чаяниям.

Таким образом, сибирская действительность, прежде всего обстоятельства, в условиях которых происходило заселение, системы землепользования и внутрисибирские миграции, обусловленные непрекращавшимся процессом введения в хозяйственный оборот новых земель, не позволили государственной власти осуществить личное прикрепление крестьян к определенному местожительству и упрочить барщинно-крепостнический строй общественных отношений под эгидой местной администрации. Сибирское крестьянство противопоставило нормам феодальной «несвободы» основанные на обычае представления о своем праве сдавать тягло, о праве распоряжения землей, в которую был вложен труд, и, наконец, о праве перемещения. Государственная власть вынуждена была мириться с этими крестьянскими представлениями. Она никогда не отказывалась от своего верховного права поземельной собственности, официально фиксировала отвод крестьянам земли во имя обеспечения феодальной ренты, в то же время ничего не могла сделать в создавшейся правовой коллизии, при которой государственному земельному праву противостоял сложившийся обычай потомственного владения и распоряжения угодьями. Более того, не будучи в состоянии противодействовать миграционным передвижениям и сознавая к тому же их значимость в хозяйственном освоении новых районов, правительство, формально допуская сдачу тягол в первой половине XVII в., в 1660—1680-е гг. официально узаконило эту практику, что противоречило всей общероссийской политике укрепления крепостнических отношений и запрета обращаемости тяглых земель.

Ни в коем случае не следует упускать из виду, что феодальная власть была не в состоянии поставить под свой

контроль и промысловую колонизацию, увлекавшую существенную часть русских переселенцев в глухие таежные и тундровые районы, где установить над ними административный контроль, не говоря уже о фискальном, было нелегко, а часто и нереально[3].

Примечательно, что в промысловой колонизации активное участие принимали сибирские служилые приборные люди, все те же выходцы из северных уездов Поморья, хорошо знакомые с пушным промыслом, или по роду своей службы в ясачных зимовьях получившие опыт промыслового дела. По мере сужения правительством экономических льгот служилым людям определенная их часть переставала дорожить своим положением в войске и пополняла промысловое население, особенно в далеких полярных районах.

Таким образом, в миграционных передвижениях русских переселенцев в Сибири переплетались и хозяйственно-экономические, и социальные явления, свойственные всему процессу ее освоения. Учитывая основные задачи настоящей книги, особое внимание обратим на движения, основная цель которых заключалась в уходе от воеводской власти. Эти уходы могли иметь характер индивидуального бегства, но когда они становились единовременно групповыми, а тем более массовыми, то приобретали четко выраженный социальный облик, в котором просматривались определенные черты социального самосознания переселенцев.

На протяжении XVII в. отдельные группы переселенцев, уходя на необжитые еще места, на какой-то срок выходили из-под опеки феодальной власти. В конце концов эта власть «настигала» их, но, как бы ни наивно было стремление жить «особь», в отдельных случаях даже массовые переселения достигали успеха.

Наиболее массовый характер такой уход приобрел в Ленско-Илимском крае в 1650-е гг. После похода Е. Хабарова на Амур распространявшиеся слухи о богатстве тамошних земель стали достоянием и населения Прибайкалья. После восстаний в Верхотурье и Томске в конце 1640-х гг. обстановка в Сибири оставалась напряженной и слухи об угожих амурских землях, с одной стороны, способствовали началу вооруженного выступления против воеводы Илимска Б. Д. Оладьина, а с другой — породили идею массового ухода из-под опеки воеводской власти. Массовое переселенческое движение на восток надолго охватило население Прибайкалья. Начало ему было положено восстанием казаков Верхоленского острога во главе с

атаманом М. Сорокиным в апреле 1655 г. Соблюдая традиции казачьего войска, восставшие собрали круг и под знаменем целовали крест на том, чтобы уйти на Амур от «насильств» Б. Д. Оладьина и служить там «особо, а у государевых воевод под начальством не быть». Таким образом, верхоленские казаки решили возродить свое самоуправление, не выходя из-под эгиды верховной власти. К казакам тотчас примкнули илимские крестьяне, промышленники и «иные бродящие люди». После кратковременной неудачной осады Илимска «полк» Сорокина ушел в Забайкалье. Его судьба до сих пор не известна. Вторжение маньчжурских войск на Амур на время прервало миграции на его берега русских переселенцев, но после ухода неприятельских войск они возобновились.

В 1655 г. в Илимском уезде произошло очередное восстание, во время которого был убит воевода Л. А. Обухов — «насильник и мучитель», по словам восставших. Вслед за восстанием последовала новая волна массового переселения на Амур, положившая начало активному сельскохозяйственному освоению Приамурья и оставившая яркий след в истории борьбы русских переселенцев за местное самоуправление. Это движение было возглавлено весьма примечательной личностью — Н. Р. Черниговским. До недавнего времени не были ясны ни его происхождение, ни причина пребывания в Сибири. Сейчас из грамоты енисейскому воеводе П. Ф. Соковнину стало известно, что Н. Р. Черниговский был служилым человеком, по-видимому шляхтичем, оказавшимся на русской службе. В 1636 г. он с группой товарищей попытался из Тулы бежать в Польшу, но был задержан и вместе со своей семьей поплатился ссылкой в Сибирь[4]. К 1660-м гг. Черниговский дослужился до должности управляющего казенным соляным промыслом в Усть-Кутском остроге. Сохранились сообщения, что восстание в Илимске он возглавил, побуждаемый нанесенным ему Л. А. Обуховым личным оскорблением. Как руководитель народного движения, он оказался очень энергичным и умелым. Преодолев тысячеверстный путь по Забайкалью, переселенцы достигли среднего течения Амура и на его берегах основали целый сельскохозяйственный район. К 1680-м гг. Амурский район оказался наиболее заселенным во всем Забайкалье. Большую часть его населения составляли крестьяне. Помимо них, там проживало несколько сотен казаков и промышленных людей. Все население целиком состояло из вольных переселенцев и насчитывало, по ориентировочным минимальным подсчетам, до

800 мужчин и более 300 женщин и детей. Центром района был восстановленный переселенцами Албазинский острог — городок даурского князя. От устья Аргуни вниз по течению Амура на протяжении приблизительно 300 верст располагалось множество деревень. Об активном освоении района можно судить по площади засеваемых пашен; к 1685 г. местным населением было засеяно более тысячи десятин; у него насчитывалось несколько тысяч голов скота, несколько мельниц. Продукты хлебопроизводящего хозяйства вывозились в центр уезда г. Нерчинск.

Сразу же после восстания в Илимске и убийства Л. А. Обухова правительство заочно приговорило Н. Р. Черниговского и группу его соратников к смертной казни, но в 1672 г., по предложению тобольских властей, чтобы «утишить» народное возмущение и, главное, поставить под свой административный контроль амурских переселенцев, оно сочло целесообразным помиловать приговоренных[5], отказавшись, конечно, признавать их властные функции в Албазине. Однако сместить Н. Р. Черниговского оказалось делом сложным. Амурское население вплоть до начала 1680-х гг. упорно отстаивало традиции и нормы казацкого самоуправления, при этом добросовестно выполняло государственные функции, собирало ясак с местного населения и отсылало его в Нерчинск. До 1675 г. Н. Р. Черниговский сохранял фактическую власть в Албазине, несмотря на присылку туда в 1673 г. из Нерчинска приказчиков. В конце 1675 г. албазинские казаки, оберегая прерогативы войскового круга, учинили «ссору» с нерчинским воеводой П. Я. Шульгиным. В 1682 г. они заявили новому нерчинскому воеводе Ф. Д. Воейкову: «нерчинских детей боярских и казаков в Албазин на приказ не примем и не хотим-де мы быть у них под началом и вели-де у них быть на приказе албазинским козакам». На этот раз «ссора» с воеводой кончилась избранием на должность приказчика албазинского казачьего десятника И. Войлочникова, который находился во главе управления до 1684 г. Только начавшийся в этот момент вооруженный конфликт с Китаем позволил правительству положить конец самоуправлению в Албазине, куда прибыл воеводой А. Л. Толбузин, уже зарекомендовавший себя на сибирской службе[6]. В условиях военного времени албазинское население приняло его, а казачий круг неуклонно подтверждал свое решение о самоотверженной защите рубежей страны.

Приблизительно с середины XVII в. четко определился процесс создания постоянного русского населения в припо-

лярных районах. С упрочением хозяйственных и торговых связей внутри Сибири и между отдельными ее областями население, занимавшееся промыслами, стало оседать на постоянное местожительство и промысловые зимовья превращались в поселения. В Енисейском крае такое старожильческое население сформировалось по Енисею ниже Туруханска и по берегам Пясины, Хеты, Хатанги. Тот же процесс наблюдался на севере Якутии, где русское население концентрировалось в зимовьях Столбовском, Оленском, Жиганском (по Лене и Оленеку), Устьянском, Нижнеянском, Верхоянском (на Яне), Зашиверском, Уяндинском, Олюбенском (на Индигирке), Алазейском (на Алазее), Нижне-, Средне-, Верхнеколымском (на Колыме).

В этой связи с середины XVII в. прослеживаются постоянные попытки служилых людей уйти из Якутска в дальние приполярные зимовья и также жить там «особь» от воеводской власти. В подобных случаях служилых людей обычно поддерживали промышленники, а с воеводскими властями происходили конфликты, приобретавшие резко социальный характер. Так, еще в 1640-е гг. якутские казаки пытались «не по одно время» уйти на новые земли, замученные долговыми обязательствами перед торговыми людьми, которые ссужали их хлебными запасами, и воеводскими злоупотреблениями при выдаче жалованья. В 1647 г. одной группе казаков и промышленных людей удалось уйти вниз по Лене, в вооруженном столкновении отбиться от погони и добраться «морем» до Анадыря[7].

Уход этой группы не ослабил напряженную обстановку в Якутске. Как доносили в Москву якутские воеводы В. Н. Пушкин и К. О. Супонев, среди оставшихся служилых людей «учело быть непослушание великое, потому что те служилые люди все холостые и беззаводные и домами своими не стройные»[8]. По всей вероятности, обстановку в Якутске разрядила экспедиция Е. Хабарова на Амур, с которым отправилось в поход большое число якутских казаков и промышленных людей. Однако при сохранявшейся розни между служилой верхушкой и рядовой массой якутских казаков попытки уйти на «новые земли» в дальнейшем повторялись.

В 1677 г. группа казаков и промышленников начала готовиться к восстанию с целью локализовать власть воеводы А. А. Барнешлева и, по-видимому, перебраться на Амур в район Албазина. Весьма показательно, что в данном случае казаки стремились уйти из-под воеводской власти, так как на предложение, последовавшее на одном из совеща-

ний от промышленников расправиться с А. А. Барнешлевым, казаки заявили: «...воеводу нам убить — и весь город погубить», имея в виду последствия государева сыска. Казаки предполагали захватить воеводу и его окружение в качестве заложников и отпустить их в Якутск, только уйдя от города на значительное расстояние. В июле 1677 г. один из руководителей заговора Дехтерев попытался призвать население Якутска к восстанию, но не получил поддержки, и А. А. Барнешлеву удалось арестовать заговорщиков. Воевода бил их кнутом. Но в 1678 г. новый воевода Ф. И. Бибиков выпустил их из тюрьмы, а в Москве было, по-видимому, решено, чтобы не усугублять ситуации, это дело закрыть[9].

Вскоре в Якутске воеводская власть раскрыла подобный же заговор казаков, наряженных на службу на р. Удь, которые хотели перед походом «многих лучших людей домы грабить, и их самих побивать до смерти, и у торговых людей плоты с хлебными запасами отбивать»[10]. В 1690 г. в Якутске служилые (а среди них даже представители служилой верхушки) и посадские люди вновь стали готовиться к восстанию, ставя перед собой цель убить воеводу П. П. Зиновьева, захватить оружие, боевую казну и различные припасы и уйти в дальние «заморские» зимовья на северо-восток, «за нос». Особую опасность для П. П. Зиновьева представляли предводители заговора — участники Томского восстания 1648 г., сосланные в 1654 г. в Якутск. И на этот раз заговор был раскрыт, и воевода жестоко расправился с его участниками[11].

Наконец, на рубеже XVIII в. в Нерчинске назревало восстание служилых промышленных и гулящих людей, которые собирались объединиться с аргунскими и удинскими казаками, освободиться от воеводского управления и уйти по Амуру на острова в Тихом океане. Сохранившиеся материалы следствия свидетельствуют об участии в этом широком, но не успевшем организационно оформиться заговоре представителей служилой верхушки, которая наряду с рядовыми участниками страдала от воеводских злоупотреблений. Некоторые инициаторы заговора были затребованы в Москву, следствие тянулось до 1706 г. и закончилось оправданием обвиненных; правительство Петра I явно не хотело обострять обстановку в порубежных с Китаем острогах[12].

Во всех этих движениях разносторонне проявились общественное самосознание и социальные устремления переселенцев. Государственной феодальной администрации не

всегда удавалось удерживать их под своей властью. Переселенцы не только добились сохранения за собой личной свободы, права на земельное обращение и территориальное перемещение. В борьбе за эти права проявились и устремления выйти из-под административного феодального контроля с вытекавшими из него натуральными и фискальными тяготами и самовластием воеводского управления. Необъятные сибирские просторы позволяли хотя бы на время достигать независимого существования, а тем самым самоутверждения не только в борьбе с нелегкой природой. Немалую роль в отрешении от «государевой» власти имели религиозные догматы, приносившиеся с середины XVII в. поборниками старообрядчества и находившие там благодатную почву, почему раскол в Сибири стал массовым явлением.

* * *

Во второй половине XVII в. в общественное сознание и практику вольнонародной колонизации, побега входят существенно новые, важные элементы, связанные со старообрядчеством.

Патриарх Никон, энергично начавший церковную реформу, пришел к власти через три года после того, как нормы Соборного уложения закрепили поражение тяглых общин в острых схватках средины XVII в. и усиление начал крепостничества. Во второй половине века будут нарастать элементы бюрократизации власти, постепенно победят непривычные для древнерусского сознания формы подчинения церкви государству, готовившие церковные преобразования Петра I.

Продолжение и ужесточение после отстранения Никона от власти преследований за «старую веру» делало в глазах все умножавшихся сторонников этой веры царскую власть непосредственно ответственной за «антихристовы» новины. В сознании этих людей столь важная для мирского политического мышления идея союза общин с «истинным» царем против «плохих» бояр мучительно претерпевала самое радикальное изменение. Мы наблюдаем его и в сочинениях идеологов раннего старообрядчества, и в массовом сознании, отражавшемся в крупных коллективных актах протеста. Таков основной путь эволюции политических представлений Аввакума, который даже в пустозерской тюрьме долго сохранял остатки своей личной симпатии к царю

Алексею Михайловичу, но в конце концов не мог не прийти к выводу о богопротивной сущности этого «шиша Антихриста». Таков же и путь эволюции политических взглядов участников Соловецкого восстания, провозгласивших тезис немоления за безбожного царя. Скоро к подобным взглядам придут беглые крестьяне и служилые в Сибири.

И хотя к старообрядцам в XVII в., как и позднее, принадлежала лишь часть служилого и тяглого населения страны, быстро проявившаяся оппозиционность этого религиозного движения не только вероисповедальным, но и социально-политическим «новинам» приводила к тому, что к талантливому проповеднику, коих всегда немало было в расколе, новообращенные сторонники стекались толпами. Да и сама грань между сторонниками и противниками старой веры была не столь уж четкой как в XVII в., так и в XVIII в. По традиции в народе было тогда широко распространено, например, двуперстие («как отцы и деды крестились»)— независимо от того, ходил ли крестьянин исповедоваться к «никонианскому» священнику или в старообрядческий скит. Расследования XVIII в. о крупных раскольничьих самосожжениях, совершавшихся в ответ на военные насилия в урало-сибирских лесных убежищах, неизменно показывали, что значительная, а то и основная часть собравшихся там беглецов еще недавно являлась прихожанами официальной церкви, принимала требы от православных священников. Несмотря на строжайшее антираскольничье законодательство, православные сельские общины не раз предоставляли защиту и поддержку своим старообрядческим членам[13].

Хотя старообрядчество проникло в Сибирь в первые же годы своего существования, а страстная проповедь Аввакума звучала здесь уже в 1650-х гг., завоевывая ему все новых сторонников[14], начало массового распространения раскола на востоке страны правильнее датировать последней четвертью XVII в. С этого времени две важнейшие взаимосвязанные группы идей возникавшей старообрядческой идеологии начинают оказывать влияние на давние процессы вольнонародной колонизации и побега. Это комплексы эсхатологических и пустынножительных теорий, всегда присутствовавших в православии, но приобретших теперь исключительное значение.

Идеологов раннего раскола, при всех расхождениях между ними, объединяло прочно усвоенное положение о том, что никоновская реформа означает «последнее отступление» мира во власть Антихриста, т. е. непосредственное

приближение конца света, начало осуществления его сценария, протолкованного в Откровении Иоанна, сочинениях Ефрема Сирина, Златоусте. И независимо от того, представлялся ли Антихрист «духовно» — как дух зла, захвативший теперь власть и в России, или «чувственно», т. е. воплощенный в царе или Никоне, политические выводы из старообрядческой эсхатологии были сходными. Они разрушали традиционное мирское уважение к государю, объявленному теперь нечестивцем, слугой или предшественником Антихриста, а то и самим Антихристом. Поэтому известные православные нормы почитания царской власти объявлялись старообрядческими идеологами недействительными «в последние времена»; не только любое сотрудничество, но и любая связь с ней объявлялась богохульной.

Многочисленные теоретические разработки авторитетных расколоучителей, переход в народную старообрядческую среду крестьянских приходских библиотек первой половины XVII в., богатых эсхатологической литературой[15], жестокое преследование староверов государством и церковью приводили к тому, что в массовом сознании раскольников яркие литературные характеристики Антихриста и его слуг все чаще переносились на государя и его слуг.

Вот характерный пример. В слове 105 весьма авторитетного у старообрядцев московского издания 1652 г. Ефрема Сирина читаем, что Антихрист «яр, нагл, гневлив, раздражен, нестроен, страшен и злонравен, ненавидим, мерзок, неукрощен, лукав, оукольник и безстуден»[16]. Эта страстная и яркая характеристика начинает применяться старообрядцами ко всем государственным властям сверху донизу. Убеждение в антихристовой сущности всей машины государственного принуждения, включая ее августейшую главу, будет фиксироваться властями во время многих актов протеста XVII—XVIII вв., когда воинские команды будут настигать толпы беглецов, уходящих в леса из мира победившего Антихриста. В 1756 г., через век после выхода в Москве процитированного выше издания Ефрема Сирина, цитата эта будет в который раз пересказана в «Известии», поданном от имени 172 беглых крестьян Чаусского острога посланной за ними военной команде. В этом документе слова Ефрема Сирина, характеризующие Антихриста, будут отнесены ко всем духовным и светским властям государства, которые теперь, «в последние времена», «не по избранию святого духа поставляются, злата ради; того ради они нарицаются от бесов, а не от Бога»[17].

Подобным образом во время Тарского бунта 1722 г. восставшие казаки и крестьяне для обоснования своего отказа от присяги наследнику привлекали эсхатологические тексты из священного писания и предания и прежде всего Апокалипсис, сочинения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, украинско-белорусских церковных писателей.

Прочно вошедшие в старообрядческую идеологию представления об антихристовой сущности царской власти не только повлияли на традиционное отношение части сибиряков к «милостивому» монарху, но и дали важную мотивацию практике побега, тесно связанной с ходом вольнонародной колонизации. Действительно, если все общество отпало в «мир Антихриста», любые связи с которым душепагубны, то лучшим путем для спасения представляется бегство от антихристовых властей как можно дальше, в лесные дебри и непроходимые горы. Путь этот был уже давно рекомендован в древней эсхатологической литературе. В том же слове 105 Ефрема Сирина предсказывалось, что во время прихода Антихриста не подчинившиеся ему «мнози убо святии... побегнут со тщанием великим в пустыни и скрыются в горах и в вертьпех со страхом, и посыплются землею и пеплом, со слезами молящеся день и нощь со многим смирением, и дасться им помощь от Бога, и наставит их в места нарочита, и спасутся крыющеся в пропастех и в вертепех, ненавидяще антихристова знамения и страха»[18].

Наставления Ефрема Сирина о спасении в пустынях в «последние времена» в какой-то мере сочетались и с богатой православной традицией пустынножительства, не связанной с комплексом эсхатологических идей. Традиция эта веками была хорошо известна и русскому крестьянству, особенно поморскому, и казачеству. Давно уже исследована роль небольших «общинных» монастырей Севера, служивших крестьянам прибежищем в старости[19]. Напомним также, что первый тобольский монастырь (названный позднее Знаменским) был создан по ходатайству казачьего войска и при его помощи[20].

Возникшая лесная пустынь (скит) могла в дальнейшем превратиться в зажиточного феодала-вотчинника, использовавшего работу зависимых крестьян, но могла и долго оставаться зависимым от крепкого мира духовным учреждением или стать в экономическом плане трудовой общиной, обеспечивавшей самостоятельно значительную часть своих потребностей. Все эти три пути были известны в Сибири независимо от старообрядчества, но с возникновением раскола последний из них стал играть особую роль.

Бегство в уединенную пустынь при полном разрыве связей с «антихристовым» миром прославляли, опираясь на святоотеческие тексты, такие знаменитые деятели, как Аввакум и дьякон Федор. Снова и снова напоминая, что такое бегство — лучший путь спасения от «антихристовой прелести» в «последние времена», они называли и более общие, признававшиеся православием в любые эпохи преимущества пустынножительства как способа приобщения к божественной субстанции мироздания. Аввакум восклицал: «О, пустыня, Духа Святаго вместилище! Блаженна еси ты, ибо ученицы Христовы в тебе естество свое познавают и диавольская злохитрства презирают»[21].

Идеалы пустынножительства, ухода от греховного мира и шумных «мирских плищей» в безмолвный храм природы отражали извечные поиски человечеством высшего смысла жизни. В творениях отцов церкви и житиях первых христианских пустынников подчас значительно конкретизировалась эта общая идея бегства человека от мира в пустыню. И конкретизация эта как нельзя более подходила и для традиционной практики вольнонародной колонизации Сибири, и для реалий полной опасностей жизни тайных старообрядческих общин в лесах и горах востока страны.

Бегущий от мира подвижник не должен был вести жизнь праздную, ленивую. Он был обязан трудиться. И хотя главный труд пустынника, конечно, молитва, он должен был заниматься неустанной работой для собственного прокормления, для щедрой подачи милостыни, для выполнения заветов нищелюбия и странноприимства. А заветы эти в сибирской жизни могли означать организацию действенной помощи все новым беглецам.

Таким образом, пустынник должен кормиться трудами рук своих, на той же основе обязана строиться и жизнь общины пустынножителей. Обращаясь опять к весьма популярным в старообрядческих скитах сочинениям Ефрема Сирина, мы найдем там и подтверждения теории пустыни как трудовой общины. Вот одно из них. «Паче убо должны есмы ныне претерпети Господа ради вся, пишет бо: Плоды трудов своих снеси, блажен еси и добро тебе будет. И апостол заповедает, глаголя: Своими руками делайте благое, яко да не тем единем токмо делающе ясти, но и требующим даяти от своих трудов... сам бо Господь рече, просите и дастся вам»[22].

Эти принципы будут способствовать оживленным народным миграциям на востоке страны, появлению все новых тайных заимок-скитов, так хорошо вписывающихся в

традиции сибирского заимочно-захватного землепользования. Постепенно старообрядцы создадут на Урале и в Сибири целую сеть неизвестных властям убежищ, помогающих беглецам на многоверстных путях их странствий.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники XVII в. лишь очень редко, в ситуациях неординарных позволяют судить о масштабах подобного бегства, создания тайных старообрядческих поселений в малообжитых или пустынных местах. Отметим для сравнения, что даже гораздо более точные ревизские источники XVIII в. очень плохо учитывают вольнонародную колонизацию. Как недавно удалось установить А. Х. Элерту, получавший подробную информацию от населения Г. Ф. Миллер во время своего путешествия по Сибири зафиксировал значительно больше поселений, чем их было известно по I и II ревизиям. Для обширных Томского и Енисейского уездов, особенно привлекавших беглецов, разница почти вдвое[23].

В XVII в. сведения о численности населения лесных старообрядческих тайников приводились в источниках лишь в тех редких случаях, когда значительные скопления беглецов обнаруживались посланными для их поимки воинскими командами. Острота противостояния была такова, что обычно собравшиеся предпочитали смерть в огне насильственному возвращению в мир Антихриста.

Первое из таких известий относится к самосожжению, состоявшемуся 6 января 1679 г. в пустыни на речке Березовке в Тобольском уезде. Как сообщает в этой связи Сибирский летописный свод, «завел пустыню черной поп Данило, иже бывый, в белцах Дементиян» (о котором мы уже упоминали в главе V). Летопись рассказывает далее, что к нему стали собираться «ис Тоболского уезду из слобод и с Тюмени всяких чинов служивые и тяглые многие люди... и ис слобод и ис сел наипаче убегаху — велия в то время смута бысть. Только б не посланы ратные люди были, и из слобод бы многие люди выбежали, но еще заставою многих людей удержаху»[24]. Посланный туда «для досмотру» тобольский подьячий С. Шишкин сообщил по начальству в высшей степени криминальные сведения — в пустыни отменена молитва за царя, царицу и тобольского митрополита Павла, церковь объявлена антихристовой. Продолжавшиеся некоторое время переговоры с властями результата не дали, и большинство собравшихся решили подвергнуть себя самосожжению (некоторые разбежались). Сибирский летописный свод Головинской редакции определяет число сгоревших в этой пустыни беглецов в

2000 чел., но в литературе чаще называется цифра, указанная преемником Павла митрополитом Игнатием, — 1700 чел[25].

В том же 1679 г. источники сообщают о новых событиях, связанных с актами старообрядческого протеста и сочетающих новые идеологические черты с традиционными. По сообщению приказчика Мехонской слободы Гаврилы Буткеева, 4 февраля в ответ на попытки административного насилия при внедрении церковных «новин» крестьяне, драгуны и беломестные казаки, собравшись с семьями в одном из дворов, подвергли себя самосожжению. Другое самосожжение в той же слободе удалось тогда предотвратить.

В соседнем селе Мостовка из-за насилий и вымогательств того же приказчика Г. Буткеева собралось около 40 чел., которые отказывались выдать «зачинщика» пашенного крестьянина Исетского острога Ивана Бархатова и угрожали самосожжением. Сохранился документ, который собравшиеся передали властям. Этот документ давно уже находится в научном обороте. Недавно А. Т. Шашков обратил внимание на то, что по названию в делопроизводстве и формуляру это не челобитная, как писал Р. Г. Пихоя, а «сказка»[26]. Вопрос представляет интерес и в плане нашего исследования народных политических взглядов.

Среди заявлений мостовских крестьян были как развернутые требования свободы исповедания старой веры, так и жалобы на насилия и вымогательства властей, разорения от «приказных людей», зачастую действовавших «неведомо по какому указу». Такие жалобы вполне традиционны для мирских челобитных, как и содержавшаяся в мостовской «сказке» идея народной солидарности в отстаивании своих требований. Мостовские крестьяне говорят об этой солидарности не менее решительно, чем участники многих мирских выступлений. В частности, они категорически заявляют, что если хоть один из них будет взят в Тобольск «на истязание о старом благочестии», остальные в знак протеста немедленно сожгут себя. В новой, крайней форме выступает старая традиция.

Понятно, что старообрядцы Мостовки в своем документе отказались от привычной формы челобитной — антихристовой власти нельзя бить челом, с ней нельзя входить в любые отношения, ее можно только обличать. Но это теория, догма. Важнейшая догма. Однако реальная жизнь полна компромиссов. И мостовская «сказка», хоть и заполнена доказательствами справедливости старой веры, но со-

храняет кое-что из прежних принципов мирской апелляции к высшей, монаршей власти, по логике самой «сказки» явно поддерживавшей дело Антихриста. Правда, в прямой, категорической форме об этом не говорится: ведь крестьяне в своем документе, как и в мирских челобитных, обращаются прямо к царю с сообщением о религиозных и других насилиях местной администрации и с призывом удовлетворить справедливые народные требования. Употребляется обычная терминология: «государь царь» — по отношению к монарху, «сироты твои» — по отношению к крестьянам. И, главное, в заключительной части «сказки» есть одна из обычных просительных формул челобитных: «Милосердый государь царь, вели...» Суть крестьянского прошения тоже очень характерна смешением старого и нового: на первом месте, конечно, требование прекратить гонения на старую веру, но с этим связан и призыв к защите от произвола местных властей, причем крестьяне стремятся, как обычно, получить гарантию выполнения этих требований в виде «царского указа» «за твоею государевою печатью... ради приказных людей, чтоб те приказные люди к нам нагло не приезжали ради своея бездельныя корысти, и нас бедных не раззоряли, и к новой вере не приводили, и не нудили заказчики и попы, бывшего Никона патриарха ученики». Анализируя эти мостовские требования, Р. Г. Пихоя справедливо замечает: «В сущности, крестьянство и в новых условиях продолжало бороться за сохранение внутренней автономии "мира", распространив ее и на религиозно-нравственную жизнь общины»[27].

Но борьба эта в новых условиях ожесточенного религиозного противостояния, когда народное сознание включало в признаки наступления «последних времен» как церковные «новины», так и правительственные мероприятия по увеличению десятинной пашни, стеснению права выхода[28] и прочие нарушения «старины», приобретала невиданную ожесточенность. В реакции урало-сибирского населения на пагубные, по его мнению, распоряжения властей появилась такая крайняя форма, как самосожжения. Отметим, что первому сибирскому самосожжению, березовской гари 1679 г., предшествовало 28 февраля 1676 г. первое сожжение старообрядцев тобольскими властями, действовавшими в рамках общерусского репрессивного законодательства, о чем сообщает Головинская редакция Сибирского летописного свода[29]. Там же мы находим известие о другой подобной казни, состоявшейся в Тобольске в 1683/84 г.; на этот раз пытали и сожгли старообрядцев, не захотевших

умирать во время известной Утяцкой гари, покинувших пустынь до или во время самосожжения[30].

Гарь эта, по свидетельству свода, состоялась в пустыни близ новосозданной Утяцкой слободы «в Тобольском уезде вверх по Тоболу реке», где «завели пустыню слободчик и крестьяне». Создание этой слободы опытным слободчиком Федором Иноземцевым в разгар очередной переписи (Льва Поскочина) соответствовало тенденциям вольнонародной колонизации. Летопись, как и для березовской гари 1679 г., отмечает, что в пустынь «почали к ним збиратися из городов и из слобод служилые и тяглые люди. И выбежали в ту пустыню многие тяглые люди, покиня свои житья и домы»[31].

Документальные источники также подчеркивают, что в слободу, соседние заимки и пустыни стекались многие беглецы, это заставило власти в безуспешной попытке прекратить бегство учредить вокруг слободы заставы. Огромный успех среди собравшихся беглецов имела проповедь видных расколоучителей, в том числе известного старца Авраамия (в миру тобольского сына боярского Алексея Венгерского). Под его влиянием собравшиеся отказались признавать власть царей Ивана и Петра и целовать им крест. Из Тобольска в слободу для увещевания был направлен далматовский игумен Исакий, а затем письменный голова Родион Орлов. Главной их задачей, по словам летописи, было возвращение беглых тяглецов в их прежние дома. Однако миссии эти успеха не имели: «и они, слободчики и крестьяне, на розговор не дались, и к ним из слобод почали збиратца наипаче тяглые люди и постригатца». В пустыни шел спор, стоит ли ответить огненной смертью на возможное военное насилие. Авраамий не одобрял самосожжения. Но когда в 1682 г. против слободы был направлен вооруженный отряд численностью в 150 чел., произошло самосожжение, унесшее 104 жизни. Многие предпочли бежать и укрыться в более глухих убежищах, среди них был и Авраамий[32].

Поиски Авраамия привели к новому конфликту. Когда 15 января 1683 г. в д. Гилевой близ с. Кармацкого, важного центра старообрядчества, одним из воинских отрядов был схвачен посадский Иван Коробейников, связанный с Авраамием, крестьяне этой деревни отбили арестованного. Они написали «сказку», где жаловались на притеснения начальника отряда и призывали царей Ивана и Петра оградить их от этих притеснений за веру[33]. В этой «сказке», как и в подобном мостовском документе 1679 г., ярко про-

явился сложный слом народного сознания: крестьяне и служилые уже отказываются (в Утяцкой слободе) признавать царскую власть, ставшую антихристовой, смело отвергают присягу царям, но в то же время по-прежнему надеются на «милостивую» защиту монархов от притеснений царских слуг.

Описанные события хорошо демонстрируют связь между распространением старообрядчества и процессами вольнонародной колонизации, крестьянским побегом на востоке страны. Упомянем кратко еще о нескольких фиксациях источниками значительных скоплений беглецов. Согласно сибирским летописям и документам, три самосожжения произошли в 1687 г.: на заимке д. Колугиной на р. Тегене (Тюменский уезд), в д. Боровиковой Куяровской слободы на р. Пышме (Тюменский уезд) и в деревне Киргинской слободы на Юрмыче (Тобольский уезд). В первом случае документы называют 225—300 погибших, летописи — 60—300 погибших. Во втором случае летописи указывают: «сгорели же человек полтораста и болши». В третьем случае летописи называют число погибших от 30 до 150 чел., но, согласно Книге записной, на Юрмыче много старообрядцев собралось тогда и «в ином месте», однако властям удалось отговорить их от сомосожжения. Томский вид свода определяет общее число погибших в этих трех гарях в 800 чел. В октябре следующего, 1688-го года, произошло самосожжение 30 чел. на заимке близ д. Новой Красноярского уезда; среди погибших упоминаются фамилии служилых, известные по Томскому восстанию 1648—1649 гг.: Гирицкие, Володимерцы[34].

Участники всех этих движений были стойкими последователями указанных выше эсхатологических и пустынножительных идей. Недаром в следственных делах о старообрядческом побеге, обнаружении тайных заимок и скитов зачастую упоминаются конфискованные там книги, включая те самые, на толковании которых построены эти теории раннего раскола. Когда в 1701 г. удалось найти и разгромить важный для всего восточного старообрядчества скитский центр под Кармаками, арестовав его руководителя Авраамия, среди отобранных там книг были Апокалипсис, Поучения Ефрема Сирина, Кириллова книга, старообрядческие сочинения[35].

У старообрядчества на востоке страны, связанного с вольнонародной колонизацией, побегом, эсхатологией и пустынножительством, значительное будущее в XVIII и XIX вв. Тема эта выходит за хронологические рамки на-

стоящей работы, да и находилась в поле зрения научной литературы последних лет. Поэтому упомянем лишь о крупном пограничном явлении всего этого комплекса в допетровской и послепетровской Руси. Речь идет о Тарском бунте 1722 г. и связанных с ним событиях вплоть до 1725 г. Здесь мы видим и последние всплески в первой половине XVIII в. традиций казачьих и крестьянских мирских претензий к монаршей власти, с шумными обсуждениями в кругах принимаемых документов, договоренностью о «единачестве», упорным отстаиванием общей правды на следствии. Однако все движение шло уже под старообрядческим лозунгом отказа от присяги государю-Антихристу, а в идеологии и организации протеста играли роль не только командиры войска (казачий полковник Немчинов), но и руководители соседних скитов Сергий (поповец) и Иван Смирнов (беспоповец). Иключительно важную роль следствие справедливо придавало конфискации древних книг и старообрядческих сочинений и выявлению как можно большего числа лесных убежищ, заполненных толпами беглецов.

Принятый на кругах в Таре основной документ движения — «отпорное письмо» — содержал краткое догматическое обоснование отказа от присяги неведомому наследнику (был экземпляр и с более развернутым объяснением, почерпнутым из называвшихся нами книг). Но тарские бунтовщики одновременно ставили свои условия монарху: они выражали согласие присягнуть, если наследник будет «истинного» царского рода и «истинной» (т. е. старой) веры. Документ этот был подан от имени более 700 тарских жителей, преимущественно казаков. Важно отметить, что при всей вере в наступление последнего антихристова времени восставшие ожидали, как показало следствие, положительного ответа государя на свое письмо. Но ответом им были масштабная карательная экспедиция и жестокий розыск.

В ходе следствия в то же время выяснилось, что руководители движения казаки В. Исецкий, П. Байгачев и другие проповедовали смелый тезис о том, что сам царь Петр I является Антихристом. На пытке В. Исецкий не только признался в этом, но и широко цитировал (близко к подлинному тексту) толкования Кирилловой книги на библейские пророчества Исайи и Даниила. Догматическая, книжная эсхатология преобразовалась в важнейший и острый фактор народного политического сознания. Недаром тарские следователи устроили настоящую охоту за древни-

ми святоотеческими книгами, их украинско-белорусскими толкованиями, старообрядческой литературой. Даже священное писание, как не раз бывало в народном сознании многих стран, в рамках старообрядчества давало основание для выдвижения актуальных лозунгов социально-политического протеста. Так руководившие следствием высшие тобольские чиновники среди бесконечных допросов, обычных и с пристрастием, среди забот о пропитании карателей и их лошадей, об артиллерийских припасах и подорожных, среди доносов, точных и ложных, среди склок между чиновниками-экзекуторами, каждый из коих доказывал, что лишь он усердствует по-настоящему, разрываясь между «присутствием» и «пытошной избой», подчас совмещая одно с другим, столкнулись с проблемой неканонических толкований раннехристианской и византийской святоотеческой литературы.

Тексты, привыкшие находиться под досками роскошных переплетов, на покрытых торжественным полууставом листах, украшенных затейливым орнаментом, странно и необычно выглядели на страницах следственного дела, исписанного беглой небрежной скорописью канцеляристов, фиксировавших полученные на дыбе показания. В этой необычности — важный исходный пункт исторического анализа. Такой анализ показывает, в частности, что среди упомянутой в реестрах конфискованной в ходе розыска в 1722—1724 гг. литературы (191 печатная книга, 73 рукописные книги и 48 рукописных тетрадей и писем) были весьма широко представлены эсхатологические, пустынножительные тексты и идеи. Наряду с древними сочинениями было немало и старообрядческих произведений на эти темы — большинство тетрадей посвящены проблеме воцарившегося Антихриста. Когда эти сочинения толковались в кругах, многие ссылались на мнение пустынножителей скита Сергия, что Антихристом является сам Петр I.

Многие из этих книг были захвачены в многочисленных скитах, обнаруженных следствием на просторах от Зауралья до Алтая. Таких скитских центров в реестрах упоминается 12, но это далеко не все пустыни, обнаруженные розыском: реестр сообщает лишь о части конфискованной литературы, к тому же в некоторых скитах успели книги спрятать, а в других они сгорели во время волны самосожжений, прокатившейся по Западной Сибири в ответ на насилия следователей. Не все эти самосожжения нам известны, но и обнаруженные источники свидетельствуют как о значительном скоплении беглецов во многих пустынях, так

и о важной роли этих лесных убежищ в распространении народных социально-политических идей старообрядчества. Так, во время самосожжения на р. Пышме в октябре 1722 г. погибло около 400 тюменских и ялуторовских крестьян. Но самой крупной гарью оказалась Елунская, происшедшая на Алтае уже в мае 1725 г. после краткой перестрелки с одной из военных команд, посланных по всей Западной Сибири в связи с тарским розыском беглецов; в ней погибло, по старообрядческим источникам, около 600 чел. Руководителем Елунской пустыни, расположенной близ важного пути миграционных потоков на юг Сибири, был один из видных деятелей поморского Выговского центра старообрядчества Иван (Терентий) Семенов. Как и в Таре, в Елунской пустыни верили в антихристовую сущность императорской власти и отказывались от присяги[36].

Таким образом, заложенные во второй половине XVII в. особенности старообрядческого политического сознания продолжали развиваться и в XVIII в., когда идеи бегства из мира Антихриста и пустынножительства все теснее смыкались с традициями вольнонародной колонизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Читателю предъявлены свидетельства источников о взаимоотношениях сибирских «обществ» XVII в. с местными и центральными властями. Отношения эти носили различный характер — от повседневного сотрудничества в профессиональной, административно-фискальной и иных сферах до постоянной упорной борьбы миров против коррумпированности и некомпетентности властей, нескольких отчаянных попыток «воевод из Сибири вывести» и все усиливавшейся тенденции уйти за пределы воеводской досягаемости.

При знакомстве с источниками встает законный вопрос: в какой мере рисуемая ими картина отражает сибирскую специфику, а в какой — свидетельствует о проявлении общерусских закономерностей.

Понятно, что для детального рассмотрения этой важной проблемы необходим предварительный анализ по другим регионам страны. Между тем, как уже отмечалось, в исторической литературе мало что можно поставить для XVII в. рядом с классическим исследованием М. М. Богословского по поморской общине. Однако некоторые общие соображения все же рискнем высказать.

Исключительная сплоченность сибирского всеуездного мира, объединявшего общины разных сословий, восходила к древним общерусским традициям, но стойкость и специфика бытования этих традиций во многом зависели от местных условий на востоке страны. К последним относятся почти полное отсутствие здесь крепостнических отношений и наследственного дворянства, доминирующая роль служилых по прибору, широкие возможности для миграций, внутренней колонизации и ухода на неподконтрольную администрации территорию, крайняя заинтересованность Москвы в получении ясака и развитии местного сельскохозяйственного производства. Поэтому среди сословно-представительных организаций Сибири не было уездных дворян-

ских сообществ, столь важных для Центральной России, выступавших во главе земщины в ряде восстаний средины XVII в. Но отсюда же следовало и то, что социальный антагонизм в сфере восставших, обусловивший завершение бунтов средины XVII в. принятием продворянского, крепостнического Уложения 1648 г., в Сибири ощущался гораздо слабее. Поэтому и во второй половине XVII в. здесь было больше условий для сохранения относительного единства «всей земли», что ярко проявилось в ходе сибирских восстаний конца XVII в.

Важнейшая роль, которую играли сибирские служилые по прибору не только в военно-административной, но и в экономической жизни региона, обеспечила им доминирующее место в мирской, земской деятельности. При этом существенной оказалась близость демократических традиций казачьего круга и сельской общины. К тому же общая тенденция к сближению положения служилых по прибору с положением крестьян и посадских усиливала реальное единство интересов этих слоев и, следовательно, весомость мирского голоса. Хотя миграционные процессы были константой всего хода русской истории, в Сибири XVII в. власти приходилось серьезнее задумываться над возможностью ухода налогоплательщиков вообще за пределы ее досягаемости, а общины могли упорнее отстаивать представления земледельцев о своем праве добиваться наилучших условий хозяйствования, в том числе и путем более или менее законных миграций.

Однако приведенный материал свидетельствует не только о сибирской специфике, но и о жизненности на востоке страны общерусских закономерностей. Хорошо видно, что взаимоотношения миров с местной и центральной властью подчинялись единым для России принципам сословно-представительной монархии. Так, во многом сходными были и внутренние структуры общин, и их объединение в общесословный уездный мир. Давно уже отмечалась преемственная связь общин государственных крестьян Поморья и Сибири, объединений служилых по прибору юга и востока страны. Особенно важно, что общим для страны являлось право челобитья миров перед центральной властью на злоупотребления или некомпетентность местных властей. Сибирские документы идут здесь в общем ряду русских документальных источников, как в бурные, так и в более или менее спокойные дни.

Многие принципиальные моменты «мирских» восстаний средины XVII в. присутствовали в движениях по обе сторо-

ны Урала. Общины, хотя и разные по своему социальному составу, везде стояли во главе протестов, которые осуществлялись в традиционных мирских формах. Разработка и принятие требований «обществ» к властям всюду проходили на собраниях, подчас весьма шумных и бурных, конституировавшихся как мирские сходы, круги. Претензии оформлялись как традиционные мирские челобитные, восставшие в Европейской России, как и в Сибири, составляли «одиначные записи». Почти везде расправа с «мирскими смутчиками и государевыми изменниками» принимала древнюю форму «потока и разграбления» по общинному («вечевому») приговору.

Управление восставшим городом в сходных мирских формах осуществляли «земские судейки» в Пскове и «мирские советники» в Томске.

Общими в разных регионах страны были и константы народного политического сознания, лежавшие в основе мирских представлений о государственных обязанностях разных сословий, о справедливых и несправедливых поборах, о «добрых» и «плохих» администраторах, об «истинных» и «ложных» монархах, о совместной борьбе царя и народа с феодально-бюрократическим средостением между ними. Поэтому борьба с плохими боярами и воеводами во всей России почиталась мирами истинно государственным, государевым делом, а восставшие в Томске и Москве в одинаковых выражениях упрекали нерешительных в том, что они государю добра не желают.

Наконец, не было сибирской спецификой повседневное участие выборных представителей общин в делах местного управления, как и отстранение недобросовестных администраторов по мирским жалобам.

Таким образом, взаимоотношения между сибирскими «обществами» и властями, при всей их специфичности, следует рассматривать как часть общерусского политического строя и механизма управления сословно-представительной монархии.

Складывание этого строя на Руси уходит далеко в глубь веков. Участие представителей местных миров в наместничьем управлении предусматривается уже в первых дошедших до нас уставных грамотах, еще до завершения процесса создания единого Русского государства и возникновения первых приказов. Такое участие подтверждается как важнейший принцип механизма власти в «великокняжеском» Судебнике 1497 г. и в «царском» Судебнике 1550 г. В ходе прогрессивных реформ 50-х гг. XVI в. эта систе-

ма оформляется применительно к новым политическим реалиям Московской Руси и исчезает лишь в петербургский период русской истории. Опричный террор не смог на сколько-нибудь длительное время устранить из жизни национальные традиции земского самоуправления, хотя и привел к возникновению противного их духу крепостничества. Но выход из обусловленного опричниной хозяйственного и политического кризиса был найден лишь земщиной на базе восстановления и развития сословно-представительных начал монархии.

В правление Михаила Федоровича представительство мирских организаций, «всей земли», занимало традиционно значительное место в жизни страны и ее системе управления. Но одновременно усиливались и противоположные тенденции, шло укрепление позиций столичной аристократии, росло влияние приказного и воеводского аппарата. Княжеско-боярская и дьяческая бюрократия демонстрировала стремление обособиться от традиционных для сословно-представительного строя обратных связей в управлении, обусловленных правами земщины, подмять ее под себя. Миры отстаивали свои права в постоянной упорной борьбе, умело используя в ней и противоречия интересов центральной и местной власти, и реальную неспособность все еще сравнительно слабого бюрократического механизма управлять огромной страной без опоры на органы земского самоуправления. Органы эти, придававшие необходимую гибкость всей государственной машине, были не только весьма дееспособны, но и опасны для феодальной монархии. В соответствии с народными политическими представлениями миры, хотя и признавали необходимость «главных» служб, повинностей и податей каждого сословия, вместе с тем решительно противостояли любому их увеличению, расширению, т.е. укреплению феодального, а тем более крепостнического гнета, бесконтрольности воеводской власти, центральной бюрократии.

Динамичное противоречие это разрешалось в ходе повседневного сотрудничества и повседневной борьбы сторон. Миры являлись главным препятствием разгулу разрушительного корыстолюбия воевод, но они отчаянно сопротивлялись и вполне одобряемому Москвой «законному» укреплению их власти. В средине XVII в. противоборство это во многих городах от столицы до Сибири привело к цепи крупных восстаний, с которыми правительству с трудом удалось справиться, применив не только силу, но и политику вынужденных уступок земщине. Соборное уложение

1649 г. подтвердило фундаментальное право мирского челобитья на «плохого» администратора, удовлетворило многие требования посадских общин и прежде всего дворянских сообществ, возглавивших движение во многих городах Европейской России. Но одновременно принятие этого кодекса усиливало власть бюрократического аппарата и крепостнические тенденции. Недаром и в абсолютной монархии XVIII в. Соборное уложение будет играть роль основного свода законов. Для сословного представительства перспективы ухудшались.

В Сибири, где почти не было ни наследственных дворян, ни крепостных зафиксированные в Уложении социальные противоречия сказывались слабее, а мирские традиции сопротивления воеводским злоупотреблениям были очень сильны и во второй половине XVII в. Уже накануне петровских преобразований государственной власти серия мощных выступлений восточно-сибирских миров переросла в отчаянную попытку «воевод из Сибири вывести» (мотив этот прослеживался и ранее).

Неизбежные реформы Петра Великого завершили наметившуюся перед этим тенденцию замены государственной машины сословно-представительной монархии абсолютистским бюрократическим аппаратом власти. В административном механизме петербургской России XVIII в. городская община преобразовывалась на совершенно новых принципах и ей, как и сельскому миру, отводилась роль низшего административно-полицейского звена, абсолютно послушного органам центральной и местной власти.

Отсутствие специальных исследований, выполненных на современном научном уровне, не позволяет конкретно оценить, в какой мере в XVIII в. удалось воплотить в жизнь этот стройный бюрократический идеал. Напомним лишь, что сам главный создатель этой системы хорошо видел ее принципиальные пороки: отсутствие обратных связей действенного контроля в механизме власти, делавшее неизбежным колоссальное казнокрадство, растущую неповоротливость, некомпетентность и безынициативность всего аппарата. Всю свою жизнь яростно борясь с этими пороками, Петр перепробовал массу средств — от пресловутой дубинки до сложной системы инквизиторов, фискалов, прокуроров. Однако все это не могло заменить такой непокорной, неудобной, но весьма эффективной мирской организации времен его деда.

Петр настойчиво внедрял в разные звенья государственного механизма принцип коллегиальности, отличав-

шийся от земско-общинного принципа соборности. Но этот принцип так и не победил в абсолютистской России.

Гораздо позднее дворянская и городская реформы Екатерины II, значительно улучшившие взаимоотношения между властью и обществом, возрождали на новой, более узкой базе, для двух сословных групп некоторые важные черты допетровской монархии — выборность и относительную самостоятельность.

Мощное земское движение, способствовавшее обновлению России после отмены крепостного права, — важное свидетельство того, что память о многовековых земских, мирских традициях в сфере местного управления не была полностью утрачена в петербургский период отечественной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] См.: *Этнография* русского крестьянства Сибири. XVII — середина XIX в. — М., 1981.

[2] *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма.— Новосибирск, 1982.— С. 444—476.

[3] Краткий обзор состояния этого вопроса с учетом литературы до 1970-х гг. см.: *Чистякова Е. В.* Советская историография народных движений русского населения Сибири XVII в. // Изв. Сиб. отд. АН СССР.— Сер. обществ. наук.— 1977.— № 5, вып. 2.

[4] Очерк истории изучения земских соборов см.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв.— М., 1978.— С. 5—45.

[5] *Юшков С. В.* К вопросу о сословно-представительной монархии в России // Советское государство и право.— 1950.— № 10; *Он же.* К вопросу о политических формах Русского феодального государства до XIX в. // Вопросы истории.— 1950.— № 1.

[6] См.: *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII веков.— М., 1973.— С. 69.

[7] Там же.— С. 50.

[8] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий.— М., 1982.— С. 261. В посмертно вышедшей прекрасной книге того же автора дан скрупулезный анализ складывания одного из сословий этой монархии — феодальной аристократии. См.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в.— М., 1988.

[9] *Черепнин Л. В.* Земские соборы... — С. 398.

[10] Там же.— С. 44, 385, 386.

[11] *Зимин А. А.* Россия на рубеже... — С. 233 (см. также с. 246, 250, 254).

[12] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.).— М., 1972.— С. 296—317.

[13] *Зимин А. А.* Россия на рубеже... — С. 259.

[14] *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси.— М., 1960.— С. 895, 896.

[15] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии.— М., 1962.— С. 65.

[16] Там же.— С. 62—65.

[17] *Зимин А. А.* Россия на пороге... С. 6.

[18] *Зимин А. А.* Россия на рубеже... С. 259, 260.

[19] *Тихомиров М. Н.* Российское государство... — С. 58, 64—69.

[20] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного.— Л., 1969.— С. 15.

[21] Там же.— С. 71

[22] Там же.— С. 5.

[23] *Brian L. Davies.* Introduction // Coercion and Community Interest Representation in Muscovite Local Government.— Soviet Studies in History.

Winter 1987—88.— Vol. XXVI, № 3.— P. 3. (Предисловие к переводам работ А. И. Копанева, В. А. Александрова, Н. Н. Покровского).

[24] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в.— Л., 1978.— С. 214—231; *Он же.* Крестьяне Русского Севера в XVII в.— Л., 1984.— С. 208—227.

[25] *Brian L. Davies.* Introduction.— P. 12—13.

[26] *Павлов-Сильванский Н. П.* Сочинения.— Спб., 1910.— Т. III.— С. 23—24.

[27] Там же.— С. 23, 78.

[28] Там же.— С. 20, 77, 78.

[29] *Тихомиров М. П.* Россия в XVI столетии.— С. 63.

[30] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства.— С. 264, 266, 268, 274, 275.

[31] *Горский А. Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века.— М., 1974; *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в.— Новосибирск, 1973.

[32] *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV — XVI вв.— М., 1951.— С. 201; *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения... —С. 28—29, 129—138.

[33] *Российское* законодательство X—XX веков.— М., 1985.— Т. 2.— С. 182.

[34] Там же.— С. 192—195.

[35] Там же.— С. 59.

[36] Там же.— С. 62.

[37] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической истории России середины XVI в.— М., 1960.— С. 254, 255.

[38] *Российское* законодательство... — Т. 2.— С. 214.

[39] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений ... — С. 71—72.

[40] Там же.— С. 82.

[41] Там же.— С. 527—537.

[42] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в.— С. 214 и след.

[43] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.— М., 1912.— Т. II.— С. 261.

[44] Там же.— М., 1909.— Т. I.— С. IV.

[45] Там же.— Т. II.— С. 261.

[46] Там же.

[47] Там же.— С. 266, 267, 275.

[48] Там же.— С 278.

[49] Там же.— С 278.

[50] *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в.— С. 208—209.

[51] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений... — С. 9—13; *Лурье Я. С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским/Отв. ред. Д. С. Лихачев.— Л., 1979.— С. 244—248; *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России.— Л., 1988; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.).— М., 1985.— С. 160.

[52] *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма.— М., 1987.— С. 37.

[53] См.: *Милов Л. В.* Классовая борьба крепостного крестьянства России в XVII—XVIII вв. (Некоторые проблемы теории) // Вопросы истории.— 1981.— № 3.

[54] *Янель З. К.* Феномен стихийности и повстанческая организация массовых движений феодального крестьянства России // История СССР.— 1982.— № 5.— С. 91.

[55] Там же.— С. 92, 98.

[56] *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. Воеводская власть и земские миры.— Новосибирск, 1989.— С. 15—18, 92—96.

[57] *Дворецкая Н. А.* Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.).— Новосибирск, 1984.

Глава I

1 *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири. XVII в.— М., 1956.

2 *Александров В. А.* Заселение Сибири русскими в конце XVI—XVIII в. // Русские старожилы Сибири.— М., 1973.— С. 123.

3 *Кауфман А. А.* Русская община в процессе ее зарождения и роста.— М., 1908.— С. 406, 407.

4 Там же.— С. 220.

5 Там же.— С. 244.

6 Там же.— С. 263.

7 Там же.— С. 263—265.

8 Там же.— С 265.

9 *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в.— М., 1964.— Гл. 8, § 1.

10 *Бояршинова З. Я.* Земельные сообщества в Сибири в XVII — начале XVIII в. // Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в.— Новосибирск, 1977.— С. 30.

11 Там же.— С. 31—32.

12 *Русакова Л. М.* Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII—XX вв.— Новосибирск, 1976.— С. 125, 126, 139; *Власова И. В.* Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII—XVIII вв.— М., 1984.— С. 106—109, 111, 125.

13 *Власова И. В.* Традиции крестьянского землепользования... — С. 120, 121.

14 Там же.— с. 111.

15 *Громыко М. М.* Сельская община в Сибири XVIII — первой половины XIX в. // Бахрушинские чтения 1973 года.— Новосибирск, 1973.— Вып. 2. Вопросы истории Сибири досоветского периода; *Она же.* Община в обычном праве сибирских крестьян XVIII в.— 70-х гг. XIX в. // Ежегодник по аграрной истории за 1971 г.— Вильнюс, 1974.— С. 388—396; *Она же.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.).— Новосибирск, 1975.— С. 294—322; *Она же.* Территориальная крестьянская община в Сибири (30-е гг. XVIII — 60-е гг. XIX в.) // Крестьянская община в Сибири... — С. 33—103.

16 *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма.— Новосибирск, 1982.— С. 286—304.

17 *Александров В. А.* Сельская община в России (XVII — начало XIX в.).— М., 1976.— С. 25—46,; *Он же.* Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVII—XIX вв.) // Проблемы типологии в этнографии.— М., 1979.— С. 92—104; *Он же.* Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в.— М., 1984.— С. 102—109.

18 *Власова И. В.* Традиции крестьянского землепользования... — С. 106—107.

19 *Миллер Г. Ф.* История Сибири,— М.; Л., 1941.— Т. II.— С. 310—311.

20 *Шунков В. И.* «Опыт» в сельском хозяйстве Сибири XVII в. // Материалы по истории земледелия СССР.— М., 1952.— Сб. 1.— С. 233—236.

21 О значительных размерах вольнонародной колонизации, огромном числе неучтенных ревизской статистикой поселений в Сибири первой половины XVIII в. см.: *Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири.— Новосибирск, 1990.— С. 99.

22 *Миллер Г. Ф.* История Сибири.— Т. II.— С. 273.

23 Там же.— С. 244—245, 287.

24 РИБ.— Спб., 1884.— Т. 8.— № 77.— Стб. 630—653.

25 *Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда в XVII веке // Тр. Томского гос. ун-та.— Томск, 1950.— Т. 112.— С. 127, 159, 160, 166.

26 *ЦГАДА*, Сибирский приказ (ф. 214), стб. 896, л. 47 об., 44 об.

27 Там же, стб. 299, л. 335.

28 Там же, стб. 899, л. 793 об.

29 Там же, стб. 896, л. 137.

30 *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири... — С. 403—410.

31 *Шунков В. И.* Вопросы аграрной истории России.— М., 1974.— С. 178.

32 *Александров В. А.* Сельская община... — С. 314.

33 *Александров В. А.* Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) // Вопросы истории.— 1973.— № 8.— С. 42, 44.

34 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 89, л. 280—282.

35 Там же, Верхотурская приказная изба (ф. 1111), оп. 1, стб. 80, л. 26, 27; стб. 90, л. 200, 201.

36 Там же, оп. 2, стб. 10, л. 22—36.

37 Там же, оп. 1, стб. 121, л. 134, 140; стб. 122, л. 25—28; стб. 93, л. 4; оп. 2, стб. 111, л. 13, 14.

38 *Шунков В. И.* Вопросы аграрной истории России.— С. 190, 191.

39 *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в.— М., 1972.— С. 80; *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма.— С. 94; ЦГАДА, ф. 1111, оп. 1, стб. 24, л. 60, 61, 127—160.

40 *ЦГАДА*, ф. 1111, оп. 1, стб. 24, л. 160.

41 Там же, стб. 148, л. 344.

42 Там же, л. 269, 270, 288, 289, 351, 352, 373, 374.

43 Там же, л. 370—372; стб. 121, л. 76, 77, 85, 86.

44 Там же, оп. 2, стб. 366, л. 67, 68.

45 Там же, стб. 346, л. 44—46, 61, 79—81, 106, 126; *Александров В. А.* Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // ИЗ.— 1957.— № 59.— С. 306; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь... — С. 159.

46 *ЦГАДА*, ф. 1111, оп. 1, стб. 126, л. 239, 240.

47 *РИБ.*— Т. 8.— Стб. 533—536.

48 *Мамсик Т. С.* Побеги как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40—90-е гг. XVIII в.— Новосибирск, 1978.— С. 169.

49 *ЦГАДА*, ф. 1111, оп. 1, стб. 90, л. 1—44, 49—60, 65—69, 75, 76, 94.

50 Там же, л. 61 (см. также л. 64).

51 Там же, л. 87—93.

52 Там же, ф. 214, стб. 14, л. 3—19; РИБ.—Т. 8.— № 14.— Стб. 388—400.

53 *РИБ.*— Т. 8.— № 14.— С. 392—393.

54 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 14, л. 3—19; РИБ.— Т. 8.— № 14.— Стб. 388—400.

55 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 5.— С. 89.

56 *РИБ.*— Т. 8.— № 14.— Стб. 393, 398.

57 *Шунков В. И.* Вопросы аграрной истории России.— С. 188, 189.

58 *РИБ.*— Т. 8.— № 14.— Стб. 399—400.

59 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 474, л. 8—10.

60 Там же, л. 105 об., 106—108.

61 Там же, ф. 1111, оп. 2, стб. 290, л. 44—50.

62 *Александров В. А.* Русское население Сибири.— С. 182—183 (табл. 29, 30), 184.

63 Там же.— С. 190; *Бояршинова З. Я.* Земельные сообщества в Сибири.— С. 17, 18, 21, 24—31; *Власова И. В.* Традиции крестьянского землепользования.— С. 107—108.

64 *Шунков В. И.* Вопросы аграрной истории России.— С. 89.

65 *Иванова В. И.* Западносибирские поземельные частные акты XVII в. в архиве ЛОИИ СССР АН СССР (купчие, поступные, вкладные, меновные) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России.— Новосибирск, 1984.— С. 166—184; *Она же.* Западносибирские поземельные частные акты XVII в. в архиве ЛОИИ СССР АН СССР (закладные кабалы) // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода.— Новосибирск, 1986.— С. 5—43.

66 *Иванова В. И.* Западносибирские поземельные частные акты... 1984 г.— С. 169—170. Об этой клаузуле в двинских актах см.: *Копанев А. И.* Дипломатика поземельных актов двинских крестьян в XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины.— Л., 1974.— Вып. 6.—

С. 147. Об обозначении в двинских актах государственного феодального права верховной собственности на землю см.: *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в.— Новосибирск, 1973.— С. 54—62, 71.

[67] *Иванова В. И.* Западносибирские поземельные частные акты... — 1986.— № 49.— С. 42.

[68] *Иванова В. И.* Западносибирские поземельные частные акты... — 1984.— С. 169.

[69] Там же.— № 18.— С.180—181.

[70] Там же.— № 11.— С. 176; № 10.— С. 175—176 (противень).

[71] Там же.— № 9.— С. 175.

[72] Там же.— № 1.— С. 171.

[73] *Александров В. А.* Особенности феодального порядка... — С. 53.

[74] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 246, л. 35а—39, 52—53; стб. 419, л. 23—38.

[75] Там же, стб. 419, л. 31—33.

[76] Там же, ф. 1111, оп. 2, стб. 90, л. 2.

[77] Там же, л. 4.

[78] Там же, л. 23.

[79] Там же, л. 32, 33, 36, 37.

[80] Там же, оп. 1, стб. 11, л. 89, 111; оп. 2, стб. 90, л. 3, 8, 9, 10, 12—15, 17—27; стб. 103, л. 21, 22; стб. 109, л. 8.

[81] Там же, оп. 1, стб. 16, л. 72, 73; оп. 2, стб. 330, л. 64.

[82] Там же, оп. 1, стб. 34, л. 354—355, 358, 363, 366—376; стб. 121, л. 34—39, 42; *Александров В. А.* Особенности феодального порядка... — С. 55.

[83] *ЦГАДА*, ф. 1111, оп. 1, стб. 21, л. 190.

[84] Там же, ф. 214, стб. 49, л. 126, 127.

[85] Там же, стб. 90, л. 222—224.

[86] Там же, стб. 307, л. 381—382; стб. 371, л. 140—145, 152, 153, 178 и след.; стб. 373, л. 1.

[87] Там же, стб. 1052, л. 195, 196.

[88] Там же, стб. 123, л. 392—394, 447, 448, 451—453.

[89] Там же, стб. 237, л. 1—13, 15—17, 46, 47, 64, 65, 70.

[90] Там же, стб. 246, л. 35а—39, 49, 52—55, 56—59.

[91] *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири... — С. 189, 190.

[92] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 811, л. 59, 62, 102, 105; *Покровский Н. Н.* Неизвестный документ о волнении усть-ницынских крестьян в XVII в. // Сибирское источниковедение и археография.— Новосибирск.— 1980.— С. 178—184.

[93] Напомним, что еще в 1391 г. подобный же спор на церковных землях митрополичьего Цареконстантиновского монастыря под Владимиром решался главою церкви митрополитом Киприаном, и решался «по старине».

[94] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 811, л. 102, 105.

[95] Там же, л. 102.

[96] Там же, ф. 1111, оп. 1, стб. 134, л. 203.

[97] Там же, оп. 2, стб. 189, л. 220.

[98] *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь... — С. 355.

[99] Там же.— С.359; *ЦГАДА*, ф. 1111, оп. 2, стб. 189, л. 220.

[100] *ЦГАДА*, ф. 1111, оп. 1, стб. 19, л. 31.

[101] *Миллер Г. Ф.* История Сибири.— Т. II.— С. 311.

[102] *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь... — С. 357.

[103] *Покровский Н. Н.* Начальные челобитные Томского восстания 1648—1649 гг. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России.— Новосибирск, 1987.— С. 85—92.

[104] *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири... — С. 191.

[105] *ЦГАДА*, ф. 1111, оп. 2, стб. 189, л. 12.

[106] *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь... — С. 337.

[107] *ЦГАДА*, ф. 1111, оп. 1, стб. 122, л. 395—397; оп. 2, стб. 307, л. 113—115, 141, 142.

[108] Там же, оп. 1, стб. 122, л. 358—364, 374, 381—389, 403; оп. 2, стб. 307, л. 163, 164, 167—170, 183—186.

109 *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь... — С. 355, 356.

110 *ЦГАДА*, ф. 1111, оп. 2, стб. 189, л. 272—274.

111 *Чичерин Б.* Областные учреждения России в XVII веке.— М., 1856.— С. 515, 516.

112 *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т.— М., 1988.— Т. III.— С. 143.

113 Там же.— С. 151—152.

114 Там же.— С. 158—161.

115 *Головачев П. М.* Желательный тип сборников материалов для истории сибирских городов XVII в. // Томск в XVII веке.— М., 1903.— С. 3.

116 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке.— М., 1967.— С. 5—24.

117 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 77; *Александров В. А.* Русское население Сибири... — С. 98.

118 *Копылов А. Н.* Русские на Енисее в XVII в.— Новосибирск, 1965.— 56—59.

119 *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири... — С. 145.

120 *Александров В. А.* Русское население Сибири... — С. 98.

121 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 77.

122 *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири... — С. 51. (Об этом же см.: *Апполова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в.— М., 1976.— С. 110—112, 116, 117).

123 *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма.— Новосибирск, 1982.— С. 132.

124 *Быконя Г. Ф.* Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.— Новосибирск, 1981.— С. 164, 202.

125 *Квецинская Т. Е.* Ремесла г. Верхотурья в XVII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.).— Новосибирск, 1977.— С. 99; *Люцидарская А. А.* Промышленное развитие г. Томска во второй половине XVII в. // Города Сибири.— Новосибирск, 1974.— С. 65.

126 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 77.

127 *Люцидарская А. А.* К вопросу о формировании торгово-промышленного населения Томска второй половины XVII в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма).— Новосибирск, 1978.— С. 66; *Курилов В. Н.* Участие служилых людей в становлении Томска как торгово-промышленного центра в XVII в. // Города Сибири.— Новосибирск, 1974.— С. 79, 80.

128 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. Воеводская власть и земские миры.— Новосибирск, 1989.— С. 96—113; *ЦГАДА*. ф. 214, стб. 896, л. 35—42, 46 (Томск, 1648 г.); стб. 474, л. 19 (Тюмень, 1654 г.); стб. 76, л. 631, 656; стб. 186, л. 99, 113 (Тара, 1636 г.); кн. 6, л. 125, 128—129 (Пелым, 1625 г.); стб. 39, л. 82—99 (Тара, 1635 г.), стб. 42, л. 32—36, 99—104, 122—123 (Пелым, 1635 г.); стб. 142, л. 1—12 (Верхотурье, 1645 г.); стб. 66, л. 1, 131, 132 (Томск, 1633 г.); стб. 794, л. 29, 36, 37 (Тюмень, 1668 г.).

129 Так, в первой половине XVII в. в Томске источники называют общину то «посадской», то организацией «жилецких и оброчных».— *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 896, л. 35; стб. 21, л. 1.

130 Там же, стб. 107, л. 172—174.

131 *Тихомиров М. Н., Епифанов П. П.* Соборное уложение 1649 г.— М., 1961.— С. 365; *Соборное* уложение 1649 г./Рук. авт. коллектива А. Г. Маньков.— Л., 1987.— С. 27, 118, 100.

132 В Туруханском крае термин «посадский человек» появляется лишь с 1670-х гг., заменяя термин «жилецкий».— *Александров В. А.* Русское население Сибири... С. 62, 63, 66.

133 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 896, л. 35—42, 46; стб. 327, л. 102, 103.

134 *Леонтьева Г. А.* Посадское тягло в Западной Сибири // Торговля, промышленность и город в России XVII — начала XIX в.— М., 1987.— С. 27.

135 *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 11, л. 470—473.
136 Там же, стб. 896, л. 41.
137 *Леонтьева Г. А.* Посадское тягло... С. 25.
138 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 107, л. 47, 127, 209, 99, 46—48, 19.
139 Там же, л. 21.
140 *Леонтьева Г. А.* Посадское тягло... — С. 27.
141 *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 11, л. 470—473.
142 Там же, стб. 107 л. 88—89. Другие источники о размерах денежного и хлебного оброка посадских см.: *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа.— М., 1895.— Т. I.— С. 160, 357—358.
143 Томский таможенный голова Ф. Митрофанов жаловался в Сибирский приказ, что назначенного в 1647 г. в таможенные подьячие конного казака В. Бубенного «с таможенное дело не стало». Сам Ф. Митрофанов был временно делегирован в Томск устюжской посадской общиной.— *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 210, л. 28.
144 Там же, кн. 6, л. 201 об.— 202 об.
145 Там же, стб. 210, л. 13—17, 20, 307. Одновременно с назначением Л. Бобровского Москва приказала выбрать в помощь ему таможенного целовальника из самых лучших посадских Енисейска.— *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 307, л. 366.
146 Там же, стб. 107, л. 151.
147 Интересно отметить, что посадские Туринска, совершенно справедливо жалующиеся на тяжесть феодальной ренты и приводя вполне достоверный список «государевых служеб», не могут удержаться от того, чтобы по прочной традиции народного сознания не сослаться на то, что прежде куда лучше было — и посадская община была, якобы, вдвое больше, и члены ее были зажиточнее. Однако документы того же столбца показывают, что при всей подвижности состава посадской общины города в целом ее размер за вторую четверть XVII в. не уменьшился — на место выбывших приходили новые тяглецы, и в 1651 г. она насчитывала не 20 (как уверяли челобитчики), а 55 чел. (*ЦГАДА*, ф. 214, стб. 107, л. 210). Перед нами обычный штамп народного сознания — идеализация старины как прием борьбы против фискальных и иных тягот сегодняшнего дня.
148 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 896, л. 41.
149 Более подробный перечень таких «государевых служеб» см.: *Леонтьева Г. А.* Посадское тягло... — С. 31—33.
150 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 81, л. 481—484, 498.
151 Там же, стб. 107, л. 73.
152 Там же, л. 163—164.
153 *Леонтьева Г. А.* Посадское тягло... — С. 36.
154 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг.... — С. 99—101, 111—112; *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 299, л. 50—58.
155 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 474, л. 18—19.
156 Там же, стб. 210, л. 240—250.
157 *Покровский Н. Н.* Сибирское дело о десятильниках // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода.— Новосибирск, 1986.— С. 146—189.
158 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 16, л. 93.
159 Там же, стб. 81, л. 481—484, 498.
160 Там же, стб. 16, л. 93.
161 Вот еще один из эпизодов борьбы за таможенную независимость от воевод. Таможня имела свою печать, отличную от воеводской, и воеводы не имели права доступа к ней. В 1648 г. енисейский воевода Ф. П. Полибин жаловался царю, что из-за этой независимости голова Л. Бобровский выдает за таможенной печатью документы для проезда беглых. Воевода просил предоставить ему право контроля над использованием этой печати, но Москва с ним не согласилась и в просьбе отказала.— *ЦГАДА*, ф. 214. стб. 307, л. 562—566.
162 Там же, л. 188—191.
163 *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов... — М., 1897.— Т. II.— С. 61.
164 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 142, л. 1—2, 11, 12.
165 Там же, л. 1 об., 3—9.

166 Там же, л. 22—24.

167 Так, в начале 1640-х гг. следствие выявило, что в течение предыдущего десятилетия по крайней мере 6,75—10 % проходившего через казенные амбары Тобольска хлеба прилипало к рукам воевод и подьячих лишь из-за фальсификации ими мер веса и объема.— *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 211, л. 97—71, 65—64.

168 Там же, стб. 142, л. 328—329.

169 Там же, стб. 81, л. 480—490.

170 *Копылов А. И.* Русские на Енисее... — С. 59, 60.

171 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 303, л. 50—54.

172 Там же, стб. 896, л. 40.

173 Там же, стб. 551, л. 62—64.

174 Там же, стб. 123, л. 85—92.

175 *Соборное* уложение 1649 г.... — С. 100, 101, 300, 301.

176 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 107, л. 98—118. В это же время (1639 г.) тюменские посадские отказываются платить оброк за умерших и беглых.— Там же, стб. 115, л. 48—52.

177 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 110—113, 266—267; *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 123, л. 293 (тюменская делегация 1649 г.); стб. 296, л. 338—341 (челобитная туринского посада 1649 г.).

178 Там же, стб. 936, л. 214—222; стб. 1052, л. 174а, 175, 178.

179 *Александров В. А.* Русское население Сибири... — С. 244.

Глава II

1 Историографический обзор вопроса см.: *Никитин Н. И.* Военно-служилые люди и освоение Сибири в XVII веке // История СССР.— 1980.— № 2.— С. 161—173; *Он же.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века.— Новосибирск, 1988.— С. 3—15.

2 *Александров В. А.* Заселение Сибири русскими в конце XVI—XVIII в. // Русские старожилы Сибири.— М., 1973.— С. 23.

3 Крестьянство Сибири в эпоху феодализма.— Новосибирск, 1982.— С. 130.

4 *Никитин Н. И.* Торгово-промышленная деятельность военнослужилых людей Тобольска в середине XVII в. // Проблемы отечественной истории.— М., 1973.— С. 26.

5 *Люцидарская А. А.* Промышленное развитие г. Томска во второй половине XVII в. // Города Сибири.— Новосибирск, 1974.— С. 65; *Она же.* К вопросу о формировании торгово-промышленного населения Томска второй половины XVII в. // Города Сибири.— Новосибирск.— 1978.— С. 66—75.

6 *Курилов В. Н.* Участие служилых людей в становлении г. Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в. // Города Сибири.— Новосибирск, 1974.— С. 79, 80—84, 86.

7 *Апполова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в.— М., 1976.— С. 118—120; *Леонтьева Г. А.* Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII — начале XVIII в. // Города Сибири.— Новосибирск, 1978.— С. 78—94.

8 *Ромодановская Е. К.* Русская литература в Сибири первой половины XVII в.— Новосибирск, 1973.— С. 96—97.

9 *Ромодановская Е. К.* Синодик ермаковым казакам // Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. обществ. наук.— 1970.— № 11, вып. 3.— С. 20.

10 *ПСРЛ.*— М., 1987.— Т. 36.— С. 380.

11 *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака.— Новосибирск, 1986.— С. 188.

12 *Сибирские* летописи.— Спб., 1907.— С. 30 (по списку Спасского).

13 Там же.— С. 75 (по Толстовскому списку).

14 Там же.— С. 136, 137 (см. также: с. 206, 207, 249, 337).

[15] *Никитин Н. И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века // История СССР.— 1986.— № 4.— С. 173.

[16] *Никитин Н. И.* О происхождении... — С. 173; *Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII в.— Ростов, 1961.— С. 107—108.

[17] *Станиславский А. Л.* Русское казачество в первой четверти XVII века: Автореф. дис.... д-ра ист. наук.— М., 1984.— С. 45; *Он же.* Правительственная политика по отношению к «вольному» казачеству (1612—1619) // История СССР.— 1984.— № 5.— С. 79.

[18] *Ромодановская Е. К.* Русская литература в Сибири... — С. 41.

[19] *Бахрушин С. В.* Научные труды.— М., 1955.— Т. 3, ч. 1.— С. 19, 20, 30, 31.

[20] *Ромодановская Е. К.* Русская литература в Сибири... — С. 82, 83, 103—105.

[21] *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVII в.— М., 1972.— С. 46—55.

[22] *Русско-китайские* отношения в XVII веке. Материалы и документы.— М., 1969.— Т. 1, № 9.— С. 65.

[23] *Корецкий В. И.* Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI— начало XVII в.) // Русское население Поморья и Сибири.— М., 1973.— С. 56.

[24] *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака... — С. 153, 154, 187; *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири... — С. 48.

[25] *Верхотурские* грамоты конца XVI — начала XVII в.— М., 1982.— Ч. II.— С. 203.

[26] *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в.— М., 1972.— С. 40, 41; *ЦГАДА*, Сибирский приказ (ф. 214), кн. 6, л. 137, 138; *ААН*, ф. 21, оп. 4, № 8, л. 79 об.— 80; *Миллер Г. Ф.* История Сибири.— М.; Л., 1937.— Т. I.— № 100.— С. 455—456; *РИБ.*— Т. 2.— № 130.— Стб. 400—402.

[27] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 8, л. 134—137.

[28] *Сибирские* летописи.— С. 316, 375, 376; *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 419, л. 120.

[29] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 419, л. 125, 126.

[30] Там же, л. 120, 121, 127, 130—134. Известно также, что в 1612 г. Второе ополчение было поддержано сибирскими татарами, стрельцами и казаками, которых привел в Ярославль царевич Араслан (*Любомиров П. Г.* Очерки истории нижегородского ополчения.— М., 1939.— С. 114).

[31] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 123, л. 195—197, 203—210.

[32] Там же, кн. 1372, л. 117 об.; стб. 1389, ч. II, л. 933—934.

[33] *Апполова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в.— М., 1976.— С. 72.

[34] *Верхотурские* грамоты конца XVI — начала XVII в.— М., 1982.— Ч. 1.— С. 99, 101, 102; *Преображенский А. А.* Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России (по поводу книги Р. Г. Скрынникова «Сибирская экспедиция Ермака») // История СССР.— 1984 — № 1.— С. 105, 117; *Корецкий В. И.* «Ермаковы казаки» в Москве и Новый летописец // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем.— Новосибирск, 1981.— Вып. 1.— С. 11, 13; *ПСРЛ.*— Т. 36.— С. 132.

[35] *Преображенский А. А.* Некоторые итоги и спорные вопросы... — С. 103

[36] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 448, л. 212, 213, 240, 242.

[37] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири... — С. 84.

[38] *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. Воеводская власть и земские миры.— Новосибирск, 1989. — С. 182.

[39] *Бахрушин С. В.* Научные труды... Т. 3, ч. 1.— С. 163, 164 и след.; *Апполова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья... — С. 77.

[40] *Апполова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья... — С. 76.

[41] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 16, л. 386; стб, 55, л. 22—26; 31—34, 57—60; стб. 59, л. 36—38, 54, 55; стб. 61, л. 254, 481; стб. 220, л. 211—217; стб. 447, ч. I, л. 74, 147, 158; стб. 557, л. 198—201, 213—224, 228, 401—404,

408, 473—476, 481, 488—489; стб. 575, л. 241—247, 251—259; стб. 812, л. 4, 20—25, 36, 98, 104, 107, 112, 113, 119, 180, 212, 274—282, 327—329, 335, 364; стб. 905, л. 104, 118; кн. 527, л. 332—332 об.; кн. 899, л. 1—17.

[42] Там же, стб. 1035, ч. II, л. 392—396.

[43] Там же, стб. 16, л. 69, 487, 488.

[44] Там же, л. 344—349.

[45] Там же, стб. 222, л. 266, 268.

[46] Там же, стб. 6, л. 280—282.

[47] Там же, л. 165, 167.

[48] Там же, стб. 16, л. 412.

[49] Там же, стб. 656, л. 146.

[50] Там же, л. 381—386.

[51] Там же, стб. 37, л. 224, 346, 354—357; стб. 60, л. 509, 519; стб. 61, л. 1, 13, 28, 35, 224, 365—478. Н. И. Никитин, ссылаясь на приведенные К. Б. Газенвинкелем данные разрядных книг, пишет, что весь этот перевод затронул «примерно 1000 ратных людей». Именно этот источник пополнения западно-сибирских гарнизонов он считает основным для первой половины XVII в. (*Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири... С. 30).

[52] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 37, л. 328—338; стб. 49, л. 10, 11; стб. 59, л. 227—228, 236—249; стб. 97, л. 82—86.

[53] Там же, стб. 59, л. 122—129; стб. 83, л. 543—551; стб. 97, л. 284—289, 323, 402—406; стб. 126, л. 33—37; стб. 206, л. 126—127, 419—424, 446—467; стб. 380, л. 11.

[54] Там же, стб. 55, л. 180, 181, 373—377; стб. 731, л. 227, 230.

[55] *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века.— М.; Л.— 1947.— Т. 1.— С. 476—481.

[56] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 97, л. 323; стб. 114, л. 33, 34, 199—228; стб. 132, л. 104—106.

[57] Там же, стб. 380, л. 11.

[58] Там же, стб. 575, л. 36—39; стб. 577, л. 445—447; стб. 683, л. 4—8; *Бахрушин С. В.* Научные труды.— М., 1959.— Т. IV.— С. 63, 64. Некоторые из представителей украинской старшины, нарушившие присягу о подданстве, находились в ссылке в особых условиях и под надзором сибирских воевод («братья» гетмана И. Выговского — полковники Василий, Юшка, Илья Выговские, сосланные в 1659 г. в Якутск). Гетман Демьян Многогрешный с сыновьями, сосланный в Иркутск, и его брат Василий Многогрешный, сосланный в Красноярск, были зачислены в воинскую службу и активно участвовали в боевых действиях против кочевников (*ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1199, кн. 1023).

[59] *ЦГАДА*, Верхотурская приказная изба (ф. 1111), оп. 2, стб. 201, л. 4—6; стб. 202, л. 26, 27, 50, 51; стб. 214, л. 9, 10, 12, 21, 22.

[60] Там же, ф. 214, стб. 37, л. 399; стб. 146, л. 141—148.

[61] Там же, стб. 296, л. 117—119; *Бахрушин С. В.* Научные труды.— М., 1955.— Т. III, ч. 1.— С. 172, 173.

[62] *Никитин Н. И.* Служилые люди Западной Сибири... — С. 67—71.

[63] *Апполова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья...— С. 74.

[64] *Бахрушин С. В.* Научные труды.— М., 1959.— Т. IV.— С. 18, 19; *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 160, л. 355, 373—375, 464.

[65] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 49, л. 10, 11.

[66] Там же, стб. 83, л. 482; стб. 90, л. 541—568; стб. 113, л. 107—109, 206; стб. 123, л. 8—10, стб. 656, л. 116—118; ф. 1111, оп. 1, стб. 17, л. 44, 45.

[67] Там же, ф. 214, стб. 65, л. 144—146.

[68] Там же, стб. 132, л. 177—181; стб. 385, л. 22; стб. 474, л. 109—126.

[69] Там же, стб. 1317, л. 103—105, 317—319; ф. 1111. оп. 2, стб. 117, л. 30, 31.

[70] *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг.... — С. 99, 180—182; *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири... — С. 64. О зачислении на службу туринских посадских мы упомянем ниже, в гл. IV.

[71] *Леонтьева Г. А.* Хозяйственные занятия служилых людей Восточной Сибири в XVII — первой четверти XVIII в. // Аграрный строй в феодальной России. XV — начало XVIII в.— М., 1976.— С. 174.

[72] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 136, л. 193—205.

[73] *Корецкий В. И.* «Ермаковы казаки» в Москве и Новый летописец // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем.— Новосибирск, 1981.— Вып. 1.— С. 11—14; *Дергачева-Скоп Е. И.* Краткие повести о походе Ермака в Сибирь в составе общерусских летописных сводов // Там же.— С. 16—18.

[74] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 5, л. 116—119, 121, 140—142; стб. 16, л. 377, 378; стб. 46, л. 166, 262, 268, 325 и др.

[75] Там же, стб. 246, л. 62—64; стб. 474, л. 111.

[76] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири... — С. 66—67, 72—81. Автор приводит интересный статистический материал «разборов», свидетельствующий как о значительных успехах во второй половине XVII в. принципа сословной замкнутости служилых, так и об отступлениях от этого принципа даже в конце XVII в.

[77] *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. IV.— С. 63.

[78] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1052, л. 78, 79.

[79] Там же, стб. 913, л. 302, 303; кн. 795, л. 299.

[80] Там же, стб. 315, л. 8.

[81] Там же, кн. 70, л. 105 об.; стб. 98, л. 95.

[82] Подробнее об этом см.: *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири... — С. 37—42.

[83] *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 847, л. 27—50; кн. 605, л. 217, 218.

[84] Там же, стб. 241, л. 9, 22, 29, 36а; стб. 60, л. 477—483; стб. 368, л. 75—79, 151—159, 407; кн. 528, л. 90 об.— 91об.; *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири... — С. 43—45.

[85] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 89, л. 670.

[86] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири... — С. 47.

[87] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 76, л. 165, 187.

[88] Там же, стб. 1460, л. 38.

[89] Там же, стб. 747, л. 200—204.

[90] *Никитин Н. И.* Служилые люди Западной Сибири... — С. 48.

[91] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 12, л. 69 об., 88—90, 92, 177—179.

[92] Там же, стб. 16, л. 70—73, 389—391, 487, 488.

[93] Там же, стб. 211, л. 127—129.

[94] Там же, стб. 88, л. 616, 619.

[95] Там же, стб. 113, л. 153, 156; стб. 222, л. 414—421.

[96] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири... — С. 48.

[97] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 250, л. 404—406.

[98] Там же, стб. 259, л. 299, 300.

[99] Там же, стб. 296, л. 385, 386.

[100] Там же, стб. 123, л. 301—304 а.

[101] Там же, стб. 14, л. 47—52, 97—98; *РИБ.*— Т. 8.— № 25.— Стб. 445—449; № 43.— Стб. 514—516.

[102] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 14, л. 97 об.

[103] Там же, стб. 159, л. 260—262; стб. 271, л. 142; стб. 113, л. 193. Подобное самовольство проявили и тобольские казаки, ограбившие в 1620-х гг. на пути в Енисейск торговый караван (там же, стб. 12, л. 558—562).

[104] Там же, стб. 113, л. 188, 189, 193.

[105] Там же, стб. 747, л. 310—322.

[106] *Миллер Г. Ф.* История Сибири.— М.; Л., 1937.— Т. I.— С. 436—441; М.; Л., 1946.— Т. II.— С. 370.

[107] *Миллер Г. Ф.* История Сибири.— Т. I.— С. 452—454.

[108] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 40, л. 33—37.

[109] *Миллер Г. Ф.* История Сибири.— Т. II.— С. 347—349, 354, 355.

[110] *РИБ.*— Т. 8.— № 46.— Стб. 522—527; № 3.— Стб. 335—342; № 10.— Стб. 376—378.

[111] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 896.

[112] *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в.— М., 1964.— С. 30.

[113] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 53, л. 458—489.

[114] Там же, стб. 161, л. 474—477; стб. 380, л. 67, 68.
[115] Там же, стб. 896.
[116] Там же, стб. 1052, л. 2—4.
[117] Там же, Преображенский приказ (ф. 371), оп. 1, ч. 1, № 1869, л. 7 об.— 9 об.
[118] Там же, ф. 214, стб. 160, л. 427—435; стб. 241, л. 15, 22, 29, 36 а—в, 43, 69—72; стб. 368, л. 126, 127, 141, 142, 407.
[119] Там же, стб. 246, л. 194, 195, 199, 200; стб. 368, л. 151—159, 181, 183, 184.
[120] Там же, стб. 40, л. 109.
[121] *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII—XVIII вв.— Новосибирск, 1980.— С. 83, 84.
[122] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 84, л. 12, 23—38, 158—161, 218, 221, 297—305; стб. 357, л. 4; *Резун Д. Я.* Русские в Среднем Причулымье в XVII—XIX вв.— Новосибирск, 1984.— С. 59—68.
[123] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 84, л. 297—305.
[124] Там же, стб. 1199, л. 46—66.
[125] Там же, стб. 40, л. 120, 182—186, 260—262; стб. 90, л. 535—568; стб. 91, л. 32—35, 123—127; стб. 112, л. 81—84; стб. 132, л. 56—58; стб. 302, л. 20—21; стб. 1052, л. 319; *Миллер Г. Ф.* История Сибири.— Т. I.— С. 447—449.
[126] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 246, л. 13—16; стб. 186, л. 91—99; стб. 296, л. 126—130.
[127] Там же, стб. 222, л. 151—157; стб. 250, л. 425—427, 432, 433.
[128] Там же, стб. 1199, л. 108, 109.
[129] *Шунков В. И.* Вопросы аграрной истории России.— М., 1974.— С. 26.
[130] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири... — С. 29.
[131] *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. IV.— С. 69—70; *Александров В. А.* Русское население Сибири... — С. 47; *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 90, л. 535—540.
[132] *Вилков О. Н.* Тобольские таможенные книги XVII в. // Города Сибири.— Новосибирск, 1978.— С. 17, 18.
[133] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 189, л. 144.
[134] Там же, стб. 656, л. 381; стб. 1052, л. 155.
[135] Там же, стб. 12, л. 558—562.
[136] Там же, стб. 259, л. 44, 45.
[137] Там же, стб. 1052, л. 154.
[138] Там же, стб. 75, л. 468—472.
[139] Там же, кн. 1, л. 112—113.
[140] Там же, стб. 46, л. 262, 268, 325.
[141] Там же, стб. 258, л. 87—90.
[142] Там же, ф. 1111, оп. 1, стб. 147, л. 36, 37.
[143] Там же, ф. 214, стб. 474, л. 1—7, 109—126.
[144] Там же, стб. 296, л. 278—284, 367, 368; стб. 377, л. 272—275.
[145] Там же, стб. 317, л. 90—103.
[146] *Александров В. А.* Народные восстания в Восточной Сибири в XVII в. // ИЗ.— М., 1957.—Т. 59.— С.272.
[147] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1035, л. 232, 233.
[148] Там же, стб. 113, л. 3—11, 19.
[149] Там же, стб. 246, л. 221—225.
[150] *Бахрушин С. В.* Научные труды.— М., 1955.— Т. III, ч. 1.— С. 291 и след.
[151] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 218, л. 52 и др.
[152] Там же, стб. 462, л. 33.
[153] Там же, стб. 1035, л. 497—501.
[154] *Александров В. А.* К вопросу о происхождении сословий государственных крестьян // ВИ.— 1950.— № 10.— С. 86—95. См. также: *Никитин Н. И.* К вопросу о социальной природе приборного войска // История СССР.— 1990.— № 2.— С. 44—59.

Глава III

1 *Бахрушин С. В.* Научные труды.— М., 1959.— Т. IV.— С. 165.
2 *История* Сибири.— Л., 1968.— Т. 2.— С. 125.
3 Обобщающие данные о составе воевод получены на основании подсчетов по справочному изданию: *Барсуков А.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия.— Спб., 1902.
4 *ПСЗ.*— III.— № 1526.— С. 215.
5 *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в.— М., 1986.— С. 246, 247; *Барсуков А.* Списки городовых воевод... — С 235.
6 *Бахрушин С. В.* Научные труды.— М., 1955.— Т. III, ч. 1.— С. 267.
7 *Барсуков А.* Списки городовых воевод... — С. 42; *ПСРЛ.*— М., 1987.—Т. 36.— С. 157.
8 *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. III, ч. 1.— С. 252—296.
9 См.: *История* Сибири.— Т. 2.— С. 127.
10 *Барсуков А.* Списки городовых воевод... — С. 236.
11 *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения России в XVII веке.— М., 1856.— С. 84.
12 *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права.— Спб.— Киев, 1907.— С. 204, 205.
13 *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири в конце XVI—XVII вв.: Дис.... канд. ист. наук.— М., 1988.— Гл. I, § 2.
14 *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. IV.— С. 161; *Барсуков А.* Списки городовых воевод... — С. 445; *ЦГАДА*, Сибирский приказ (ф. 214), стб. 89, л. 233.
15 *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. IV.— С. 161; *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 89, л. 212.
16 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 275, л. 314, 315, 319, 320 а.
17 Там же, стб. 89, л. 66.
18 *Александров В. А.* Русское население Сибири в XVII — начале XVIII в.— М., 1964.— С. 31; *Барсуков А.* Списки городовых воевод...— С. 43.
19 *Александров В. А.* Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) // ВИ.— 1973.— № 8.— С. 39—59.
20 *Барсуков А.* Списки городовых воевод...— С. 236, 242.
21 Там же.— С. 228, 229.
22 Там же.— С. 43.
23 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 89, л. 66—68;
24 *Барсуков А.* Списки городовых воевод...— С. 255.
25 Там же.— С. 119.
26 Там же.— С. 146.
27 Там же.— С. 133; *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768).— М.,— 1895.— Ч. I.— 21, 22.
28 *Барсуков А.* Списки городовых воевод... — С. 282, 283.
29 Там же.— С. 283.
30 *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 795, л. 270.
31 *Оглоблин Н. Н.* Обозрение...— М., 1901.— Ч. IV.— С. 42. Есть мнение, что назначение родственников во главе управления центральных органов — судных приказов — преследовало цель избежать местнических споров.— См.: *Демидова Н. Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.).— М., 1964.— С. 212.
32 *Оглоблин Н. Н.* Обозрение...— Ч. IV.— С. 42.
33 *Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.).— Хабаровск, 1984.— С. 129.
34 *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 1370, л. 264 об.
35 *Барсуков А.* Списки городовых воевод... — С. 495.
36 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 5, л. 150; стб. 16, л. 12—14.
37 Там же, стб. 81, л. 316—318.

[38] Там же, стб. 211, 121.
[39] *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма.— М., 1987.— С. 71—75; *Резун Д. Я.* Очерки истории изучения сибирских городов конца XVI — первой половины XVIII в.— Новосибирск, 1982.— С. 30.
[40] *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. IV.— С. 166.
[41] *Оглоблин Н. Н.* Обозрение... Ч. IV.— С. 32.
[42] *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения России...— С. 77.
[43] Там же.— С. 81.
[44] *Вершинин Е. В.* Воеводское управление... Гл. II, § 1.
[45] *Александров В. А.* Особенности феодального порядка в Сибири...— С. 39—59.
[46] *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 6, л. 138 об.— 140.
[47] *Александров В. А.* Русское население Сибири...— С. 224. 225.
[48] Там же, с. 227, 228; *Павлов П. Н.* Промысловая колонизация Сибири в XVII в.— Красноярск, 1974.— С. 36, 51.
[49] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 75, л. 167—173, 179—185.
[50] Там же, стб. 89, л. 642, 657, 663, 664 (наказ илимскому воеводе Б. Д. Оладьину).
[51] Обзор правительственной политики в XVII в. по запрещению насильственного крещения сибирских народов см.: *Огризко И. И.* Христианизация народов Тобольского Севера (XVIII в.) — Л., 1941.— С. 7—15.
[52] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 89, л. 670.
[53] Там же, л. 557, 558.
[54] Там же, л. 569, 657.
[55] Там же, стб. 43, л. 2—6, 15—19, 39, 50, 52, 59—65, 501, 641, 646; стб. 275, л. 286.
[56] Там же, стб. 153, л. 457—465.
[57] Там же, Верхотурская приказная изба (ф. 1111), оп. 1, стб. 137, л. 484—486.
[58] *История* Сибири.— Т. 2.— С. 133.
[59] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 251, л. 542—558; стб. 930, л. 15, 19, 20; *История* Сибири.— Т. 2.— С. 133.
[60] *Оглоблин Н. Н.* Обозрение...— Ч. IV.— С. 21.
[61] *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. IV.— С. 164, 165.
[62] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1363, л. 384, 441.
[63] Там же, стб. 302, л. 42, 43.
[64] *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. III, ч. 1.— С. 313.
[65] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 259, л. 260—266.
[66] Там же, стб. 296, л. 335, 336.
[67] Там же, стб. 1142, л. 48—54, 79—95, 101.
[68] Там же, стб. 259, л. 48—50.
[69] Там же, стб. 307, л. 141—143.
[70] Там же, стб. 908, л. 22, 34—46.
[71] Там же, стб. 635, л. 1—5, 78—81, 126—129.
[72] *Оглоблин Н. Н.* Обозрение... — Ч. III; *ЧОИДР.*— 1900.— № 3.— С. 122, 123; *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1052, л. 238, 239.
[73] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1142, л. 2, 3.
[74] *ПСРЛ.*— М., 1987.— Т. 36.—С. 158.
[75] Там же.— С. 203, 269.
[76] *Резун Д. Я.* Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века.— Новосибирск, 1982.— С. 164, 168.
[77] *Барсуков А.* Списки городовых воевод... С. 229.
[78] *Александров В. А.* Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // ИЗ.— М., 1957.— Т. 59.— С. 264; *История* Сибири.— Т. 2.— С. 139; *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма.— Новосибирск, 1982.— С. 151.
[79] *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в.— М., 1972.— С. 350.
[80] Там же.— С. 351, 352.
[81] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 16, л. 282—293.
[82] Там же, стб. 220, л. 51—53.

[83] *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. III, ч. 1.— С. 179—183, 316—323.

[84] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 76, л. 452, 455, 458—468, 131, 132, 139, 145, 148—154, 217, 218, 364, 234, 235, 240—247, 288—290; стб. 186, л. 91—99. Подробнее об этих столкновениях см. в главе V.

[85] *Якутия* в XVII в.: Очерки.— Якутск, 1953.— С. 297.

[86] *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. III, ч. 1.— С. 317, 321.

[87] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 656, л. 3—21.

[88] Там же, стб. 121, л. 55, 61, 118, 199; стб. 211, л. 1—137; стб. 222, л. 3—13, 16, 282, 288.

[89] Там же, стб. 896, л. 43—55.

[90] Там же, стб. 317, л. 51—53, 110, 111, 128—131.

[91] Там же, стб. 317, л. 108—125.

[92] Там же, стб. 60, л. 528—532. С. Кляпиков рассказывал, как подручные тобольского воеводы П. И. Пронского воровали казенное вино «скляницами и туясами». См.: Там же, стб. 211, л. 68, 66, 16.

[93] Там же, стб. 302, л. 29—31.

[94] Там же, стб. 928, л. 1—15.

[95] Там же, стб. 1102, л. 1, 2, 11—15.

[96] Там же, стб. 335, л. 50, 51.

[97] Там же, стб. 1053, л. 150, 181 и др.; кн. 1225, л. 346 об; стб. 1283, ч. 1, л. 59, 61, 67, 69 и др.

[98] *Оглоблин Н.* Обозрение... — Ч. III.— С. 332; *Огородников Вл.* Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVIII вв. // Сб. трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркутского ун-та.— Иркутск, 1921.— Науки гуманитарные, вып. 1.— С. 90, 91.

[99] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 582, л. 31.

[100] Там же, стб. 579.

[101] Там же, стб. 579, л. 4—6.

[102] *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. III, ч. 1.— С. 248, 250.

[103] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 579, л. 9—12, 25, 43, 44.

[104] Там же, стб. 579, л. 14—16.

[105] Там же, л. 21, 22.

[106] Там же, л. 6—8, 22, 23, 28—30.

[107] Там же, стб. 579, л. 8—9, 17—20.

[108] Там же, л. 20, 21.

[109] Там же, л. 49, 52.

[110] Там же, стб. 582, л. 30, 34; стб. 1182, л. 127, 128; стб. 1035, ч. 1, л. 45—48; *Оглоблин Н.* Обозрение... — Ч. III.— С. 182.

[111] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1283, ч. 1, л. 7, 50, 55, 62, 64, 66, 71, 151; кн. 1225, л. 345 об.

[112] Там же, стб. 1053, л. 11, 12, 21, 79, 80, 93, 94, 203—206, 211—215, 218—225 и др.; стб. 1320, л. 40—42.

[113] Там же, стб. 1283, ч. II, л. 368, 371—378, 379; стб. 1292, л. 55, 135—137, 219—241, 259, 260, 352, 353.

[114] *Ермолаев И. П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII в.— Казань, 1982.

Глава IV

[1] Удачным опытом использования обширных данных окладных книг денежного, соляного и хлебного жалованья как источника по истории организации повседневного снабжения служилых Западной Сибири является монография Н. И. Никитина «Служилые люди в Западной Сибири XVII века» (Новосибирск, 1988.— С. 103—130).

[2] *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв.— Новосибирск, 1973.— С. 148—224.

[3] *Власова И. В.* Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII—XVIII вв.— М., 1984.— С. 106—107; *Миллер Г. Ф.* История Сибири.— М.; Л., 1941.— Т. II.— С. 310—311.

[4] *Александров В. А.* Особенности феодального порядка в Сибири в XVII в. // ВИ.— 1973.— № 8.— С. 42.

[5] *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век).— М., 1955.— С. 263.

[6] *Власова И. В.* Традиции крестьянского землепользования...— С. 120—121.

[7] *ЦГАДА*, Сибирский приказ (ф. 214), стб. 302, л. 71—74; стб. 299, л. 335; стб. 896, л. 793 об.

[8] *РИБ.*— Спб., 1875.— Т. 2.— № 149, 1.— стб. 506—508.

[9] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 14, л. 3—19; *РИБ.*— Спб., 1884.— Т. 8.— № 14.— Стб. 388—400.

[10] *Миллер Г. Ф.* История Сибири.— Т. II.— № 174.— С. 273.

[11] *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля в Западной Сибири в XVII в.— М., 1967.— С. 170, 220; *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири...— С. 296—298.

[12] *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. Воеводская власть и земские миры.— Новосибирск, 1989.— С. 107—108; *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 896, л. 45, 50; стб. 469, л. 219—222.

[13] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 307, л. 380—382.

[14] Там же, стб. 296, л. 23—24; 28—30.

[15] *РИБ.*— Т. 8.— № 76.— Стб. 627—629.

[16] *Миллер Г. Ф.* История Сибири.— Т. II.— С. 310—311.

[17] *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири...— С. 295—296.

[18] *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг...— С. 107—108.

[19] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 381, л. 771. В Москве решили оставить вопрос на усмотрение самих сибиряков, так как «то дело городовое, тамошнее» (л. 765 об.).

[20] *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в.— М., 1964.— С. 82.

[21] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 107, л. 1—239.

[22] Там же, л. 172—174.

[23] Там же, л. 163—164.

[24] Там же, л. 125—126.

[25] Там же, л. 13, 14, 18.

[26] Там же, л. 73.

[27] Там же, л. 19—20.

[28] Там же, л. 59—72.

[29] Там же, л. 211, 214, 222—236. Н. И. Никитин убедительно доказал, что для служилых людей подобные неоднократные запреты привели к реальным успехам в деле замыкания сословия лишь в конце XVII в., хотя и тогда это замыкание было далеко не полным. См.: *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири...— С. 76—77.

[30] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири...— С. 141—193.

[31] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 469, л. 223, 279.

[32] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири...— С.67.

[33] *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ...— С. 180—182.

[34] В принципе любое служебное продвижение, начиная с самого верстания в служилые, требовало государственного указа, но десятские мало чем отличались по своему положению от рядовых и их назначение не контролировалось Москвой сколько-нибудь жестко.

[35] *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР.— 1986.— № 1.— С. 54—55.

[36] *Оглоблин Н.Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. (1592—1768).— М., 1895.— Ч. I.— С. 114—115; Ч. III.— С. 115—117; *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири...— С. 48, 211.

[37] *РИБ.*— Т. 8.— № 25.— Стб. 445—449; № 43.— Стб. 514—516; Т. 2.— № 154.— Стб. 531—533.

[38] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири... — С. 48, 211—212.

[39] *Покровский Н. Н.* Сибирские материалы XVII—XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма.— Новосибирск, 1988.— С. 35—46.

[40] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 211, л. 89, 38, 135—134.

[41] Для преобладающей роли служилых в тобольском общесословном мире характерно, что в конце этого списка Кляпиков называет и имена двух посадских, а в другом месте сообщает об участии в кругах крестьян и сибирских аборигенов.

[42] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 211, л. 129—128.

[43] *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 179.

[44] Яркий пример тому — впечатляющий перечень заслуг перед Россией тюменского конного казака Гаврилы Иванова, который «служил... на поле двадцать лет у Ермака в станице и с иными атаманы, и как с Ермаком Сибирь взяли и Кучюма царя с куреня сбили»; позднее он участвовал в создании укреплений Томска, Тюмени, Кузнецка, Тобольска, Пелыма. Этот послужной список с сохранением казачьей лексики приведен в царской грамоте 1623 г. о назначении сподвижника Ермака атаманом тюменских конных казаков.— РИБ.— Т. 8.— № 130.— Стб. 400—402.

[45] Там же.— Т. 2.— № 154.— Стб. 531—533.

[46] *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 171.

[47] *РИБ.*— Т. 8.— Стб. 539—541.

[48] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири...— С. 122—123.

[49] Там же.— С. 98.

[50] Там же.— С. 99.

[51] *РИБ.*— Т. 8.— № 50.— Стб. 78—79; № 254.— Стб. 1057, 1077; *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 161—163.

[52] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири... — С. 100; *Миллер Г. Ф.* История Сибири.— Т. 1.— № 94.— С. 451.

[53] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 186, л. 133, 136.

[54] Там же, стб. 307, л. 153—165.

[55] *РИБ.*— Т. 8.— № 3.— Стб. 338—343; № 10.— Стб. 376—378; № 18.— Стб. 419—423. Отметим также, что царские грамоты 1616—1624 гг. тобольским воеводам, посвященные острой проблеме защиты «мангазейского морского хода» от возможного вторжения иностранцев, постоянно указывают воеводам на необходимость консультаций с компетентными служилыми людьми о путях осуществления такой защиты.— *РИБ.*— Т. 2.— № 254.— Стб. 1049—1095.

[56] Там же.— Т. 8.— № 46.— Стб. 522—527.

[57] *ДАИ.*— Спб., 1851.— Т. 4.— С. 152—153.

[58] *Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.).— Хабаровск, 1984.— С. 13—14.

[59] *РИБ.*— Т. 2.— № 213.— Стб. 960—972.

[60] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 896, л. 66; стб. 469, л. 219—222.

[61] Там же, стб. 307, л. 153—165.

[62] Там же, л. 281—291.

[63] *РИБ.*— Т. 8.— № 4.— Стб. 343—344.

[64] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 307, л. 396—397.

[65] *РИБ.*— Т. 8.— № 76.— Стб. 627—629.

[66] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 307, л. 577—578, 592—601.

[67] *Бахрушин С. В.* Научные труды.— М., 1959.— Т. IV.— С. 69—70.

[68] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 259, л. 567—607.

[69] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.— М., 1918.— Т. II.— С. 26—32.

[70] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 896, л. 47об., 44об., 57, 59, 58.

[71] Там же, стб. 296, л. 345—346.

[72] Там же, оп. 1, кн. 1372, л. 939—940 об.

[73] *Шорохов Л. П.* Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII—XVIII вв. (Развитие

феодальных отношений и их особенности).— Красноярск, 1983.— С. 26—27.

74 *ДАИ*.— Т. IV.— № 125.

75 *Макарчева Е. Б.* Церковная организация в Сибири во второй половине XVII в.: Дипломная работа.— Новосибирск, 1986.— С. 29.

76 Там же.— С. 29—30.

77 Там же.— С. 28; *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 364.

78 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 259, л. 47—50.

79 Там же, стб. 296, л. 345—346.

80 Там же, стб. 1050, л. 392.

81 Там же, оп. 1, кн. 1310, л. 80; кн. 1350, л. 98 об.—100 об.

82 *РИБ*.— Т. 8.— № 48.— Стб. 529—530.

83 *Шорохов Л. П.* Корпоративно-вотчинное землевладение... — С. 18.

84 *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 6, л. 166—170 об.; 170 об.— 176 об.

85 *РИБ*.— Т. 2.— № 72.— Стб. 158—159.

Глава V

1 *Покровский Н.Н.* Сибирские материалы XVII—XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма.— Новосибирск, 1988.— С. 24—26.

2 *Покровский Н. Н.* Неизвестный документ о волнении усть-ницынских крестьян в XVII в. // Сибирское источниковедение и археография.— Новосибирск, 1980.— С. 180—181.

3 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 474.

4 Там же, стб. 12, л. 36—42.

5 Там же, л. 36—42.

6 Там же, стб. 186, л. 68.

7 Там же.

8 Там же, л. 81, 80.

9 Там же, стб. 76, л. 651—653 и др.

10 Там же, стб. 186, л. 80.

11 Там же, л. 80, 79, 78, 77.

12 Там же, л. 80, 79.

13 Подтверждение его духовенством города см.: Там же, стб. 186, л. 83.

14 Там же, л. 77.

15 Там же, стб. 76, л. 651. См. также л. 636.

16 Там же, стб. 186, л. 80, 79.

17 Там же, л. 76.

18 *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1982.— С. 294—295 (текст Н. А. Миненко).

19 Об общинном единстве при составлении челобитных см.: *Громыко М. М.* Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII—XIX вв. // Русские: семейный и общественный быт.— М., 1989.— С. 7.

20 *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века.— Воронеж, 1975; *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России в XVII в.— М., 1969; *Покровский Н. Н.* Томск, 1648—1649 гг. Воеводская власть и земские миры.— Новосибирск, 1989.

21 *Чистякова Е. В.* Городские восстания... — С. 217; *Покровский Н. Н.* Томск 1648—1649 гг. ... — С. 109.

22 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 896, л. 48, 52.

23 Там же, стб. 469, л. 51.

24 Там же, л. 52.

25 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 36—39, 87—89, 122—124.

26 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 299, л. 318—338; стб. 896, л. 442—482.

27 Там же, стб. 469, л. 203—202; 204—205.

[28] *Сибирские* летописи. Часть 1. Группа Есиповской летописи // ПСРЛ.— М., 1987.— Т. 36.— С. 158. См. об этих событиях: *Курилов В. Н.* Волнения в Тюмени в 1654 г. // Изв. СО АН СССР.— Сер. обществ. наук.— 1973.— № 11, вып. 3.— С. 99—104.

[29] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 474, 448.

[30] Там же, стб. 474, л. 1, 27—30.

[31] Там же, л. 4, 113.

[32] Упоминаемые Н. И. Елдезиным лица известны как тюменские администраторы: кн. Ф. С. Коркодинов — в 1615—1618 гг., кн. И. А. Львов — в 1635—1636 гг., И. Г. Бобрищев-Пушкин — в 1643—1646 гг., С. А. Чоглоков — в 1648—1649 гг., И. Ю. Тургенев — в 1647—1649 гг., Г. Жданов — в 1650—1654 гг., Б. И. Нащокин был тобольским воеводой в 1609—1610 гг.

[33] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 474, л. 111—112; см. также л. 15.

[34] Там же, л. 17—20.

[35] Там же, л. 8—10, 13—15.

[36] Там же, л. 17—20.

[37] Там же, л. 25.

[38] *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в.— Спб., 1898.— С. XXXV—XXXVI; *Пихоя Р. Г.* Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII вв.).— Свердловск, 1987.— С. 42—45.

[39] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 474, л. 55.

[40] Там же, л. 35—40, 58, 74—80, 63.

[41] Там же, стб. 462, л. 33.

[42] Там же, стб. 474, л. 105—108, 120—121; 21—32.

[43] Там же, стб. 448, л. 217—231; 212, 213, 240—242.

[44] Там же, стб. 479, л. 64—71.

[45] Там же, л. 66.

[46] Там же, л. 127—130; 133—135.

[47] Там же, л. 136—140, 1—43.

[48] Там же, л. 47.

[49] Там же, л. 127. В начальной формуле «обидной росписи» указаны также ясачные — л. 136.

[50] Там же, л. 127 об., 128 об., 129 об.

[51] Там же, стб. 794, л. 3.

[52] Там же, л. 4.

[53] Там же, л. 5.

[54] *Покровский Н. Н.* Сибирское дело о десятильниках // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода.— Новосибирск, 1986.— С. 146—189.

[55] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 794, л. 6.

[56] Там же, л. 8

[57] Там же, л. 37.

[58] Там же, л. 9—15.

[59] Там же, л. 159—160.

[60] Там же, кн. 6, л. 128—132; стб. 186, л. 159—97; стб. 128, л. 5; стб. 896, л. 67; 53, 50; 38; 23, 24, 26, 33. Вот, например, общее обвинение 1654 г. против тюменского воеводы Н. И. Елдезина: «И он, Микифор Елдезин, нас, холопей и сорот твоих, всяких чинов людей бьет и увечит баготи насмерть безвинно и без сыску, запершися в приказе, и в тюрму сажает, а в тюрме держит недели по две и по три и по четыре, изгоняет и обидит напрасно для своей бездельной корысти, чтоб на ком что мошно вымучить» (стб. 474, л. 17).

[61] *Покровский Н. Н.* Сибирские материалы XVII—XVIII вв. ... — С. 29—35.

[62] *Резун Д. Я.* Русские в Среднем Причулымье в XVII—XIX вв.— Новосибирск, 1984.— С. 59—68.

[63] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 357, л. 4.

[64] Там же, стб. 186, л. 131—135; стб. 76, л. 113, 117.

[65] Там же, стб. 186, л. 133—143; Ср. у Н. И. Никитина: «При разборе злоупотреблений воевод и "начальних людей" жалобы служилых на "посылки" "не в очередь" являлись одними из самых распространен-

ных».— *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века.— Новосибирск, 1988.— С. 99.

66 *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 6, л. 128—128 об.

67 Там же, стб. 474, л. 52, 65.

68 Там же, стб. 474, л. 17. О частых смотрах «в страдное время» для пеших и конных казаков с последующим вымоганием взяток с «нетчиков» см.: Там же, л. 144, 147.

69 Там же, стб. 794, л.156, 147.

70 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 308—309.

71 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 186, л. 125—126; стб. 76, л. 633—634.

72 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 182.

73 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 259, л. 299—300.

74 *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири... — С. 115.

75 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 171, 176. (Ср.: *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири... — С. 125.)

76 Там же.— С. 128.

77 *ЦГАДА*, ф. 214 стб. 794, л. 144, 147, 154—155. В 1648 г. томские служилые сообщали в своей челобитной, что воевода князь О. И. Щербатый недодал жалованье казакам, отправляемым на службу в Красноярск (в случае долгих «посылок» жалованье должны были давать не только сполна, но и вперед).— Там же, стб. 896, л. 63—67.

78 Там же, л. 156.

79 *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири... — С. 103—126.

80 *ЦГАДА*, ф. 214. стб. 794, л. 143—144, 146—147, 154—155.

81 Там же, стб. 186, л. 99; стб. 76, л. 631.

82 *Покровский Н. Н.* Сибирские материалы XVII—XVIII вв. ... — С. 45—46.

83 *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды.— М., 1955.— Т. III.— С. 265—296.

84 Там же.— С. 272; *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 54, л. 7; *РИБ*.— Т. 8.— № 11 (LXIII).— Стб. 572—576.

85 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 34, л. 1—6, 107, 110.

86 Там же, стб. 805, л. 143, 144.

87 *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда... — С. 291.

88 Там же.— С. 295.

89 *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда... — С. 268—273.

90 *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 6, л. 129об.— 131, 132 об.

91 Там же, л. 131—132.

92 Там же, стб. 34, л. 7—10.

93 Там же, л. 1—3.

94 Там же, л. 3—5.

95 Там же, л. 1 об.

96 Там же, л. 88—91.

97 Там же, л. 126. См. также л. 9.

98 *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда...— С. 269.

99 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 34, л. 48—49.

100 Там же, л. 49—51.

101 Там же, стб. 186, л. 91; стб. 76, л. 643, 660.

102 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 99—100, 105—106, 111—112.

103 Там же.— С. 104. В 1640 г. тюменские крестьяне успешно протестовали против увеличения размера сажени.— *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников.— Харьков, 1889.— С. 261. С. В. Бахрушин сообщал, что при П. И. Годунове в тобольской казне хранились две образцовые сажени, железные, заорленые: мерой в 3 аршина с третью вершка и в 2 аршина 13 вершков без трети.— *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда... С. 282.

104 *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири... — С. 254.

105 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 105, 111.

106 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 474, л. 17—20.

107 Там же, стб. 462, л. 162.

108 Там же, стб. 794, л. 136.

109 Там же, л. 152—153.
110 Там же, л. 64—68, 145, 149.
111 *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда... — С. 282.
112 Там же.— С. 290—291.
113 Там же.— С. 285.
114 *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 6, л. 128 об.— 129 об.
115 Там же, л. 128, 133—134.
116 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 106, 112.
117 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 896, л. 40; 55; стб. 307, л. 494об.
118 Там же, стб. 794, л. 137, 149.
119 Там же, л. 18.
120 Там же, стб. 474, л. 18.
121 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 97—98.
122 Там же.— С. 113.
123 Среди многочисленных царских указов, категорически запрещавших воеводам любые способы приобретения «мягкой рухляди» и вывоза ее из Сибири, упомянем хотя бы об указе 1648 г.— *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 307, л. 188—191.
124 *Покровский Н. Н.* Сибирские материалы XVII—XVIII вв. ... — С. 30.
125 *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 6, л. 129, 123.
126 Там же, стб. 42, л. 1—744.
127 Там же, стб. 39, л. 82; стб. 128, л. 4; 89.
128 Там же, стб. 474, л. 19.
129 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 97, 116.
130 Там же.— С. 114—115.
131 Там же.— С. 116.
132 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 96, 112.
133 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 186, л. 114, 158, стб. 76, л. 656.
134 Там же, стб. 186, л. 99, 158; стб. 76, л. 631.
135 Там же, стб. 474, л. 19.
136 Там же, стб. 259, л. 44—45 об.
137 Там же, стб. 53, л. 74.
138 Там же, стб. 39, л. 88; стб. 794, л. 139; кн. 6, л. 123—126; стб. 186, л. 7; *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 98, 117.
139 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ...— С. 99.
140 *Соборное* уложение 1649 г. / Рук. авт. кол. А. Г. Маньков.— Л., 1987.— С. 21.
141 *Тихомиров М. Н., Епифанов П. П.* Соборное уложение 1649 г.— М., 1961.— С. 327.
142 *Маньков А. Г.* Уложение 1649 г.— кодекс феодального права России.— Л., 1980.— С. 260.
143 *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР.— 1986.— № 1.— С. 47—68.
144 *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России. Период феодализма.— М., 1977.— С. 9.
145 *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в.— М., 1972.— С. 350—352.
146 *Корецкий В. И.* Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI— начало XVII в.) // Русское население Поморья и Сибири.— М., 1973.— С. 54—55.
147 Многие мирские изветы на воевод по «государеву слову и делу», сообщающие об узурпации местными властями царских прерогатив, на деле относятся к вполне законным с государственной точки зрения поступкам, связанным с выполнением указов об укреплении феодального правопорядка, усилении абсолютистских черт управления.
148 В 1648 г. восставшие в Москве и Томске в одинаковых выражениях упрекали отказавшихся присоединиться к ним — они-де «государю добра не желают».
149 *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 6, л. 113; стб. 12, л. 47; стб. 39, л. 82; стб. 896, л. 87—89.

150 Сибирские примеры острого реагирования властей даже на явно «бездельные» случаи подобного «урона государевой чести» см.: *Покровский Н. Н.* Сибирские материалы XVII—XVIII вв. ... — С. 47—50.
151 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 896, л. 751.
152 Там же, стб. 805, л. 119—120.
153 Там же, стб. 12, л. 50—51.
154 Там же, стб. 186, л. 119; стб. 76, л. 632, 654.
155 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ...— С. 204—208.
156 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 811, л. 15—140.
157 Там же, стб. 896, л. 478—481.
158 *РИБ.*— Т. 2.— Стб. 183.
159 *Корецкий В. И.* Из истории заселения Сибири...— С. 54—55.
160 *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 6, л. 106об.; *ПСРЛ.*— Т. 36.— С. 143.
161 *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 6, л. 106об.— 107; *ПСРЛ.*— Т. 36.— С. 145.
162 *ПСРЛ.*— Т. 36.— С. 146; *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 6, л. 107.
163 Кроме этой «бунташности», воевода ссылался и на то, что он собирался, проведя «разбор» среди служилых, выявить среди них многих строгановских холопов и крестьян и перевести их всех на сибирскую десятинную пашню.— ЦГАДА, ф. 214, кн. 6, л. 116—116 об.
164 Там же, л. 114 об.
165 Там же, л. 132—134.
166 *ПСРЛ.*— Т. 36.— С. 148.
167 *Покровский Н. Н.* Неизвестный документ о волнениях усть-ницынских крестьян в XVII в. // Сибирское источниковедение и археография.— Новосибирск, 1980.— С. 178—184.
168 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 12, л. 23, 24.
169 Там же, л. 50—51.
170 Там же, л. 25.
171 Там же, стб. 12, л. 18—52, 61, 66, 481, 512; стб. 83, л. 832—836.
172 *Покровский Н. Н.* Сибирские материалы XVII—XVII вв. ... — С. 29—35.
173 *ЦГАДА*, ф. 214, стб, 21, л. 1—96.
174 *РИБ.*— Т. 8.— Стб. 539—541.
175 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 34, л. 1—148.
176 *ПСРЛ.*— Т. 36.— С. 151.
177 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 357.
178 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 66, л. 1—804; стб. 53, л. 11.
179 Там же, стб. 66, л. 132.
180 Там же, стб. 42, л. 1—744.
181 Там же, стб. 39, л. 82—99; стб. 36, л. 1—213.
182 Там же, стб. 74, л. 93.
183 Там же, л. 91—130.
184 Там же, стб. 186, л. 68; стб. 76, л. 578, 612.
185 Там же, стб. 76, л. 635—636.
186 Там же, стб. 186, л. 80.
187 Там же, л. 68, 135.
188 В истории Сибири известны случаи, хотя и не очень многочисленные, когда и сами воеводы, услышав на себя извет по «слову и делу», тотчас отказывались от власти до конца следствия.— *Покровский Н. Н.* Сибирские материалы по «по слову и делу государеву»... С. 53—55.
189 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 186, л. 74; стб. 76, л. 240, 244—247, 634.
190 Там же, стб. 186, л. 84, 85.
191 Там же, л. 81.
192 Там же, стб. 186, л. 2—3; стб. 76, л. 531, 575, 576.
193 Там же, л. 31—32.
194 *Оглоблин Н. Н.* Заговор «томской литвы» в 1634 г. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. — 1894.— Кн. 8.— С. 116; *Бояршинова З. Я.* Волнения в Томске в XVII в. // ВИ.— 1956.— № 6.— С. 110—112; *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII в.— Воронеж, 1975.— С. 210—214.
195 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 356—357.
196 Там же.— С. 357.
197 *Чистякова Е. В.* Городские восстания... — С. 212.

198 *Александров В. А.* Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // ИЗ.— 1957.— Т. 59.— С. 272, 273.
199 *Бояршинова З. Я.* Волнения в Томске... — С. 112; *Чистякова Е. В.* Городские восстания... — С. 213.
200 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 243.
201 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 357, л. 4; *Резун Д. Я.* Русские в Среднем Причулымье в XVII—XIX вв.— Новосибирск, 1984.— С.59—68.
202 *Александров В. А.* Народные восстания в Восточной Сибири... — С. 272, 273; *История* Сибири.— Л., 1969.— Т. 2.— С. 143; *Чистякова Е. В.* Городские восстания... — С. 230—232.
203 *Зольникова Н. Д.* «Нарымское дело» 1642—1647 гг. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири.— Новосибирск, 1982.— С. 223—232.
204 Там же.— С. 217—218.
205 Там же.— С. 218—223.
206 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 296, л. 278—284.
207 Там же, л. 367, 368.
208 *Чистяковоа Е. В.* Городские восстания... — С. 231—232.
209 *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.— М., 1955.— С. 243—244.
210 *Чистякова Е. В.* Городские восстания... — С. 229—233.
211 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 296, л. 312—313, 320.
212 Там же, стб. 327, л. 102, 103.
213 Там же, стб. 896, л. 299. Сторонники кузнецкого воеводы из «лучших людей» были в томских письмах названы поименно.
214 *Чистякова Е. В.* Городские восстания... — С. 230.
215 Там же,— С. 230—232.
216 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1561, л. 5—27.
217 Там же, л. 17, 18.
218 Там же, стб. 419, л. 17, 18, 23—41, 64.
219 Там же, л. 4—9; стб. 257, л. 241; стб. 277, л. 52, 65.
220 Там же, стб. 1561, л. 5 об., 28—36.
221 Там же, стб. 246, л. 72, 73, 116—122; стб. 249, л. 1—12, 18—20, 61—65, 122, 123, 139—141.
222 Там же, стб. 276, л. 1—34, 39—44, 48, 50—52, 84; стб. 317, л. 24—28.
223 Там же, стб. 276, л. 85, 86, 88—93.
224 Там же, л. 62, 63, 65, 67, 78, 79; стб. 277, л. 78, 79.
225 Там же, стб. 419, л. 81, 84—86; стб. 276, л. 88—93.
226 Там же, стб. 419, л. 100—102.
227 Там же, стб. 275, л. 286.
228 Там же, стб. 257, л. 1 и след.; стб. 276, л. 96—102.
229 Там же, стб. 276, л. 1—24.
230 Там же, стб. 317, л. 90—103.
231 Там же, л. 99, 100.
232 Там же, стб. 317, л. 1а, 6—21, 38—43, 51—53.
233 Там же, л. 108—125.
234 Там же, стб. 317, л. 54—57.
235 Подобным образом томские миры и «воровская приказная изба» пользовались в 1648—1649 гг. таможенной печатью вместо городовой, которая осталась у О. И. Щербатого.
236 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 317, л. 49—53.
237 Там же, л. 62—71.
238 Там же, л. 6—21.
239 Там же, л. 6—21, 135—137.
240 Там же, л. 58, 59.
241 Там же, л. 134, 137.
242 Там же, л. 86, 87, 89; Верхотурская приказная изба (ф. 1111), оп. 2, д. 57, л. 1—12.
243 *ПСРЛ.*— М., 1987.— Т. 36.— С. 155.
244 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 317, л. 72—84.
245 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1460, л. 4, 28, 29, 33.
246 Там же, стб, 237, л. 1—17, 46, 47, 64, 65, 70.

247 *ПСРЛ.*— М., 1987.— Т. 36.— С. 158.

248 *Барсуков А.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия.— Спб., 1902.— С. 254.

249 *Барсуков А.* Списки городовых воевод... — С. 254; *ПСРЛ.*— Т. 36.— С. 160, 208, 272, 328.

250 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 794, л. 1—160.

251 *ПСРЛ.*— Т. 36.— С. 165, 209, 225, 282.

252 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 12, л. 34—35.

253 Обзор этих сысков см.: *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа... — Ч. I.— С. 180—192; Ч. III.— С. 179—193.

254 *Соборное* уложение 1649 г. ... — С. 47.

255 *Покровский Н. Н.* Сибирское дело о десятильниках // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода.— Новосибирск, 1986.— С. 182—186.

256 А. Г. Маньков толкует эту статью во втором смысле, но из контекста статьи такого вывода однозначно сделать нельзя.— *Маньков А. Г.* Уложение 1649 г.— кодекс феодального права России.— Л., 1980.— С. 178.

257 *Соборное* уложение 1649 г. ... — С. 21.

258 Там же.

259 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 474.

260 Там же, л. 6—7.

261 Там же, л. 36—37.

262 Там же, л. 55—57, 60, 74—76.

263 Чуть ли не единственным исключением было сообщение Н. Елдезина государю о деле, подлежавшем церковной юрисдикции: о том, что будто Я. Резанов и Я. Тургенев оскорбляли в церкви «образ Пречистые Богородицы, писан в чудесех» из-за находившегося на этой иконе изображения Тамерлана («Чудо о Темир-Аксаке»). Это дело было поручено расследовать архиепископу Тобольскому Симеону.— Там же, л. 72—73, 74 об.

264 Там же, стб. 794, л. 107—109, 112—123.

265 «5 января [1631 г.] мангазейский мир составил «одинашную запись», согласно которой обязывался употребить все усилия для восстановления порядка в городе и прекращения воеводской распри».— *Бахрушин С. В.* Андрей Федорович Палицын // С. В. Бахрушин. Научные труды.— М., 1955.— Т. III.— С. 182.

266 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 794, л. 107—109.

267 Там же, стб. 42, л. 1—744.

268 Там же, стб. 794, л. 1—160.

269 Там же, стб. 36, л. 1—213.

270 *Соборное* уложение 1649 г. ... — С. 205.

271 Там же.— С. 205, 375.

272 Там же.— С. 48.

273 Там же.— С. 48—49.

274 Далее в документе было обычное в таком контексте добавление: «и оброчником», но эти слова зачеркнуты и при позднейших цитированиях документа не копировались — в Тобольске считали, что оброчников на Таре нет.

275 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 76, л. 640—641.

276 Там же, л. 641—642.

277 Предоставление «сыщикам» помещения, отдельного от воеводской съезжей избы, и штатов рассматривалось как важный элемент обеспечивания объективности расследования. Правящим тарским воеводам Ф. П. Барятинскому и Г. А. Кафтыреву приказывалось из Тобольска предоставить посылаемым «сыщикам» особый «двор, где государевы дела делать, да дворы ж, где стоять, и на съезжей двор сторожа, и в съезжую избу велеть давати дрова, и свечи, и чернила, и бумагу, и для россылки, и для приставства, и для толмачества служилых людей, куды лучитца для государева дела послати по подводы, сколько пригоже, чтоб у них ни за чем государеву делу мотчанья не было».— *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 76, л. 608. Сходные условия были предоставлены и в Томске в 1650 г. С. Скворцову и П. Ерохину, когда они прибыли из Тобольска расследо-

вать дело о жалобах на воеводу О. И. Щербатого и о Томском восстании 1648—1649 гг.— Там же, стб. 896, л. 737—741, 742—747.

278 Там же, л. 634.

279 Там же, л. 642—650.

280 Там же, л. 603—604.

281 Там же, л. 595.

282 Там же, стб. 76, 186.

283 Там же, стб. 76, л. 604, 606.

284 Там же, л. 595.

285 Там же, л. 654 (далее текст утрачен).

286 Там же, л. 598—601.

287 Там же, л. 524—513.

288 Там же, л. 379—393.

289 Там же, л. 384—387.

290 Там же, стб. 186.

291 Там же, стб. 186.

292 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... С. 323—368.

293 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 299, л. 406.

294 Там же, стб. 896, л. 826; стб. 469, л. 47, 72.

295 Там же, стб. 896, л. 786.

296 Там же, стб. 299, л. 376.

297 Там же, стб. 896, л. 778—784; 648—654; 655—660.

298 Там же, л. 751, 758, 760.

299 Там же, л. 766—771.

300 Там же, л. 772

301 Там же, стб. 466, л. 1159—1158, 1155, 1151.

302 Там же, стб. 466, л. 1151.

303 Там же, л. 25.

304 Там же, л. 25; 27; 26; 29.

305 Там же, л. 575—559, 546—533; стб. 418, л. 51—57, 61—77.

306 *Покровский Н. Н.* Томск. 1648—1649 гг. ... — С. 361—367.

307 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 66, л. 8, 17, 21, 25, 129.

308 В истории Томского восстания и сыска 1648—1652 гг. томичи также не раз жаловались государю на «мирских смутчиков», которые «с миром не тянут», являясь противниками мирского, а, следовательно, и государева дела.

309 *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 474, л. 113—117.

Глава VI

1 *Резун Д. Я.* Русские в Среднем Причулымье в XVII—XIX вв.— Новосибирск, 1984.— С. 72. В челобитной участников Московского восстания 1648 г. было требование отнять власть у бояр и приказных, заменив их выборным мирским управлением.— См.: *Городские* восстания в Московском государстве XVII в. / Под ред. К. В. Базилевича.— М.; Л., 1936.— С. 51.

2 *Оглоблин Н. Н.* Красноярский бунт 1695—1698 гг. // ЖМНП.—1901.— № 5.— С. 25—70; *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды.— М., 1959.— Т. IV.— С. 170—192.

3 *Бахрушин С. В.* Очерки по истории... — С. 180, 187, 188.

4 *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в.— М., 1964.— С. 56, 57.

5 *Покровский Н. Н.* Сибирские материалы XVII—XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма.— Новосибирск, 1988.— С. 55—61.

6 *Бахрушин С. В.* Очерки по истории... — С. 69, 82, 86, 88; *Александров В. А.* Русское население Сибири... — С. 99, 110.

7 *ЦГАДА*, Сибирский приказ (ф. 214), стб. 1017; стб. 1038, л. 4—6, 8—11, 15, 358—382; стб. 1067, л. 270—311.

[8] *Бахрушин С. В.* Очерки по истории... — С. 176, 177.
[9] Там же.— С. 179.
[10] Там же.— С. 181.
[11] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1264, л. 64, 65.
[12] *Бахрушин С. В.* Очерки по истории... — С. 182.
[13] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1422, ч. II, л. 240.
[14] *Бахрушин С. В.* Очерки по истории... — С. 183, 184.
[15] По росписному списку Красноярска 1699 г. длина стен «малого» города достигала 200 саженей, а потому защищать их было возможно относительно небольшим числом людей.— *Город* у Красного яра.— Красноярск, 1981.— С. 82.
[16] *ЦГАДА*, ф. 1121, д. 451, л. 100—101.
[17] *Бахрушин С. В.* Очерки по истории... — С. 184—187.
[18] *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 1328, л. 485 об.— 486.
[19] Там же, л. 484 об.— 485; *Зольникова Н. Д.* Сыск Д. Л. Полянского и «письма» Избранта Идеса // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма.— Новосибирск, 1989.— С. 211—213.
[20] *Памятники* сибирской истории XVIII в.— Спб., 1882.— Кн. 1, № 9.— С. 38—52.
[21] *Александров В. А.* Русское население Сибири... — С. 57, 58.
[22] *Кудрявцев Ф. А.* Восстания крестьян, посадских и казаков в Восточной Сибири в конце XVII в.— Иркутск, 1939.— С. 80.
[23] *Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.).— Хабаровск, 1984.— С. 41—43.
[24] Там же.— С. 148—150.
[25] Там же.— С. 196.
[26] Там же.— С. 136, 137.
[27] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1174, л. 6—14; стб. 1283, ч. 2, л. 368, 371—379; стб. 1292, л. 135—137, 200, 201, 219—241, 260, 352—353; кн. 1221, л. 356, 357.
[28] *Александров В. А.* Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII века // Археографический ежегодник за 1961 год.— М., 1962.— № 1/2, с. 347—350.
[29] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1292, л. 12—16, 34—36.
[30] Там же, л. 135—137.
[31] Там же, стб. 1422, ч. 1, л. 211, 287.
[32] *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.).— Л., 1937.— С. 139—169.
[33] Там же.— С. 151 и след.
[34] Там же.— С. 145.
[35] Там же.— С. 145.
[36] *Александров В. А.* Материалы... — № 3, с. 350.
[37] *Окладников А. П.* Очерки... — С. 141, 143, 144.
[38] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1254, л. 212.
[39] Там же, стб. 1254, ч. 1 л. 51, 62—95, 115, 218, 230, 70, 72, 73, 75, 311, 314, 320, 321, 333, 358.
[40] Там же, л. 210, 222, 330, 354, 356; ф. 1121, д. 415, л. 39.
[41] Там же, ф. 1121, д. 467, л. 17, 26, 30, 31, 247, 248; *Александров В. А.* Материалы... — № 6, с. 355.
[42] *Александров В. А.* Материалы... — № 4, с. 351.
[43] Там же.— № 5, с. 352.
[44] Там же.— № 7, с. 359; № 9, с. 365.
[45] *ЦГАДА*, ф. 1121, д. 467, л. 3; ф. 214, стб. 1697, л. 196, 209, стб. 1367, л. 47, 66—70.
[46] Там же, ф. 1121, д. 467, л. 26.
[47] Там же, ф. 214, стб. 1697, л. 124, 130, 163, 164, 178, 179; ф. 1121, д. 467, л. 198.
[48] Там же, ф. 214, стб. 1697, л. 102.
[49] *Александров В. А.* Материалы... — № 5, 6, с. 352, 357.
[50] Там же, № 5, с. 353, 354; *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1697, л. 167—172.
[51] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1367, л. 104; стб. 1697, л. 78—83; *Александров В. А.* Материалы... — № 5, с. 352—354.

[52] *Александров В. А.* Материалы... № 6, 7, с. 357, 358, 361; *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1697, л. 111, 151, 199—201, 206; ф. 1121, стб. 467, л. 107, 108, 128.

[53] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1697, л. 19—23, 33—40, 207, 219, 230—233; ф. 1121, д. 467, л. 126, 128; *Александров В. А.* Материалы... — № 6, 7, с. 357, 358, 361, 362.

[54] *Александров В. А.* Материалы... — № 8, с. 363—365.

[55] Там же.— № 9, с. 365.

[56] Там же.— № 8, с. 364.

[57] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1367, л. 50; стб. 1697, л. 24, 25.

[58] Там же, стб. 1367, л. 91, 92; стб. 1364, л. 108, 109, 287; ф. 1121, д. 405, л. 139—141; д. 423, л. 1—9; *Первое* столетие Иркутска.— Спб., 1902.— С. 106.

[59] *ЦГАДА*, ф. 1121, д. 429, л. 95, 97.

[60] Там же, ф. 214, стб. 1697, л. 240—243; ф. 1121, д. 377, л. 26—44.

[61] *Александров В. А.* Материалы... — № 10, с. 366.

[62] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1367, л. 1—8, 81—86; стб. 1697, л. 11—17, 185.

[63] Там же, ф. 1121, д. 429, л. 86—89, 102—113.

[64] *Александров В. А.* Материалы... — № 11, с. 366—371.

[65] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1367, л. 99, 100, 15—24, 30, 31, 66—70, 109—111, 120—123; ф. 1121, д. 467, л. 59, 71, д. 377, л. 26—44; *Первое* столетие Иркутска... — С. 99—112.

[66] *Александров В. А.* Материалы... — № 13, с. 372, 373.

[67] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1697, л. 33—40, 42—50, 65—70, 135.

[68] Там же, стб. 1364, л. 107; стб. 1422, ч. III, л. 465.

[69] *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 1225, л. 833—835.

[70] Там же, стб. 1283, ч. II, л. 352; стб. 1139, л. 65, 66, 71, 291, 360.

[71] Там же, стб. 1139, л. 524, 526—528.

[72] Там же, л. 154—159, 524.

[73] Там же, л. 209, 310, 368.

[74] Там же, л. 479, 523; *Александров В. А.* Материалы... — № 17, с. 376, 377.

[75] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1139, л. 171, 209, 251, 252, 493, 522.

[76] *Александров В. А.* Материалы... — № 18, с. 579—382.

[77] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1139, л. 236—243, 312, 350—354.

[78] Там же, л. 430, 431, 472, 488, 493, 503, 320, 521.

[79] Там же, л. 518, 519.

[80] Там же, л. 564.

[81] Там же, л. 172, 196, 251, 265.

[82] Там же, л. 134, 135, 138, 142, 144, 291.

[83] Там же, л. 280—282, 566; *Александров В. А.* Материалы... № 19, с. 386.

[84] *Александров В. А.* Материалы... — № 19, с. 384.

[85] *ЦГАДА*, ф. 1121, д. 400, л. 8—10.

[86] Там же, ф. 214, стб. 1422, л. 381—386.

[87] Там же, ф. 1121, д. 400, л. 6.

[88] *ЦГАДА*, ф. 1121, л. 429, л. 102—113; ф. 214, стб. 654, л. 256, 257, 258; стб. 1367, л. 98; стб. 1422, ч. II, л. 381—386.

[89] Там же, ф. 1121, д. 405, л. 79; д. 423, л. 112, 113, 115—119; *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов.— С. 211.

[90] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1397, л. 362—364; стб. 1697, л. 193; ф. 1121, д. 405, л. 167, 168; д. 467, л. 79, 80.

[91] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1697, л. 194.

[92] Там же, стб. 1422, л. 381—386.

[93] Там же, стб. 1367, л. 60, 124, 125.

[94] Там же, ф. 1121, д. 418, л. 38.

[95] Там же, ф. 214, стб. 1422, д. 443.

[96] Там же, ф. 1121, д. 429, л. 6—22, 25—72, 82, 83, 114, 115, 117; ф. 214, стб. 1367, л. 33—35. Аф. Савелов благополучно отбыл из Иркутска, но в дальнейшем опять имел какие-то неприятности, не явившись на смотр служилых людей в Москве в 1703 г.— *ЦГАДА*, ф. 214, кн. 1372, л. 379 об.

[97] Там же, ф. 1121, д. 405, л. 79.

[98] Подробнее об этом см.: *Александров В. А.* Народные восстания в Восточной Сибири в XVII в. // ИЗ.— М., 1957.— Т. 59.— С. 305, 306; *Зольникова Н. Д.* Сыск Д. Л. Полянского... — С. 203—210.

[99] Подробно об этом см.: *Преображенский А. А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в.— М., 1956.— С. 252—275.

[100] Там же.— С. 267.

[101] *ПСЗ.*— Т. IV.— № 1822, 1835.

[102] *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 1397, л. 55, 62.

[103] Там же, ф. 1121, д. 423, л. 24, 25.

Глава VII

[1] Об этом см.: *Александров В. А.* Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) // ВИ.— 1973.— № 8; *Он же.* Проблематика системы государственного феодализма в Сибири XVII века // История СССР.— 1977.— № 2; *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма.— Новосибирск, 1982.

[2] *Александров В. А.* Особенности феодального порядка... — С. 39—58; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма.— Гл. 2, 4, 5, 8 (§ 1).

[3] *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в.— М., 1964.— Гл. 1, 3; *Павлов П. Н.* Промысловая колонизация Сибири в XVII в.— Красноярск, 1974.— Гл. 2.

[4] *ЦГАДА*, Сибирский приказ (ф. 214), стб. 55, л. 180, 181.

[5] Трое сыновей Н. Р. Черниговского, почему-то оставшихся в Илимске после восстания 1665 г., содержались там в тюрьме; они были помилованы и вместе с семьями должны были быть высланы в ратную службу в Красноярск только в 1680/81 г. — *ЦГАДА*, ф. 214, стб. 731, л. 230.

[6] *Александров В. А.* Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // ИЗ.— М., 1956.— Т. 59.— С. 274—276, 279; *Он же.* Россия на дальневосточных рубежах.— Хабаровск, 1984.— С. 39—46, 128, 148.

[7] *Открытия* русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии.— М., 1951.— № 77, с. 223—232.

[8] Там же.— С. 231.

[9] *Александров В. А.* Народные восстания... — С. 277.

[10] *ДАИ.*— Спб., 1869.— Т. XI.— № 38, с. 128.

[11] *Александров В. А.* Народные восстания... — С. 277—278.

[12] Там же.— С. 304, 305.

[13] *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в конце XVIII в.— Новосибирск, 1974; *Он же.* Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири.— М., 1973.— С. 381—406; *Он же.* Урало-сибирская крестьянская община XVIII в. и проблемы старообрядчества // Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в.— Новосибирск, 1977.— С. 179—198.

[14] Аввакум, вспоминая годы сибирской ссылки (1653—1664) и свое возвращение из Даурии, писал, что он «до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торгах кричал, проповедуя слово божие, и уча, и обличая безбожную лесть».— *Житие* протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения.— М., 1960.— С. 87.

[15] *Копанев А. И.* Волостные крестьянские библиотеки XVI—XVII вв. // Русские библиотеки и их читатель. (Из истории русской культуры эпохи феодализма).— Л., 1983.— С. 59—70.

[16] *Ефрем Сирин и Авва Дорофей.* Поучения.— М., 1652.— Л. 3О1.

[17] *ЦГИА*, ф. 796, оп. 37, № 491, л. 21.

[18] Ефрем Сирин и Авва Дорофей. Поучения.— Л. 304.

[19] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.— М., 1909.— Т. 1.— С. 97.

[20] *Покровский Н. Н.* Три документа по истории церкви в Сибири в XVII в.— // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы).— Новосибирск, 1989.— С. 77—86.

[21] *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII веке.— Спб. 1898.— С. 100.

[22] *Ефрем Сирин и авва Дорофей.* Поучения.— Л. 17 об.

[23] *Элерт А. Х.* Материалы Г. Ф. Миллера по заселению Сибири в первой половине XVIII в. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России.— Новосибирск, 1987.— С. 136—137.

[24] *ПСРЛ.*— Т. 36.— Сибирские летописи. Ч. 1.— М., 1987.— С. 214.

[25] *ДАИ.*— Т. 8.— С. 213—215; *Сапожников Д. И.* Самосожжения в русском расколе.— М., 1891.— С. 9—11; *Пихоя Р. Г.* Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII вв.).— Свердловск, 1987.— С. 43—45. Нарышкинская редакция и Томский вид Сибирского летописного свода определяют число жертв этого самосожжения в 2700 чел.— *ПСРЛ.*— Т. 36.— С. 275, 331.

[26] *Шашков А. Т.* Изучение урало-сибирского старообрядчества второй половины XVII — начала XVIII в. в отечественной историографии // Историография общественной мысли дореволюционного Урала.— Свердловск, 1988.— С. 38.

[27] *ДАИ.*— Спб., 1862.— Т. 8.— С. 220—222; *Пихоя Р. Г.* Общественно-политическая мысль трудящихся Урала... — С. 49.

[28] Документальный материал о связи старообрядческих самосожжений с переписями, увеличением феодальной ренты, несвободы приводит Р. Г. Пихоя (Общественно-политическая мысль... — С. 33—37, 58). Ее можно заметить и в Головинской редакции Сибирского летописного свода: *ПСРЛ.*— Т. 36.— С. 218—219.

[29] *ПСРЛ.*— Т. 36.— С. 211.

[30] Там же.— С. 218—219.

[31] Там же.— С. 218.

[32] Там же.— С. 218—219. Число погибших здесь не указано. В более поздних Нарышкинской редакции и Томском виде летописного свода вместо ста четырех человек называется «ста с четыре», т. е. около 400.— *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в.— М., 1956.— С. 124—125; *Сапожников Д. И.* Самосожжение в русском расколе.— С. 18, 26—27; *Пихоя Р. Г.* Общественно-политическая мысль... — С. 55—57; АИ.— Спб., 1842.— Т. 5.— С. 181—182, 162—163; *ДАИ.*— Т. 10.— Спб., 1867.— С. 9—10.

[33] *ДАИ.*— Т. 10.— С. 10—12.

[34] *ПСРЛ.*— Т. 36.— С. 177, 225, 282, 337; *Записки,* к сибирской истории служащие // Древняя российская вивлиофика.— 2-е изд.— М., 1788.— Ч. III.— С. 264, 268, 269; *ДАИ.*— Т. 10.— С. 14—20; *Сапожников Д. И.* Самосожжение в русском расколе.— С. 30—34; *Преображенский А. А.* Классовая борьба уральских крестьян и мастеровых людей в начале XVIII в. // ИЗ.— М., 1956.— № 58.— С. 264:, *Пихоя Р. Г.* Общественно-политическая мысль... — С. 58—59; *ЦГАДА,* ф. 214, стб. 1072, л. 348—350. Возможно, о том же красноярском самосожжении 1688 г. говорится и в документе, помещенном в кн. 958, л. 373 об. того же фонда ЦГАДА. Воеводы Красноярска и Енисейска сообщали об успешной пропаганде раскола еще в 1684 г.— *ЦГАДА,* ф. 214, стб. 913, л. 204—205.

[35] *ЦГАДА,* ф. 214, кн. 1350, л. 292—306.

[36] *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест... — С. 34—66; *Он же.* Новый документ по идеологии Тарского протеста // Источниковедение и археография Сибири.— Новосибирск, 1977.— С. 221—234; *Он же.* Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722 г. // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России.— Новосибирск, 1983.— С. 46—70; *Он же.* Книги Тарского бунта 1722 г. // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма.— Новосибирск, 1986.— С. 155—190.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	— Архив АН СССР.
АИ	— Акты исторические.— Спб., 1841—1842.— Т. 1—5.
ВИ	— ж. Вопросы истории.
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим. Спб., 1846—1875.—Т. 1—12.
ИЗ	— ж. Исторические записки.
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РИБ	— Русская историческая библиотека.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов (Москва).
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив (Ленинград).
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Условные сокращения

в.— воевода
дес.— десятник
к.— казак
к. к.— конный казак
кн.— князь
паш. кр.— пашенный крестьянин
п. к.— пеший казак
пос.— посадский
с. б.— сын боярский
служ.— служилый

Аввакум, протопоп 186—188, 338, 339, 342, 384
Авраамий, старец (Алексей Венгерский, тобольский с. б.) 346, 347
Алабычев Исак, с. б. 235
Александров В. А., историк, 252, 358—362, 364, 367—370, 372, 373, 377, 379, 381—384
Александров Черкас, голова тобольской татарской сотни 83
Алексеев Василий, енисейский атаман к. 237—238, 272
Алексеев Иван, холоп И. Ф. Голенищева-Кутузова 137
Алексеев М., красноярец 299
Алексей Михайлович, царь 109, 131, 192, 232, 233, 278, 312, 338
Алтуфьев Петр, тюменский ротмистр 191
Алтын-хан, правитель Халки 243
Алфимов М. И., туринский в. 125
Альшиц Д. Н., историк 17, 358
Андриан, игумен тюменского Преображенского монастыря 191
Анисимов Лука, участник восстания И. И. Болотникова 86
Аничков М. О., красноярский в. 112.
Антонов Иван, мирской староста Усть-Ирбитской слободы 44.

* Указатель составлен О. В. Чумичевой

Апполова Н. Г., историк 362, 364—366.
Апса, томский ясачный остяк 256.
Апухтин С. Д., туринский в. 26
Арапов Фрол, аятский слободчик 39
Араслан, татарский царевич 365
Аргамаков В. А., енисейский в. 128
Аргунов Л., торговый человек 138
Аристовы, сын и отец, беглые крестьяне 35
Арсеньев Андрей Михайлович, якутский в. 113, 317, 323, 324
Арсеньев В., племянник М. А. Арсеньева 309
Арсеньев И., иркутский с. б. 325
Арсеньев Михаил Афанасьевич, якутский в. 136, 308—311, 317, 320
Арсеньев Михаил Михайлович, якутский в. 323
Арсеньев Петр, селенгинский с. б. 307, 310, 312—314, 323—325
Архипов Ждан, тобольский атаман п. к. 94
Аршинский Богдан, тобольский с. б. 93, 116, 154, 155, 170, 239, 272
Аршинский Данило Данилович, с. б., нерчинский в. 116
Аршинский И., нерчинский с. б. 301
Астраханец И. А., тобольский с. б. 187, 275, 289
Астраханец С., томский к. 258
Афанасьев Иван, якутский служ. 166

Баданин С., приказчик д. Кривая Лука 317
Базилевич К. В., историк 4, 5, 381
Байгачев П., тарский к. 348
Бакшеев Илья, тюменский татарский голова 156, 184
Балаш И., атаман к. 87
Балыматов Степан Самсонович, томский к. 85
Бардак И., томский к. 258
Барма Иван, тарский стрелецкий сотник 244
Барнешлев А. А., якутский в. 138, 139, 336, 337
Барсуков А., историк 369, 370, 380
Бартенев Семен, томский голова 227, 234
Бархатов Иван, исетский паш. кр. 344
Барятинский И. М., кн., березовский в. 170
Барятинский Иван Петрович, кн., якутский, енисейский в. 110, 114, 139, 276.
Барятинский Федор Петрович, кн., русский посол в Швеции, тарский в. 79, 129, 158, 174, 196—198, 200, 203, 211, 222, 230, 243, 245, 246, 276, 279, 281, 282, 380
Баскаков Евдоким Иванович, пелымский в. 220, 242, 277
Баскаков Олферий (Алферий) Петрович, красноярский в. 90, 95, 96, 201
Бахаров Б., братский крестьянин 304
Бахрушин С. В., историк 56, 84, 97, 107, 109, 122, 164, 204, 206, 207, 209, 276, 291, 292, 297, 365—371, 373, 376, 380—382
Бахтеяров Еналей, письменный голова 162
Башковский А. И., красноярский в. 293—295
Башковский И. В., красноярский в. 106, 293
Башковский М. И., красноярский в. 295—297
Беглецов Никита, тобольский письменный голова 26
Бейтон А. И., удинский в. 114
Бейтон Андрей, товарищ удинского в. 114, 308, 310, 315
Бекетов Петр, к., тобольский с. б., енисейский стрелецкий сотник, письменный голова 83, 94, 116, 162, 167, 223
Белиловец Иван, томский служ. литовского списка 247
Белкин Артемий, верхотурский пос., целовальник 71, 264
Белоусов Семен, томский к. к. 247
Березовский А., селенгинский пятидес. 307, 313, 325, 326
Березовский С., киренгский приказчик 317, 320, 321
Берестов Д., московский дьяк 297
Бернадский А., ирбитский приказчик 31
Беспутин Г., холоп 309
Бессонов Т., участник братского восстания 303
Бибиков Ф. И., якутский в. 113. 337
Бибиков Я. Г., стольник, нерчинский в. 328
Блудов Самуил (Самойла), тобольский стрелецкий голова 192, 271, 277

Бобайлов Степан, краснопольский крестьянин 53
Боборыкин Т. С., кузнецкий в. 98
Бобрищев-Пушкин Иван Гаврилович, тюменский в. 185, 375
Бобровский Леонтий, енисейский таможенный голова 62, 63, 67, 363
Богословский М. М., историк 15, 16, 19, 165, 351, 358, 373, 384
Бокбасаров Тохчура, тюменский ясачный татарин 196
Болотников И. И. 81. 86
Борисов Моисей, удинский дес. 308, 309, 313, 315, 322, 326,
Босой К., московский гость 121
Бояршинова З. Я., историк 24, 25, 246, 248, 252, 359, 360, 378, 379
Боярщина Яков, тюменский есаул к. к. 184, 274
Брянцев Никита, к., землепроходец 83
Бубенный В., томский к. к., таможенный подъячий 363
Бугор В., к., землепроходец 83
Будаков М., верхотурский с. б. 42
Бунаков А. А., красноярский в. 112, 247
Бунаков И., красноярский в. 31
Бунаков Илья Никитич, томский в. 123, 162, 179—181, 231, 247, 253— 255, 257, 272
Бурнашев В., томский дес. к. к. 231
Бутаков Савва, верхотурский площадной подьячий 277
Буткеев Гаврила, приказчик с. Мостовка 344
Бутурлин В. И., командир полка 81
Буцинский П. Н., историк 376
Быконя Г. Ф. историк 362
Былин Василий, с. б., томский голова к. 94
Бязев Я., тобольский архиерейский приказчик 50

Василий Дмитриевич, великий кн. 12
Васильев Дунай, красноярский к. 90
Васильев Ипат (Ипатище, священник томской Спасской церкви) 29, 165
Васильев Першут, тюменский оброчный крестьянин 195
Васильев Т., тобольский подьячий 236
Васильев Федор, енисейский к. литовского списка 239
Васютинский Иван, приказчик Тутурской волости 323, 324
Вахрушев Семейка, пелымский паш. кр. 207, 208
Вельяминов Иван Матвеевич, пелымский в. 196, 199, 207, 217, 219, 229, 235, 236
Вельяминов Иван Яковлевич, пелымский в. 235
Вельяминов М. А., тобольский в. 174
Вельяминов Н. А., томский в. 126, 271
Венгерский Алексей, см.: Авраамий, старец
Вендеревский Иван Петрович, пелымский в. 236
Венюков Н., историк 81
Веригин Иван Тимофеевич, тюменский в. 125, 126, 183, 189, 270
Веригин Ф. И., тюменский в. 112, 161, 270
Вершинин Е. В., историк 111, 117, 369, 370
Вилков О. Н., историк 56, 75, 362, 368, 372
Владимирский-Буданов М. Ф., историк 110, 369
Власов Аника, томский пятидес. п. к. 247
Власов И. Е., стольник, иркутский, нерчинский в. 114
Власов Насон, туринский таможенный целовальник 59
Власова И. В., историк 25, 142, 359,360, 371, 372
Воейков Ф. Д., нерчинский в. 335
Воинов Иван, тюменский с. б. 38, 95, 96, 153, 156
Волконский Никита, пелымский в. 236
Володимерец Иван, томский пятидес. к. к. 247, 289
Володимерцы, семья томских служ. 347
Волынский Андрей Васильевич, тобольский в. 241, 245
Волынский Иван Васильевич, тобольский в. 160
Волынский Михаил Петрович, кн., томский в. 272, 284, 286, 287
Волынцев Гурий Иванович, туринский в. 149, 208, 210
Воробьев Лев, ницынский крестьянин 37
Воронецкий В., илимский атаман к. 320
Воронцов Н. 35
Воропаев Филат Посников, тобольский с. б. 85, 94

Воротынский Иван Алексеевич, кн., боярин 139
Воротынский И. М., кн. 85
Ворошилов Василий, верхотурский пос. 220, 242, 277
Всеволод Юрьевич, великий кн. 6
Всеволожский Раф Родионович, боярин, верхотурский, тюменский в. 109, 269
Выговский Василий, брат Ивана Выговского 366
Выговский Иван Астафьевич, гетман 366
Выговский Илья, брат Ивана Выговского 366
Выговский Юрий (Юшка), брат Ивана Выговского 366
Вязмитин Федор, томский паш. кр. 165
Вязьмин С., белослудский приказчик 54

Гаврилов Ефим, тюменский к. к. 184
Гагарин Афанасий Федорович, кн., томский в. 68, 69, 240
Гагарин Григорий Иванович, кн., товарищ тобольского в. 113
Гагарин Данила Григорьевич, кн., товарищ тобольского в. 113
Гагарин Иван Афанасьевич, кн. 68
Гагарин Иван Михайлович, якутский в. 135, 136, 139, 140
Гагарин Иван Петрович, иркутский в. 139, 140
Гагарин И. С., кн., товарищ тобольского в. 262
Гагарин Матвей Петрович, нерчинский в. 139, 140, 300, 301
Гагарина Мавра, кн. 69
Газенвинкель К. Б., историк 366
Галактионов Миня, туринский служ. 148, 149
Галактионов Савва, туринский служ. 148, 149
Галактионов Федор, туринский пос., паш. кр. 149
Галактионовы, семья туринских пос., служ. 148, 149, 151
Галкин Алексей, березовский атаман к. 82
Галкин Алексей Иванович, енисейский с. б., внук Алексея Галкина 82, 305, 314
Галкин Иван Алексеевич, енисейский с. б., сын Алексея Галкина 82, 83, 159, 161, 162, 223
Галкин Осип, к., землепроходец 83, 92
Гальперин Г. Б., историк 6
Гантимуров П., тунгусский кн. 300, 301
Герасим, архиепископ Тобольский и Сибирский 132, 165, 203, 250
Герасимов Григорий, тюменский пос. 196
Герасимов Д., подьячий 115
Гермоген, строитель Усть-Киренгского монастыря 166
Гилев Елисей, тюменский паш. кр. 184
Гиринский (Гирицкий) Мартын, томский дес., пятидес. п. к. 254
Гирицкие, семья томских служ. 347
Гладкий Василий, донской атаман к. 87
Гладкий Никита, приказчик Илгинской волости 323
Глебов Б., енисейский в. 326
Глебов М. Б., стольник, товарищ якутского в. 129
Глебов С. А., тверской в. 125
Гогулин Кирилл, верхотурский таможенный голова 71, 260, 263
Годунов Борис, царь 108, 148
Годунов Иван Михайлович, пелымский в. 235
Годунов И. Н., туринский в. 82
Годунов П. И., тобольский в. 49, 50, 105, 109, 191, 192, 204—206, 214, 230, 271, 276, 376
Голенищев-Кутузов Иван Федорович, якутский в. 113, 136—139
Голенищев-Кутузов Лев Федорович 138
Голенищев-Кутузов Михаил Федорович 138
Голенищев-Кутузов Федор Иванович 139
Голешихин Пров, томский дес., пятидес. к. к. 254
Голицын Алексей Андреевич, кн., боярин, тобольский в. 49, 87, 88, 109, 114
Головачев П. М., историк 56, 362
Головин А. П., тобольский в. 110
Головин Петр Петрович, якутский в. 119, 129, 162
Горский А. Д., историк 6, 11, 358
Грибоедов И. Ф., березовский в. 125
Григорьев Г., купец гостиной сотни, 140
Григорьев Галактион, туринский паш. кр., пос. 65, 148
Григорьев Ларион, московский подьячий, затем к. 85
Григорьев П., торговый человек, целовальник 138
Григорьев Петр, протопоп 311

Гроза Иван, тобольский к. 81, 82
Грозин Гаврила, голова тобольских к. к. 81, 82, 154
Грозин Иван, тобольский с. б., сын Гаврилы Грозина 82
Громыко М. М., историк 25, 359, 374
Губарь Янка, атаман к. 87
Губин А. Д., нарымский в. 113
Гусельников В. Ф., купец гостиной сотни 131

Давыдов В. А., мангазейский в. 130, 131, 135
Давыдов Иван, торговый человек 137
Давыдов Матвей, томский дес., пятидес. к. к. 254
Данило, священноинок, см.: Дометиан
Данилов М., священник Киренгского острожка 317
Данилов Трифон, шадринский к. 231, 232
Данилов Ю., нарымский голова 250
Дворецкая Н. А., филолог 21, 358
Дворянинов Борис Семенович, верхотурский в. 104, 130, 133, 264—269
Дворянинов (Дворянский) Бессон, тюменский к. 188, 271
Деев И., нарымский служ. 249
Деев Ф., нарымский толмач 249
Дементьев А., ирбитский церковный дьячок 54
Дементьев Федор, пеший стрелец 195
Дементьев Ю., тюменский крестьянин 39
Дементьян, см.: Дометиан
Демидова Н. Ф., историк 19, 115, 358, 369, 370
Дергачева-Скоп Е. И., филолог 367
Дивов Семен Васильевич, томский в. 68, 69, 240
Дигилев Григорий, мирской староста Самаровского яма 169
Дмитриев Иван, ирбитский мирской староста 45
Дмитриев Яков, тюменский староста пос. 190
Долгов А., верхотурский пятидес. 268
Долгорукий Д. И., кн., тверской в. 126
Дометиан (Дементьян, в монашестве Данило), священник тюменской Знаменской церкви 186, 187, 343
Доможиров Логгин Никитич, кузнецкий в. 113
Дрягин Федор, верхотурский таможенный голова 266—269
Дубенский Андрей, красноярский в. 98
Дурново И. И., томский в. 125
Дурново М., красноярский в. 258
Дурново С. И., красноярский в. 297—299
Дурыня Иван, тобольский атаман к. 170
Дэвис Брайан, историк 10, 357, 358

Евдокимов О., томский староста паш. кр. 29
Евтюгин Савва, тюменский к. к. 196
Егупов-Черкасский Никита Иванович (Курица), кн., томский в. 93, 100, 241, 288
Ездоков В., тюменский пятидес. к. 275
Екатерина II, императрица 356
Елдезин Никифор Иванович, тюменский в. 38, 39, 65, 106, 125, 126, 173, 183—191, 197, 199, 212, 218, 220, 223, 270, 271, 274—276, 289, 375, 380
Елчигин Никифор, томский паш. кр. 29
Еней, енисейский ясачный князец 239
Епифанов П. П., историк 224, 362, 377
Епишев Семен Иванович, торговый человек 138
Ерастов И., к., землепроходец 83
Еремеев М., красноярский с. б. 294
Еремеев Т., красноярский с. б. 294, 295
Ермак Тимофеевич 18, 76—83, 92, 93, 153, 154, 364, 365, 367, 373
Ермолаев Г., красноярский с. б. 293
Ермолаев И. П., историк 371
Еропкин И. Ф. верхотурский в. 120
Ерофеев И., иркутский квасной откупщик 313
Ерохин П., тобольский подьячий 285—287, 380
Ефрем, старец, см.: Кривошея Дружинка Илья

Жадовский Назар, тарский голова к. к. 160, 282

Жданов Григорий, подьячий с приписью 183, 185, 375
Желваков В., верхотурский дес. 268

Заболотный С., ницынский мирской староста 50
Заболоцкий Ярофей, тарский с. б. 245
Загвазда Б., ницынский дес. 50
Заруцкий И., атаман к. 86
Захаров В., ницынский крестьянин 49
Зерцалов А. Н., историк 252
Зимин А. А., историк 5, 6, 8, 14, 357, 358
Зиновьев П. П., якутский в. 135, 337
Злобин Дементий (Демид) Андронов, красноярский атаман к. 90, 95
Злобин М., красноярский атаман к. 293
Зольникова Н. Д. историк 249, 379, 382, 384
Зонов Мартемьян, крестьянин 42
Зубов Б., илимский подьячий 318
Зырян Л., крестьянин д. Мокловской 295

Иван III, великий кн. 12
Иван IV, царь 9, 17, 77, 80, 357
Иван Алексеевич, царь 110, 346
Иванов Гаврила, тюменский к. к. 80, 373
Иванов Гроза, тобольский голова к. 98, 160
Иванов Захар, томский церковный староста 29
Иванов Илья, атаман к. 88
Иванов Л., тарский паш. кр. 242
Иванов Петр, к. 86
Иванов С., с. б., удинский приказчик 296
Иванов Федор, тобольский подьячий 115
Иванова В. И., историк 41, 42, 360, 361
Игнатий, митрополит Тобольский и Сибирский, см.: Римский-Корсаков Игнатий
Идес Избранд, русский посланник 306, 382
Измаил (Измайлище), келарь тюменского Преображенского монастыря 192
Измайлов А. А., сургутский в. 105
Измайлов Г., тобольский к. 95
Измайлов П. Х., тюменский в. 145, 163
Измайлов Савва, тобольский атаман п. к. 94
Ильин Гавриил, атаман к. 93, 154
Иноземцев Федор, утяцкий слободчик 346
Ипатище, священник, см.: Васильев Ипат
Исайя, игумен тарского Спасского монастыря 175—177, 244, 245, 281, 283
Исакий, игумен Далматовского монастыря 346
Исаков Н., нарымский служ. 249
Исаков Яков, см.: Яков, священник
Исецкий Василий, тарский к. 348
Истомин Сидор, томский староста пос. 68, 69

Кабанов А., тобольский староста пос. 72
Кабаров М., верхотурский беглый крестьянин 265, 269
Казанец С., с. б. 310, 311
Казанцев Григорий, тарский к. к. 199
Казый, бухарский торговец и посол 230—231, 243
Кайсаров М. Ф., тарский в. 160
Калитин А. И., верхотурский в. 327
Каменский Ф. Т., ирбитский приказчик 54
Капустин Василий, томский к. 289
Караулов П., усть-куцкий приказчик 320
Караченец Л., братский крестьянин 304
Карватский Иван, тобольский с. б. 192, 271, 277
Карпов С., енисейский с. б. 301
Кауфман А. А., историк и экономист 23, 24, 359
Кафтырев Григорий Агтеевич, тарский в. 129, 158, 174, 197, 198, 200, 203, 211, 222, 243, 245, 246, 276, 279, 380
Кафтырев Никита Васильевич, туринский в. 150,151
Кафтырев Х., братский письменный голова 302—305, 327
Качанов Ф., тобольский дворянин 136, 140, 322
Качин Иван Никифорович, руководитель илимского восстания 318, 319
Качоровский К. Р., историк 23
Квецинская Т. Е., историк 362
Кизылов Абрам, томский дес., пятидес. к. к. 254
Киликия, старица иркутского Рождественского монастыря 167

Киприан, архиепископ Тобольский и Сибирский 78, 79, 170
Киприан, игумен тюменского Преображенского монастыря 191
Киприан, митрополит Московский и всея Руси 361
Кириллов Л., братский дес. к. 303
Кирьянов Иван, томский троицкий дьякон 288
Кислянский Л. К., енисейский письменный голова, иркутский в. 114
Клибанов А. И., историк 377
Климов И., холоп Филатьева О. И. 140
Клишев Сергей, усть-ирбитский мирской староста 44
Клокачев Д., помощник мангазейского в. 135
Клубков-Мосальский С. В., красноярский, томский в. 90, 105, 106, 197, 220, 248
Ключарев Михаил, томский дьяк 233
Ключевский В. О., историк 5, 55, 68, 362
Клямкин И., публицист 60
Кляпиков Савватий (Савин), подьячий тобольской приказной избы 115, 132, 134, 154, 155, 371, 373
Кобелев Матвей, тарский стрелецкий сотник 198, 243
Кобрин В. Б., историк 17, 358
Козинский Е. И., якутский, тюменский, тобольский письменный голова, сургутский в. 115
Козыревский Ф., илимский приказчик 316
Кока, телеутский князец 231, 256
Коковинский Богдан Андреевич, томский в. 272, 284, 286, 287
Кокорев Г. И., мангазейский в. 129—131, 276
Кокошкин Неупокой Андреевич, тарский в. 220, 229, 242
Колесников Василий, енисейский атаман к. 159, 162
Колобов Н. И., тюменский в. 125
Колтовский И., верхотурский в. 32
Колтовский Я. В., тюменский в. 47
Кольцо Иван, к. 77
Кольцов Иван, красноярский атаман к. 96, 97
Кольцов М., красноярский атаман к. 99, 102
Кондинский Ф., кн. 28
Кондратьев Д., ницынский крестьянин 37
Кондратьев Федор 86
Константинов Данило, тюменский пос. 184, 274
Копанев А. И., историк 10, 12, 16, 358, 360, 384
Копьев Семен, томский к. 30, 254
Копылов А. Н., историк 75, 108, 362, 364
Копылов Петр, томский с. б. 222
Копылов Тимофей, томский с. б. 222
Копырин М., тагильский паш. кр. 41
Копыто С., тюменский стрелец 270
Корела Степан, тарский стрелецкий сотник 244
Корелин Иван, тарский служ. 178
Корецкий В. И., историк 6, 227, 235, 365, 367, 369, 377, 378
Коркин Василий Иванович, туринский ямщик 150
Коркин Елисей Иванович, туринский ямщик 64, 150, 151
Коркин Иван Григорьевич, туринский пос. 64, 149—151
Коркин Иван Иванович, туринский ямщик 149—151
Коркин Иов Иванович, туринский ямщик 150, 151
Коркин Павел Иванович, туринский ямщик 150,151
Коркин Парфений Иванович, туринский ямщик 150, 151
Коркин Петр Иванович, туринский ямщик 149, 150
Коркин Фаддей Иванович, туринский пос. 150
Коркины, семья туринских пос., ямщиков 64, 65, 147, 149—151
Коркодинов Федор Семенович, кн., тюменский в. 185, 375
Корнилий, архиепископ, затем митрополит Тобольский и Сибирский 49, 166
Коробейников Иван, пос. 346
Косицын Мамрук, торговый человек 238
Косицыны, торговые люди 238
Костарев Ф., нарымский приказчик паш. кр. 249
Кошилдеев Итпала, тюменский захребетный татарин 184, 274
Краснояр С., челобитчик 307, 314
Кривошея Дружинка Илья (Ефрем, старец), подьячий, монах 130—132, 134
Криженовский И., сборщик ясака 136

Кровков М. О., якутский в. 113, 135, 136
Кропотов Андрей, тарский ротмистр 176, 198, 243, 282
Круговиков Нечай, туринский паш. кр. 149
Крылышков-Помельцев Ф., томский дес. к. 287
Крюков И., верхотурский с. б. 53
Кудрявцев Ф. А., историк 382
Кузнецов И., илимский служ. 316
Кулаков Иван, тюменский к. к. 196
Кункин Иван, тарский служ. 178
Куракин Г. С., кн., боярин, тобольский в. 109
Куракин И. С., кн. 109
Курилов В. Н., историк 75, 362, 364, 375
Кучум, сибирский хан 77, 80, 373

Ладыженский Ф. 136
Лазарев Сидор, священник томской Богоявленской церкви 288
Лазарь, священник 187
Лаптев Василий, туринский стрелец 42
Лаптев Иван, тарский сотник 176, 198, 243, 245, 282
Лаптев Степан, туринский крестьянин 42
Ларионов Степан, тюменский оброчный крестьянин 195
Лезгов Б., ницынский паш. кр. 37
Леонтьев Ф., в. 82
Леонтьева Г. А., историк 75, 90, 362, 363, 367
Лепешкин Иван, тюменский к. к. 195
Лисовский С. С., енисейский письменный голова 298
Литосов Зиновий Амосович, голова томских к. 94, 167, 258
Лихачев Д. С. филолог 358
Лихачев Максим, верхотурский подьячий с приписью 71, 260—262
Лобанов-Ростовский И. И., кн. 248
Ловчиков Степан Богданович, думный дворянин 140
Лодыгин И. И., тюменский в. 126 191, 195, 196, 200, 202, 213, 218, 270, 271, 276, 277
Лодыженский М., якутский в. 139
Лукашевский И., краснопольский приказчик 53
Лукьянов Дмитрий, туринский служ., пос. 149
Лукьянов И., томский к. 69
Лукьяновы, семья туринских служ. 148—149
Лукьянов Юрий (Юшка), ленский служ. 104
Лурье Я. С., филолог 17, 358
Лутовинов Д. С., жилец 113
Лутовинов С. Е., служ., кетский в. 112, 113
Лученин Афанасий Петрович, томский паш. кр. 287
Лученин Филипп Петрович, томский паш. кр., п. к., к. к., с. б. 30, 254, 287
Львов И. А., кн., тюменский в. 93, 185, 270, 375
Любомиров П. Г., историк 365
Люцидарская А. А., историк 75, 362, 364
Ляпа Остафий, томский к.к., пятидес. к. к. 254
Ляпунов Прокофий, руководитель второго ополчения 86
Ляцковский Алексей, к. 85

Макарий, архиепископ Тобольский и Сибирский 128, 174
Макаров Федос, верхотурский стрелец 35
Макарчева Е. Б., историк 374
Максимов Иван, иркутский с. б. 166
Максимов Кирилл, енисейский священник 239
Максимов Наум, тарский служ. 245
Максимов Петр, илимский священник 320
Максимов Петр, московский торговый человек 168
Максимов Пронька, тарский служ. 245
Маматов Кузьма Калистратович, кромский с. б. 86
Мамсик Т. С., историк 360
Мануйлов Петр, беглый крестьянин 35
Мануйловы, семья беглых крестьян 34, 35
Маньков А. Г., историк 225, 362, 277, 380
Мартюхин А., верхотурский письменный голова 32
Марфа (Салтыкова), старица, мать Михаила Федоровича 263
Матвеев Б., тобольский с. б. 128
Матвеев Иван, томский служ. 248
Матвеев Ф., красноярец 299
Матмасов Мугачко, тюменский татарин 185
Матюшкин Никифор, тобольский подьячий 115

Медведев Рычко, туринский паш. кр., пос., ямщик 149, 151
Медведь Матвей, туринский паш. кр., пос. 149, 151
Менлыбаев Канчура, тюменский татарин, служ. 184
Меркулов Дмитрий, тарский стрелецкий сотник 199, 243
Месяцев М., торговый человек 320
Мефодий, архимандрит тобольского Знаменского монастыря 170
Мешков-Плещеев Алексей, березовский в. 242, 277, 278
Мещерский Б. Ф., кн. 113
Мещерский Ф. Н., кн., тарский в. 113, 114
Мещеряковы, семья березовских к. 82
Микулов Федор, мирской староста Демьянского яма 169
Миллер Г. Ф., историк 343, 359, 361, 365, 367, 368, 371—373, 385
Милов Л. В., историк 358
Милюков И. И., тюменский в. 156
Миненко Н. А., историк 25, 75, 374
Минин Кузьма 84, 170
Митрофанов Наум, тарский стрелецкий сотник 244
Митрофанов Ф., томский таможенный голова 363
Михаил Федорович, царь 78, 84, 89, 150, 232, 248, 263, 354
Михайлов О., капитан московских стрельцов 298
Михайлов Поспел, томский дес., пятидес. к. к. 254
Михайловы, семья березовских к. 82
Михеев Г., пышминский крестьянин 45
Многогрешный Василий, ссыльный 295, 297, 366
Многогрешный Демьян, ссыльный гетман 366
Молчанов Степан, ницынский приказчик 36—38
Морев И., туринский в. 195
Мурашкин К., тобольский староста пос. 73
Муруев П., красноярский пятидес. 293
Мусин-Пушкин М. М., туринский в. 149, 151
Мусин-Пушкин П. С., красноярский в. 299
Мухоплев Василий, томский к. к. 247
Мухоплев Данило, томский к. к. 247
Мухоплев Кузьма, томский к. 247
Мякинин Ф. М., красноярский в. 90, 99

Навацкий Самсон, служ. 84
Назаров Богдан, пелымский паш. кр. 207
Нарбеков А. С., нарымский в. 250, 251, 259, 264, 265
Нарышкин А. Ф., тобольский в. 113
Нарышкин Г. Ф., верхотурский в. 45, 51
Нарышкин Иван Кириллович, боярин 34—35
Нарышкина Наталья Кирилловна, царица 34
Нащокин Борис Иванович, тюменский, тобольский в. 185, 375
Недовесков И. И., верхотурский подьячий с приписью 133, 264, 266—269
Некрасов Беляй, томич 247
Некрасов Тимофей, с. б., тюменский приказчик паш. кр. 38, 39, 183, 184, 188, 199, 274
Некрасов Юрко, селенгинский к. 311, 312
Нектарий, архиепископ Тобольский и Сибирский 79, 105
Немчинов Иван, тарский полковник к. 348
Неприпасов Иван, тарский служ. 178
Нестеров Патриш, тюменский крестьянский староста 190
Нехорошков Иван, тюменский общинный староста 38, 274
Никитин Г. Р. (Гаврила Романов), приказчик, московский гость 137
Никитин К., нарымский служ. 249
Никитин Н. И., историк 75, 76, 83, 89, 90, 95, 102, 152, 153, 158, 201, 364—368, 371—373, 375, 376
Николев И. С.,, нерчинский в. 114
Николев И. Ф., стольник, иркутский в. 114, 115, 322, 325, 326, 329
Николев С. Ф., нерчинский в. 114, 301, 302
Никон, патриарх, 338, 345
Новиков И., удинский с. б. 311, 325
Новокрещен Сидор, тюменский к. к. 196
Новосильцев Г. В., енисейский в. 126, 271, 293

Новосильцев И., нарымский служ. 249
Носов Н. Е., историк 6, 9, 10, 14, 357, 358

Обакумов Осип, тюменский оброчный крестьянин 195
Облизанов А.,, илимский служ. 317, 318, 320, 321
Обобуров Богдан, тобольский дьяк 275
Обухов И., енисейский к. 174, 230
Обухов Л. А., илимский в. 88, 138, 166, 334, 335
Овцын Василий Дмитриевич, кузнецкий в. 113
Овцын Дмитрий Васильевич, кузнецкий в. 113
Огарков Дружина, томский подьячий 242, 243
Оглоблин Н. Н., историк 94, 122, 141, 153, 246, 252, 272, 291, 363, 369—372, 378, 380
Огородников В., историк 371
Огризко И. И., историк 370
Одоевский Н. И., начальник Сибирского приказа 94, 95, 262
Окладников А. П., историк 302, 382, 383
Оладьин Б. Д., илимский в. 333, 334, 370
Олексеев Савка, тарский служ. 177, 244, 245
Ондреева Олена, см.: Перфильева Олена Андреевна
Ондронов Дементий, красноярский атаман к. 201
Онофриев Шестак, енисейский к. 239
Орехов Григорий, тюменский к. к. 203
Орлов Григорий Никитич, мангазейский, пелымский в. 130, 131, 235
Орлов Родион, тобольский письменный голова 346
Осколков И., торговец 137
Охера С., к. Ильинского острога 310
Охлопков Ф., сыщик Приказа тайных дел 136, 139
Ошанин Андрей Леонтьевич, енисейский в. 93, 173, 174, 219, 229, 230, 237—240, 272

Павел, митрополит Тобольский и Сибирский 373, 374
Павлов Михаил, тюменский татарский голова 191
Павлов П. Н., историк 370, 384
Павлов Р. М., стольник, верхотурский, мангазейский в. 39, 99, 112
Павлов-Сильванский Н. П., историк 10, 358
Палицын А. Ф., товарищ мангазейского в. 129—131, 162, 276, 380
Пановы, семья березовских к. 82
Парамонов Г., илимский к. 321
Парфентьев М., торговый человек 138
Патрикеев Б. И., государев дьяк 180
Пашков Афанасий Никитич, енисейский в. 67, 113, 114, 120
Пашков Еремей Афанасьевич, товарищ енисейского в. 113, 114
Пежемский Г., илимский служ. 316
Пежемский С., илимский таможенный голова 319
Перфильев И., иркутский с. б. 311, 317, 321, 322, 324
Перфильев Максим, енисейский разрядный подьячий, атаман к. 83, 93, 94, 128
Перфильев Остафий 317, 321
Перфильева Олена Андреевна 93
Песегов Б., красноярский к. 295
Петр I, император 118, 224, 290, 326—328, 337, 338, 346, 348, 349, 355
Петр, тюменский соборный священник 191
Петров А., тобольский подьячий 187, 289
Петров И., енисейский стрелец 174
Пихоя Р. Г., историк 344, 345, 375, 385
Племянников А., енисейский в. 87
Плещеев А. А., см.: Мешков-Плещеев Алексей
Плещеев И. В., тюменский в. 153, 163
Плещеев Л. С., ссыльный дворянин 249, 250
Подрез-Плещеев Г., с. б. 180, 231
Пожарский Д. М., кн. 84, 89, 170
Покровский Н. Н., историк 11, 252, 358, 361—366, 371—381, 384, 385
Полибин Федор Потапьевич, енисейский в. 46, 72, 73, 101, 123, 159, 162, 363
Полтев Н. С. 322
Полтев С., стольник, иркутский в. 322
Полуэктов Василий Иванович, временный тюменский в. 113
Полуэктов Дмитрий Иванович, тюменский в. 113
Полянский Д. Л., думный дьяк 297—299, 314, 321, 326, 382, 384

Попов Кузьма, к. 86
Попов К. Я., жиганский целовальник 138
Попов Н., томский служ. 231
Посельский Максим, удинский пятидес. 308, 309, 311, 315, 325
Поскочин Лев, писец с. 346
Постник-Гагарин Иван Иванович, кн., тобольский в. 187, 275
Постников Ф. М., верхотурский подьячий с приписью 260—262, 264, 269
Похабов Иван, енисейский с. б. 167
Пошехонов Михаил Исакович, тобольский подьячий 279—282
Поярков Василий, письменный голова 162
Преображенский А. А., историк 52, 75, 127, 327, 360—362, 365, 370, 384, 385
Приклонский М. В., стольник, товарищ тобольского в. 114
Прокофьев Елфим, туринский паш. кр. 149
Пронский П. И., кн., тобольский в. 94, 95, 132, 154, 175, 371
Пронштейн А. П., историк 365
Просовецкий Андрей, атаман к. 84
Протасьев А. П., туруханский в. 135
Протасьев П. А., красноярский в. 265
Пушкин В. Н., якутский в. 336
Пушкин Евстафий Михайлович, товарищ тобольского в. 108, 109
Пушкин Иван, см.: Бобрищев-Пушкин И. Г.
Пушников А., ярославский торговый человек 270
Пушников Дмитрий, тюменский к. к. 196
Пущин Федор, томский с. б. 254, 255, 257, 269, 284
Пясталов Галактион, шадринский слободчик 231, 232
Пятово-Насекин Михаил, тюменский к. к. 196

Разин Степан 88, 328
Ревякин И., московский гость 121
Резанов Яков, тюменский с. б. 184, 199, 274, 380
Резун Д. Я., историк 368, 370, 375, 381
Репнин И. Б., начальник Сибирского приказа 110, 124, 321
Рескин Степан, тюменский с. б. 184, 186, 274
Решетников Т., тюменский пос. 196
Ржевский Матвей, томский голова 227, 234
Римский-Корсаков Д. С., красноярский в. 91
Римский-Корсаков Игнатий, митрополит Тобольский и Сибирский 167, 195, 273, 344
Римский-Корсаков Михаил Игнатьевич, енисейский в. 294, 295, 301, 303
Рожин Пяток, пелымский челобитчик 217
Романов Гаврила, см.: Никитин Г. Р.
Романов Иван, верхотурский приказчик 53
Ромодановская Е. К., филолог 77, 364, 365
Ромодановский Иван Иванович, томский в. 99, 243, 247, 248
Ромодановский Ф. Ю., кн. 224
Ростутин И. Р., приказчик Яндинской волости 320
Ртищев Ф. М., боярин 312
Рупышев Ф., илимский пятидес. 319, 320
Русакова Л. М., историк 359
Рыбин-Пронский П. И., кн., тобольский в. 109
Рыбников Г., кежемский приказчик 304
Рязанов Приезжий, атаман тюменских п. к. 96, 153

Сабанский Петр, томский с. б. 162, 233, 285
Сабуров Матвей Владимирович, тобольский письменный голова 279—282
Савва, тарский священник 246
Савелов Антон Тимофеевич, нерчинский в. 300, 301, 315, 326, 327
Савелов Афанасий Тимофеевич, иркутский в. 306—308, 310—315, 321—326, 383
Савельев Таска, крестьянин, 42
Савин Василий, верхотурский соборный священник 259, 261, 263
Савин Г., нарымский служ. 249
Савин Д., красноярский к. 96
Савин Терентий, енисейский пятидес. 237
Садков Г., томский паш. кр. 41
Саламатов Тит, красноярский с. б. 293
Салков Михаил, томский пятидес. к. к. 289
Салтыков Иван Иванович, тобольский в. 110, 262—267, 275

Салтыков М. М., тобольский в. 109
Салтыков С. И., тобольский в. 51, 113
Салтыков Ф. П., енисейский в. 110
Салтыков Ф. С., стольник, товарищ тобольского в. 113
Салтыкова Марфа, см.: Марфа, старица
Салтыковы, боярский род 109
Самсонов И., кузнецкий староста пос. 73
Самсонов К., красноярский с. б. 294
Сапожников Д. И., историк 385
Свешников Ф., нерчинский пятидес. 301
Святешников Надея, московский купец 131
Секерин А. Т., тобольский письменный голова, мангазейский в. 113, 264
Селиванов Замятня, красноярский к. к. 294
Селиванов Михаил, мурзинский мирской староста 39
Семенов Владимир, невьянский староста 43
Семенов Иван (Терентий), старообрядец 350
Семенов С., ницынский крестьянин 49
Семичев Г. Л., тобольский письменный голова 106
Сенотрусов С., пятидес. 307, 309
Сергеев К., нарымский служ. 249
Сергий, архиепископ Тверской и Кашинский 125
Сергий, руководитель скита 348
Сигизмунд, король 84
Сидоров Влас, иркутский житель 167
Симеон Алексеевич, царевич 192
Симеон, архиепископ Тобольский и Сибирский 106, 188, 380
Скворцов С. Л., тобольский письменный голова, 229, 285, 287, 380
Скиба М., запорожский атаман к. 84
Скобельцын И. Л., нарымский в. 249, 250
Скопин-Шуйский М. В., кн. 81, 82
Скрынников Р. Г., историк 6, 364, 365
Смирнов Иван, руководитель скита 348
Смирнов И. И., историк 14
Смирнов П. С., историк 375, 385
Соковнин П. Ф., енисейский в. 334
Соколовский М., пышминский приказчик 35
Соловей Иван, тарский служ. 178
Сорокин М., верхоленский атаман к. 334
Стадухин М. В., к., землепроходец 83
Станиславов Бартош, ротмистр тобольских литвин 94
Станиславский А. Л., историк 78, 365
Стариков Кузьма, туринский пос. 149
Старков Василий, томский с. б. 29, 52, 162, 254
Старцев Евтюшка, красноярский к. к. 294
Сташкеев П., илимский с. б. 318, 321
Степанов Пинай, верхотурский атаман к. 80
Степанов П., пелымский подьячий 28, 115
Столбов А., тюменский подьячий 199
Стрешнев Максим Федорович, верхотурский в. 71, 113, 129, 259—265, 267, 269
Стрешнев Родион Матвеевич, начальник Сибирского приказа 137—139
Стрешнева Евдокия Лукьяновна, царица 259, 263
Строев Андрей, томский дьяк 241, 288
Струнин Борис, тобольский голова п. к. 93
Сулешев Юрий Яншеевич, тобольский в. 26, 47, 59, 62, 96, 109, 118, 131, 204, 206—208, 236
Сунгуров Степан, тюменский паш. кр. 184, 274
Супонев К. О., якутский в. 336
Сытин А. Ф., кузнецкий в. 258
Сытин Галактион, тарский в. 113
Сытин Данило, тарский в. 113

Тамерлан 380
Таракановский Д., селенгинский пятидес. 307
Тарасий, архимандрит тобольского Знаменского монастыря 170
Тасей, тунгусский князец 237
Творогов В., селенгинский к. 308
Телятевский Ф. А., тобольский в. 37, 208, 210, 241
Темкин-Ростовский Михаил Михайлович, кн., тобольский в. 72, 87, 89, 220, 241, 245, 279, 281
Терентьев Д., братский к. 303
Титов Ф., тобольский служ. 163
Тихомиров М. Н., историк 5, 7, 8, 11, 58, 224, 253, 357, 358, 362, 374, 377, 379

Тихонов Д., енисейский служ. 92
Толбузин А. Л., албазинский в. 335
Толбузин Б., ницынский приказчик 36
Топлянин Григорий, тюменский к. к. 196
Трифонов Л., якутский приказчик, сборщик ясака 136
Трубецкой А. Н., тобольский в., начальник Сибирского приказа 48, 85, 94,95, 109, 162, 181, 201, 232, 264, 265, 268
Тугаринов Петр, см.: Федоров (Тугаринов?) Петр
Тупица И., братский пос. 304
Тургенев Дмитрий, тарский в. 113
Тургенев Иван Юрьевич, тюменский в. 185, 375
Тургенев М. Д., тарский в. 113
Тургенев Яков, тюменский с. б. 184, 185, 199, 289, 380
Турчанинов Герасим, ильинский приказчик 306, 308, 310, 311, 315, 326
Тутолмин Ф., временный красноярский в. 296, 297
Тухачевский В. Я., временный мангазейский в. 113
Тухачевский Я. Е., тарский, мангазейский в. 100, 105, 113, 159, 198, 242, 243, 248
Тымка, ясачный князец 230
Тюменцев А., красноярский атаман к. 294
Тюменцев Д., красноярский атаман к. 294, 295
Тюменцев Е., красноярский атаман к. 99, 102

Уваров Ф. Ф., енисейский в. 123
Углев Григорий, тобольский дьяк 275
Уманский А. П., историк 368
Усачко, тобольский служ., татарин 95
Усов Л., белослудский мирской староста 45
Ухтомский П. М., кн., мангазейский в. 135
Учюжников Герасим Симонович, илимский подьячий 318
Ушаков Афанасий, тобольский с. б. 206.
Ушаков И., енисейский винный откупщик, 124
Ушаков Сергей, тюменский с. б. 184, 289
Ушаковский А., чусовской приказчик 53
Ушницкий Кузьма Михайлович, служ. 85
Ушницкий Михаил Яковлевич, подьячий якутской приказной избы 85
Ушницкий Яков, енисейский к. 85

Федор Алексеевич, царевич 192
Федор, дьякон 342
Федор Иоаннович, царь 82
Федоров К., томский подьячий 235
Федоров Логин, белослудский староста 44
Федоров Роман, тюменский дес. 156
Федоров Степан, тюменский с. б. 184
Федоров Степан, тюменский ямской староста 190
Федоров (Тугаринов?) Петр, к., сын Федорова Тугарина 81
Федоров Тугарин, сургутский атаман к. 80, 81
Федотов Завьял, томский дес. к. к. 247
Феодосий, тарский священник 246
Филарет, патриарх 109
Филатов С. В., якутский дьяк 129
Филатьев Остафий Иванович, московский купец 137, 138, 140
Фирсов Василий, тарский к. к. 178
Фирсов Поздей, енисейский стрелецкий сотник 93
Францбеков Д. А., якутский в. 139
Француженин Савва, красноярский служ. 89, 160
Фролов Алексей, туринский служ. 82
Фролов Яков, тобольский к. к. 85, 86
Фык Д., удинский к. 310

Хабаров Ерофей Павлович, землепроходец, 333, 336
Халдей Девятой, томский к. к. 253
Харламко 86
Харя-Шаховской С. И., енисейский в. 103, 128
Хворостов (Хворостинин) С., тюменский дес. к. к. 187, 275
Хилков Василий Иванович, стольник, тобольский в. 187, 275
Хилков И. А. (Большой), тобольский в. 48, 110
Хлопов О. Т., томский в. 69, 240
Хмелевский Павел, ротмистр, затем томский с. б. 84
Хованский Андрей Андреевич, тобольский в. 86, 160, 174

Хованский Иван Никитич, кн. 112
Ходкевич, гетман 84
Ходыкин Максим, тюменский стрелецкий пятидес. 184
Холкин М., соликамский торговый человек 263
Хромцов Сергей Иванович, туринский староста паш. кр. 208
Хрущев Леонтий, временный верхотурский в. 113
Хрущев Ф. Г., стольник, верхотурский, временный тобольский в. 35, 53, 54, 88, 113, 114

Цыпандин И., пятидес. 136
Цысан, монгольский хан 159

Чаплин Иван, мурзинский приказчик 39
Челищев Б. А., стольник, илимский в. 305, 316—322
Челищева Лукерья Яковлевна, жена Челищева Б. А. 317
Черевов Н., выборный староста томских паш. кр. 29
Черепнин Л. В., историк 4, 6, 7, 11, 357, 358
Черкас Александров, см.: Александров Черкас
Черкасов Дмитрий, тобольский к., с. б. 98, 154, 160
Черкасский Д. М., кн., начальник Сибирского приказа 94
Чермной Яков, атаман березовских к. 170
Черниговский Никифор Романович, ссыльный 88, 334, 335
Черниговский Ф., иркутский с. б. 313
Чернояр И., томский к. к. 287
Черный Григорий Иванович, с. б., ротмистр тобольских литвин 94
Чертопруд А., атаман к. 87
Чижов Аггей, томский дес. к. к. 241, 247, 289
Чистяков О. И., историк 6
Чистякова Е. В., историк 246, 248, 252, 357, 374, 378, 379
Чичерин Б. Н., историк 55, 110, 116, 117, 362, 369, 370
Чоглаков С. А., тюменский в. 189, 375
Чолгоков В. Ф., сольвычегодский в. 63
Чужанин Л., селенгинский выборный 325
Чукля Яков, тюменский оброчный крестьянин 196

Шадрин Тимофей, тюменский к., есаул 188, 190, 271
Шангин С., илимский подьячий 318
Шапкин М. Д., писец Ивана III 12
Шаховской И. Ф., кн., томский в. 68
Шаховской С. Н., енисейский в. 135
Шаховской Ю. И. 98, 160
Шашков А. Т., историк 344, 385
Шелешпанский С. И., кетский в. 98
Шемянский В., иркутский дес. к. 306
Шереметев В. Б., тобольский в. 268
Шереметев П. В. (Большой), тобольский в. 110
Шестаков С., иркутский с. б. 324
Широкий Иван, торговый человек 137
Широковский В., ницынский староста 48
Шишкин В. Ф., нарымский в. 113
Шишкин С., тобольский подьячий 343
Шишкин Федор Григорьевич, томский в. 241, 288
Шишкин Ю. Ф., стольник, туруханский, иркутский в. 115
Шмидт С. О., историк 6, 14
Шодюр Гаврила, староста томской общины пос. 68, 69, 240
Шоломов Федор, тарский к. 85, 175—177, 243—246
Шорохов Л. П., историк 166, 168, 169, 373, 374
Шуйский Василий, царь 81, 82
Шульгин В., тобольский с. б. 135
Шульгин И., тобольский с. б. 236
Шульгин П., торговый человек 137
Шульгин П. Я., нерчинский в. 335
Шунков В. И., историк 27, 30, 37, 57, 75, 102, 108, 142, 359—362, 368, 372

Щелинин Иван Семенович, енисейский дес. к. 239
Щербатый К. О., енисейский в. 110, 293
Щербатый Осип Иванович, кн., томский в. 73, 98, 123, 133, 143—145, 157, 179—182, 197, 202, 211, 217—219, 221—223,

229, 231—233, 246, 248, 252—257, 269, 272, 284—288, 376, 379, 381

Элерт А. Х., историк 343, 359, 385

Юрлов Третьяк, красноярский служ. 160, 169
Юрьев Некрас, туринский окладчик 209
Юшков С. В., историк *5*, 357

Языков С. А., кузнецкий в. 34, 169, 316
Яков (Исаков), нарымский священник 249—251
Яковлев А., селенгинский священник 312
Яковлев К. А., стольник, енисейский в., товарищ тобольского в. 114
Яковлев Ф., ницынский крестьянин 36
Яльцев Никита, голова тюменских стрельцов и к. 184—187, 189, 274, 289
Янель З. К., историк 20, 358
Ярлыков И. И., тюменский в. 153
Ярмолин Никифор, тюменский есаул 190

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. **Общинные организации крестьян и посадских людей** 22

Глава II. **Организация сибирских служилых людей («войско»)** 75

Глава III. **Воеводское управление** 107

Глава IV. **Сотрудничество власти и миров** 141

Глава V. **Конфликты миров с воеводской властью** 171

1. Создание челобитных ..... —
2. Мирские жалобы на воевод 193
3. Основные этапы борьбы 234
4. Следствие 272

Глава VI. **Борьба за самоуправление в конце XVII в.** 290

Глава VII. **Уход от воеводской власти. Старообрядцы.** 329

Заключение 351

Примечания 357

Список сокращений 386

Именной указатель ..... —

Научное издание

Александров Вадим Александрович
Покровский Николай Николаевич

ВЛАСТЬ
И ОБЩЕСТВО
СИБИРЬ в XVII в.

Редактор издательства *Т. Б. Мелкозерова*
Художник *И. А. Синегубова*
Технический редактор *С. А. Смородинова*
Корректоры *Г. И. Шведкина, Т. Ф. Погиблова*

ИБ № 42602
Сдано в набор 27.12.90. Подписано к печати 21.08.91. Формат 84 x 108 1/32. Бумага кн.-журнальная. Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 21. Усл. кр.- отт. 21,1. Уч.- изд. л. 23. Тираж 950 экз. Заказ № 560. Цена 4 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». Сибирское отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука». 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.